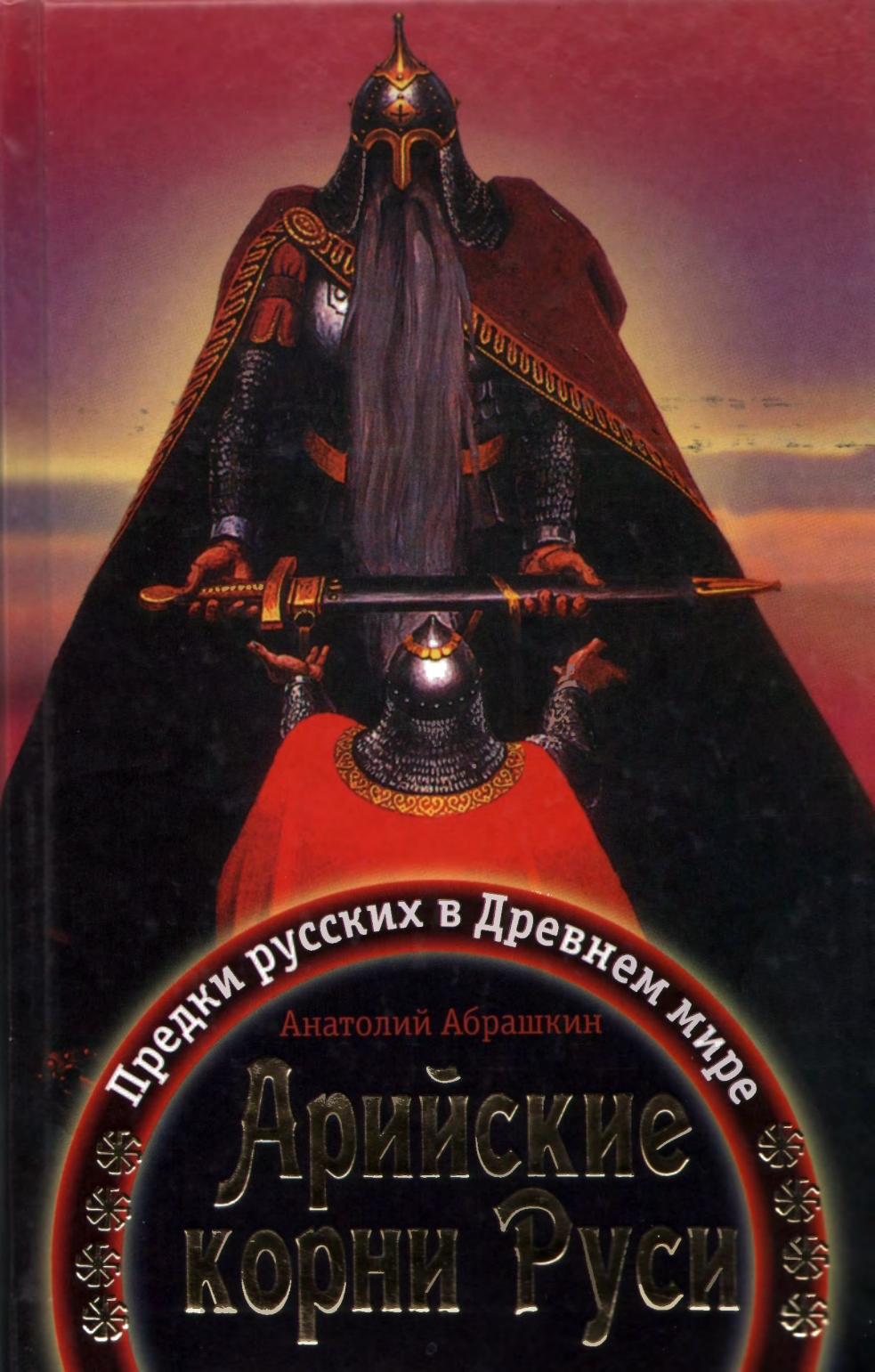


Предки русских в Древнем мире

Анатолий Абрашкин

Арийские корни Руси

Анатолий Абрашкин

Арийские корни Руси

Предки русских в Древнем мире

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2009

ББК 63.3
А 16

Оформление серии художника *С. Ляха*

Абрашкин А. А.

А 16 Арийские корни Руси. Предки русских в Древнем мире / Анатолий Абрашкин. — М. : Яуза ; Эксмо, 2009. — 480 с. — (Русские корни).

ISBN 978-5-699-32690-7

Эта книга перевернет все ваши представления о прошлом.

Это — радикальный пересмотр места и роли русской нации в историческом процессе.

Это — подлинная предыстория Руси.

Автор возводит этноним «русы» («росы») к имени исполнителей религиозных гимнов в арийской традиции, прослеживая происхождение русского народа с момента выделения ариев из среды индоевропейских племен в V—IV тысячелетиях до н.э. и вписывая древнерусскую историю в контекст общемирового развития начиная с эпохи Шумера и Древнего Египта.

В книге подробно рассмотрены родословные русских богов (Бабы-Яги, Ярилы, Коляды, Ивана, Марьи и др.) и мифологические параллели, обозначавшие маршруты расселения ариев, а также многие спорные вопросы образования Русского государства, предыстории Киевской и Азовской Руси, хазарской проблемы и пресловутой «норманнской теории».

ББК 63.3

ISBN 978-5-699-32690-7

© Абрашкин А. А., 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

О России петь — что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...

О России петь — что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь — что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным
быть.

И. Северянин. Запевка

От автора

Название данной книги требует некоторых пояснений. Поскольку в центре рассмотрения будет история языческой (или дохристианской) Руси, то понятие «Древний мир» в нашем исследовании имеет более широкое, нежели принятое, толкование и вмещает в себя время до X века включительно.

Другое важное уточнение касается использования в названии книги прозвища «русские». Этноним «росы» («русы») мы возводим к имени исполнителей религиозных гимнов у древних ариев (понятие «rsi» в Ведах). Согласно нашей концепции, русские — это потомки ариев, следующие их духовным заветам, и начинать изложение древнерусской истории следует с момента выделения ариев из среды других индоевропейских народов приблизительно в V—IV тыс. до н.э. Сколько-нибудь полная история ариев еще не написана, а относительно их самих известно весьма ограниченное число фактов. Так, считается общепризнанным, что арийская общность сформировалась где-то на просторах Русской равнины, а впоследствии ряд арийских племен мигрировал в Северную Месопотамию, Индию и Иран. Но все ли арии покинули землю своей прародины, и ограничились ли пути их миграций только этими тремя «направлениями»? Поиску ответов на эти

и связанные с ними вопросы, собственно, и посвящена предлагаемая книга.

В первой ее части рассматриваются родословные исконно русских богов и указываются земли и народы, среди которых укоренились эти божества. Найденные мифологические параллели «пунктиром» обозначают маршруты следования древних русов (ариев), и ведут они, как оказывается, не только на юг и юго-восток, но и на запад — в Европу, и на юго-запад — в страны Средиземноморья. Во второй части книги существование такого рода миграций подтверждается на основании анализа исторических источников. И, наконец, в последней, третьей части подробно изучена предыстория образования Киевской Руси — как потомки некогда покинувших свою прародину ариев возвращались в родные «пенаты». Автором впервые предпринята попытка рассмотреть историю русов как отдельной и от славян, и от других индоевропейцев «семьи» племен. Такой взгляд позволяет, во-первых, встроить древнерусскую историю в рамки общемирового исторического процесса, начиная со времени существования цивилизаций Египта и Шумера, а во-вторых, по-новому осветить спорные вопросы образования Русского государства (в частности, норманнскую проблему и вопрос об Азовской Руси).

Часть I

Дорогами русских богов

Моему сыну Дмитрию

Глава 1

О метаистории, русском духе и перевозчике Кие

> А слово корабль, заметьте, произвожу я от короба, а короб от коробить, а коробить от горбить, а горб от горы; какие-то подкидыши-этимологи производят корабль от какого-то греческого слова, которого я не знаю, да и знать не хочу, но это напраслина, это ложь, это клевета, выдуманная каким-нибудь продавцом грецких орехов...
>
> *А.А. Бестужев-Марлинский*

Первые, признаваемые за достоверные, исторические сообщения о росах (русах) принадлежат писателям раннего Средневековья. Готский историк VI в. Иордан засвидетельствовал, что уже в середине IV в. в Причерноморье жили росомоны. В готской среде слово «росомоны» (вариант «росоманы») означало «люди рос». Современный Иордану сирийский автор указал на существование «народа рос» северо-западнее Азовского моря, в районе Среднего Поднепровья. Именно в эту область согласно «Повести временных лет» в VI—VII вв. переселилось со своей дунайской прародины славянское племя полян. Вместе с обитавшими здесь росами они составили ядро будущего государства и стали впоследствии прозываться русью.

Авторы VI—X вв. и наши летописцы не смешивали росов и славян. Если волна переселений с берегов Ду-

ная была чисто славянской, то следующая, накатившая в IX веке с берегов Балтики, была уже по преимуществу русской. Варяги-русь, или балтийские русы, не только осваивали новые земли и не только выполняли, если верить легенде, волю призвавших их племен. Они объединились с потомками причерноморских росомонов, своими кровными братьями. Но как, когда и где раскололся некогда единый этнос?

Русы Средневековья предстают сильным и хорошо организованным народом. Византийские писатели упоминают об их неоднократных нападениях на Константинополь, в жестоком противостоянии росы одолевают Хазарский каганат. Арабы знают их как смелых и предприимчивых торговцев, а славянские и угрофинские племена — как последовательных строителей многонационального государства. Опыт таких народов копится не веками, а тысячелетиями. Очевидно, упоминания о прямых предках русских встречаются и в сочинениях античных авторов, и в мифах других народов, но выведены они там под другими именами.

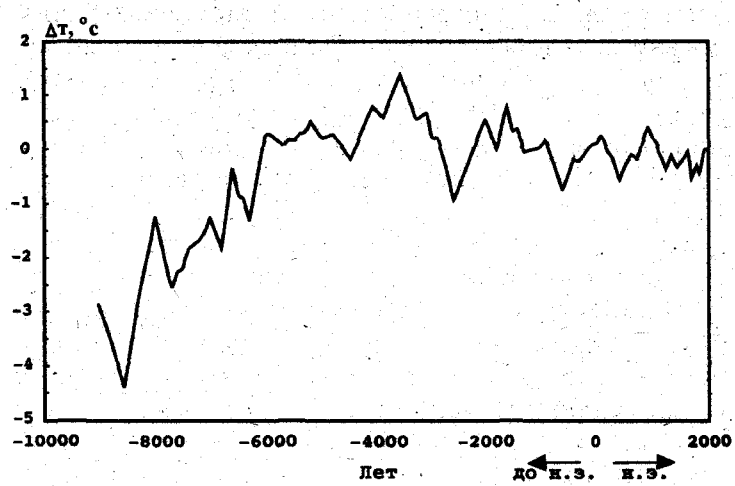
Григорий Климов в автобиографической книге «Песнь победителя» написал: «В оккупированной Германии все как один русские солдаты и офицеры неожиданно стали употреблять слово «Россия». Это получилось автоматически. Иногда мы по привычке говорили — СССР, затем поправляемся — Россия. Нам это самим странно, но это факт». И факт впечатляющий. Нашим воинам чудесным образом открылось, что название их Отечества должно звучать так же, как много веков назад, что СССР — лишь искусственно составленная аббревиатура, а слово «Россия» заключает в себе какую-то незримую силу. Можно представить, как удивились бы они, если бы кто-нибудь стал всерьез доказывать им, будто имя их державы заимствовано, например, у скандинавов. Нет, корни нашего родового имени, безусловно, русские, только, чтобы отыскать и

указать их, надо действительно заглянуть и в отдаленные земли, и в далекие времена.

О древности русского народа писали многие авторы, начиная с летописца Нестора. Наш знаменитый историк Василий Никитич Татищев (1686—1750), ссылаясь на древних авторов, сообщал, что ранее русские и славяне жили в Сирии и Финикии, где по соседству могли свободно иметь еврейское, египетское или халдейское письмо. Перейдя оттуда, они обитали в Пафлагонии (область в Малой Азии на южном берегу Черного моря), а во время, приблизительно соответствующее Троянской войне, переправились в Европу. Другой наш выдающийся соотечественник — Александр Дмитриевич Чертков (1789—1853), уникально образованный человек, знаток древних языков, обладатель одного из самых дорогих в России собраний книжных, рукописных и нумизматических редкостей, в цикле своих работ указал на языковое и этнокультурное сродство между славянорусами и древними народами Средиземноморья — пеласгами (первопоселенцами в Греции), фракийцами (Фракия — область на юго-востоке Балканского полуострова) и проживавшими в I тыс. до н.э. на территории Италии этрусками. Однако открытие ученого-романтика, которого с полным основанием можно сравнить с Генрихом Шлиманом, не стало событием в отечественной и мировой историографии. Историки-профессионалы не могут даже допустить мысли об участии предков русов и славян в событиях античных времен. Алексей Степанович Хомяков (1804—1860) по этому поводу писал: «Познания человека увеличились, книжная мудрость распространилась, с ними возросла самоуверенность ученых. Они начали презирать мысли, предания, догадки невежд; они стали верить безусловно своим догадкам, своим мыслям, своим знаниям. В бесконечном множестве подробностей пропало всякое единство... Много-

ученость Александрии и Византии затемнила историю древнюю, а книжничество германское наводнило мир ложными системами. В наше время факты собираются со тщанием и добросовестностью, системы падают от прикосновения анализа. Но верить существованию антиподов или отвергать древность книг ветхозаветных, верить рассказам о Франке и Брите или тому, что все десятки миллионов славян вышли из одного уголка Придунайской земли, — равно смешно».

Можно только было посочувствовать академику Рыбакову и его современным последователям, которые пытаются «втиснуть» древних росов в границы одной ограниченной области, будь то берега реки Рось или ареал славянской прародины. Указанные пределы для русского народа неизменно оказываются маловаты. И мы здесь совсем не уникальны. Точно такие же трудности возникают при изучении всякого народа, который пережил длительные (во времени и в пространстве) миграции. Современная историческая наука пока еще не выработала по-настоящему плодотворных методов анализа глобальных перемещений племен. К примеру, не будь текстов «Вед», ученые ни за что не признали бы, что арии пришли в Индию из южнорусских степей: слишком невероятным кажется такой переход, и нашлись бы тысячи оттоворок в пользу местного саморазвития индийцев! Проблема миграции древних племен станет в будущем отдельной областью исторических исследований. Писатель В.И. Щербаков даже придумал ей название — метаистория, именно ей суждено открыть подлинную картину взаимодействия различных культур и народов. Русские и славяне являются частью индоевропейской исторической общности. Ее составляют народы, говорящие на языках индоевропейской группы. Некогда семья индоевропейских племен была едина. О конкретном месте их прародины ученые до сих пор спорят, но уверенно можно ска-



Аномалии среднегодовой температуры Северного полушария за последние 11 000 лет (в отклонениях от нормы 1951—1980 гг.)

зать, что располагалась она на территории Европы. На рисунке приведен график изменения среднегодовой температуры Северного полушария за последние 11 000 лет (в отклонениях от нормы 1951—1980 гг.). Из него видно, что в середине IX тыс. до н.э. среднегодовая температура упала до наинизшей отметки. В следующие 4,5 тысячи лет она в среднем повышалась, но в период с IV до середины III тыс. до н.э. среднегодовая температура снова скакнула на 3 градуса вниз. Итак, в рассматриваемое время существовало два периода значительного похолодания в Северном полушарии. Они удивительным образом совпадают по времени с оживлением жизни в южной части планеты. В первом случае, как убедительно доказал в серии фундаментальных работ археолог В.А. Сафронов, ранние праиндоевропейцы уже в VIII—VII тыс. до н.э. не только обосновались в Малой Азии (поселение Чатал-Гуюк на

полуострове Анатолия), но также проникли на Ближний Восток (культурный слой Иерихона Б, стоянка Бейда на юге Иордании). Вторая мощная волна переселения индоевропейцев совпала по времени с возникновением древнейших цивилизаций в Египте, Шумере и чуть позже — в Индии. Это конечно же не случайно. Индоевропейцы принимали участие в их создании!

Но как в огромном массиве индоевропейских племен разглядеть следы древних росов? Каковы наши отличительные признаки? Эту тему в свое время обстоятельно обсуждали русские писатели и философы. А.С. Хомяков особо обращал внимание на то, что русский народ относится к земледельческим, а не завоевательным народам. Народы завоевательные по первоначальному своему характеру сохраняют всегда чувство личной гордости и презрение не только ко всему побежденному, но и ко всему чуждому. Таковы монголы, кельты, турки. Победители, они угнетают порабощенных и не смешиваются с ними; побежденные, они упорно противятся влиянию победителей и хранят в душе инстинкты, зарожденные в них веками старинной славы.

Народы земледельческие, в противовес им, ближе к общечеловеческим началам. На них не действовало гордое волшебство победы; они не видали у ног своих поверженных врагов, обращенных в рабство законом меча, и не привыкли себя считать выше своих братьев, других людей. От этого они восприимчивее ко всему чужому. Им недоступно чувство аристократического презрения к другим племенам, но все человеческое находит в них созвучие и сочувствие.

Германец во всех странах света сохраняет иллюзию своего благородного происхождения и живет между иноземцами в гордом одиночестве. Ни один англичанин не знает наречий кельтических, а ведь в Англии (с

Шотландией и Ирландией) кельты составляют едва ли не половину населения. Американцы в Соединенных Штатах и испанцы в своих южных владениях никогда не говорили языком краснокожих. Мадьяр и немец венгерский также старались не пользоваться языком своих угнетенных народов, словаков, и даже уравновешенный толстяк болот Голландии неизменно смотрел в своих колониях на туземцев, как на племя, созданное Богом для служения и рабства, как на человекообразного скота, а не человека. Для русских и славян такая гордость непонятна. Словак почти всегда говорит свободно по-венгерски и по-немецки. Русский смотрит на все народы, проживающие в пределах своего северного царства, как на братьев своих. Сибиряки во время вечерних бесед часто употребляли язык своих кочевых соседей, якутов и бурят, лихой казак Кавказа брал жену из аула чеченского, крестьянин женился на татарке или мордовке. Русские называют своею славою и радостью правнука негра Ганнибала, тогда как свободолюбивые проповедники равенства в Америке отказали бы ему в праве гражданства и даже женитьбы на белолицей дочери прачки немецкой или английского мясника.

Нашим западным соседям смирение наше кажется унижением, многие из наших соотечественников желали бы видеть в нас начала аристократические и родовую гордость германскую, надеясь найти в них защиту от влияния иноземного и будущее развитие гражданской свободы (на манер американский или, в крайнем случае, европейский). Но чуждая стихия не срастается с русским духовным складом. Мы были и всегда будем истинными демократами между прочих семей Европы; мы будем представителями чисто человеческого начала, благословляющего всякое племя на вольную жизнь и самобытное развитие. В нас невозможно вселить то чувство, тот лад и строй души, из ко-

торого развиваются аристократизм, родовое высокомерие и презрение к людям и народам. Это невозможно, этого не будет.

Но самая способность сочувствовать всем видам человеческого развития, принимать впечатления внешние и сживаться с жизнью иноплеменников лишает земледельца упорного характера личности, неизменно сохраняющей свои первоначальные черты. Борьба их против стихии менее уступчивой и менее гибкой кончается почти всегда уступкою врожденных коренных стихий. Тот, кто охотно говорит на языке чужом, легко забывает свой собственный язык. Тот, кто принял язык чужой, принял в себя волшебную силу чужой мысли, воплотившейся в звуки: но отдал душу свою под вечную опеку; он заковал ее в невидимую, но нерасторгаемую цепь; он схоронил всю свою старую жизнь, нравственную, умственную и бытовую. Из этого можно сделать вывод о нелепости системы, заставляющей теперешних русских и славян возникнуть из перерождения германца, финна или шведа.

Стоит напомнить, что весь северо-восток Германии до Эльбы был славянский на памяти человеческой, что германское завоевание не могло быть и, как известно, не было истреблением народа, но порабощением его; а между тем где же следы славянства? Их почти нет. Все народонаселение переродилось, и теперь отрицалось бы былое славянство всего края, если бы память о его покорении не была так свежа. А этот край — целая треть Германии, и даже более. Между тем финн, татарин и немец на земле Русской хранят свой быт, свою физиономию и свой язык. Вот ясные и согласные с нашей теорией факты.

Поэтому смешно и нелепо будет говорить о переливе чужого племени в славянскую форму. И когда исследователь найдет следы славянства в именах урочищ, рек, городов и прочем в странах, не представляющих

других славянских примет, он не позволит себе пустого вопроса: «Как могли они переродиться?» Они переродились потому, что таков их характер плебейский, труженический, чисто человеческий, готовый ко всякому развитию, способный воспринять всякую форму, но не охваченный еще резкою чертою личности неизменной.

Из того, что народ земледельческий легко принимает весь образ своих завоевателей и уступает им отличительные черты собственного быта, не должно думать, однако, чтобы дух народный погибал без следа.

Во всяком случае, в отношении русского народа это, несомненно, так. У каждого народа есть та «изюминка», которая выделяет его и служит как бы «визитной карточкой» нации. Сложились даже устойчивые выражения — «английский джентльмен», «немецкий порядок», «ирландское упрямство» и т.д. Что касается нас, то иностранцы не устают удивляться загадочной русской душе. Вот тайна для них за семью печатями: их поражает и открытость русских, их доверчивость и простодушие, и способность жертвовать своими кровными интересами. О последнем следует сказать особо.

Русскому человеку не свойственен национализм. Он решительно не хочет объединяться по принципу кровного родства. Ни одна русская партия не имела и не имеет сколько-нибудь весомого политического влияния. С момента создания Русского государства русские по отношению ко всем другим народам выступали в качестве старшего брата. Они всегда брали на себя выполнение самых тяжелых задач. Национализму, успешно процветавшему у братьев-славян (особенно на окраинах империи), балтов, татар и других народов, русские противопоставили свою особенную национальную идею, которая, с легкой руки Ф.М. Достоевского, стала называться русской. Как прямая противоположность племенному эгоизму, русская идея

предполагает любовь и сочувствие ко всем народам земли. В своей знаменитой Пушкинской речи Достоевский прекрасно определил ее как «всемирную отзывчивость русского человека». Все самые крутые перемены в русском общественном сознании за последние пять веков — реформа Никона, петровские преобразования, большевистская революция и «демократический» переворот — были актами национального самоотречения. В каждой из этих перестроек национально ориентированные силы терпели сокрушительное поражение. Но победа чужеродных идей была предопределена, в том числе и заложенным в русских стремлением вжиться в новую, неведомую для них традицию. «Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силою братства и братского стремления к воссоединению людей» (Ф.М. Достоевский). И то, что на пути к этому русские неминуемо жертвуют своими национальными интересами, уже никого не должно удивлять. Это не проявление слабости. Такова наша историческая миссия, таков путь русской идеи.

Обо всем этом Хомяков горячо и страстно написал (ранее Достоевского) в своей прекрасной книге «Семирамида», некоторые положения которой мы воспроизвели чуть выше. Эту книгу по праву следует признать «азбукой» метаистории. Хомяков попытался взглянуть на историю человечества с единых позиций, вплести судьбы отдельно взятых цивилизаций в общий процесс развития общества и, наконец, выделить в этом многонациональном мире движение отдельных племен и народов. Путь русских и славян он предложил угадывать, скорее, сердцем, чем разумом. Наш путь — это привнесение в душу каждого иноплеменника духа любви ко всем людям на земле. Русских всегда можно отличить по тому, что они сплачивают вокруг себя другие народы, наш удел — строительство империй, где каждое племя имеет равные права и возможности с

русскими. Мы — идеалисты, равных которым нет в мире, мы — не от мира сего, мы все еще грезим и мечтаем об утраченном «золотом веке» человечества, когда оно жило счастливо единой семьей, и не было ни войн, ни раздоров. Отсюда и сказки о нежданно свалившемся богатстве, и маниловские «прожекты», и обломовское миросозерцание. Русские бессознательно хранят в себе память о времени былого единства всех людей (а не только его индоевропейской «составляющей») — вот наше коренное отличие от других народов. Но, признавая этот факт, можем ли мы объяснить, где истоки «нашей всемирности»? Откуда есть пошла русская идея?

Обычно для объяснения такой исключительности русских указывают, следуя славянофильской традиции, на особое влияние православия. Но такую точку зрения едва ли можно серьезно обосновать. В самом деле, почему явление всемирной отзывчивости не наблюдается у других православных народов? Или еще одна неразрешимая в свете этой версии загадка: неужели наш народный дух переменился с принятием христианства? Правильней утверждать как раз обратное: древнерусская языческая стихия так повлияла на новую религию, что она усвоила и приняла каноны русской жизни, а значит, и истоки формирования нашего самосознания следует искать в истории дохристианской Руси.

Религия — наиболее яркое воплощение души народной. Боги народа — отражение его миросозерцания и отношения к жизни. К примеру, у германцев верховный бог Один представлялся в виде воина, у русских же высшим божеством служил Род — символ плодородия и любви. Разве не выражают они основополагающую линию в характерах двух великих народов? «Впрочем, лицо мифическое не всегда представляет собою характер того народа, которого воображением оно создано. Переходя в другой мифологический

мир, оно к прежнему своему значению присоединяет еще новый характер, зависящий от народа-изобретателя и народа, принявшего чуждое божество. Когда племя шло на брань со знаменами с изображением своего невидимого покровителя, устрашенный неприятель принимал в свой Олимп грозное божество и старался не только умилостивить, но и переманить его на свою сторону» (*Хомяков А.С.* Семирамида). Интереснейший момент — по судьбе богов можно следить за борьбой и перемещениями народов. Принятие чуждого бога в свой пантеон — процесс вынужденный. Он обозначает факт присутствия на данной территории народа-завоевателя. Таким образом, распространение культа того или иного бога совпадает с направлением миграции поклоняющегося ему народа. Вот наугад выбранный пример.

В «Повести временных лет» имеется неясное для комментаторов упоминание о том, что первопредок киевлян Кий был перевозчиком на Днепре. Летописцу это предание тоже невдомек, поэтому он пишет: «Однако если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, как говорят». Странная выходит ситуация: о первом князе, основателе города и династии, сохранилось всего два обрывочных воспоминания, и потому каждое из них должно нести какую-то очень важную информацию. Но заслуживающим внимания, на первый взгляд, кажется только упоминание о походе на Царьград. Сам по себе это факт огромной важности, он указывает, что Русь изначальная соперничала с Византией. Легенда же о перевозчике выглядит каким-то недоразумением, противоречием здравому смыслу. Но неужели наши предки были настолько легкомысленны, чтобы в течение нескольких веков из уст в уста передавать совершенно бессмысленную информацию? Удивительно, что ни один историк не задумался над

этим. А разгадка этой легенды, прямо скажем, необычная.

В шумеро-аккадской мифологии Ки — один из верховных богов. Шумерцы называли его Эн-ки — Божественный Ки, а аккадцы — Хайа (Эйа). Ки — хозяин Мирового океана пресных вод, а также поверхностных земных вод. Этому богу чрезвычайно подходит роль хозяина реки (в просторечье перевозчика). Но это лишь одна из его функций. Он также бог мудрости и защитник людей, бог плодородия, носитель культуры и создатель мировых ценностей. Ки сотворил людей и в человеческой истории выступает хранителем основ цивилизации. Но и в русской летописи говорится, что Кий — первопредок! В мифе «Энки и Шумер» наш герой выступает как устроитель земного порядка на земле. Он отправляется в путешествие по земле, оплодотворяет ее и «определяет судьбу» городам и странам. Ки — символ мужского начала. Некоторые исследователи утверждают, что русские своим самым знаменитым матерным словом (сравни: Ки — кий, куй) поминают именно этого бога! Вот зримое проявление связи времен: несколько искаженное имя бога стало ругательством, но образ, связанный с ним и ясно выражающий идею оплодотворения, предельно точно характеризует важнейшую роль бога-творца как зачинателя жизни.

Образ бога Ки восходит к тому далекому времени, когда индоевропейские народы были еще единой семьей. Мигрируя по планете, они приносили свои мифы в самые отдаленные ее уголки. Вот почему «следы» бога Ки (Кия) обнаруживаются и в Поднепровье, и в Междуречье. Это следствие глобальных перемещений народов в древности. Находки археологов неопровержимо доказывают факт присутствия индоевропейцев в Шумере, поэтому воссоздание изначальных представлений о нашем мифическом первопредке более чем

оправданно. К тому же одна из ассирийских клинописных табличек, найденных в Месопотамии, открывает подлинный смысл предания о перевозчике.

Табличка содержит рассказ человека по имени Ут-напиштим о том, как он и его супруга достигли бессмертия. Согласно ему, однажды боги решили покарать людской род и уничтожить все живое на земле, ниспослав страшный потоп. И лишь гуманный бог Хайа (Ки), который присутствовал на этом совете богов, решил предупредить благочестивого Ут-напиштима о грозящей опасности. Ки приблизился к построенному из ветвей, камыша и глины домику Ут-напиштима в городе Шуруппаке. Дуновением ветра донесся его шепот: «Слушай, стена, слушай! Ты, человек из Шуруппака, построй себе корабль, брось свое имущество и спасай свою жизнь! Возьми с собой на корабль немного семян всех живых существ!..» Потом добрый бог Ки рассказал, каким должен быть корабль. И Ут-напиштим построил огромный ящик с крышкой, который был разделен на несколько этажей и отделений. Он тщательно прошпаклевал этот ковчег горной смолой и погрузил на него своих домочадцев, свои пожитки и скот.

Когда хлынул дождь, Ут-напиштим сел в ковчег и закрыл дверь. Началась буря. Засверкали молнии, загрохотал гром, кругом все потемнело, и страшный ливень обрушился на землю. Шесть дней и ночей продолжалось светопреставление. Когда же все утихло, Ут-напиштим открыл окна и увидел остров. Это была вершина горы Нисир, восточнее Тигра. Спустя еще шесть дней Ут-напиштим выпустил голубя. Тот вернулся. Потом улетала ласточка, но и она возвратилась. В конце концов был выпущен ворон, который уже не вернулся назад. Ут-напиштим понял, что это знак ему покинуть ковчег и вступить на землю, которая уже подсыхала.

Он освободил из ковчега животных и на вершине горы принес благодарственную жертву богу.

Древние шумеры, как и средневековые русичи, считали себя потомками великого бога Ки. В незапамятные времена им пришлось пережить катастрофу, отраженную в рассказе Ут-напиштима. С той эпохи и сохранялась легенда о божестве-перевозчике, спасшем людей своим своевременным советом. История, рассказанная Ут-напиштимом, аналогична библейскому преданию о Всемирном потопе. Ут-напиштим — это вавилонский Ной, а Иегова, наставляющий последнего, играет роль бога Ки. Миф о потопе — бесспорное доказательство произошедшей некогда массовой миграции предков индоевропейцев (праиндоевропейцев) с севера на юг. В их числе были и предки русских. Наша история, таким образом, охватывает не только земли Европы и современной России, но также Средиземноморье, Ближний Восток и Вавилон. Найдем же в себе мужество и смелость поговорить о подлинной (а не безбожно урезанной) истории русского народа.

Глава 2

Баба-Яга — Великая богиня

От зноя травы сухи и мертвы.
Степь — без границ, но даль
синеет слабо.
Вот остов лошадиной головы.
Вот снова — Каменная Баба.

Как сонны эти плоские черты!
Как первобытно грубо это тело!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мне улыбаешься несмело.

О дикое исчадье древней тьмы!
Не ты ль когда-то было
громовержцем?
— Не бог, не бог нас создал. Это
мы
Богов творили рабским сердцем.

И. Бунин. Каменная Баба

Русские сказки сохранили чрезвычайно яркий и запоминающийся образ Бабы-Яги. В большинстве сюжетов она предстает в обличье ведьмы — старой и злой старухи-колдуньи, пытающейся всячески навредить герою. «Баба-Яга или Яга-баба — сказочное страшилище, большуха над ведьмами, подручница сатаны. Баба-Яга костяная нога: в ступе едет, пестом погоняет (упирается), помелом след заметает; она простоволоса и в одной рубахе, без опояски; то и другое верх безчиния» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка). Но сквозь этот «негатив» просвечивают и совсем иные ее качества. Так, сказка нередко повествует

о трех вещих сестрах (Бабах-Ягах), изображая их хотя и сварливыми, но добрыми и услужливыми старухами: они предвещают страннику, что ожидает его впереди, помогают ему мудрыми советами, дают богатырского коня, клубок, указывающий дорогу в неведомые страны, ковер-самолет и другие диковинки. Кстати, русское слово «ага» есть один из вариантов произнесения имени богини (сравни яга=йагагага) и означает оно согласие («да», «так», «конечно», «ладно»). Таким образом, изначально Баба-Яга обладала не только отрицательными, но и многими положительными качествами. Точнее говоря, образ Бабы-Яги возник в те далекие времена, когда добро и зло еще не персонифицировались.

Археологи нашли множество женских статуэток, относящихся ко времени каменного века — палеолита (35—15 тыс. лет до н.э.) и неолита (8—3 тыс. лет до н.э.). Эти находки дают основание полагать, что в те эпохи женское божество считалось главенствующим. Такое предположение находит подтверждение в искусстве Древнего Крита, а также в дошедших до нас текстах древних греков, римлян и египтян, где верховное женское божество именуется Великой богиней (или Великой матерью). Самая древняя скульптура Великой богини была найдена на месте палеолитического поселения в Восточной Сибири (его возраст 34 тысячи лет). Она представляет рожающую женщину с птичьей головой и высунутым языком. Образ богини-птицы, по-видимому, следует отнести к числу наиболее архаичных воплощений Великой богини. Человекоподобные образы богов приходили на смену зооморфным, но не всегда их замещение было полным. В частности, так произошло с Бабой-Ягой, у которой «костяная (т.е. птичья) нога» и длинный (т.е. птичий) нос. Да и проживает бабушка в избушке на курьих ножках (здесь на форму жилища переносятся черты его

хозяина), а метлу, на которой она так лихо летает, следует признать поэтической метафорой хвоста. Эти сохранившиеся у Яги черты животного подчеркивают древность ее образа.

Представление о хозяйке избушки на курьих ножках как о птице-деве наводит на мысль, что изначально Баба-Яга уподоблялась птице, которая снесла и высидела мировое (космическое) яйцо. В мифопоэтической традиции самых разных народов оно осмыслялось как начало всех начал, прообраз космоса и его отдельных частей. Славяне, к примеру, верили, что весь мир подобен огромному яйцу: скорлупа — это небо, пленка — облака, белок — вода, желток — земля. В русских сказках яйцо выступает магическим предметом (оберегом). Оно может заключать в себе царства (медное, серебряное или золотое), хранит пропавшую любовь царь-девицы, жизнь Кощея или волшебное семечко, от которого тает хрустальный дворец и освобождается царевна. Сохранились в сказках и более древние сюжеты о яйцах загадочной Жар-птицы, об утке, несущей золотые и серебряные яйца, а также о Курочке Рябе, обещающей подарить деду и бабе золотое яичко. В образах этих птиц продолжают жить старинные представления наших предков о Деве-птице — Великой богине, которая откладывает космическое яйцо (т.е. порождает Вселенную). Более поздние ее воплощения (например, сирены в греческой мифологии или русская вещая птица Гамаюн) сочетали в себе уже как человеческие, так и птичьи признаки. Бабу-Ягу тоже следует отнести к их числу.

Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871), выдающийся русский литературовед, особо подчеркивал близость образов Бабы-Яги и сказочной Змеихи. По его мнению, слово «яга» соответствует санскритскому «ahi» — змей. «У славян Баба-Яга и мифическая Змеиха выступают в преданиях как личности тождественные;

что в одном варианте приписывается Змее, то нередко в другом исполняется Ягою, и наоборот: на Украине поедучую ведьму обыкновенно называют змеею. Замечательно, что те же эпические выражения, какими обрисовывается избушка Бабы-Яги, прилагаются и к змеиному дворцу. Словацкая сказка изображает сыновей Ежи-бабы лютыми змеями. Наконец, подобно змею, Баба-Яга любит сосать белые груди красавиц... и пожирает человеческое мясо» (*Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу). Но как в одном образе могли ужиться черты змеи и птицы? Определяющим, на наш взгляд, тут является то обстоятельство, что змеи, как и птицы, размножаются схожим образом, поэтому Змея также могла мыслиться в качестве прародительницы Вселенной (Космического яйца). Так, эллины считали, что скифы произошли от мифической змеедевы, а в наиболее древнем (пеласгическом) варианте греческого мифа творения Мировое яйцо высиживал змей Офион (в предметах древнего средиземноморского искусства Великая Богиня постоянно изображалась вместе с ним).

Баба-Яга известна как похитительница детей. Ее избушка окружена забором из человеческих костей или тыном с воткнутыми на нем черепами. Это говорит о существовании кровавого культа этой богини, сопровождавшегося людскими, в том числе, по-видимому, и детскими жертвоприношениями. Но наряду с этим можно также говорить и о другой, более мирной, стороне ее культа. В своей, ставшей классической, книге «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп особо отмечал, что в процессе «очеловечивания» богаживотного то, что ранее играло роль животного, становится его атрибутом. В частности, избушку Бабы-Яги можно соотносить с древним образом ее хозяйки. Но тогда нельзя не признать, что заклинание, произносимое Иваном перед жилищем богини: «Избушка,

избушка, встань к лесу задом, ко мне передом!» — звучит более чем двусмысленно. Не забудем также, что сказочный Иван не знает неудач в любовных похождениях, а то, что сказка изображает Бабу-Ягу старой и некрасивой, очевидно, «налет» более поздних времен. Можно не сомневаться, что изначальный облик Богини Всего Сущего был гораздо привлекательнее, да и сама она была не столь дряхла и немощна. Не случайно в ряде сказочных сюжетов Баба-Яга выступает могучей воительницей, она — богатырша, спит с мечом-кладенцом в изголовье и бьется с богатырями, а на лубочных картинках изображается дерущейся со стариком или крокодилом.

Во многих сказках Яга предстает женщиной с огромными грудями: «Титьки через грядку» (грядка — шест для полотенец и пр.); «Яга, Ягишна, Овдотья Кузьминишна, нос в потолок, титьки через порог, сопли через грядку, языком сажу загребает». Или: «На печи, на девятом кирпичи лежит Баба-Яга, костяная нога, нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку замотаны, сама зубы точит». Баба-Яга подобна другим, более молодым, воплощениям Великой богини (Кибелы, Исиды, Астарты, Афродиты): она и воительница, и богиня любви. Ее пест и ступа — предметы, символизирующие вполне ясное эротическое действо, а метла, на которой восседает колдунья, — не менее очевидный символ утоления любовных вожделений. Словом, Иван, вступающий в избушку Бабы-Яги, не обычный посетитель или проситель. За этим сюжетом угадывается древнейший обряд служения и ритуал жертвоприношения Великой богине.

В древней Европе не было богов. Великая богиня считалась бессмертной, неизменной и всемогущей. Мужчины боялись своего матриарха, поклонялись и подчинялись ей; очаг, за которым она следила в пещере или хижине, являлся самым древним социальным

центром, а материнство считалось главным таинством. По мере того как соитие становилось общепризнанной причиной деторождения, царица племени (земное воплощение Великой богини) выбирала себе на год возлюбленного из числа юношей, состоявших в ее свите, и, когда истекал срок, он приносился в жертву. По нашему мнению, обряд жертвоприношения юноши Великой богине служил исходным основанием для сюжета посещения сказочным героем избушки Бабы-Яги. В течение года (или более короткого срока) юноша должен был выступать в роли супруга-соправителя царицы, и потому встречается он неизменно подоброму: его и накормят, и напоят, и необходимую помощь окажут. Другое дело, что герой всегда счастливым образом избегает гибели, но такой поворот событий легко объясняется тем фактом, что со временем Ягу превратили в злого демона. «С появлением земледелия и земледельческой религии вся «лесная» религия превращается в сплошную нечисть, великий маг — в злого колдуна, мать и хозяйка зверей — в ведьму, затаскивающую детей на вовсе не символическое пожрание. Тот уклад, который уничтожил обряд, уничтожил и его создателей и носителей: ведьма, сжигающая детей, сама сжигается сказочником, носителем сказочной традиции» (*Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки).

В последнее время появились основательные исследования, посвященные Великой богине. Отдельные главы посвятили ей А. Голан в книге «Миф и символ» и В.Н. Демин в книге «Загадки Русского Севера». Оба автора упоминают о Бабе-Яге, хотя ей и отведена второстепенная роль. А Голан говорит о нашей героине буквально «два слова», ограничиваясь лишь перечислением отдельных ее черт, указывающих на «ее происхождение от неолитической богини» (помимо уже отмеченных нами ее качеств, это еще и слепота). Анализ

В.Н. Демина носит более полный характер. Он подчеркивает, что Баба-Яга — классический пример Великой богини, «матриархальной владычицы, которая изначально совмещала в себе черты воительницы, дарительницы и одновременно — похитительницы и людоедки». Особое внимание исследователь уделяет доказательству «прошлых сексуальных функций Бабы-Яги». По его аргументированному мнению, в сказке «Гуси-лебеди», где Баба-Яга преследует мальчика и кульминационно перегрызает дуб, первоначально был заложен легко угадываемый эротический подтекст. Такой взгляд прекрасно соответствует упомянутому выше ритуалу жертвоприношения юноши Великой царице.

Итак, Баба-Яга — один из древнейших образов Великой богини. Корни ее происхождения ведут во времена каменного века. Это первобогиня русских и славян. Но в то время русские и славянские племена еще не выделились из единой индоевропейской общности. Но помнят ли другие народы о существовании этой Великой богини? Для начала обратимся к наследию древних греков.

История создания греческого Олимпа изложена в поэме Гесиода «Теогония» (VII в. до н.э.):

> Прежде всего, во Вселенной Хаос зародился, а следом
> Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
> Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
> И, между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос.

Впоследствии Гея сама из себя породила Урана-небо и Понт-море. От ее брака с Ураном произошло племя титанов, среди которых были и родители Зевса — Кронос и Рея, циклопы и сторукие великаны. Любовный союз Геи с Понтом дал начало целому ряду чудовищ, а от связи с Тартаром родился исполинский змее-человек Тифон. Греческая мифология, таким образом, — это история взаимоотношений потомков Геи.

Она праматерь богов и прародительница всего сущего, центральная фигура своей многочисленной семьи, хотя как действующее лицо в мифах появляется редко.

В греческом языке слово «земля» звучит как «хтон» и его никак нельзя соотнести с именем богини. Это, с одной стороны, свидетельствует о том, что имя Гея — догреческого происхождения и восходит ко времени единства индоевропейских народов, а с другой — наводит на мысль, что статус богини земли придали ей сами греки и изначальные ее функции были значительно шире.

В гесиодовском мифе творения земля («она») и небо («он») появляются порознь. Более распространенный сюжет у индоевропейцев предполагает, что бог-громовержец ударами своего молота раскалывает мир надвое, выковывая земную твердь и отделяя тем самым ее от неба. Этот миф из времен патриархата. В греческой же родословной богов, наоборот, особо выделена роль женского начала. Причем именно «она» (непорочным путем!) порождает отца своих будущих детей. Мысль о женщине как безусловном творце мира родилась в эпоху, предшествовавшую патриархату — «веку» господства мужчин. История, переданная нам Гесиодом, безусловно, содержит отголоски того древнейшего времени. Правда, первенство бесполого (?) Хаоса в какой-то степени лишает Гею верховного статуса и в этом уже видится грядущее наступление патриархата, но роли богини-творца эта неолитическая богиня еще не утратила. Необычность того иерархического положения, в котором пребывает Гея, на наш взгляд, является еще одним свидетельством того, что античные греки восприняли ее культ у других народов. Ими, как это ни покажется для многих читателей странным, были предки современных русских и славян. Прототип же Геи хорошо известен всем нам с детских лет и теперь не составляет никакого секрета. Это — Баба-Яга!

Богиня Гея — «мать сыра земля» — символизирует женщину-рожаницу. В этом смысле интересно, что «широкогрудая» — единственный, а значит, и самый характерный эпитет, которым Гесиод «награждает» Гею. Подчеркнуто большие женские груди — один из символов Великой богини, который, безусловно, роднит образы Геи и Бабы-Яги.

Белорусы утверждают, что Баба-Яга ездит по поднебесью в огненной ступе и погоняет огненной метлою, что во время ее поезда воют ветры, стонет земля, трещат и гнутся вековые деревья. Сверх того, Баба-Яга обладает волшебными огнедышащими конями, сапогами-скороходами, гуслями-самогудами и мечом-самосеком, т.е. в ее власти состоят и быстролетные облака, и бурные напевы грозы, и разящая молния. Иначе говоря, в былые времена Баба-Яга олицетворяла могущество и необузданность природных стихий, так что появление ее из Хаоса под именем Геи в роли Хозяйки мира кажется весьма закономерным.

Теперь об именах богинь. Можно предположить, что словосочетание Баба-Яга — относительно позднего происхождения, а изначальным вариантом имени была «Ягая баба», т.е. «кричащая, шумящая баба». Такая форма имени и его различные производные (Ягайя-баба, Егабовна, Егибисна, Егибиха и т.д.) непосредственно присутствуют в фольклорных текстах. Но из-за безударной первой гласной словосочетание «Ягая баба» могло восприниматься как «Гая баба» (замечательно, что одно из значений слова «гай» — «гам, шум») или «Баба Гая». От последнего слова и произошло имя «Гея». Привлекательность такой версии заключается еще и в том, что другим значением слова «гай» (родительный падеж — «гая») в славянских языках является «роща», «лес» и, следовательно, «Баба гая» означает «Лесная баба», что идеально соотносится со сказочными описаниями Бабы-Яги.

Смысловая параллель яга — гай — гам имеет еще одно воистину впечатляющее следствие. Она позволяет отождествить имена Яга и Гамаюн! Гамаюн — вещая птица с человеческим (женским) лицом. Она — вестник древних языческих богов, их глашатай, поющий людям божественные гимны. Эта птицедева выступает хранительницей тайн мироздания. В представлениях русских людей ее образ связывается с картиной В.М. Васнецова «Гамаюн» и одноименным стихотворением А.А. Блока, написанным под впечатлением от нее:

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!

Нам неизвестны какие-либо специальные исследования, посвященные птице Гамаюн. Более того, ни в двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира», ни в энциклопедическом словаре «Славянская мифология», подготовленном сотрудниками Института славяноведения и балканистики Российской академии наук, нет даже упоминания о ней. Этот мифологический персонаж почему-то представляется современным филологам второстепенным и не заслуживающим внимания. К счастью, так было не всегда. В.М. Васнецов и А.А. Блок ощущали исключительную важность образа вещей птицы в русской и славянской мифологии, и потому обратились к нему в своих произведениях.

Сам автор не раз внимательно разглядывал васнецовскую картину. Она притягивает своей красотой. Но

вместе с тем в ней заключена и глубокая мифологическая символика. Дерево, на котором сидит вещая птица, не обыкновенное, а священное! Его называют Космическим (Мировым) деревом или Древом жизни. По представлениям самых разных народов, оно соединяет верхний и нижний миры Вселенной, это чрезвычайно архаический образ, наполненный глубоким философским содержанием. Он символизирует связь времен, единство всего Сущего (в том числе неразрывную связь с космосом), всеведение и торжество жизни. Это о нем писали А.С. Пушкин:

У лукоморья дуб зеленый...

и Вячеслав Иванов (стихотворение «Дриады»):

Так Древо тайное растет душой одной
Из влажной Вечности глубокой,
Одетое миров всечувственной весной,
Вселенской листвой звездноокой:
Се Древо Жизни так цветет душой одной.

(здесь в слове «листвой» с ударением следует произнести первый слог). Из-под корней Мирового древа («Из влажной вечности глубокой») бьют ключи с живой и мертвой водой.

Во многих русских сказках и заговорах Космическое древо описывается стоящим на Море-океане, на острове Буяне. Эту мифическую деталь обыграл Иван Бунин в своем стихотворении «Русская сказка». Приведем его полностью:

Ворон
Ну, что, бабушка, как спасаешься?
У тебя ль не рай, у тебя ль не мед?

Яга
Ах, залетный гость! Издеваешься!
Уж какой там мед — шкуру пес дерет!
Лес гудит, свистит, нагоняет сон,
Ночь и день стоит над волной туман,

Окружен со всех с четырех сторон
Тьмой да мгой сырой островок Буян.
А еще темней мой прогнивший сруб,
Где ни вздуть огня, ни топить не смей,
А в окно глядит только голый дуб,
Под каким яйцо закопал Кощей.
Я состарилась, изболела вся,
Сохраняючи чертов тот ларец!
Будь огонь в светце — я б погрелася,
Будь капустный клок — похлебала б щец.
Да огонь-то, вишь, в океане — весть,
Да не то что щец — нету прелых лык!

Ворон

Черт тебе велел к черту в слуги лезть,
Дура старая, неразумный шлык!

Поэт попытался представить житье-бытье Бабы-Яги посреди океана — она уже и не Хозяйка леса, не Властительница природных сил и не Хранительница огня. Здесь налицо отступление от классической сказочной традиции. Случайно ли это? Разумеется, нет. Стихотворение было написано в 1922 году и имеет вполне очевидный политический подтекст. Баба-Яга в стихотворении, подобно России того времени, переживает трагические времена, она изолирована от мира, испытывает нужду и голод.

Точно так же в «нашествии» вод на васнецовской картине, замутивших бьющие из корней Мирового дерева ключи и затопивших остров Буян, мы склонны видеть исторический подтекст. Художник жил на рубеже веков и, подобно многим своим выдающимся современникам, предчувствовал грядущие потрясения, ожидающие Россию. Закат на картине — предвестник кровавых перемен, этим же настроением пронизаны и блоковские строки. Правда, можно сказать, что мотив былых жертвоприношений Великой богине («Уста, запекшиеся кровью») в самой картине явно не выражен, и поэтом в данном случае более владели собственные пророчества о будущей судьбе России.

В ходе нашего исследования мы шаг за шагом восстанавливали первозданные черты Бабы-Яги: ее природную предрасположенность не только ко злу, но и к добру, вещую природу, внешний облик в виде девы-птицы, отнюдь не безобразную (если не сказать красивую) наружность и, наконец, покровительство искусству любви. Но все это свойственно и птице Гамаюн. Мы смело можем утверждать, что птица Гамаюн представляет изначальный образ Бабы-Яги — птицедевы. Более того, значение имен этих богинь суть одно и то же! Слово «Гамаюн» — двусоставное; первая его часть «гама» уже обсуждалась, вторая же «юн» означает «юная», «юница», так что все имя целиком можно перевести как «кричащая дева» или «кричащая молодка». Оно в точности соответствует расшифровке имени Баба-Яга. Вместе с тем оно содержит в себе и некоторое своеобразие. Древнерусские слова «юница» и «юнец» употреблялись в значении «новобрачные», юницами шутливо называли полувзрослых девушек, подлеток, поэтому птица Гамаюн, а значит, и Баба-Яга — богини-девственницы. Последнее обстоятельство объясняет, почему у Бабы-Яги нет мужа, а сама она всегда старается помешать соединению влюбленных. Но как тогда совместить представления о девственности Бабы-Яги с оргиастическим характером ее культа?

Применительно к другим ипостасям Великой богини эта проблема уже обсуждалась мифологами. «Остатки культа Великой богини сохранялись в античное время в Малой Азии, а также частично в Греции и других местах. Этот культ сопровождался поклонением фаллу и обрядами, носившими вакханальный, оргиастический характер. В Древнем мире существовала храмовая проституция, которая, как считалось, была угодна богине. При условиях, когда культ богини сопровождался блудом, когда сама богиня мыслилась сочетающейся с мужским божеством (судя по мифам и, в

частности, по многим символическим композициям), парадоксальным представляется имевшее место мнение о ней как о деве» (*Голан А.* Миф и символ). В ситуации с Бабой-Ягой парадокс разрешается достаточно просто. Представления о ней формировались в ту далекую эпоху, когда еще не было ни богов, ни жрецов, а были универсальные богини и их жрицы, причем женщины являлись главенствующим полом, отцовство же не признавалось.

Обряды служения Великой богине и ритуалы жертвоприношений ей — тоже отголоски древнейших времен. На первых порах в них не вкладывалось какой-либо «духовной» подоплеки, а на первый план выходила оргиастическая (физиологическая) сторона культа. Под влиянием «догмата о девственности» они непрерывно трансформировались, может быть, даже на какое-то время запрещались, ведь не случайно же возникли «институты» скопцов, весталок и христианство — с его культом Девы Марии. Но в целом как традиция эти обряды сохранялись очень долго (в России это праздники в Ивановскую ночь с их сладострастными игрищами, обряды похорон бога плодородия — супруга Великой богини, изображавшегося в виде куклы с непомерно большим фаллосом).

Великая богиня является персонификацией изначальной стихии, Первоженщиной (Матерью Вселенной), своеобразным тотемным предком человечества. Идея создания Мира (включая богов) одним изначальным существом породила, в свою очередь, мысль о непорочном зачатии (славянское *deva* «девственница», кстати, этимологически родственно санскритскому *devi* «богиня»). В более поздние времена отношение к такому религиозному утверждению уже не могло оставаться столь единодушным, поэтому данная черта оказалась присуща отнюдь не всем ипостасям Великой богини. В частности, более молодой аналог Бабы-

Яги — богиня Гея — уже не называлась девственницей, но своего мужа Урана она родила непорочным путем! На некотором этапе развития русского народа жрецы осознали, что понятие о девственности богини не слишком вяжется с именем «Баба»: баба — замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была молодкою, молодицею, или вдова. Наверное, именно в тот момент и возникло новое имя нашей героини — Гамаюн, которое подчеркивает ее юность, чистоту и непорочность.

Наш метод поиска мифологических параллелей Бабы-Яги по существу основывается на двух принципах: выделении схожих черт в образах богинь и доказательстве этимологической близости их имен. При этом слово «Яга» мы соотнесли с понятием «гама, шума», издаваемого космотворящей птицей (Великой богиней). Возгласом «га!» до сих пор подражают гусиному крику, гагой, гоголем русские называют утку, одно из значений слова «гоготать» (*т.е. заливаться криком «гого»*) — кричать по-птичьему, по-гусиному; кудахтать как курица, снесшая яйцо. Смехом «ха-ха-ха» мы поминаем Великую богиню Бабу-Ягу. «Ги, гиги» — наступательный крик казаков, крик загонщиков на облаве, — отсюда слова «гик», «гиканье». «Гей» — призывное междометие, означающее «эй, слышь, слушай». В рамках такой интерпретации имена Яга, Гея и Гамаюн можно считать синонимами. Разумеется, истинное значение греческого варианта имени наименее уловимо, но ведь так и должно быть при заимствовании образа. Общим для имен «Яга» и «Гея» является наличие общей согласной «г», и не стоит удивляться, что они имеют один и тот же смысл. К примеру, современное «рай» по-древнерусски звучало как «ирей».

Вполне понятно, что дать правильное толкование имени Гея на основании знания только греческого языка было бы практически невозможно. То же самое

можно сказать и об имени другой греческой богини — Гестии. В самых разных индоевропейских языках (в том числе в русском и греческом) его можно буквально прочитать как «есть Г (Гэ)». Как и все обсуждавшиеся ранее имена, оно восходит к древнейшему кличу Великой богини. Гестия — богиня домашнего очага, старшая дочь Кроноса и Реи, олимпийское божество. Она покровительница неугасимого огня — начала, объединяющего мир богов, человеческое общество и каждую семью. Целомудренная безбрачная Гестия пребывает на Олимпе, символизируя незыблемый космос. Образ Гестии рано приобрел отвлеченные черты персонифицированного огня и не связан с мифологическими сюжетами. Как можно совместить почетное место на Олимпе и, по существу, отстраненность от участия в жизни богов? Очень просто: Гестия, подобно Гее, — одно из воплощений Бабы-Яги в греческой мифологии. Только теперь в ней подчеркнуто другое важное качество, свойственное Яге, — поддержание священного огня. Сказки свидетельствуют, что печка у Бабы-Яги всегда затоплена, а своих гостей она обещает непременно изжарить. Русское «огонь» (слышится «агонь») происходит от корня «Аг», лежащего в основе прозвища Яга. Баба-Яга, может быть, единственный древнейший персонаж фольклора, который неотделим от своего жилища. Она — хранительница дома, более того, в некоторых сюжетах он окружен частоколом и подобен крепости. Слово «огород» (в смысле «огороженное место») тоже можно соотнести с именем Яга и переводить как «родина Яги». В Риме Гестии соответствовала богиня Веста, ей был посвящен специальный храм, в котором поддерживался вечный огонь — символ государственного благополучия. Жрицы Весты — весталки — избирались из числа девочек 6—10 лет; они должны были сохранять девственность в течение 30 лет и за нарушение этого запрета замуро-

вывались живыми. Сопоставление Яги с Гестией и Вестой позволяет предположить, что мотив похищения детей Бабой-Ягой обусловлен не столько существованием в древности ритуала детских жертвоприношений, сколько наличием «института» жриц и жрецов, посвящавших свою жизнь Великой богине.

Выявленное нами несомненное родство Бабы-Яги с праматерью греческих богов неоспоримо свидетельствует о том, что предки русских и славян были в числе первопоселенцев на территории Греции. От имени Яга происходит название Эгейского моря. О птице Гамаюн на землях Греции тоже осталось воспоминание: это юноша Гименей, божество брака, мужская параллель русской птицедевы, мыслившийся, однако, уже в человеческом обличье. Носители культа Бабы-Яги и птицы Гамаюн пришли в Эгеиду примерно в середине IV тыс. до н.э. Своей природой эта земля значительно отличалась от тех областей Восточной и Центральной Европы, где они проживали ранее. Местность тут была более гористой и не так богата лесами, но главное отличие заключалось в ее соседстве с морем.

Людей влекли в Эгеиду острова. Они были прекрасны; даже усталого морехода не могут не тронуть меняющиеся цвета этих тенистых холмов, которые, точно храмы, вздымаются над зеркальным морем. Сегодня на земле найдется не много пейзажей прелестнее этих; плывя Эгейским морем, начинаешь понимать, почему люди, населявшие эти берега и острова, полюбили их чуть ли не больше жизни и, подобно Сократу, считали, что изгнание горше смерти. Но кроме того, мореход не без удовольствия отметит, что драгоценные камни этих островов рассыпаны повсюду, причем на столь коротких интервалах, что — двигаясь ли с востока на запад или с севера на юг — он никогда не удалится от земли более чем на сорок миль. И поскольку острова, как и материковые хребты, были горными вершинами

сплошной некогда суши, которую постепенно затопило упрямое море, желанные пики всегда радовали взгляд наблюдателя, служа маяками кораблям, еще не знавшим компаса. Бассейн Эгейского моря служил идеальным местом для выработки морских навыков. Вместе с тем начинающие мореходы более осознанно, чем их предки, ощущали свою неразрывную связь с землей. Море таило угрозу и возможную гибель, тогда как суша предвещала спасение и встречу с близкими. Поэтому в ранней греческой мифологии на первый план выходит именно богиня земли. В этом смысле вполне ясно и понятно последующее преображение Геи в Гестию — богиню, символизирующую тепло и безопасность родного дома.

Как известно, собственно греческие племена (ахейцы, эолийцы, ионийцы) появились в Эгеиде около 1900 г. до н.э. Они восприняли и в значительной степени унаследовали культуру народа, первым обустроившего этот дивный край. Ее центром был остров Крит. Для современных исследователей вопрос о происхождении «критской» цивилизации — один из наиболее загадочных. В настоящий момент преобладает мнение, что ее создатели (пеласги) были неиндоевропейцы. Однако с каждым годом появляется все больше работ, доказывающих обратное. Выявленная нами история развития образа Бабы-Яги на греческой почве — еще один аргумент, противоречащий общепринятой точке зрения. Но может быть, распространение культа Бабы-Яги ограничилось только землями Греции?

Поверить в это очень трудно, поскольку в первой половине II тыс. до н.э. критяне имели самый сильный флот в Средиземноморье и успешно обследовали самые удаленные его уголки. Поэтому очень даже нелишне поискать «двойников» нашей богини в заморских странах. И искать долго не приходится. Расположенная буквально «в двух шагах» от Крита библейская

страна напомнит нам о... Иегове. Верховный бог христиан и иудеев и Баба-Яга, не странно ли? Нет, ни в коей степени. Просто надо напомнить некоторые важные моменты, которые толкователи Библии предпочитают не разглашать. Дело в том, что представления об Иегове как о едином Боге-мужчине появились сравнительно поздно. Лоуренс Гарднер в книге «Чаша Грааля и потомки Иисуса Христа» датирует это время приблизительно 536 г. до н.э. (конец вавилонского пленения). Здесь возможны и другие даты, но важно то, что изначально Иегова, как вариант слова Яга, было именем Великой богини! Древние евреи, унаследовавшие миф творения от «пеласгов» или ханаанеев (доеврейского населения Палестины), ощущали недоумение: в книге Бытия женского рода «дух Божий» сидит, как наседка, на поверхности вод, хотя Мировое яйцо и не упоминается. Читающие Библию обычно не задумываются, почему порождает мир Бог-отец? Это очевидное искажение древнейшей мифологической традиции и прямой вызов здравому смыслу — ведь роженицей должна быть женщина! Библия составлялась и редактировалась уже во времена патриархата, поэтому связь Иеговы с образом Великой богини всячески затушевывалась. Но это нас не должно обманывать! Мы должны знать, что прообразом верховного бога христиан и иудеев была Баба-Яга. О том же, как в Палестину занесло предков русских и славян, мы еще поговорим.

Глава 3

Кощей-курет

Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кощей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!

А.С. Пушкин

За Кощеем Бессмертным утвердилась слава демонического героя. Он олицетворяет беду, грозящую героям сказки, и традиционно считается носителем зла, эдаким чертом. Но, как и Баба-Яга, Кощей не так прост, как кажется. Начнем с того, что он является хранителем космического яйца, которое находится в утке, а та вместе с зайцем в железном сундуке под зеленым дубом в море-океане, на острове Буяне. Заветное яйцо зарыто под корнями Мирового древа, места обитания Великой богини. Сама она, являясь в сказке в образе утки, оберегает свое священное сокровище и борется до последнего, пытаясь спасти его. В Кощее, таким образом, следует видеть, прежде всего, спутника Великой богини, ее верного слугу (жреца и супруга!), жизнью (вернее, даже бессмертием, что неизмеримо дороже!) расплачивающегося за свою преданность ей.

В сказках Кощей играет роль скупого хранителя богатств и похитителя красавиц. Этим своим поведением он напоминает Змея, иногда они даже заменяют друг друга в разных вариантах одной и той же сказки. Змей — очень древний мифологический символ, и его поведение не исчерпывается только злыми деяниями.

Точно так же слава отрицательного героя закрепилась за Кощеем лишь в относительно недавние времена.

Но, может быть, первичный смысл образа Кощея откроет его имя? В старославянских памятниках слово *кощь, кошть* попадается исключительно в значении «сухой, тощий, худой телом» и очевидно стоит в ближайшем родстве со словом «кость». В русском языке слова «окостенеть» и «умереть» — синонимы, поэтому при экранизациях сказок или в иллюстрациях к ним Кощея часто изображают в виде скелета (символа смерти). Однако в самих сказках Кощей никого не убивает, наоборот, расправляются с ним и его приближенными. Более того, прозвище Бессмертный указывает, что в нем заключено некое жизненное начало, противостоящее тлену и погибели. Важно напомнить также, что Змей, с которым неизменно сопоставляют Кощея, служит символом мужского оплодотворяющего начала. Общеизвестна и страсть сказочных Змеев к юным красавицам (девственницам), умыкаемым ими то из-под родительского крова, то со свадебного пира. Игла, которую находит Иван в Кощеевом яйце, символизирует его жизнестроительные силы, это иносказательный образ детородного органа. Переламывание иглы означает утрату Кощеем способности порождать новые жизни, а если шире, то и право выступать в качестве божества плодородия. Поступок Ивана полностью аналогичен действию Кроноса, оскопившего своего отца Урана, чтобы пресечь его бесконечную плодовитость. Выставлять Кощея только демоном загробного мира, несущим миру смерть, — неправильно. Таким его, и то не в полной мере, сделала позднейшая традиция. В силу этого и этимологическая параллель *Кощей — кость* дает лишь частичное понимание того изначального смысла, который вкладывался в имя нашего мифологического персонажа.

Существует также версия, согласно которой имя Ко-

щей заимствовано у тюрков и переводится как «пленник, узник, раб». Здесь исследователей пленило хорошее звуковое согласие слов из разных языков. Но образ Кощея как хранителя космического яйца и защитника Великой богини возник задолго до того, как начались какие бы то ни было контакты русских с тюрками (первые века нашей эры). Ошибка во времени в данном случае исчисляется даже не веками, а тысячелетиями. Кощей — один из наиболее древних наших мифологических персонажей, и корни его имени следует искать в словарях индоевропейских языков. Что же до значения имени в тюркском переводе, то оно отражает лишь один сказочный эпизод, когда Кощей томился в чулане у Марьи Моревны. Никто кроме нее (и об этом подробнее чуть ниже) не смог пленить его или заставить служить себе, поэтому производить слово «Кощей» от «пленника, узника, раба» неоправданно. Другое дело, что в эпоху столкновений с тюрками попадание в плен (т.е. в рабство) для русского человека было равносильно встрече со смертью, которую в те времена олицетворял для них повелитель царства мертвых — Кощей.

Итак, происхождение слова «Кощей» загадочно, если не сказать таинственно. «Лобовые» (чисто лингвистические) методы анализа дают очевидный сбой, поэтому стоит пофантазировать, а как выглядел Кощей в своем первозданном виде. О Кощее известно, что он летает. В сказочных текстах полеты не редкость: летают и ковры-самолеты, и корабли, и даже рожденные ползать змеи. Но в природе летают только птицы! Не забудем, что древнейшим символом Великой богини была именно птица. Так не мыслился ли и ее хранитель изначально в птичьем облике? Разве не птица-самец должен оберегать яйцо, снесенное птицедевой? Конечно он, ее супруг, и сторожит плод своей любви. Иначе и быть не может, иначе вся история с магиче-

ским яйцом, зарытым где-то у черта на куличках, превращается в полную бессмыслицу, которая не пережила бы и двух-трех поколений. Мифы, рожденные много веков назад, можно сравнить со светом, приходящим от далеких звезд. Тысячи лет он странствовал в космической пустыне, но в конце концов был увиден и запечатлен людьми. И теперь дело за малым — описать историю путешествия светового луча.

Но вернемся к разговору об имени нашего героя и возьмем, как говорится, быка за рога. Русские называют петуха еще кочетом или кочем. Слова «кочет» (слышится «кочт») и «коч» созвучны имени «Кош», которое присутствует в сказках и породило более поздний, ставший общеупотребительным вариант «Кощей». В основе всех этих слов лежит форма «Ко-» — характерный звук, который издают петухи и куры. От нее произошли слова «коко» — яйцо, «кокошь» — курица, наседка, «кокотать», т.е. кудахтать. Имена Кочет, Кош, Кощей тоже родственны им. В связи с этим напрашиваются объяснительные параллели: Кочет — тот, кто ко-кочет, Кош — тот, чья жена кокошь, а Кощей — кокоший (наседкин) муж. Самцы молчаливее своих подруг, поэтому в их именах присутствует только одно «ко».

Народная сказка приписывает Кощею обладание гуслями-самогудами, которые так искусно играют, что каждый невольно заслушается их до смерти. Но что это за инструмент, который играет сам по себе? Может быть, это просто поэтическая метафора песен вещих птиц, к числу которых относится и петух? Ведь слово «петух» произошло от глагола «петь», а самого петуха называют еще пивень, то есть поющий.

В народных верованиях славян петух — птица, способная противостоять нечистой силе и в то же время наделяемая демоническими свойствами. У украинцев демонический петух называется «царик». Он начинает петь еще в яйце, а когда вырастает, то становится са-

мым почитаемым петухом в округе. Он первым поет в полночь, и его боится дьявол. «Царика» нельзя резать. В Сербии верят, что петух может быть «змеем». Такой петух отличается необыкновенной силой. При приближении градоносной тучи он забивается под порог и там оставляет тело, а его дух идет бороться с халами (мифическими существами — душами самоубийц, которые водят тучи). Существует поверье, что петуха нельзя долго держать в хозяйстве. Сербы ежегодно в день Ильи-пророка колют на пороге старого петуха и заводят нового. По их представлениям, старый петух может навлечь на хозяина смерть или превратиться в демоническое существо. У всех славян считается, что старый петух, проживший три, пять, семь или девять лет, снесет маленькое яйцо. Из этого яйца может вывестись демоническое существо («хованец-годованец», «огненный змей», «василиск» и др.), принимающее вид огня, искры, кота, маленького человечка или цыпленка. Это существо нечистое. Оно исполняет желание хозяина, но через три года забирает его душу. В некоторых местах считали, что петух загребает свое яйцо в навоз, и из него вылупляется демонический змей. Эти примеры убедительно доказывают возможность перевоплощения Кощея-кочета в демонического Змея.

В былине «Иван Годинович» упоминается отчество Кощея — Трипетович. Оно «еще не подвергалось толкованию» (*Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси) и выглядит совершенно неприступным для анализа. В нашей интерпретации Трипетович — значит Трипетухович или третий Петухович (третий цыпленок у своих родителей). Таким образом, отчество Кощея свидетельствует, что он потомок Кочета. Но какой смысл имеет корень «три»?

На Руси вплоть до начала XX века праздновался загадочный и таинственный для современных исследователей праздник «троецыплятницы». Опишем вкрат-

це его, следуя материалам, собранным выдающимся русским этнографом Д.К. Зелениным (1878—1954) в статье «Троецыплятница». Троецыплятницей называют курицу, выводившую цыплят три раза. Хозяйка дома, в котором задумали праздновать «троецыплятницу», сначала делает сбор в кругу своих родных и знакомых; последние дают солод, муку, хмель и крупы. По окончании сбора хозяйка заблаговременно готовит пиво. Кушанья делаются уже общими силами. Приготовлением кур-троецыплятниц занимаются одни вдовы. Кроме них, никто другой, ни из мужчин, ни из женщин, не должен касаться этих кур. Только колоть их дают мальчику не старше 9 лет.

В назначенный день, после молебна, на котором бывают все приглашенные на праздник, устраивается обед. Сперва за стол усаживаются одни мужчины, им подается вино и пиво и все кушанья за исключением троецыплятницы, которую, согласно традиции, должны есть одни женщины. Отобедав, мужчины вскоре уходят, женщины же, оставшись одни, высылают из комнаты девиц и детей и запирают двери. Потом, затеплив пред иконами свечу и помолившись Богу, садятся кушать за два стола: за первый — старые, а за другой — молодые женщины, и с благоговением продолжают свою трапезу, не употребляя во время нее ни вина, ни пива. За первым столом занимает первое место, обыкновенно, старшая летами, по преимуществу вдова. Она, отломив голову троецыплятницы, передает ее другим, а те друг другу, ломая на части руками, так как, по их мнению, грех употреблять в то время ножи и вилки. После окончания трапезы старшая летами, собрав кости троецыплятниц и положив их в чистый сосуд, ставит его с благоговением на свою голову и проносит его по комнате взад и вперед. После нее этот ритуал исполняет каждая из присутствующих женщин. По окончании обряда хозяйка вынимает кости из сосуда,

заворачивает их в скатерть и прячет. В этот же день вечером, тайно от других, хозяйка пускает скатерть с костями в воду, если поблизости есть река или пруд. Если же рядом нет водоемов, то эти остатки скрываются в поле или в лесу, и обязательно без свидетелей, чем подчеркивается священность захоронения. На другой день гости собираются вторично, нарочито уже для угощения, принося приготовленные дома кушанья. Тогда пьют пиво и вино и веселятся, кто как может, по своему обыкновению. Так заканчивается этот обряд, который справляется непременно осенью и которому приписывается какая-то чудодейственная сила.

Троецыплятница является символическим изображением Великой богини, одним из древнейших воплощений Бабы-Яги (не забудем о необыкновенном расположении ее жилища, выдающем ее родство с курицей). Ритуальное поедание троецыплятницы сродни более позднему по происхождению обряду похорон божества плодородия (у славян в этой роли выступали Кострома, Марена, Ярила и др.). Их соломенные чучела сжигали или разрывали на части, но считалось, что позже они обязательно воскреснут, знаменуя неуничтожимость жизни. Этот ритуал был призван обеспечить плодородие. Близкие идеи, по всей видимости, лежали и в основе праздника «троецыплятницы». Петух и курица известны как символы плодородия. Петухов резали, чтобы приготовить ритуальное блюдо после окончания жатвы. После уборки зерновых сербы, например, закалывали петуха на гумне, его кровью окроплялось зерно, которое первым бросали в землю при севе. Курица, трижды выведшая цыплят (тройка — магическое число), считалась в значительной степени уже истощившей свои плодоносные силы, чтобы рождать здоровое и сильное потомство, и потому обрекалась на заклание. Служительницами Великой богини в данном обряде выступают вдовые женщины («вестал-

ки» поневоле) и юный мальчик, которые (в силу разных обстоятельств) также не могут олицетворять плодородие. Но как Марена и Кострома, троецыплятница в будущем должна воскреснуть, правда, уже в другом облике. Не случайно ее поедают без использования режущих и колющих предметов, чтобы не повредить косточек. Кстати, не отсюда ли происходит обычай есть курицу руками? В русских сказках распространен сюжет, когда косточки съеденного животного, зарытые где-нибудь в заветном месте, порождают через некоторое время новую жизнь. Продолжать божественную (жизненную) линию троецыплятницы должен был последний в ее роду, то есть рожденный третьим цыпленок (обратим внимание, что в сказках все запредельные задачи удается решить именно третьему сыну). Его потомку Трипетовичу надлежит хранить плодоносные силы природы, что, собственно, и делает Кощей в роли стража символического яйца жизни.

Подтверждением такому истолкованию служит сказка «Марья Моревна» из сборника Афанасьева. В ней Кощей и Иван-царевич сражаются за право быть возлюбленным Марьи Моревны. В первый раз, когда Ивану удается вызволить суженую из плена, вещий конь Кощея говорит своему хозяину: «Можно пшеницы насеять, дождаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!» И после второй попытки увоза конь Кощея уверенно заявляет: «Можно ячменю насеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!» В тексте сказки обнаруживается интереснейшее обстоятельство: время пребывания Марьи Моревны на свободе совпадает по срокам с сезоном полевых сельскохозяйственных работ. «Сев. Рост колосьев. Жатва. Молотьба. Размол зерна. Выпечка хлеба и варка пива. Здесь с подробностью заклинания, перечисляю-

щего все детали и все этапы, представлен полный годичный цикл древнего земледельца от весеннего сева до осеннего праздника урожая с его ритуальным пивом. Упомянуты тут и древнейшие злаки первых земледельцев: яровая пшеница и ячмень» (*Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси). Сказочная Марья Моревна — это один из образов Великой богини, по-другому — Морены. На время холодов ее уносит и оберегает в своем дворце Кощей Трипетович, хранитель сил плодородия. Таков изначальный смысл мифа о Кощее и Марье Моревне. Повторимся: злодеем и повелителем царства мертвых Кощея сделала уже позднейшая традиция, попросту он уступил свое место верховного бога плодородия более молодому Ивану.

Важным культовым действием во время праздника «троецыплятницы» являются манипуляции с сосудом или горшком, в которые положены обглоданные косточки жертвенного животного. Женщины поочередно ставят его на голову и ходят с ним по комнате. В чем же состоит смысл этих магических действий? Тут самое время вспомнить, что у русских роль оберега домашней птицы выполняли камешки со сквозными отверстиями, горшок, кринка или глиняный рукомойник без дна и т.д. Он назывался Куриный бог и помещался обычно в курятнике около насеста или над ним. Делалось это, чтобы куры хорошо неслись и были целы. Горшок с останками троецыплятницы выступает в рассматриваемом обряде в качестве Куриного бога. Наличие отверстия у предметов, символизировавших этот оберег, позволяет усматривать в нем женский эротический символ, что соответствует одной из его функций — способствовать плодоносности кур. С другой стороны, внешний вид кости чрезвычайно схож с эректированным фаллосом, поэтому помещение куриных (неразломанных!) косточек в горшок символизировало акт оплодотворения Великой богини, будущее сексуальное действие, которое послужит зарождению

новой жизни. Указывавшаяся ранее этимологическая параллель Кощей-кость дает нам дополнительное основание утверждать, что образ Кощея поминался в ходе обряда. Но почему женщины ставили сосуд с костями на голову? Эта деталь обряда опять-таки не случайна.

Религиозные воззрения на Руси требовали, чтобы замужняя женщина тщательно скрывала свои волосы от постороннего взора. Засветить волосом, т.е. показать постороннему хотя бы прядь своих волос, было для нее величайшим позором. Головными уборами замужней женщины служили покрывало, кичка, кокошник и др. Девичий головной убор отличается от них, главным образом, тем, что девушки не закрывают темени и открывают волосы. При этом они не прячут косу, которая свешивается на спину. Непокрытые волосы считают показателем девственности, и поэтому женщине, родившей ребенка, не полагается носить девичий головной убор. Покрытие головы, таким образом, символизировало переход женщины в новый период своей жизни, когда она становилась Матерью. Устанавливая ритуальный сосуд на голову, женщина имитировала первое надевание девушкой головного убора замужней женщины. Этим магическим приемом (символическим переживанием акта совокупления) она призывала к себе силы плодородия. Очень характерно, что женщина, поддерживающая сосуд, стоящий на голове, напоминала известные изображения Великой богини (в наскальных рисунках, в вышивках) с устремленными к небу руками. Этот обряд совершался в отсутствие мужчин, что свидетельствует о глубокой его древности. Он зародился во времена матриархата и подчеркивает приоритет женщины в воссоздании жизни. Однако манипуляции с костями (которые символизировали то, что в сказке целомудренно названо Кощеевой смертью) и горшком (Куриным богом) указы-

вают, что сам акт творения, в отличие от первобытных эпох, уже не мыслился без участия мужчин.

Отчество Кощея созвучно имени одного из персонажей античной мифологии — Триптолема — сына элевсинского царя (Элевсин — город со знаменитым святилищем мистериального культа, расположенный в 22 км от Афин). Согласно древнегреческим мифам, богиня Деметра подарила Триптолему зерна для сева, деревянную соху и колесницу, запряженную змеями, и послала его учить людей во всем мире искусству земледелия. Деметра — богиня плодородия и земледелия, дочь Кроноса и Реи, сестра и супруга Зевса. Ее имя Деметра легко читается по-русски: Дий-матерь — божественная мать. В греческом же языке, чтобы расшифровать ее имя, следует изрядно потрудиться. Слово «Де-метра» или «Матерь Де» обычно трактуют как мать-земля, отмечая возможность перехода слога «Де» в «Ге» и тем самым в имя богини земли Геи. Деметра добра к людям, прекрасна ликом, у нее волосы цвета спелой пшеницы. К этой богине древние греки взывали, чтобы удалась пахота и зерна вышли полновесными. Один из мифов рассказывает, что Деметра сочеталась в священном браке на трижды вспаханном поле с критским богом земледелия Иасионом. Непременная троичность ритуального акта невольно напоминает о троецыплятнице, — но не будем пока торопиться. В этой «истории» более интересно другое: в супруге Деметры нельзя не узнать божество плодородия из восточнославянской мифологии — Усеня. Он — ритуальный персонаж, связанный с началом весеннего солнечного цикла и возрастанием производительных сил природы. Имя этого бога присутствует в разного рода обрядовых, в том числе колядочных, песнях. Приведем одну из них:

Усеня, усеня,
У ворот костеня,
Мы подходим к воротам,

К золотым вереям:
«Дома ль ваш хозяин?»
«Его дома нету.
Он поехал в поле
Пашенку рассевать».
«Дай ему бог:
Колосисто, колосисто,
Как из колоса — коврига,
Из полна зерна — калач».
Подай кишку, ножку
В заднюю окошку.
Подавай — не ломай,
Будет сын Николай.
Отломишь немножко —
Будет сын Ермошка.

Эта веселая колядка — своеобразное пожелание достатка хозяину и всем его домашним, причем, помимо хорошего урожая, ее исполнителей заботит и появление нового наследника, продолжателя дела отца. Поспособствовать таким добрым делам и должен Усень.

Как и Усень, Иасион — умирающий и воскресающий бог, каждый год он покидает землю и спускается в Аид, но с наступлением нового аграрного цикла возвращается к своей возлюбленной Деметре. Таким образом, Иасион — более молодой греческий двойник Усеня, его культ принесли на Крит и в Грецию предки современных русских. Имя Усень со временем исказилось и превратилось в Иасиона — слово, которому, если считать его греческим, трудно дать какой-либо разумный перевод.

Для древних греков Триптолем был прежде всего Верховным жрецом Элевсинских мистерий. Во время праздника посвященные в таинство Деметры символически представляли ее любовное приключение с Иасионом. Кульминацией церемонии становился мистический брак жреца, представлявшего Иасиона (в более поздние времена его замещал Триптолем, а еще позже Зевс), и жрицы, являвшейся воплощением Де-

метры. Эта символическая свадьба приносила свои плоды с магической быстротой, так как вскоре радостно восклицали: «Наша Госпожа родила священного младенца»; на всеобщее обозрение выставлялся срезанный хлебный колос, символизировавший плод ритуального союза — щедрый дар полей. Само празднество продолжалось в течение нескольких дней, со временем оно приобрело ярко выраженный театрализованный характер с четко расписанным сценарием. Мы остановимся лишь на некоторых его деталях, «выдающих» влияние русской мифологической традиции на культуру древних греков.

Во время подготовки к празднику мистерий, которая проводилась в Афинах, посвящаемый вместе с другими членами своей группы приводился в одно из укромных мест внутри священного храма богини. Там они за ширмой обнаруживали сидящую на корзине старую жрицу Деметры. Как только группа переступала порог, жрица вставала, открывала корзину и знаком велела первому что-то достать. Там лежало перевернутое деревянное материнское лоно. Посвящаемый вынимал его из корзины, переворачивал и осознавал, что у него в руках. После этого жрица направляла его в священный покой, где в полумраке, выпрямившись во весь рост, стояла молодая жрица. Она держала на голове маленькую корзину. Когда посвящаемый входил, она снимала корзину и показывала ему, что там пусто. Далее она жестом приказывала ему положить туда лоно, не переворачивая его, затем ставила корзину на голову, некоторое время серьезно смотрела на вошедшего, опять снимала корзинку, просила его вытащить содержимое и уходить. За дверью этот предмет снова переворачивали и клали в корзину Деметры, на которую опять усаживалась старуха-жрица. Она ждала следующего посвящаемого.

В описанном обряде нельзя не узнать элементы,

свойственные празднику «троецыплятницы». В Афинском святилище, правда, уже допускалось присутствие мужчин. Однако смысл ритуальных действий, означавших символическое совокупление посвящаемого с Великой богиней, остался неизменным. Ни один из мифологов не дал разумного объяснения, почему жрица держит корзину на голове. Обращение же к русской языческой традиции позволяет дать этому содержательное толкование.

Во дворе внутреннего святилища в Элевсине находился «камень скорби», сиденье Деметры, перед которым одна из жриц богини, игравшая роль нагой служанки Ямбы, во время празднества исполняла ритуальный танец. Вероятно, она выплясывала перемену обличий, движение вспять от человека и животного вниз к змее. Под конец у нее в руке появлялось яйцо, которое она протягивала богине. Этот дар надлежало поместить в середину круглого камня со множеством выемок — для раздельного принесения в жертву всевозможного зерна. Что же это за камень? Да не что иное, как Куриный бог! Помещая яйцо внутрь отверстия в середине камня, жрицы Верховной богини символически обыгрывали акт зарождения в чреве Великой матери нового жизненного начала. При этом сама Деметра, подобно Яге, изначально мыслилась в образе птицедевы (точнее, курицы), дарующей жизненные силы Природе, что подчеркивают выемки в камне, наполнявшиеся зернами. Эротический танец нагой Ямбы, исполнявшей при этом непристойные песни, символизировал совокупление Деметры и Иасиона. Имя этой жрицы опять-таки не находит объяснения в греческом языке. По нашему мнению, Ямба — это слегка искаженное при заимствовании русское словосочетание Гам-баба — «шумящая баба», что прекрасно соответствует ее поведению (при произношении с ударе-

нием на первом «а» последний, проглатываемый слог отпал).

В одной из сцен Элевсинских мистерий жрица, изображающая Деметру, призывает к себе Ямбу, распускает свою белую головную повязку и повязывает ее девушке так, что узел находится впереди и концы крылышками торчат над лбом. В головном наряде Ямбы нельзя не узнать русскую кику (кичку). Ее носили только замужние женщины. Оргиастический танец Ямбы символизировал половой акт, в котором она, как одно из воплощений Великой богини, теряла свою девственность. В связи с этим одевание на нее кики имело ритуальное значение.

Обычно торчащие концы платка сравнивают с рогами. Но это мнение отражает те времена, когда Великая богиня стала уже представляться в образе коровы, а ее супруг (как правило, им был бог-громовержец), соответственно, в облике быка. На более раннем этапе истории концы кики изображали крылья птицедевы; не случайно, что этимологически близкий названию головного убора глагол «кикать» означает «кричать по-птичьи». Маленькие рожки (крылышки) иногда украшали и девичий наряд — кокошник, название которого напрямую соотносится с образом курицы (кокоши). Символическое обретение крыльев (в более поздней традиции рогов) означало для девушки приобщение к таинствам брака и культу Великой богини.

Триптолем во время Элевсинских мистерий возглавляет мужскую половину свиты Великой богини. Ее составляют молодые юноши, которые исполняют танцы с оружием под ритмические звуки ударных инструментов. Всех их называют еще куретами. Смысл данного слова совершенно неясен для исследователей. Но для нас он уже не составляет секрета. Куром русские называют петуха, куретой вологодцы именуют курицу. Таким образом, куре́тов по-другому следует звать пету-

хами. Подобно петуху, прогоняющему своим криком всякую нечисть, они оберегали свою Госпожу. Роль греческих куретов в точности такая же, как и у нашего Кощея, а имена имеют одно и то же значение в русском языке. Символическое оскопление Кощея, которое совершает в русской сказке Иван, сродни тому кровавому ритуалу, который проделывали куреты во время мистерий в честь Великой богини.

В греческом языке имя Триптолем может переводиться по-разному: «сильный воин» или «троепашец», «трижды дерзнувший» совокупиться со жрицей. Совсем иная интерпретация имени, однако, получится, если считать его многосоставным. Значение первой части, происходящей от «Трипет» («Троекур»!), вполне понятно и имеет чисто русские корни. Со второй же ситуация сложнее, она «прилепилась» к исходной основе во время путешествия образа Курета-Кощея с территории Восточно-Европейской равнины в Грецию и потому должна отражать уже общеиндоевропейскую традицию. В русском языке корень «лем» присутствует в слове «леман» — «нечистый дух, леший, черт». В болгарском языке ламья, ламя — баснословная змея, латинское lamia означает «колдунья, ведьма», ее представляли змеей с головой и грудью красивой женщины. А.Н. Афанасьев отмечает, что там, где в славянских сказках действующим лицом является Баба-Яга, параллельные места новогреческих и албанских сказок выставляют ламию и драконицу. Наконец, в греческой мифологии Ламия — богиня, одна из возлюбленных Зевса, которая, после убийства своих детей Герой, превратилась в чудовище. Отрицательные черты в портрете Ламии не должны смущать нас, мы уже убедились, что чем старше возраст мифологического персонажа, тем больше вероятность того, что он царствует в подземном мире и олицетворяет не столько силы плодородия, сколько гибель и зло. Но если корень «лем» (ис-

ходный «лам») соотносить с понятием «змеи», то имя Триптолем следует переводить как Трое-птице-змей. Стоит согласиться, что длительные филологические упражнения стоили того. Греческий Триптолем — это «двойник» русского Кощея! В античные времена Триптолема представляли уже человекоподобным, но он разъезжал в колеснице, запряженной драконами (змеями). В этом нельзя не углядеть преемственность древнейшей идеи связывать его образ с птицами и змеями, идущей, повторимся, от нашего Кощея.

Некоторые известные мифологи XIX века пытались реконструировать образ славянского божества времени, аналога греческого Крона (Хроноса). Ссылаясь на средневековые латинские словари, они предположили, что его звали Крът (Крет) — созвучно (совпадают первые две буквы) имени Крон. Подобной точки зрения придерживался, в частности, Якоб Гримм в своем классическом труде «Немецкая мифология» (1835). Сейчас можно конкретизировать их поиски неведомого бога и поставить точку в данном вопросе. Имя божества времени у древних славян было Курет. В русских сказках и былинах он известен как Кощей Бессмертный. Но народ сохранил память о нем и в другом фольклорном образе — бесе Куренте (имена практически идентичны!), рассказывая про него такую притчу.

Однажды человек-исполин и Курент поспорили между собой, кому из них обладать белым светом. Долго боролись они, изрыли ногами всю землю и сделали ее такою, какова она теперь: где прежде были широкие равнины, там появились высокие горы и глубокие пропасти. Ни тот ни другой не осилили противника. Тогда Курент взял виноградную лозу и стиснул так крепко, что из нее ударило вино; этим вином он упоил человека в то самое время, когда тот сидел на высокой горе за божьим столом. Вскоре воротился Бог и увидел человека, дремлющего за столом; разгневался Бог и сбро-

сил его сильною рукою с горы вниз, отчего много лет лежал он разбитый и полумертвый. Когда человек выздоровел, сила его пропала: не мог он ни скакать через море, ни спускаться в глубь земли, ни восходить к небесному столу. Так завладел Курент светом и человеком, и люди с той поры сделались слабы и малы.

Эта история открывает, что некогда Курент был верховным богом. Лишенный права управлять всем миром, он интригует против Бога и человека. В современной христианской традиции он подобен Дьяволу — что ж, это удел всех древнейших божеств. Новые боги занимают их место, и люди зачисляют проигравших в воинство нечистой силы.

В греческой мифологии куреты известны как исторический народ! Одним из мест проживания куретов была Этолия — гористая местность в центральной части Греции. Согласно мифам, сюда, в страну куретов, бежал сын царя Этола, страшившийся мести. Убив здесь своих спасителей (трех сыновей Аполлона), он назвал землю в свою честь. «Илиада» (IX. 529—599) рассказывает об одном из столкновений этолийцев с куретами:

> Брань была меж куретов и бранолюбивых этолян
> Вкруг Калидона града, и яростно билися рати:
> Мужи этольцы стояли за град Калидон, им любезный,
> Мужи куреты пытались обитель их боем разрушить.

Название города буквально в точности воспроизводит имя русского бога Коляды. Град Калидон — один из тех, что выстроили куреты (предки русских) до прихода сюда греков. Как видим, у куретов были все основания диктовать свою волю. Некоторые источники утверждают, что Этол изгнал куретов в соседнюю Акарнанию, где существовала местность под названием Куретида. Название области Акарнания образовано от имени древнерусской богини Карны (карающей и укоряющей Девы), известной каждому из «Слова о полку Игореве». Имеются свидетельства и о куретах, про-

живавших на острове Эвбея (расположен у восточного побережья Центральной Греции). По свидетельствам Диодора Сицилийского (I в. до н.э.) и Страбона (ок. 64 г. до н.э. — ок. 20 г. н.э.), куреты считались зачинателями скотоводства, пчеловодства, охоты, металлургии, организаторами человеческого общежития и представителями необходимых для тех времен пророческого искусства и волшебства, как создатели особой мудрости.

Но главным местом сосредочения куретов был все-таки Крит. По преданию, первым его царем был курет Крес. В древнерусском языке его имя совпадает с названием огня. Этот корень сохранился в слове «кресало» (приспособление для добывания огня), присутствует он и в слове «вос-кресение» (древние русичи, сжигая останки умерших, считали, что они воскреснут в Высшем мире). Огонь символизирует солнечный свет. В русском фольклоре великий князь именуется Владимиром Красное Солнышко. Эпитет «красное» здесь можно истолковывать не только в смысле красивое, пре-красное, но и крес-ное — огненное и вос-кресающее каждый день (т.е. вечное). Имя первого царя Крита может быть также связано и с тем, что он одновременно выступал в качестве верховного жреца и хранителя божественного огня. Куреты мыслились основателями многих критских городов, в том числе Кносса. Автор V в. из Александрии Гесихий прямо называет куретов «критским народом». По имени их народа и назван остров Крит.

В исторических сочинениях куреты фигурируют как карийцы. Геродот сообщает, что в глубокой древности они жили на островах и назывались лелегами, то есть поклоняющимися древнерусскому богу Лелю. Во времена критского царя Миноса (время расцвета критской культуры, приблизительно середина II тыс. до н.э.) подвластные ему карийцы были «самым могущественным народом на свете». Далее греческий исто-

рик пишет: «Карийцы изобрели три вещи, которые впоследствии переняли у них эллины. Так, они научили прикреплять к своим шлемам султаны, изображать на щитах эмблемы и первыми стали приделывать ручки на щитах (до тех пор все народы носили щиты без ручек и пользовались ими с помощью кожаных перевязей, надевая их на шею и на левое плечо). Затем, много времени спустя, карийцев изгнали с их островов дорийцы и ионяне, и таким образом они переселились на материк (в Малую Азию. — *А. А.*) (История I, 171). Область в Юго-Западной Анатолии, куда перебрались карийцы, стала называться Кария. Карийцы участвовали в Троянской войне на стороне троянцев. Гомер говорит про них:

> Настес вел говорящих наречием варварских каров,
> Кои Милет занимали и Фтиров лесистую гору,
> И Меандра поток, и Микала вершины крутые.

Настес — мужская форма имени Анастасия, что по-гречески значит «воскресение». Это заставляет вспомнить о первом критском царе Кресе. Кстати, имя лидийского царя, создавшего в середине VI в. до н.э. огромное многонациональное государство, куда в том числе вошли и карийцы, было также Крес (Крез).

Поэт особо выделяет тот факт, что карийцы говорили не по-гречески! Действительно, предки русских должны были изъясняться на каком-то варианте древнерусского наречия. Геродот упоминает, что карийцы жили и в Египте. Они служили наемниками в армиях египетских царей. Когда Псамметих I (665—609 гг. до н.э.) пожаловал за заслуги им земли, то свои поселения они назвали станами. Совсем как русские!

Карийцев в Малой Азии называли также хурритами (точь-в-точь куретами). Но об их истории речь впереди.

Марья Моревна и Ярила

Мария, Дева-Мать! Ты любишь этих гор
Пещеры, и ключи, и пастбища над бором,
И дани роз Твоих от пастырей, чьим
взорам
Являешься, надев их бедных дев убор.

Пречистая, внемли! Не с ангельским
собором,
Клубящим по небу Твой звездный омофор,
Когда за всенощной Тебя величит хор, —
Владычицей Земли предстань родным
просторам!

В. Иванов

Марья Моревна — сказочный персонаж. В одноименной сказке из сборника Афанасьева ее именуют прекрасной королевной. Она не только красивая, но и сильная женщина, могучая богатырша и предводительница войска. Ей даже (каким-то чудом!) удалось пленить самого Кощея, который томился прикованным на двенадцати цепях в ее чулане. Правда, ему нельзя было давать пить вволю, как это сделал Иван. Обретя силу, Кощей разорвал цепи и вырвался на свободу, а уж в противостоянии один на один с ним не справиться никому. Так Марья Моревна стала пленницей Кощея.

Ранее уже говорилось, что сказочная героиня в данном случае играет роль богини плодородия, которая становится гостьей Кощеева подземного царства только на время холодов, когда у земледельцев наступает

перерыв в их хозяйственной деятельности. Но что тогда означает ситуация с заточением самого Кощея в чулане Марьи Моревны?

Этот сюжет является отголоском очень древних времен матриархата. Изначально Марья Моревна, как одно из воплощений Великой богини, обладала властью над всеми божественными силами, в том числе и над Кощеем. Сказка, подчеркивая его подчиненность в ту эпоху, изображает Змея сидящим на цепи в доме у Марьи Моревны. Но в патриархальные времена их роли переменились, и теперь уже Кощей диктует свою волю богине. Сказочное повествование соединило, таким образом, «осколки» двух разных мифов о Кощее и его возлюбленной Марье Моревне. Это замечательное свойство данной сказки! Она не только называет еще одно из имен Великой богини, под которым та почиталась нашими предками, она также свидетельствует о *длительной истории любви к ней* Кощея. История любовного треугольника Кощей — Марья — Иван весьма прозрачна и обыденна. Кощей — самый старший из них, он еще силен и могуч, но время его всевластия проходит. Уже родился и вырос бог следующего поколения, более молодой и сильный Иван. За ним будущее, и он должен стать новым мужем Великой богини.

В славянской мифологии Марья Моревна известна как Марена (Марана, Морена, Маржана, Маржена) — богиня, связанная с сезонными ритуалами умирания и воскресения природы, а также с ритуалами вызывания дождя. В весенних обрядах западных славян Мареной называлось соломенное чучело, которое топили, разрывали на части или сжигали. Подобный обряд в будущем должен был обеспечить урожай.

При характеристике Марены обычно отталкиваются от ассоциаций, вызываемых ее именем. В этом смысле очень показателен подход А.Н. Афанасьева, который считал, что Марена была главным олицетворе-

нием нечистой силы, что она — богиня смерти, зимы и ночи, имя ее родственно со словами: мрак, морок, мор — повальная болезнь, мора — тьма, марать, мары — носилки для покойников, мара — призрак, нечистый дух и т.д. Само по себе такое рассуждение кажется достаточно убедительным, но применительно к образу богини оно очень односторонне и потому в целом неверно.

Мы уже убедились на примерах Бабы-Яги и Кощея, что древние боги отнюдь не мыслились столь «одноцветными». Точно так же и богиню Марену нельзя изображать только в мрачных тонах. К примеру, польский хронист XV века Длугош отождествлял ее с римской Церерой. Напомним, что Церера — древнейшая богиня производительных сил земли, произрастания и созревания злаков, богиня материнства и брака, но она также и властительница подземного мира, насылавшая на людей безумие. Церера почиталась как хранительница сельской общины и защитница урожая от грабителей. Описание функций, которые приписывались этой богине, не оставляет сомнений, что римляне воспринимали ее как воплощение Великой богини. Польский исследователь, сопоставляя с ней Марену, восстанавливал истинное значение, которое придавали последней славяне. Рождение и смерть в природе — явления неразделимые. Это прекрасно ощущали жившие в единстве с ней древнейшие создатели мифологических образов. В Евангелии по этому поводу сказано: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Евангелие от Иоанна, XII, 24). Соломенное чучело олицетворяло зимнюю ипостась богини, его сожжение означало конец бесплодной зимы, победу сил плодородия и начало весеннего возрождения.

Академик Рыбаков обратил внимание, что в былине

«Иван Годинович» в качестве невесты Кощея Трипетовича названа Анастасия, дочь черниговского боярина Димитрия. И имя, и отчество девушки — весьма знаменательны. Анастасия в переводе с греческого означает «воскресение», а имя Димитрий напрямую перекликается с одним из имен Великой богини — Деметрой. Авторы былины изменили имя супруги Кощея и переиначили сказочный сюжет: Анастасия до конца остается верной Кощею и помогает ему в борьбе против не любимого ею Ивана. Это необычный, прямо скажем, поворот событий. Похитителем девушки и насильником оказывается вовсе не Кощей, а Иван Годинович. Объяснить эту странность можно лишь единственным образом: создатели былины стремились восстановить (забытое к тому времени) первоначальное значение образа возлюбленной Кощея! При этом положительными героями выступают Кощей и Анастасия, а не их победитель.

И еще один аргумент. В христианстве имя Мария носит мать Спасителя — Богоматерь, давшая жизнь Христу и олицетворяющая светлые силы созидания. Правда, академическая наука полагает, что это имя образовано от древнееврейского «mara» — противиться, отвергать, а русские усвоили его после принятия христианства. Но здесь мы вправе задать вопрос — а как же быть с Марьей Моревной и Мареной? Эти языческие образы возникли внутри славянского сообщества задолго до каких бы то ни было контактов с семитическими народами! В действительности все было наоборот: евреи заимствовали имя Мария у наших предков, кстати, они считают исконно своими как раз его варианты — Мириам, Мирра. К тому же русский язык дает и истинный ключ к пониманию смысла этого имени.

Начнем с того, что Марья (Мария, Марея) означает буквально Ма(ть) Рея. Да-да, та самая титанида, дочь Геи и супруга Крона, которому она родила Гестию, Де-

метру, Геру, Аида, Посейдона и Зевса. Рея — мать великих греческих богов, в период поздней Античности она отождествлялась с малоазийской Кибелой, именовавшейся Великой матерью богов, поэтому одна из форм обращения к ней могла звучать как «Мать Рея» (Ма Рея или просто Мария). Обителью Реи служил остров Крит. Египтяне называли его Ау-Mari по имени древнекритской богини Mari. Теперь очевидно, что Рея и Mari (Мария) суть разные имена одной и той же богини. Греческая Рея и русская Марья Моревна — воплощения Великой богини, они параллельные персонажи родственных мифологий, точно так же, как и их возлюбленные — Крон и Кощей. Но что означает имя Рея и в каком направлении шло заимствование?

Прежде чем ответить на этот вопрос, скажем, что в русской мифологии есть персонаж, который открывает изначальный смысл образа Реи. Кто из нас не помнит услышанного в детские годы сказочного зачина: «Жили-были Дед да Баба, да была у них Курочка Ряба. Снесла она яичко, да не простое, а золотое!» Тем не менее мало кто догадывается, что Курочка Ряба олицетворяет прародительницу мира, а прообразом снесенного ею золотого яичка является Космическое яйцо, символизирующее всю Вселенную. Золотым представляли Мировое яйцо древние арии, предки современных русских. Часть из них во II тыс. до н.э. с территории Русской равнины мигрировала в Индию, где создала самые древние книги человечества — Веды. Согласно ведийским текстам, Космическое (золотое) яйцо — место обитания Верховного божества, творца-прародителя мира Брахмы. Образовалось оно в результате истечения мужского семени в первичный океан. В русской сказке мифологические детали практически отсутствуют, но она сохранила образ божественной птицы, создавшей мир. Это указывает на то, что сказочный сюжет существенно древнее ведическо-

го. Более того, в сказке названо имя Великой богини — Ряба (Ръя-ба или Рея-богиня). Слово ря-бок обозначает у русских «птицу куриного рода из числа лесной дичи», его последний слог фактически открывает свою исходную форму «бог», подтверждая тем самым нашу догадку. Вторую часть имени Ряба можно также истолковывать и как сокращение (укороченную форму) слова «баба», которое встречается в именах верховных божеств у самых разных народов. По всей видимости, в древности у индоевропейских народов слова «баба» и «бог» («богиня») использовались как синонимы, что можно рассматривать как воспоминание о культе Великой богини.

И, наконец, о самом имени Рея. Прежде всего, обратим внимание, что изначальная форма древнерусского названия куропатки (рябки), о которой так много говорилось выше, выглядит как «ярябь», «ерябь». Значит, Рея — усеченный вариант имени, а его исходную форму следует искать среди слов с корнями «Яр» (с возможной трансформацией первой «я» на созвучную гласную). С этим замечанием задача поиска предельно упрощается, тем более что Яр (Ярила) едва ли не самый популярный бог древних русичей и славян, и значение его имени изучено «вдоль и поперек». Особенно выделим книгу Юрия Петухова «Дорогами богов», в которой данному вопросу посвящен отдельный параграф. Корень «Яр» совмещает в себе понятие весеннего света и теплоты, юной, стремительной, до неистовства возбужденной силы, любовной страсти, похотливости и плодородия — понятия, неразлучные с представлениями о весне и грозовых явлениях. В имени Яра звучит и «ярость», и «ярение». Поэт Сергей Городецкий, автор цикла стихов «Ярь», так попытался воспроизвести обращение жриц к своему верховному божеству:

Ярила, Ярила
Высокий Ярила,
Твои мы.

Яри нас, яри нас
Очима.
Конь в поле ярится,
Уж князь заярится,
Прискаче.
Прискаче, поиме
Любую.
Ярила, Ярила,
Ярую.
Ярила́, Ярила,
Твоя я!
Яри мя, яри мя,
Очима
Сверкая!

По-русски Яра — весна — время года, когда Природа возрождается в своем новом обличье. Поэтому у нас есть все основания производить имя Матери богов Реи от слов «яра», «ярая», «яреная» (т.е. оплодотворенная и готовая плодоносить) и считать ее женской параллелью бога Яра (Ярилы). У русских и славян Великая богиня Яра — Рея со временем стала почитаться как Марена. Греки сохранили более древний (укороченный) вариант ее имени. Переход Яра — Рея полностью аналогичен разобранному выше превращению Яги в Гею.

Богиня Рея изначально представлялась в образе куропатки (куро-птахи). Не случайно ее свиту составляют куреты (петухи или, более расширительно, птахи). Древние греки изображали Рею, однако, уже антропоморфной, рожающей человекоподобных богов, следовательно, культ ее распространялся с севера на юг. Выше уже указывалось, что в индоевропейских языках слова с корневой основой «мар» («мор») обозначают понятия мрака и мороза. Это говорит в пользу того, что имя богини Марены (Марии) также зарождалось в северных (менее солнечных) странах и лишь вместе с переселенцами оттуда «пришло» на Балканы.

Народ, первым обосновавшийся на берегах Эгейского моря, древние авторы называли пеласгами. Соб-

ственно, греки начали обживаться на этих территориях только в начале II тыс. до н.э. Пеласгический (догреческий) миф творения отличается от того «олимпийского», который записал Гесиод. Согласно представлениям пеласгов, Эвринома, богиня всего сущего, восстала обнаженной из Хаоса и обнаружила, что ей не на что опереться. Поэтому она отделила небо от моря и начала свой одинокий танец над его волнами. В своем танце она продвигалась к югу, а за ее спиной трепетал ветер. Обернувшись, она поймала этот северный ветер, сжала его в своих ладонях, и перед ее глазами предстал великий змей Борей. Эвринома пробудила в нем желание, и он обвил ее божественные чресла, чтобы обладать ею. Затем она превратилась в голубку, села, подобно наседке, на волны и по прошествии положенного времени снесла Мировое яйцо. Данный вариант мифа творения содержит осколки чрезвычайно архаических представлений: Великая богиня в нем может оборачиваться птицей, а ее божественным супругом выступает олицетворяющий природные силы ветер. Но важнейшая его подробность заключается в указании пути движения богини с севера на юг. Это направление миграции народа пеласгов!

Теперь о богах, упоминаемых в пеласгическом мифе творения. Имя Борей не находит объяснения на греческой «почве», и за разъяснением его смысла, как мы это делали уже не раз, придется заглянуть в словарь русского языка. Борой называют русские ураганный ветер. Если ураган сопровождается метелью, то говорят о буране (боране). Однокоренным для всех них будет слово «буря», которое в старину писалось как «боуря» (эта форма открывает путь перехода корня «бор» в «бур»). В русских сказках известен «прототип» Борея Буря-богатырь — победитель Чуда-юда. Ну а Эвринома? С этим именем ситуация сложнее: оно греческого происхождения и двусоставное. Вторая его часть об-

разована от слова «nomaz» — кочующий. При переводе же первой необходимо учесть, что в греческом языке буквы «в» нет, а ее роль в данном случае играет «u» — «ипсилон», которую, согласно правилам произношения греческих букв, следовало бы прочитать как «и». Поэтому «Эври» есть не что иное, как искаженное при греческом написании имя Яры. И значит, Эвринома переводится как «кочующая Яра (Рея)». Нельзя не признать, что такой перевод идеально (!) соответствует содержанию пеласгического мифа творения. Итак, пеласги пришли в Грецию с севера и принесли на ее земли культ богини Яры. Сами себя они в честь своей верховной богини называли ариями. Время их прихода — середина IV тыс. до н.э.

Мужской параллелью Яры является Яр (или, в современном варианте произношения, Ярила). Яр — божество весеннего плодородия. Веселый и разгульный, этот бог страсти и удали представляется молодцем красоты неописуемой; в белой епанче сидит он на белом коне, на русых кудрях сверкает цветочный венок, а в левой руке ржаные колосья. Он наделен богатырской силой и веселым характером: все, что передает животворящему лету весна, воплощается в нем по прихотливой воле суеверного человеческого воображения. Взглянет Ярила на встречного — тот без пива пьян, без хмеля — хмелен; встретится Яр-Хмель с девицей-красавицей — мигом ту в жар бросит: так бы на шею кому и кинулась. Белый конь, на котором восседает Ярила, — характерный атрибут бога солнца. Яр олицетворяет пробудившееся после долгих холодов солнце. В нем чествуется, по преимуществу, жарко и плодотворно греющая, похотливая, фаллическая сторона божества. Праздник возвращения весны (рождения Яра) называется Юрьев день. Он приходится на 23 апреля. В Малороссии Яра (Юрия) именовали Урай, в Белоруссии — Рай, Раек. Как легко искажается и отпадает

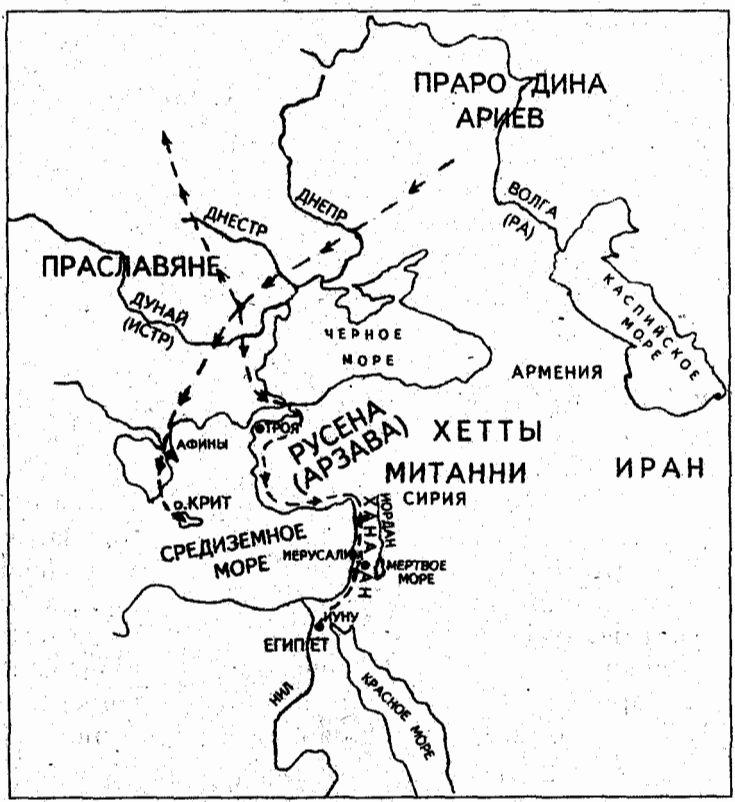
гласная в открытом слоге даже в русских говорах! Что уж говорить о чужеземных вариантах произношения наших имен! Русские солдаты, когда идут в атаку, криком «Ура» призывают помочь им бога Яра. Это наш (и никакой не татарский!) древнейший боевой клич. И в стародавние, и в нынешние времена он объединял защитников Руси.

Проводы Яра устраивались в разные сроки, но обычно ближе ко второй половине июня, на неделе перед Ивановым днем (24 июня). Празднование Ярилы, согласно поучениям против язычества, носило «разнузданный» характер, сопровождалось винопитием, фривольными играми и кулачными боями. Игрище в его честь заключалось обрядом погребения отживающего свой век, вместе с весною, бога. Служа исключительно выражением «припекающей» стороны солнца, вызывающей в природе похоть (ярь), сочетание полов и обильное плодородие, одряхлевший к концу весны, он изображался стариком или куклой с непомерно большим фаллосом: любезного бога чествовали, носили процессией, пели во хвалу его песни и, в заключение, с причитаниями, плачем и завываниями хоронили. Исследователь русского фольклора А.С. Фаминцын, автор книги «Божества древних славян», отмечал: «В Ярилиных игрищах воспроизводится в драматической, хотя, разумеется, более первобытно-деревенской форме, чем в Древней Греции, та же самая идея кончины представителя весеннего плодородия, возвратившего всю природу к новой жизни после зимнего сна, а затем, с наступлением высшего солнцестояния, удаляющегося, умирающего, уступая место возвращающейся зиме». Несколько странно, что исследователь в дальнейшем не развил свою мысль. Ведь если в России аналогичное празднество носило более древний характер, чем в античной Греции, то это могло означать только одно: ис-

токи обряда похорон и последующего воскресения бога плодородия надо искать на севере.

Наш отечественный мифолог Г. Снегирев еще в XIX веке указал на близость образа Ярилы и греческого Эроса. Греки считали Эроса (Эрота) одним из древнейших богов. Высказывалось также мнение, что Эрос, высиженный из Мирового яйца, был первым из богов. Он творец мира (без него ничего бы не родилось!), многоискусный, владыка ключей эфира, неба, моря, земли, царства мертвых и Тартара. Для греков, созидавших свой пантеон богов во второй половине II тыс. до н.э., Эрос представлялся уже незнакомцем, даже чужим, и потому не был включен в число олимпийцев. Известны изображения Эрота в виде крылатой «Злобы», в том смысле, что неуправляемое половое влечение может быть опасным для здорового общества. Гесиод относил его к числу четырех первоначал мира, наряду с Хаосом, Геей и Тартаром, но полагал некой абстракцией. Более поздние поэты изображали его прекрасным юношей, поражающим своими стрелами сердца влюбленных. Однако даже в поздней Античности существовал архаический культ Эроса, которого почитали в виде необработанного камня (символа фаллоса). Добавим к этому, что крылья за спиной Эрота сохранились с тех «доисторических» времен, когда его мыслили сказочной птицей любви и сравнивали с северным ветром, оплодотворившим Великую богиню Яру. Эрос, таким образом, является греческой формой написания русского Яра. Другими словами, Эрос — это воспринятый греками русский бог Яр, а росами греки стали называть тех ариев, у которых позаимствовали его культ.

Теперь об ариях и их истории. Арийская общность выкристаллизовалась внутри более древней и обширной семьи индоевропейских народов, по крайней мере, уже к V—IV тыс. до н.э. Прародина ариев располага-



Арии в Средиземноморье

лась где-то между Днепром и Уральскими горами. Итак, Русская равнина — прародина ариев.

Главная река Русской равнины — Волга. Ее древнее название Ра перекликается с именем бога Яра (Урая, Рая). Оно, несомненно, арийского происхождения. Волга — краса и гордость России, «русский Нил» (В. Розанов). И не потому ли она так дорога русскому человеку, что именно вокруг нее зарождалась великая арийская цивилизация?

В момент выделения в среде индоевропейских народов ариев объединяла вера в верховного бога Яра. Позже единый арийский мир раскололся. Часть арийских племен (индоиранцы) покинули свою северную прародину и двинулись на юг и юго-восток. Со временем бог Яр превратился у них в Арьямана. Другая часть ариев устремилась на запад, к берегам Днестра и Дуная. Они хранили наиболее древний слой арийской мифологии и почитали Яра под его первоначальным именем.

Прежнее название Дуная — Истр — означает «Есть Яр». Имя Днестр представляет сочетание уже трех слов «Дану есть Яр» (Дану по-арийски «река»). Оба названия связаны с именем бога Яра, следовательно, арии жили в бассейне этих рек. Более того, поскольку название Днестра сохранилось до наших дней, можно заключить, что Приднестровье было одним из крупнейших центров концентрации ариев. Причерноморские области, включавшие междуречье Дуная и Днестра, и Поднепровье стали второй (причерноморской) прародиной ариев-росов. Здесь они вступили в непосредственный контакт с праславянами. Праславяне были первыми из индоевропейцев, воспринявших в значительной степени культуру ариев, поэтому они так близки русским по языку и культуре.

Территориально область второй прародины совпадает с ареалом трипольской археологической культуры. Академик Рыбаков установив ряд параллелей между трипольской живописью и гимнами «Ригведы» — древнейшей из «Вед». Это указывает на былое единство трипольцев и ариев.

Во второй половине IV тыс. до н.э. арийские племена, двигаясь из-за Дуная, пришли в Грецию. Именно они принесли на эти земли культ Яра-Эроса. Другой путь миграции ариев Дунай-Днестровского междуречья был направлен в Малую Азию и на Ближний Вос-

ток. В Коране (25:40; 50:12) упоминается древний народ Аравии «обитатели ар-Расса» (России!), которые не поверили пророку. В египетских надписях II тыс. до н.э. многократно упоминается соседняя страна Русена. В Библии Палестина часто называется «Ерез», «Арзену», что обычно переводится как «страна», «наша страна». Но древнееврейское письмо не имело гласных, поэтому эти названия можно читать как «Русь» («Эрос»), «Русена» с глухой «с» вместо звонкой «з» и переводить как «страна любви». Хетты (народ, проживавший на территории современной Турции) в своих клинописных табличках называли ее Арсава, она была их малоазийским соседом. Итак, самые разные источники указывают на существование ближневосточно-малоазийской Руси.

Первое упоминание Русены у египтян относится ко времени Среднего царства (XII династия, XX—XIX вв. до н.э.). Однако дату их знакомства с ариями необходимо еще далее отодвинуть в глубь времен. Египтяне поклонялись богу солнца Ра. Центр его культа — город Иуну вблизи нынешнего Каира. Он воплощался в образе сокола и изображался в виде человека с головой сокола, увенчанной солнечным диском. Фетиш Ра — фаллосоподобный столб-обелиск «Бенбен», отличительный знак бога плодородия. Согласно мифу, днем Ра, освещая землю, плывет по небесному Нилу, вечером спускается в преисподнюю, где, сражаясь с силами мрака, преодолевает подземный участок реки, а утром вновь появляется на горизонте. С возвышением V династии (XXVI—XXV вв. до н.э.), происходившей из Иуну, Ра стал главным богом пантеона, и его культ приобрел общеегипетский характер. Ра стали считать создателем мира и людей, отцом богов, отцом фараона. В боге Ра нельзя не признать русского Яра: оба они непосредственно связаны с солнцем, оба олицетворяют пробуждение (воскресение) новой жизни; наконец,

совпадают их имена (в египетском письме также отсутствовали гласные). Египтяне унаследовали бога Ра от арийцев, поселившихся в дельте Нила. Арийцы создали здесь государство и были в числе первых его фараонов.

Путь ариев в Египет проходил через Малую Азию (п-ов Анатолия), Сирию и Палестину. На этих территориях остались «следы» былого присутствия ариев. Название главной реки Палестины — Иордан — означает Яр-река, или река ариев, а имя ее столицы — Иерусалим — в переводе с древнееврейского значит «мир Яра». Один из богов, играющий в семитских мифах роль верховного владыки, носит имя Астар. Оно образовано соединением двух арийских слов: «асте» (есть) и «Ар» (Яр). Астар — это тот же Яр, культ которого арии принесли в Палестину. Жена Астара — Астарта (богиня любви и плодородия) — его женское воплощение. Астар являлся верховным божеством также в йеменской мифологии. Мифологические энциклопедии и словари, повинуясь академической традиции, называют этих богов семитскими. Но имена однозначно свидетельствуют об их индоевропейской природе и связи с ариями, которых в Палестине называли арамеями. В английском языке слово «арамеи» пишется как «aramaens», в котором без труда узнается чуть искаженное словосочетание «люди-арии». Название полуострова Аравия происходит от русского корня «Яр». Все это территории, куда в конце IV — начале III тыс. до н. э. пришли со своей северной прародины арии.

Обычно говорят, что движение ариев на юг осуществлялось в направлении Урал — Аральское море — Средняя Азия — Иран, Индия и датируют время этой миграции началом II тыс. до н.э. Мы же со своей стороны утверждаем, что существенно раньше по времени происходило переселение части ариев по маршруту Днепр — Балканы — Греция, Египет, Малая Азия, Ара-

вия. Взглянем, например, на политическую карту Аравийского полуострова. В названиях государств Оман, Йемен присутствует корень «ман» («мен»), так же как и в имени столицы Иордании — Аммане. Но Ману — это первый человек, прародитель людей в учении ариев! Название столицы Саудовской Аравии — Эр-Рияд, как его ни переводи, также демонстрирует нерасторжимую связь с корнем «Яр». В Йемене, примерно в 30 километрах к юго-востоку от столицы Саны, находится местность с названием Биляд-эр-Рус, что дословно переводится с арабского как «Страна Русских», а огромный солончак в том же районе именуется Аба-эр-Рус, что означает «Отцы Русских».

Для историков до сих пор неразрешимой загадкой остается возникновение в южной части Месопотамии (междуречья Тигра и Евфрата) шумерской цивилизации. Но один из важнейших городов-государств Шумера называется ни больше ни меньше как Ур. В России не счесть деревень, в названиях которых фигурирует слово «Яр». Чаще всего это Красный (т.е. красивый, прекрасный) Яр. Есть и города Красноярск и Ярославль. Ни одна земля в мире не содержит столько населенных Яров, как Россия. По-русски «яр» употребляется в значении «круча», «обрыв», «подмытый и обрушенный берег». В древности именно на этих местах и строили поселения и города. Таким образом, Ур — это Яр, это город, отстроенный пришедшими в Двуречье ариями. Тот же самый корень присутствует в названиях еще двух шумерских городов-государств — Урук и Эриду. В поэзии древних шумеров упоминается далекая страна Аратта, с которой они поддерживали связи:

Зубцы Аратты — лазурит зеленый,
Стена и башни — глянцево-красные,
Глина ее — оловянные слитки —
«небесная глина»,
Что добыта в горах лесистых.

Имя Аратта здесь — безусловное указание на страну древних ариев. Локализовать ее однозначно очень трудно, из отрывка ясно только, что она богата полезными ископаемыми, добываемыми в сравнительно невысоких («лесистых») горах. Правда, зеленый лазурит вполне может оказаться уральским малахитом, а «стены и башни» Аратты — укреплениями Аркаима (город II тыс. до н.э. на территории Челябинской области). Но более вероятно, что Аратта — это уже упоминавшаяся страна Арсава.

В аккадском эпосе (Аккад — один из городов Месопотамии) фигурирует богиня Аруру — создательница людей, определявшая их судьбы. Ее имя происходит от древнерусской корневой основы «яр». В сущности, Аруру — это та же Великая богиня Яра, культ которой принесли в Междуречье арии. Время их появления здесь — приблизительно рубеж IV и III тыс. до н.э. Центральное женское божество в аккадской мифологии — богиня Иштар. Мифологи отождествляют ее с Астартой, мы же добавим к этому, что прообраз и той и другой — наша Яра (или по-шумерски Аруру). Иштар почиталась во многих центрах Южного и Северного Двуречья, а также в ряде соседних областей Передней Азии, где ее имя произносилось с искажениями (Ишхара, Ашхара, Эшхара, Ужхара).

В первой половине III тыс. до н.э. арии контролировали Балканы, Крит, Малую Азию, Аравию, Египет и Месопотамию — и можно говорить о существовании огромной «империи» ариев, существовавшей в III тыс. до н.э. Они не составляли большинства населения в ее окраинных частях, и поэтому со временем их позиции там стали ослабевать. Исход арийских племен из Египта совпал, по-видимому, со временем распада Древнего царства на множество независимых областей (около XXII в. до н.э.). Фараонам Среднего царства уже известна граничащая с Египтом страна Русена. Ее гра-

ницы охватывали Палестину, часть прилегающей к ней Сирии и юго-западные области Анатолии. Арсава-Русена была центром, который «питал» и поддерживал ариев, проживавших на периферии империи. Но со временем влияние ариев в подчиненных им странах начало ослабевать. С возвышением во второй половине III тыс. до н.э. Аккада там особое значение приобрел бог войны и чумы Эрра. Аккадцы писали это имя без принятого у них обозначения бога, что подчеркивало его чужеземность. Семитские племена не хотели мириться с ведущей ролью ариев, они сравнивали северян-переселенцев с чумой и планомерно пытались вытеснить их из Месопотамии. Арийцы, в свою очередь, противодействовали этой политике. Одно из их племен, которое называлось амореи (аморриты, амурру), в конце III тыс. до н.э., выдвинувшись из Палестины, завоевало все Двуречье. Свое название они получили по имени верховного бога Марту. По месопотамским представлениям, Марту — громовержец, насылающий бурю, кочевник и варвар. Он является мужской параллелью Морены (Марии), а у современных русских известен до сих пор как... Дед Мороз.

Морозко (Мороз) — бог зимы и холодов. В славянских преданиях морозы отождествлялись с бурными зимними ветрами: дуновение Мороза производит сильную стужу, снежные облака — его волосы. Накануне Рождества Морозку кликали: «Мороз, Мороз! Приходи кисель есть! Мороз, Мороз! Не бей наш овес, лен да конопли в землю вколоти!» Н.А. Некрасов писал об этом персонаже:

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Северные области России — царство Деда Мороза — были прародиной древних ариев. Их религиоз-

ные книги — древнеиндийские Веды и древнеиранская Авеста — свидетельствуют о том, что ариям были знакомы представления о полярной ночи. В Авесте есть воспоминание о том, что родина ариев была некогда светлой и прекрасной страной, но злой демон наслал на нее холод и снег, которые поражали ее ежегодно на 10 месяцев, солнце всходило лишь один раз, и сам год превратился в одну ночь и один день. По совету богов люди ушли оттуда навсегда. Но память о далеком севере жила в их памяти. В иранской мифологии Мартйа и Мартйанаг — первая человеческая пара, их имена соотносятся с Морозом и Мареной, властвующими на их далекой прародине. В ведистской и индуистской мифологии Маруты (южные «Морозы») — божества бури, ветра, грома и молнии, а Мара буддистской мифологии — точная копия русской Марены.

В 1900—1850 гг. до н.э. в Месопотамии образовался ряд государств во главе с аморейскими династиями, каждая из которых поддерживалась отдельным племенем или союзом племен. Политическим идеалом таких династий было государство III династии Ура, и они старались показать себя законными преемниками его власти, присваивая себе пышную титулатуру урских (арийских по происхождению!) царей. На деле власть большинства таких правителей была эфемерной, и независимость они сохраняли лишь до тех пор, пока кто-либо из соседей, опирающихся на более сильные и богатые племена, не лишал их независимости. С многолетними междоусобицами, однако, покончил вавилонский царь Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.), который создал единое государство, включавшее всю Нижнюю и большую часть Верхней Месопотамии со столицей в Вавилоне. Марту (под именем Мардук) становится центральным божеством вавилонского пантеона и главным богом города Вавилон. Амореи, таким образом, сумели восстановить арийское влияние в Двуречье.

Но в середине XVII в. до н.э. в самом центре Малой Азии (полуострова Анатолия) у них появился очень сильный противник — хетты. Государство хеттов возникло в результате слияния пришлых индоевропейцев (неарийцев) с местными племенами, находившимися до того времени под властью арийцев. Соседи Арсавы, хетты, связывали с ариями реальную военную угрозу для их государства, отчего и назвали своего бога войны Ярри. Этот пример наглядно показывает, что, с одной стороны, хетты испытали непосредственное влияние языка и культуры ариев (заимствование имени бога), а с другой — с некоторых пор захотели выступать независимой от ариев силой (изменили смысл образа бога Яра). Первый хеттский царь Лабарна отвоевал у Арсавы часть средиземноморского побережья. При этом хетты присоединили к себе ряд городов-царств в Северной Сирии и проникли в Палестину. Предел этой экспансии положили воины страны Митанни.

Государство Митанни возникло на территории Северной Месопотамии в начале II тыс. до н.э. Его создателем стало одно из хурритских племен — маиттане, от имени которого и произошло название страны. В предыдущей главе мы уже упомянули, что хурриты (куреты, карийцы) — это арийцы, перебравшиеся в Малую Азию под давлением греков-ахейцев. Кроме того, исследователи полагают, что на земли Митанни переселилась значительная часть ариев из южнорусских степей. «Северяне» значительно усилили военную мощь государства Митанни. Они (вместе с другими племенами своей страны) выступили союзниками Арсавы в ее борьбе с египтянами и хеттами. Митаннийцы отвоевали у хеттов все спорные территории и в буквальном смысле поставили их на место. Однако сразу же вслед за этим египтяне поработили Палестину, Финикию и вторглись в Сирию. Жители этих земель частью попали под египетское иго, но большинство их отступило

к малоазийским пределам Арсавы (западная часть Анатолии) или влилось в число митаннийцев — многонационального государства, которым управляли арии. В это же время хетты сначала с помощью политических интриг, а затем военным путем попытались присоединить к себе Арсаву, но были наголову разбиты. Власть ариев после этого распространилась на всю Малую Азию. Признавая это, египетский фараон Аменхотеп III (XV в. до н.э.) попросил руки и женился на дочери царя Арсавы. В свою очередь, митаннийцы установили гегемонию в Северной Сирии. Их влияние распространилось вплоть до Палестины, где в XV—XIV вв. до н.э. встречаются правители с арийскими именами. После ряда серьезных столкновений с Египтом митаннийские цари вступают в дружбу с фараонами и скрепляют ее династическими браками.

В период XIV—XIII вв. до н.э. малоазийский полуостров представлял «бурлящий котел». В отношения между хеттами и Арсавой в качестве третьей силы вклинились греки-ахейцы. К тому времени они уже вытеснили ариев с материковой части Греции, Крита и, завоевав часть Юго-Западной Анатолии, пытались установить контроль над всем побережьем полуострова. Хетты, в свою очередь, в середине XIV в. до н.э. разгромили митаннийцев. После этого нашествия государство Митанни вступает в полосу смут и раздоров. В ходе борьбы за высший престол арии утрачивают здесь свои позиции: с середины XIII в. до н.э. среди имен митаннийской знати пропадают арийские имена.

Арсава возглавляла союз малоазийских государств. В состав «стран Арсавы» входила и Троада — область города Трои (Илиона). Хетты, умело используя противоречия между членами союза, в конце XIV в. до н.э. покорили страны Арсавы и обложили их данью. Только царь Мурсили II привел оттуда 66 тысяч пленных. Часть из этих депортированных обращали в рабов

различных категорий, других поселяли в качестве обязанных повинностью подданных хеттского царя. Однако хеттам не удалось ни разрушить единства ариев, ни сломить их волю к сопротивлению. К середине XIII в. до н.э., когда непрерывные военные походы истощили экономику хеттов и разорили их хозяйство, страны Арсавы обрели независимость. Но впереди уже маячил призрак Троянской войны, которая стала последней битвой государства Арсава. Гибель Трои символизирует его крушение. Две с лишним тысячи лет арии были одной из влиятельнейших сил Средиземноморья. Они стояли у истоков египетской, критской и шумерской цивилизаций, выстроили целую цепь приморских городов, ставших центрами международной торговли, были первыми учителями семитов. И совершенно закономерно, что с падением Арсавы в Анатолии наступили «темные века».

Иван-не-дурак

Гляжу в озера синие,
В полях ромашки рву...
Зову тебя Россиею,
Единственной зову.
Спроси-переспроси меня —
Милее нет земли.
Меня здесь русским именем
Когда-то нарекли.

. . . . . .

Красу твою не старили
Ни годы, ни беда.
Иванами да Марьями
Гордилась ты всегда.
Не все вернулись соколы —
Кто жив, а кто убит...
Но слава их высокая
Тебе принадлежит.

И. Шаферан

Большинство наших соотечественников относится к сказочному Ивану предельно иронично и даже уничижительно. Прозвище «дурак» выставляется ими в качестве визитной карточки героя. Между тем действительный смысл этого мифологического персонажа намного глубже и интереснее.

Иван — «первочеловек», основатель культурной традиции, демиург в том смысле, что совершенные им деяния как бы приравниваются по значению к космологическим актам, непосредственно продолжают их

на человеческом уровне. Память об Иване как русском боге хранят сказки об Иване, коровьем сыне и Иване Быковиче. Эти «сказочные богатыри, изумляющие нас громадными силами и размерами, воплощают в своих человеческих образах грозовые явления природы; оттого они растут не по дням, не по часам, а по минутам — так же быстро, как быстро надвигаются на небо громовые тучи и вздымаются вихри. Быстрота полета бурной дожденосной тучи заставила фантазию сравнивать ее с легконогим конем, проливаемые ею потоки дождя повели к сближению тучи с дойною коровою... Поэтому Буря-богатырь, коровьин сын, есть собственно сын тучи, то есть молния или божество грома — славянский Перун, скандинавский Тор: понятно, что удары его должны быть страшны и неотразимы. Перун (Тор) вел постоянную борьбу с великанами-тучами, разбивал их своею боевою палицей и меткими стрелами; точно то же свидетельствует сказка об Иване, коровьем сыне, заставляя его побивать многоглавых, сыплющих искры огненных змеев» (*Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу). Иван — главный (!) персонаж русского сказочного фольклора, и это не случайное совпадение. Он — один из наших первобогов.

В этом смысле важное значение приобретает сюжет борьбы Ивана с Кощеем, отраженный в сказке «Марья Моревна». Иван — более юный бог, бог следующего поколения. Он не сильнее Кощея, в очном поединке тот трижды победил его и, устав прощать, «изрубил его в мелкие куски и поклал в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну увез к себе». Спасли Ивана его зятья, доставшие живую и мертвую воду. Чудесное воскресение Ивана сродни мифам об умирающем и воскресающем боге, широко распространенным, главным образом, в Средиземноморье и Малой

Азии. Возвращенный к жизни Иван побеждает уже не столько за счет силы, сколько благодаря смекалке и поддержке друзей-животных. В данной сказке это богатырский конь, убивающий ударом копыта Кощея, в других же, где Иван добывает заветное яйцо жизни, ему служат самые разные звери: птицы, рыбы и т.д. Кощея побеждают, что называется, всем миром, он попросту вынужден «уступить» свою роль хранителя Великой богини более молодому сопернику. Причем Кощей, подчеркнем еще раз, совсем не похож на отъявленного злодея. В былине «Иван Годинович», где изложен несколько иной вариант противоборства Ивана и Кощея, Марья Моревна выступает его помощницей и погибает от меча Ивана как изменница.

Греческой параллелью бога Вани служит Фанет (Фанес) — божество света, сияющий бог, которого греки отождествляли с Эросом. Согласно орфическому мифу творения, чернокрылая Ночь, богиня, перед которой трепетал даже Зевс, ответила на ухаживания Ветра и снесла в чрево Темноты серебряное яйцо. Фанет был высижен из этого яйца и привел Вселенную в движение. Он был двуполым, за спиной его были золотые крылья, а четыре его головы могли издавать бычий рев, львиное рычание, шипение змеи и блеяние барана. Фанет создал землю и небесные светила, но миром продолжала править Ночь. Миф о Фанете можно интерпретировать как символическое описание грозовых явлений. Гроза связана с наступлением Темноты, воцарением в мире Ночи, торжеством Хаоса, безудержной пляской Ветра и огненными молниями Грома, разделяющего (выковывающего) землю и небо. Яйцо, из которого родился демиург, хранит небесный огонь и светит в ночи подобно луне. Наконец, рев четырех голов Фанета олицетворяет шум грозовой бури, он тоже (как и Иван) Буря-богатырь, верховный бог-громовержец.

Современная традиция выводит имя Иван от еврейского Иоханан («бог смилостивился») и датирует его восприятие русскими временем проникновения христианства в Европу. Но миф о Буре-богатыре, боге-громовнике Иване возник, когда евреи еще не пришли в Палестину, а предки русских (арии) поминали Ивана в своих песнях в купальскую ночь задолго до Рождества Христова. Сама Библия называет Иавана сыном Иафета, прародителя русских и славян, но не Сима, отца семитов. Иван — древний бог русского народа, это родовое имя русских, и не подлежит сомнению, что евреи заимствовали его у русских, а не наоборот.

В эпоху эллинизма греки уже не различали Фанета и Диониса, также двуполого и принимавшего в различных ситуациях обличье быка, льва, змеи и барана. Вакханки во время дионисийских празднеств восклицали «Эван», поминая тем самым предка Фанета — Ивана. На Руси этот праздник известен под названием Иванов день, или день Ивана Купалы. Простой народ в Ярославской, Тверской и Нижегородской губерниях называл Иванов день Ярилою. Иван и Ярило, в самом деле, удивительно схожи между собой. Что ни сказка про Ивана, то непременно он добывает невесту, а в истории женитьбы на Царевне-лягушке со своим луком и стрелами он и внешне схож с Эротом. А чего стоит только название нашей знаменитой игрушки ванька-встанька! Как тут не вспомнить об древнейшем культе мужской эротической силы! Иван — русский Эрос, но только он не невинный юноша, не порождение целомудренной фантазии эллинского философа, а герой, царствующий в мире силою любви.

Итак, мы имеем цепочку отождествлений:

ЯР (ЯРИЛО) = ВАНЯ (ИВАН) = ФАНЕТ (ФАНЕС) = ЭРОС

Имена этих богов открывают нам, как называли русских в древности. Ранее мы уже указали параллели

Яр — арии, Эрос — росы. Альтернативным самоназванием ариев было ваны. Греки и римляне именовали их, однако, несколько по-другому. Греческие имена Фанет и Фанес образованы от корня «Ван». Искажение в начале слова возникло из-за того, что в греческом языке буква «в» отсутствует. В дошедших до нас вариантах ее заменяет «ф», но с грамматической точки зрения правильнее на первое место поставить гласную «и» (греческую букву «ипсилон»). В таком случае с формой Фанес связано название ионийцы, а с Фанетом имена анты и энеты (римляне называли последних венеты или венеды, восстанавливая «в»). В итоге высвечивается следующая цепочка разных имен, под которыми древние росы упоминаются в исторических сочинениях:

АРИИ = ВАНЫ, ИОНИЙЦЫ, ВЕНЕТЫ, АНТЫ = РОСЫ

Она отражает три взаимосвязанных периода нашей истории. Самый ранний из них — арийский — относится ко времени выделения ариев в среде других индоевропейских народов и их последующего движения со своей северной прародины в Индию, Иран, страны Средиземноморья и Северную Европу. Следующий период — «античный» — включает в себя историю той группы ариев, которые пришли в Азию и Европу и которых стали называть ванами, венетами, ионийцами или антами. В конечном итоге все они, правда разными путями, возвратились на земли своих далеких предков, где и создали единое Русское государство. Со временем его строительства и более чем 1000-летним существованием естественно соотносить третий этап российской истории.

В предыдущей главе мы вкратце коснулись истории ариев в Средиземноморье. Чуть позже мы вновь вернемся к этому вопросу, чтобы узнать об их судьбе после Троянской войны. Но прежде имеет смысл погово-

рить о международных «связях» Ивана. Мы уже отметили след, оставленный им в греческой мифологии. Обратим теперь свой взор к землям Египта, в царство бога Ра. Его душой считался бог Бену. Согласно мифу, он появился на возникшем из водного хаоса камне-обелиске «Бенбен», что знаменовало начало Сотворения мира. Бену — символ воскресения и вечной жизни. Его общий с Ра фетиш (фаллический символ) заставляет вспомнить об архаическом культе Эроса. Имя же Бену является искаженным при заимствовании вариантом имени Ваня. Мы вновь приходим к идее взаимосвязи Яра и Ивана, отмеченной ранее у русских и греков. Арии придумали этих богов как независимые воплощения верховного бога, но впоследствии их образы стали взаимозаменяемыми. В «Текстах пирамид» говорится о Ра, как о золотом теленке, рожденном коровой-небом. Известен миф, согласно которому Ра возник из огненного острова, давшего ему силу уничтожить хаос и мрак и создать в мире порядок, основанный на истине и справедливости. Как тут не вспомнить Ивана, коровьего сына или Фанета? К тому же название города Иуну (центра культа Ра), учитывая сложности воспроизведения арийской «в» у народов Средиземноморья, можно прочитать как Ван — город бога Вани (Бену).

Бога Бену египтяне представляли в виде птицы. Древние греки называли его Фениксом — волшебной птицей, имеющей вид орла и великолепную окраску красно-золотых и огненных тонов. Предвидя свой конец, Феникс сжигает себя в гнезде, полном ароматических трав, но здесь же из пепла рождается новое его воплощение. По версии, изложенной Геродотом, Феникс из Аравии переносит прах отца в яйце, вылепленном из смирны, в Египет, где жрецы сжигают его. Сюжет чудесного преображения птичьих останков обыгрывается в русской сказке «Перышко Финиста — Ясного со-

кола». Перо, подаренное девушке, каждую ночь превращается в прекрасного царевича. Но оно может оборачиваться и соколом и летать по поднебесью. Имя сокола — Финист — представляет собой искаженное греческое Феникс (древнерусское «финикс»). Но ведь Финист — Ясный сокол не кто иной, как Иван, коровий сын, который может перевоплощаться в сокола. Вырисовывается, таким образом, интереснейшая линия заимствований:

ВАНЯ —> БЕНУ, ФЕНИКС —> ФИНИСТ

Образ бога Ивана, придя с Русской равнины на земли Египта и Греции, вернулся назад под новым, хотя и вполне узнаваемым, прозвищем. Этот пример наглядно подтверждает, что пришедшие в Средиземноморье арии впоследствии частично возвратились на земли своих предков.

Имя Феникс перекликается с названием Финикия — древней страны на побережье Средиземного моря. Она была частью страны Ханаан, включавшей также территории современных Палестины и Сирии. Ханаан является еврейским аналогом слова Ван (напомним, что лингвисты соотносят имя Иван с еврейским Иоханан) и означает «страна Ван». Библия называет хананеев (ванов) первоначальными жителями Палестины, поселившимися там ранее семитских племен. Согласно древней традиции, хананеи перебрались туда из Египта, что прекрасно вписывается в нашу картину истории ариев. В III тыс. до н.э. в Восточном Средиземноморье существовало три большие группы племен: арамеи, амореи и хананеи. Первые из них выделяли в качестве главных богов Яра (Астарота) и Яру (Астарту), вторые — Марту, а третьи — Ивана. Все они были потомками ариев. Но современные ученые в силу сложившейся традиции называют их западными семитами. Это в корне неверно! Другое дело, что древние

арии, подобно современным русским, никогда не исповедовали национализм. Наоборот, они всегда были открыты миру, другим народам, они не препятствовали смешанным бракам и никогда не выставляли принцип крови в качестве основополагающего закона общежития. Вот почему семиты, и об этом свидетельствует Библия (!), спокойно проживали в Уре среди амореев и гостеприимно были встречены арамеями и хананеями, когда стали переселяться оттуда в Ханаан. Другое дело, что сами семиты хотели безраздельно владеть этими землями. Раскроем книгу Бытие (15, 13—20): «И сказал Господь Авраму: знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет, но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении; после сего они выйдут сюда с большим имуществом... в четвертом роде возвратятся они сюда (в халдейский Ур. — *А. А.*): ибо мера беззаконий Амореев доселе еще не наполнилась... В этот день заключил Господь завет с Аврамом, сказав: потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата: Кенеев, Кенезеев, Кедмонеев, Хеттеев, Ферезеев, Рефаимов, Аморреев, Хананеев, [Евеев], Гергесеев и Иевуссеев». Этот отрывок оказывается чрезвычайно насыщенным информацией. Во-первых, за «беззакония амореев» должны будут расплатиться и другие племена, что несколько необычно с точки зрения современной морали и международного права. Скорей всего, все они поддерживали политику амореев в Уре или были их союзниками, но и тогда аппетиты отмщения безумно велики. Во-вторых, Господь ни словом не обмолвился, что Кенеи, Кенезеи и иже с ними угрожают или вообще хотят иметь какие-либо контакты с потомками Аврама, об этом нет и речи. Евреи сами придут, и их не прогонят! Причем они хотят отомстить не только своим угнетателям, но и родственным им племенам. И, на-

конец, в-третьих, мы узнаем, что в Ханаане было множество племен, которые мирно уживались с ариями. Среди них были и те западносемитские народы, которые проживали здесь до прихода ариев и тоже участвовали в создании самобытной ближневосточной цивилизации. Со временем этносы перемешались. И то, что ученые принимают арамеев, амореев и хананеев за семитов, является вполне понятным, но совершенно недопустимым заблуждением.

Союз трех арийских племен долгое время определял всю политику в Восточном Средиземноморье. Даже после разрыва дружеских отношений с Арсавой и Митанни высшая знать хеттов продолжала поклоняться богу Лельвани, символизировавшему союз Леля и Вани, ставшего, правда, в силу своей чужеродности у них богом подземного мира. Но силы ариев постепенно таяли. Народы, составлявшие их «империю», стремились к самостоятельности. Они вытесняли ариев со своих земель, и к концу XIII в. до н.э. оказались в кольце врагов: хеттов, ассирийцев, египтян, евреев и греков. Последние взяли на себя роль добить раненого зверя у него в логове. Эта война запомнилась миру как Троянская.

Во время осады Трои ахейцами главным советником царя троянцев Приама был Антенор. В переводе с греческого его имя означает Ант-муж, то есть предводитель народа антов (венетов). Два его сына вместе с легендарным Энеем, сыном Афродиты (*братом Эроса!*), предводительствуют над дарданцами. Эней — одна из греческих форм написания Вани. В полном соответствии с русскими сказками он сын богини любви, воплощения Великой богини. Третий сын Антенора был одним из вождей ликийцев, а четвертый привел дружину из Фракии. Всего Гомер упоминает об 11 его сыновьях, все они бьются с ахейцами. Местом постоянного проживания венетов ко времени войны была

причерноморская область Пафлагония к востоку от Троады. Во главе их отряда, пришедшего под Трою, стоял Пилемен. Два его сына верховодили ратью меонийцев — народа, занимавшего земли к югу от Трои. Из всего перечисленного становится ясно, что венеты (анты) осуществляли руководство Троянской армией. Обобщая это наблюдение, можно утверждать, что, подобно русским в России, венеты выступали государствообразующей нацией Арсавы, живой опорой «империи».

После поражения в войне арии покидали малоазийский полуостров несколькими путями. Часть из них сконцентрировалась вокруг озера Ван и создала Ванское царство. Оно стало центром государства Урарту, занимавшего все Армянское нагорье. Название страны Ар-мения, то есть страна мужей-ариев, говорит о пребывании на ее земле арийцев.

Вторая группа венетов Арсавы, возглавляемая Антенором, переправилась на северо-западное побережье Адриатического моря. Рассказывая о событиях III—II вв. до н.э. в Северной Италии, древнегреческий историк Полибий упоминает об «очень древнем» племени венетов, обитающем вдоль реки Пад (современная По). Он отмечает, что в отношении нравов и одежды потомки спутников Антенора «мало отличаются от кельтов, но языком говорят особым. Писатели трагедий упоминают часто об этом народе и рассказывают о нем много чудес». Одним из таких чудес стал город Венеция.

Маршрут третьей, видимо, самой многочисленной, группы венетов-троянцев вырисовывается при изучении современной карты причерноморских государств. С выходцами из Трои связаны следующие топонимы — города Троян в Болгарии, Траян в Румынии, два Тростянца (станы троянцев), Трихаты (хаты Трои) на Украине. Там же располагался летописный Треполь,

Схема исхода венетов из Малой Азии

или русская Троя («полис» — по-гречески «город»). Между легендарной Троей и древнерусским Треполем обнаруживается сразу несколько поселений со схожим, а фактически с одним и тем же названием. Они, подобно маякам, обозначают воспетую в «Слове о полку Игореве» знаменитую «тропу Трояню» — путь, по которому древние русичи-арии возвращались на свою прародину.

Археологи установили, что в эпоху бытования в Среднем Поднепровье чернолесской культуры (X—VII вв. до н.э.) пашенное земледелие становится ведущим в системе хозяйства, на смену привозной, и потому малоупотреблявшейся, бронзе приходит выплавка железа из местной болотной и озерной руды. Использование железа произвело подлинный переворот в хозяйстве и военном деле местных племен. Люди, жившие практически в каменном веке, сразу вступили в век металла. У нас есть все основания предположить,

что экономический скачок в развитии жителей Поднепровья связан с появлением здесь малоазийских венетов. В этот же период у земледельческих племен Среднего Поднепровья возникает целая система укрепленных городищ. Но ведь всему Древнему миру венеты были известны как выдающиеся градостроители — достаточно вспомнить Венецию.

Ареал расселения венетов не ограничивался областью Среднего Поднепровья. В карело-финской мифологии главный герой носит имя Вяйнемейнен. Это финское воспроизведение индоевропейского словосочетания «Ваня-муж». Вяйнемейнен — культурный герой и демиург, мудрый старец, чародей и кудесник. Он обитатель первичного Мирового океана: на его колене, торчащем из воды, птица снесла яйцо, из которого Вяйнемейнен заклинаниями сотворил мир. Вяйнемейнен создал скалы, рифы, выкопал рыбные ямы и т.д. Он добыл огонь из чрева огненной рыбы (лосося), изготовив первую сеть для рыбной ловли. Вяйнемейнен — еще один «двойник» русского Ивана. Не удивительно поэтому, что финский миф творения схож с египетским, с той лишь разницей, что роль столба-обелиска в нем играет колено демиурга. Народный эпос доносит до нас историю взаимоотношений финнов с арийским племенем ванов (венетов), представителем которого выступает Вяйнемейнен. Мощная переселенческая волна венетов, захватив Поднепровье, докатилась до Балтики. Они раньше финнов освоили берега Балтийского моря, поэтому Вяйнемейнен назван создателем того северного мира, куда вступили финны. Венеды умели уживаться с другими народами. Они охотно делились своими знаниями и научили финских охотников искусным приемам рыболовства, новым способам получения и хранения огня. Вяйнемейнен — старший «брат» финских богатырей, он поддерживает и наставляет их. Когда же те подросли и окрепли на-

столько, что захотели изменить порядки в стране на свой лад, мудрый воин не стал мешать им. Он сел в лодку и отплыл из финской земли. Куда же лежал путь Вяйнемейнена?

Географические названия, связанные с именем венедов, обнаруживаются не только на территории скандинавских и прибалтийских государств, но и в Голландии и на Британских островах. Название Ирландия означает буквально «земля Яра». Малоазийские венеты накопили колоссальный опыт плавания по Черному и Средиземному морям. Он чрезвычайно пригодился их потомкам, пришедшим на берега Балтики. Пришельцы не только колонизовали земли Скандинавии, но и осуществили первые морские походы вдоль северного побережья Европы. Античным авторам было хорошо известно жившее на территории современной Бретани (северо-запад Франции) племя знаменитых мореходов-венетов. По сообщению Юлия Цезаря, это племя «пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в Британию, а также превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нем. При сильном и не встречающем себе преград морском прибое и при малом количестве гаваней, которые, вдобавок, находятся именно в руках венетов, они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю» (Записки Юлия Цезаря). Бретанские венеты поддерживали связи со своими более южными сородичами. Они доставляли в Средиземноморье олово с Британских островов, и порты адриатических венетов были их естественным местом стоянки.

О балтийских энетах, добывающих янтарь, упоминает целый ряд античных авторов. Самое раннее свидетельство следует приписать Гесиоду (VII в. до н.э.). К этому времени венеды не только обжили берега Бал-

тийского моря, но и проложили торговые маршруты на юг. Главный янтарный путь проходил по Висле, затем вверх по Дунаю и его притокам, потом по притокам и самой реке По, и завершался в ее устье, в земле адриатических венетов. Итак, вытесненные из Малой Азии венеты в течение следующего полутысячелетия прочно обосновались в Поднепровье, на севере Италии, в Прибалтике и Бретани. Некогда единый народ раскололся по меньшей мере на четыре части. Собраться вместе им суждено было много позднее. Центром притяжения стала днепровско-причерноморская группа венетов-ариев.

Геродот (V в. до н.э.) записал, что племена скифов-земледельцев, обитавших в Среднем Поднепровье, назывались борисфенитами. В этом имени соединились названия двух племен. Борисы в переводе с греческого означают «люди севера». Птолемей (II в. до н.э.) упоминает их как борусков, а русские летописи называют северянами. Логично считать, что борисы — древние русичи, потомки ариев, жившие к северу от греков. Вторая часть слова — фениты —. искаженное венеты. Малоазийское племя венетов, пришедшее на землю борисов, объединилось с ними в единый союз. Наиболее полнокровным историческим центром земледельческой культуры этого союза «была довольно широкая (в три дня пути) полоса правобережья (Днепра-Борисфена. — *А. А.*), почти полностью совпадающая с ядром «Русской земли» VI—VII вв. н.э.» (*Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси).

Племена венетов располагались практически в разных концах Европы, и каждое из них в одиночку сражалось со своими врагами. Во II в. до н.э. в Поднепровье вторглись сарматские племена, пришедшие с низовий Дона. Часть скифов-пахарей (борисфенитов) под их натиском ушла на север, в зону лесов, другая же отступила за Днестр и Дунай. Там венеты сохранили

свою государственную самостоятельность, что зафиксировано античными историками.

В начале н.э. самой мощной силой в Европе была Римская империя. Она «проглотила» адриатических венетов, равно как и восприняла некоторых их богов. В первую очередь, это Венера — богиня плодородия и любовной страсти. Она отождествляется с арийской Астартой и является женской параллелью Вани. Имя ее сына Амура (латинское Amor) восходит к корню «мор», оно перекликается с названием арийского племени амореев (амурри). Один из древнейших богов Италии и Рима Марс — не кто иной, как наш Мороз. Римляне враждовали и воевали с потомками ариев — венетами — и называли их варварами (вандалы — те же венеды), хотя и пользовались их «плодами» культуры!

Под руководством Цезаря войска Рима выиграли войну с бретанскими венетами, которые частично рассеялись и осели на Британских островах, но в большей своей массе стали пробиваться к землям своих балтийских соплеменников. В пользу такого развития событий говорит то, что у англичан до сих пор распространено имя Рос, а у русских в ходу было старинное имя Британий (житель Британских островов).

Британские и балтийские венеты (другая форма их имени — венеды) жили в непосредственном соседстве с германскими племенами. Немцы, как известно, называют нас «рус», «руссиш», но не росами. Если форма «рос» унаследована нами от греков, то имя «рус» пришло с севера. Оно родилось в результате венедо-германского диалога. Британские венеты, продвигаясь через земли германцев, восприняли ее как один из вариантов своего имени и принесли его в Прибалтику, а впоследствии и на берега Днепра.

Знаменитая Певтингерова таблица (дорожная карта, относящаяся к первым векам н.э.; названа так по имени владельца) удостоверяет, что в начале I тыс. ве-

неды сосредоточились в двух центрах: в Северо-Западном Причерноморье и на Балтике. О балтийских венедах упоминают Плиний, Тацит (оба жили в I в. н.э.), Птолемей (II в. н.э.). Согласно Тациту, венедов «...скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой скоростью; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозках и на коне». С другой стороны, на Певтингеровой карте они поименованы как «венеды-сарматы», что подчеркивает их негерманское происхождение. Еще в прошлом веке была высказана точка зрения, что прибалтийские венеды — славяне. Но они пришли на берега Балтийского моря лишь в VI веке. К тому же позднее название Балтийского моря как Венетского закрепляется лишь за одной его частью — Рижским заливом, то есть опять-таки областью, куда славяне не доходили. А Венетским эту морскую акваторию называют и авторы XVI века Олаус Магнус и Герберштейн. Итак, венетов нельзя отождествлять и со славянами. Они древние русы (росы)!

Ванами в скандинавской мифологии называется группа богов плодородия, связанных с аграрными культами, наделенных магическим и пророческим даром и священным миролюбием. Они противостоят другой группе богов — асам во главе с Одином. Вместе они образуют высший пантеон скандинавских божеств, который сложился в результате их войны, точнее, как итог ассимиляции асами ванов. Своим именем ваны напоминают нам о русском Ване и венедах. Мифы северных народов сохранили свидетельство о присутствии наших предков на их землях, и во многом их символические образы даже симпатичнее асов.

Славяне, пришедшие на берега Балтики и принятые венедами как свои кровные родственники, восприняли культ бога Ивана и стали называть его Свентовитом.

В западнославянской мифологии он стал богом богов, высшим божеством, связанным с войной и победами; его атрибутами были меч, знамя, копья и боевые знаки, изображавшие орла. Идол Свентовита имел четыре головы, что заставляет вспомнить о Фанете. Оба эти имени связаны с названием племени венетов, причем слово Свентовит = Се-венто-вит имеет трехчленную структуру. Последняя часть заимствована из латинского языка и означает «жизнь». Это слово вошло в жизнь славян, когда они входили в состав Римской империи. Вспомогательное слово «сё» имеет значения «сей, вот, это, сие есть», которые никак не влияют на смысл слова, к которому пристраиваются. Аналогом этой «приставки» в английском языке служит определенный артикль «the». В ряде слов русского языка отбрасывание начальной «с» практически не изменяет их смысла: например, смерть, свалка, сделка. Ранее мы уже применяли схожий прием расшифровки при анализе имени бога Астарота или реки Истр, где в качестве вспомогательных слов выступало арийское «асте» и латинское «ист», переводимые одинаково словом «есть». Что же касается Свентовита, то он символизирует жизненную силу племени венетов и в этой своей основополагающей функции полностью тождественен русскому Яру. Со временем славяне стали называть Свентовита более понятными для них именами Световида и Святовита. Точно так же народ венетов «превратился» в письменных источниках в вятичей.

Черноморских венедов Певтингерова карта помещает юго-восточнее Карпат, в междуречье Дуная и Днестра. Ранее сведения об этой группе венедов не привлекали внимания исследователей, поскольку отсутствовали археологические доказательства их пребывания на этой территории. Но в настоящее время можно считать, что венеды в низовьях Дуная обрели археологическую плоть. Этих венедов естественно

связать с теми борисфенитами, кто отступил под натиском сарматов в Подунавье. Историкам раннего Средневековья они известны под именем антов, народа «бесчисленного и храбрейшего» (Маврикий, VI в.). В IV—VI вв. анты восстановили контроль над Поднепровьем и северным побережьем Азовского моря. Но в то же самое время, на той же самой территории отмечено присутствие «народа рос» (росомонов)! Ранее мы уже указали на мифологическую связь имен антов и росов. Теперь она обрела историческое содержание.

Анты (они же росомоны) составили первичное ядро Киевской Руси. Иногда их называют еще Причерноморской Русью. В VI—VIII вв. их союз усилили славянские племена, переселившиеся из Центральной Европы, а еще позже и балтийские венеды, которых летопись называет варяги-русь. Приход потомков Рюрика в Киев знаменовал воссоединение южной и северной ветвей русского народа. Образование Древнерусского государства венчает второй период русской истории. Раскол венетского (прарусского) этноса, происшедший в результате гибели государства Арсавы, был преодолен. Венеты воссоединились на земле прародины их далеких предков — ариев (проторусов). Следующий, третий, этап нашей истории включает уже, собственно, историю государства Российского, от первых Рюриковичей до наших дней. Это время возрожденной Русены-Арсавы — державы, которая по праву унаследовала славу древних росов — ариев, антов и венетов.

Глава 6

Белбог, Купала и Сивка-Бурка

Ушел далеко Черный Див
Перед Дажьбожьими сынами,
Им, чадам света, уступив
Свое господство над степями!
И Солнца русые сыны
Пришли — и степь глядит уж садом...
Там зреют жатвы; убраны
Там холмы синим виноградом...

А. Майков. Стрибожьи внуки

Западноевропейский автор XII в. Гельмгольд записал, что славяне поклонялись двум главным богам: «От одного ожидали они счастья, от другого — бедствий». Первого они называли Белбогом, а последнего — Чернобогом. Уцелевшие географические названия (например, Белград, Белгород, Беловежская Пуща, Черногория, Чернигов) и народные предания свидетельствуют, что верование в этих богов было некогда общим у всех славянских и, в том числе, русских племен.

О древнем Белбоге сохранилась живая память в белорусском предании о Белуне, который представляется старцем с длинной белой бородой, в белой одежде и с посохом в руках; он является только днем и путников, заблудившихся в дремучем лесу, выводит на настоящую дорогу; есть даже поговорка: «Темно в лесу без Белуна». Его почитают подателем богатства и плодородия. Во время жатвы Белун присутствует на нивах и помогает жнецам в их работе. Чаще всего он показы-

вается в колосистой ржи с сумою денег на носу, манит какого-нибудь бедняка рукою и просит утереть себе нос; когда тот исполнит его просьбу, из сумы посыплются деньги, а Белун исчезает. Это рассыпание Белуном богатств основывается на древнейшем представлении солнечного света золотом.

В русском языке прилагательное «белый» употребляется в смысле светлый, чистый, незамаранный, незапятнанный. Некоторые известные словосочетания еще более расширяют круг связанных с ним ассоциаций. Белым днем называют Божий день, белой землей, белым местом — церковную землю, белыми крестьянами — свободных от податей и повинностей, а белым грибом — лучший из грибов. Выражение бел-свет означает «вся земля и все наши люди». Все эти значения как нельзя более кстати подходят в качестве характеристик верховного бога, поэтому мы должны признать имя Бел славянским по происхождению.

Геродот сообщает, что ранее Эллада называлась Пеласгия. Это название родилось от греческого словосочетания «Bhloz-gaia», что означает «земля Бела». Пеласги говорили на варварском наречии. Они оказали влияние на эллинов, позаимствовавших у пеласгов некоторых богов. Одним из них был бог Бел, которого греки стали называть Гелий (Гелиос). Это очень древнее доолимпийское божество, культ которого принесли в Грецию предки русских и славян — пеласги. Согласно греческим мифам, у Гелиоса во владении было множество стад, которые он держал в самых разных уголках Греции и даже на Сицилии. Лучшее из священных стад находилось на острове Эритеи (божественной Яры), что также указывает на арийские корни этого божества. При переделе земель, устроенном Зевсом, — верховным богом греков, Гелиосу достался лишь единственный остров Родос (у юго-западного побережья Малой Азии), названный так в честь его же-

ны Роды. Ее имя очень близко и понятно всякому русскому человеку и, очевидно, заимствовано греками у наших предков. Имя тещи Гелиоса — Левкотея, что значит «Белая богиня» (женская параллель Бела): вот и еще одна «ниточка», связывающая греческого и русского богов. По легенде, один из сыновей Гелиоса основал в Египте город Гелиополь и был первым, кто обучил египтян астрологии. Арийским Гелиополем был знаменитый город Гелон в Скифии. Оба названия нам известны в греческой транскрипции. Но истинные их имена совпадают и звучат не иначе как Бел-город.

Пеласги — союзники троянцев, Гомер упоминает их при перечислении защитников города:

> Гиппофоой предволил племена копьеборных пеласгов,
> Тех, что в Ларисе бугристой, по тучным полям обитали;
> Гиппофоой предводил их и Пилей, Ареева отрасль,
> Оба сына пеласгийского Лефа, Тевталова сына.

Один из предводителей пеласгов назван потомком Арея (Ареса). Этот бог входил в олимпийский пантеон, но для греков слыл чужаком, родиной его была Фракия — земля варваров (по представлениям греков). Арес является еще одним воплощением Яра, греки (так же как хетты и семиты) переделали его в бога войны, так как враждовали с ариями. После Троянской войны (в 1190-х или 1180-х гг. до н.э.) пеласги проникают в Палестину (обязанную им своим именем). В Библии они упоминаются как филистимляне.

Бог Бел был известен народам Месопотамии. В аккадской мифологии его имя использовалось в качестве эпитета богов, но после завоевания Вавилона касситами (начало XV в. до н.э.) применялось только в отношении Мардука. Отождествление главного бога города с Белом в период утраты амореями (ариями) ключевых позиций в Двуречье выглядит очень символично: объединились боги, «пришедшие» на эти земли вместе

с предками русских и славян. В настоящее время большинство ученых-мифологов отстаивает версию о семитских корнях месопотамского Бела. Его имя они производят от общесемитского Балу, что значит «господин», «владыка». Но в том-то и дело, что в момент зарождения культа Бела господами в Двуречье являлись пришельцы-северяне. Впоследствии вместе с падением влияния ариев изменилось и отношение к этому богу. Его имя прилагали к чуждому для местных семитских племен Мардуку-Марту — богу амореев (супругой последнего была Белет-цери — царица Бела, женская параллель бога Бела). И еще: представители арийских племен были светловолосы, поэтому образ Белбога ассоциируется скорее с ними, чем с черноволосыми семитами.

В западносемитской мифологии Балу (Бел) — бог бури, грома и молний, дождя и связанного с ним плодородия. Балу именуется богатырем, сильнейшим из героев, скачущим на облаке, князем Вельзевулом. Михаил Булгаков представлял его так: «И, наконец, Воланд летел тоже в своем настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что возможно, это лунные цепочки, и самый конь — только глыба мрака, и грива этого коня — туча, а шпоры всадника — белые пятна звезд». Известны изображения Вельзевула в облике быка (символ плодородия) или воина, поражающего землю молнией-копьем. Он живет на горе, называемой «северная». Это еще одно указание на то, что культ Бела пришел к семитам с севера. Одна из сохранившихся форм написания имени Вельзевул — Beelzebub — читается как Велес-бог. Она подсказывает, что слово Велес родилось как вариант произношения имени Бел другими народами. Впоследствии обе формы стали существовать как независимые, более того, во времена Киевской Руси предпочтение было отдано более поздней по про-

исхождению. Вот почему мы практически не имеем свидетельств почитания Белбога древними русичами. Славу и значение Бела перенял Велес, бог всей Руси. В договорах с греками Велес соотнесен с золотом, чем, безусловно, напоминает Белуна. Хетты в своей переписке называли Трою Вилусией — городом Велеса или Белгородом. Семиты Троей никогда не владели и не могли так назвать город. Это еще раз подтверждает то, что Бел — божество славянское, а его культ пришел в Месопотамию через Балканы и Малую Азию.

Современные филологи не в силах разгадать этимологию слова «дьявол». Но и в данном случае был задействован корень «бел». Исходная русская форма «Дий-Бел» («Божественный Бел») у семитов превратилась в Дьявола, а у греков в Диаболоса. С победой христианства эти языческие боги (воплощения Бела) были отнесены к представителям ада и покровителям мрачных и темных сил. И точно так же, как в случае с Велесом, в нашем языке утвердилась не исходная русская первооснова имен, а чужеродная. Согласно Библии, Вельзевул — бог филистимлян, но его имя в греческом написании читается как Велес-бог. Опять подтверждается присутствие русских в древней Палестине! Другой пример: Велиар — демоническое существо в христианской и иудаистической мифологиях. Смысл его имени для ученых неясен. В Ветхом Завете оно употребляется для обозначения чуждых богов. И это совсем не удивительно для нас, ибо Велиар — это Белояр (Бел ярый) или Бел-арий, бог древних русов, мигрировавших в Палестину.

Малоазийский полуостров считается родиной Кибелы — женской ипостаси Бела. Приставка «ки» здесь употребляется в смысле «великая, божественная» (она совпадает с именем неолитического бога индоевропейцев). Кибела близка по своим функциям с богиней Реей и отождествлялась с ней. Она — владычица гор,

лесов и зверей, символ неиссякаемого плодородия Природы. Кибела носила также имя Великая матерь богов. Учитывая это, можно истолковать ее имя и несколько по-иному: в первой части видеть искаженное воспроизведение имени Геи, а вторая — эпитет к нему. В таком прочтении Кибела значит белая (светлая) Мать мира. Обе версии, как видим, дают очень близкие толкования имени и навряд ли могут конкурировать. По такой же схеме образовано и имя бога огня шумерской мифологии Гибила, он — одна из параллелей Бела. Значение его имени легко поймет любой русский человек — это гибель.

Кибела требовала от своих служителей полного подчинения ей, забвения себя в безумном восторге и экстазе, когда они наносили друг другу кровавые раны, или когда неофиты оскопляли себя во имя Великой богини. Все они назывались куретами, мы уже говорили об этом слове как о безусловно русском. Теперь же стоит добавить, что сохранившийся в отечественном уголовном жаргоне смысл прозвища «петух» (т.е. используемый в качестве женщины) объясняет одну из их непременных обязанностей. В этом смысле Кибела родственна нашей Костроме — матери кастрата Кострубоньки (отрубившего «кость»). Его аналоги в Греции — спартанцы (Спарта была одним из крупнейших центров гомосексуализма в Средиземноморье) братья-близнецы Кастор и Полидевк («Полудевка»). И еще одна параллель с нашей традицией. Кибалою русские называли холщовую шапочку, которую носят замужние женщины под платком. Фасмер, автор наиболее уважаемого специалистами «Этимологического словаря русского языка», оставляет это слово без комментария, называя его темным. Но оно соотносится с Кибелой! Богиня всегда появлялась в зубчатой в виде башни короне (вот вам шапочка на голове), и у нее был единственный возлюбленный (как у замужней женщины) по

имени Аттис, в котором любой индоевропеец узнает слово «отец». Любовь Кибелы и Аттиса символизировала семейный союз. Вместе с переселенцами из Малой Азии и в ходе греческой колонизации Северного Причерноморья культ Кибелы пришел на территорию современной России, где она стала называться... Купала.

В восточнославянской мифологии Купала — главный персонаж праздника летнего солнцестояния (в ночь на Ивана Купалу). Купалою называли куклу или чучело (женщины или мужчины — сравни такую же куклу Костромы), которое в белорусских ритуалах именовали также Марой. Во время праздника куклу топят в воде (купают!) и, поскольку название данного ритуала созвучно имени Кибелы, богиню стали величать более понятным словом Купала. Но на этом история переименований не заканчивается! Дело в том, что мужская форма имени Купала — Купало — породила, в свою очередь, имя... Аполлон (это впервые обосновал писатель Ю.Д. Петухов).

Остановимся на время, ибо мы невольно решили, может быть, одну из наиболее сложных загадок греческой мифологии — разгадали тайну имени Аполлона. В энциклопедии «Мифы народов мира» говорится: «Данные греческого языка не позволяют раскрыть этимологию имени Аполлон». Оно рождалось в другой языковой атмосфере. Согласно нашей версии, рождение имени Аполлона можно представить так:

БЕЛ —> КИБЕЛА —> КУПАЛА (КУПАЛО) —>АПОЛЛОН

Эллинам были известны Бел, Кибела и Аполлон, русским же Бел, Купала и Аполлон. Трансформация Кибела — Купала произошла на территории Малой Азии, где в середине II тыс. до н.э. смешались варварские (арийские), греческие, хеттские и другие наречия. В хеттских текстах фигурирует страна Хапала (читай Купала!), которая включалась в собирательное

понятие стран Арсавы. С другой стороны, античные авторы сообщают, что на тех же самых землях существовал культ Кибелы. Арии, покидавшие Малую Азию после падения Трои, сохранили образ Купала и донесли его до своей северной прародины. Греки восприняли и тоже сохранили его культ, но назвали на свой лад Аполлоном. Со временем эти мифологические персонажи стали рассматриваться уже как независимые. Но греки никогда не забывали, что он — чужак, по-гречески его имя означает «губитель» (почти что Гибил!), и именно Аполлон выступает главным защитников троянцев перед олимпийцами в «Илиаде». Среди малоазийских ариев жили обе формы имени — и Купала, и Аполлон — своя родная и грецизированная. Последняя послужила основой для древнего названия Польши — (А)Полонии и этнонима племени полян, «иже зовущихся русь», пришедших на берега Днепра тропой Трояновой.

Греки устойчиво связывали Аполлона с гиперборейцами — народом, живущим за Бореем, на Крайнем Севере. Античные авторы говорили о них как о «жрецах» или «слугах» Аполлона. Среди них более всего любил пребывать лучезарный бог. Туда он отправлялся на колеснице, запряженной лебедями, но в урочное время летней жары он неизменно возвращался в свое святилище в Дельфах. Так же как и Аполлон, гиперборейцы художественно одарены. Их жизнь сопровождается песнями, танцами, музыкой и пирами; вечное веселье — отличительная черта этого народа. Особенно интересными являются сообщения Плиния и Диодора о том, что гиперборейцы живут там, где день и ночь длятся по шесть месяцев. Эти сведения напрямую перекликаются с фактом наблюдения природных явлений Заполярья древними ариями, зафиксированном в «Ведах» и «Авесте». Удивительное дело: родиной Аполлона следует считать Малую Азию, но его устойчиво

соотносили с Крайним Севером. Почему же это происходило? Да потому, что образ Аполлона занял место истинно северного Белбога!

Мудрецы и служители Аполлона Абарис и Аристей, обучавшие греков, считались выходцами из страны гиперборейцев. Эти герои считались земными воплощениями Аполлона, так как они владеют древними фетишистскими символами бога (стрелой, вороном и лавром Аполлона с их чудодейственной силой), а также обучают и наделяют людей новыми культурными ценностями (музыкой, философией, искусством создания поэм, гимнов, строительства Дельфийского храма). Имя А-барис — это полная форма имени Борис (сравни Лена — Алена, Катя — Екатерина, Мосей — Амос), первая «а» здесь подобна неопределенному артиклю в английском языке. Но Борис — имя чисто славянское, в греческом языке оно соотносится с понятием «севера» — родины гиперборейцев. Еще более прозрачен смысл имени Аристей — «есть Арий» или истинный ариец. По утверждению Павсания, Дельфийское святилище было основано гиперборейцами, к которым причисляется и известный певец Аполлона Олен, то есть Олень (!):

Также Олен: он первым пророком был вещего Феба,
Первый, песни который составил из древних напевов.

Феб — это эпитет Аполлона, по-гречески он значит «чистый», «блистающий». Ко всему этому нелишне добавить, что имя сестры-близнеца Аполлона Ар-темиды можно перевести с греческого как «славящая Яра». Другими словами, это Ярослава — еще одно воплощение Великой богини Яры-Реи. Таким образом, гиперборейцы — это арии, предки русских.

Север в мифах гиперборейского круга понимался очень неопределенно. Плиний помещает гиперборейцев в Северной Франции или Британии. Для Греции

это уже северо-запад. А, кроме того, если двигаться на восток или на юг, то и здесь мы найдем местности, трактовавшиеся в Античности как гиперборейские. Птолемей называет Северный океан Гиперборейским. Точно так же и горы около северного острова Фула (не то Исландия, не то Ирландия, не то Скандинавия) назывались Гиперборейскими. Гелланик помещал гипербо́рейцев «за Рипейскими горами». Что такое Рипейские горы, установить трудно, потому что их помещали и на Крайнем Севере, и на западе и отождествляли с Альпами. Один из вариантов их местонахождения — западные отроги Урала. На первый взгляд кажется, что древние авторы по неведению фантазировали и писали по принципу, кому что бог на душу положит. Собственно, историки так и относятся к этим данным. Однако они отражают реальный исторический процесс! Арии, начиная приблизительно с IV тыс. до н.э., с территории своей прародины, которая действительно «упиралась» на западе в Уральские горы, стали продвигаться на запад. В III—II тыс. до н.э. они активно расселялись в Западной и Северной Европе — благо что свободных земель в то время еще хватало. После поражения в Троянской войне малоазийские арии мигрировали большей частью не наугад, а искали спасения и помощи у своих соплеменников. Вот почему венеты оказались и в Бретани, и на Балтике, и на Днепре. Античные писатели ничего не выдумывали, потомки гиперборейцев расселились по городам и весям Северной и Северно-Западной Европы. До них действительно было непросто добраться, и потому доходящие сведения нельзя было проверить. Но они были подлинными!

«Миф о гиперборейцах мог появиться только в период производящего, а отнюдь не просто собирательски-охотничьего хозяйства, т.е. в период неолита, или, что то же, в период наивысшего расцвета матриархата

и начала его падения. Однако хронология гиперборейцев должна быть несколько расширена. Дело в том, что гиперборейство, особенно вначале, отнюдь не было идеалом в каком-нибудь духовном смысле. Как ни далеко помещались эти гиперборейцы от обычных центров тогдашнего человеческого общежития, все же они мыслились совершенно определенным народом в той или иной, но всегда определенной местности тогдашней земли. Их идеальность относилась только к их обеспеченному образу жизни, но они мыслились существующими вполне реально» (*Лосев А.Ф.* Мифология греков и римлян). Это убедительно доказывают данные современной археологии. В IV—III тыс. до н.э. от Приуралья до Днепра и Днестра распространилась так называемая ямная культура. Ее создатели добывали металлы и производили изделия из них в кузницах Урала и Кавказа. Города ямной культуры имели сложные оборонительные системы со рвами и стенами из каменных плит толщиной более 3 метров. Строились дома с площадью более 150 кв. м из нескольких комнат. В каждом из таких домов проживало 40—50 человек. Некоторые города имели по два обвода стен, как найденный под Челябинском Аркаим. Там же при раскопках обнаружены богатые погребения знати — с оружием, украшениями и боевыми колесницами, жертвоприношениями коней, быков и баранов. «Ямники» строили гигантские курганы над склепами покойных: к примеру, размеры одного из них — диаметр 110 м, а высота 3,5 м. Эта культура была создана ариями, отсюда же они и начали свое уникальное расселение по планете. Об ариях-трипольцах, которые мигрировали в Средиземноморье и Месопотамию, мы уже говорили. Но была и другая мощная волна переселения ариев, дошедшая до берегов Британии. Именно выходцы с Приуралья и юга России насыпали в Англии круглые курганы, именно они принесли кельт-

ским народам (другой ветви индоевропейцев) культ бога Бела, которого те называли Беленосом. Наконец, именно они руководили постройкой «британского Аркаима» — Стоунхенджа.

Аркаим — город-храм, построенный в виде зодиакальной карты неба и, как показали археологические находки, являвшийся древнейшей обсерваторией. Его структура аналогична Стоунхенджу. Точнее, Стоунхендж, видимо, является более поздней копией Аркаима. Оба объекта находятся примерно на одной параллели: Стоунхенджу соответствует 51° северной широты, а Аркаиму — 52° северной широты. Если двигаться на восток от него, то на 52-й параллели на Алтае обнаружим курган Аржан, устроенный по тем же принципам, что уральская и британская обсерватории. На западе, на знаменитом Куликовом поле, тоже найдены остатки древней обсерватории; следы древних святилищ по типу Стоунхенджа и Аркаима обнаружены в Польше на горе Шленза и в Нидерландах. Похоже, что линия, соединяющая Аркаим и Стоунхендж, определяет путь распространения арийской цивилизации на запад. Ведь не случайно же греческий миф рассказывает, что сын Гелиоса-Бела обучил египтян астрономии, а Аполлон летал в Гиперборею каждые 19 лет (знаменитый Метонов цикл, положенный в основу лунного календаря). Вблизи выделенной параллели или чуть ниже лежат следующие города, которые можно соотнести с именем Борисов-северян: Брест (росс.), Варшава, Брюссель, Париж, Брест (франц.), Бристоль. Думается, что они обозначают основной маршрут продвижения ариев-гиперборейцев в Западную Европу.

Но продолжим разговор о «двойниках» Бела. Прилагательному «белый» в русском языке близки понятия «ясный, сивый». Как эпитеты, родственные ему, они также породили названия богов. О тождественности критского Иасиона и нашего Усеня мы уже говорили,

сейчас же самое время сказать, что оба они связаны со словом «ясный»: именно таким и должен представляться верховный бог, блещущий и молниями во гневе, и солнечным светом; другое имя этого бога — Световит — прекрасно знакомо славянам. Еще более впечатляющий ряд образов дает второй «синоним». В первую очередь вспоминается богиня Жива — главное женское божество полабских славян (поляки называли ее Зивие), она воплощала жизненную силу и противостояла смерти. Но это, как говорится, цветочки. Богиня с точно таким же именем — Зивиа — была известна и микенским грекам, жившим во II тыс. до н.э. Они мыслили ее матерью мира и величали Ма-Зивиа (Мать-Жива). Прямое заимствование! Однако настоящее потрясение впереди. Мужской параллелью богини Зивии является... Зевс! Да-да, имя верховного божества древних эллинов, главы олимпийской семьи богов, безусловно, славянского происхождения. Эта идея стала основой романа Ю.Д. Петухова «Громовержец. Битва титанов».

Еще один потомок бога Бела — Беленос из кельтской мифологии — обнаруживается в Галлии (территория современных Франции, Западной Швейцарии и Бельгии). Это еще одно направление движения ариев. Бель-гия — буквально значит «земля Бела». Здесь на рубеже нашей эры проживало арийское племя бельгов. Страбон специально оговаривает, что они не были кельтами, и включает бретанских венетов в число их ближайших союзников. Венеты и бельги колонизовали Британские острова: от имени бога Бела (по-латински «белый» — «albus») происходит их древнее название — Альбион. Юлий Цезарь писал, что бельги занимают третью часть Галлии и являются самыми храбрыми среди ее жителей, так как «живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою

изнеженность духа; наконец, они живут в ближайшем соседстве с зарейнскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны» (*Юлий Цезарь.* Галльская война). Сообщение Цезаря внутренне противоречиво. Действительно, как можно думать о комфорте и уюте, торговать и жить «культурной и просвещенной жизнью», если постоянно воюешь. Причем сражались бельги не только с германцами, но и с римлянами. И те выделяли их среди своих врагов: богиней войны в римской мифологии была Беллона. С I в. н.э. (после завоевания Цезарем Галлии) Беллона была отождествлена с малоазийской богиней Ма (Мамой или Кибелой!) и культ ее принял разнузданный, откровенно эротический характер. Служители Беллоны вербовались из чужеземцев. Жрецы богини назывались беллонарии (беллоны-арии!). Они имели в качестве атрибутов двойные секиры. Такое оружие напоминает одновременно и критские двойные топоры, и русскую секиру — даже в таких «мелочах» обнаруживается несомненная связь между Россией и родиной Зевса.

На греческой почве память о Зивии — Живе воплотилась в образе сивилл — вещих дев, открывающих будущее. Самая знаменитая из них носила имя Герофила, что является греческой «калькой» с русского словосочетания Яролюба (т.е. любящая Яра). В скандинавской мифологии Жива известна как Сив — богиня, обладающая чудесными золотыми волосами (символ плодородия), жена громовержца Тора. Цвет ее волос отражает одно из значений ее славянского имени. У славян также известна богиня Сива, хурриты называли ее Шавушка. Мужскими параллелями этих богинь следует признать библейского Саваофа, индуистского Шиву, славянского бога огня Сварога, хеттского бога дневного света Сивата и богов солнца — древнеиндийского Савитара, хеттского и урартского Сивини.

Но самым древним божеством этого ряда является

все же вещий конь Сивка-Бурка из русских сказок. Он понимает дела людей (богов и бесов), говорит человеческим языком и различает добро и зло. В.Н. Демин очень интересно заметил, что прозвище коня Бурка раньше звучало как Бурька. А если взглянуть на его истоки, то обнаруживаются явственные следы не только бури, но и Борея. Обратившись темногривым жеребцом, этот покровитель Севера однажды оплодотворил дюжину кобылиц и стал отцом двенадцати чудесных жеребят, которые могли летать над землей и над морями. Про них Гомер написал в «Илиаде» (XX, 220—230):

> Бурные, если они по полям хлебородным скакали,
> Выше земли, сверх колосьев носилися, стебля не смявши;
> Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря,
> Выше воды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.

Точно так же описывается полет волшебных коней в русском и славянском фольклоре, где прозываются они Сивками-Бурками, Бурушками-косматушками, что в конечном счете значит Бурьки-Борейки. Все они — дети бога Борея. Связь с бурей и ветром указывает на глубочайшую древность образа Сивки, он старше Сива, Зевса и иже с ними. Но по Диодору Сицилийскому, потомки Борея были владыками (царями) главного города Гипербореи и хранителями сферического храма — святилища Аполлона. Мы опять приходим к выводу, что Русский Север был средоточием гиперборейцев.

Удивительна по своей широте (и долготе!) картина распространения имен богов с корневой основой «сив». Ее центр — Русская равнина, а дороги идут в самых разных направлениях: Скандинавия (там страна Сива — Швеция), Средиземноморье, Кавказ, Индия. От этого же корня произошли слова север (исходная форма «сивер») и Сибирь, а это уже значит, что следы ариев обнаружатся и к востоку от Урала. Но не будем спешить.

Глава 7

Коляда и Лихо

Стоят три терема златоверхие:
В первом терему — млад светел Месяц,
Во втором терему — красное Солнышко,
В третьем терему — часты звездочки.
Светел Месяц — то хозяин в дому,
Красно Солнышко — то хозяюшка,
Часты звездочки — малы детушки.

Северная колядка

Коляда — солнце-младенец, в славянской мифологии — воплощение новогоднего цикла, а также персонаж праздников. Коляда праздновалась в зимние Святки с 25 декабря (поворот солнца на весну) по 6 января. Когда-то Коляду воспринимали как одно из влиятельных божеств: не случайно первый день связанных с ней торжеств и гуляний приходится в христианстве на день Рождества Христова, а последний — на праздник Богоявления. Коляду кликали, зазывали, посвящали ей предновогодние дни, в ее честь устраивались игрища, учиняемые впоследствии на Святках. Последний патриарший запрет на поклонение Коляде был издан 24 декабря 1684 года. Коляда признавалась божеством веселья, потому-то ее и призывала, кликала в новогодние празднества молодежь. Согласно текстам обрядовых песен, Коляда — персонаж женского рода. Это следствие глубочайшей древности ее культа. По рус-

ским народным поверьям, Солнце, возвращаясь из зимы в лето, надевает праздничный сарафан и кокошник, что наглядно свидетельствует о женской принадлежности светила. Одно из древних названий Солнца — Солонь — тоже женского рода. И еще в XVIII — начале XIX в. подмосковные крестьяне наряжали Колядой молодую девушку: надевали ей поверх теплой одежды исподнюю сорочку, обычно белую, и возили в санях по всей округе, распевая колядки.

В святки рядились в животных, чаще всего в козу и медведя. Хождение с козой (символом плодородия) было наиболее распространенным игровым обрядом зимних святок. Обряд колядования предельно прост и не нарушает обычного течения жизни: группа колядующих ходит по дворам, поет заклинания и пожелания всяческих благ каждому дому и собирает съестные пожертвования в общий «мех», которые потом сообща съедаются. Приведем одну из колядок, посвященную хозяину дома:

Коледа, маледа!
Ходила Коледа по святым вечерам.
Зашла Коледа к (имя и отчество) на двор.
У (имя) борода до шелкова пояса.
Дай ему, Господи, доброго здоровья,
Ярицы оденье да пшеницы копну,
Семь лошадей ровно белых лебедей,
Пятьдесят быков, сто коров!

Тетушка, матушка!
Хлебца кусочек,
Лучинки пучочек,
Кокурочку с дырочкой,
Пирожка с начиночкой,
Поросячью ножку
Да жарену лепешку.
Не подашь лепешки —
Разобью окошки.
Не подашь пирога —
Разобью ворота!

(Получивши еще прибавляют:)

Дай им, Господи, всего-то всего!
Одна-то бы корова по ведру доила!
Одна-то кобыла по два воза возила!

Эта песня очень похожа на ту, что мы приводили, говоря об Усене. В сущности, это два очень близких образа, соотносимые с солнцем. На северо-востоке России Коляда так и называется Усенем (Авсенем, Таусенем).

Древние люди сравнивали диск солнца с колесом, катящимся вдоль орбиты. Колесо по-древнерусски звучит как коло, это слово и послужило основой для имени Коляды. Если имена Бела и Усеня происходят от эпитетов, вызванных зрительными ощущениями («белый», «ясный»), то в имени Коляды на первый план выходят геометрические ассоциации — идеи-предшественницы будущей астрономии. Коло — одно из древних имен божества Солнца. Об этом писал еще Гоголь в «Ночи перед Рождеством»: «Был когда-то болван Коляда, которого принимали за Бога... от того и пошли колядки». С именем Коляды связаны такие сакральные понятия, как «колдун», «колдовство». Одно из древних названий Полярной звезды, главного ориентира северного неба, вокруг которой все вращается на Земле, было Кол.

Геродот сообщает, что первым царем Великой Скифии был Кола-ксай — Кола-царь, или Царь-солнце, а «общее название всех скифов, по имени этого царя, было сколоты». Это́ короткое замечание стоит многого! Во-первых, мы узнаем, что скифы пользовались древнерусским языком, и он у них был не на последнем месте, поскольку подарил их народу самоназвание. Во-вторых, Геродот подтверждает правильность предложенного нами ранее способа расшифровки некоторых неясных по значению слов, начинающихся с

буквы «с». Форма «сё колоты» заключает в себе вполне определенный смысл, и, по-видимому, именно им и руководствовались скифские цари при выборе названия племени, поклонявшегося богу Коло-Коляде.

Но возможно и другое прочтение самоназвания скифов: «сколоты» — это соколоты, люди, у которых сокол был птицей-тотемом. В русских песнях и сказках сокол пользовался большим почетом. Его называли не иначе как «млад — ясен сокол», величая этим же именем и красавцев добрых молодцев. Соколиные очи — зоркие очи: «От соколиного глаза никуда не укроешься!» — говорит острослов-народ. Сказочные герои обращаются в соколов, чтобы мгновенно одолеть немыслимые расстояния, внезапно ударить на врага, незаметно появиться перед красной девицей. Один из самых загадочных и обаятельных героев русских сказок недаром зовется Финист — Ясный сокол, а всякая русская девушка непременно величает своего возлюбленного гордо и ласково: «Сокол мой ясный!..» Сокольником былина называет сына Ильи Муромца, сокологоловым был и древнеславянский бог огня и света Рарог; из этой славянской основы выводится и имя летописного Рюрика. Арабские источники называли славян «сакалиба» — соколиты, а византийские «склавинами» — ванами-соколами. И только в одной другой стране сокол пользовался таким же большим почетом, как у наших предков. Эта страна... Египет!

Один из самых древних богов, почитавшихся в долине Нила, — Хор (Гор) — мыслился соколом, летящим сквозь мировое пространство; левый глаз Хора — Луна, правый — Солнце; с полетом сокола связывались смены времен года и времени суток. Вместе с Хором почитался аналогичный ему бог неба и света Вер (Ур). Образ солнцеокой птицы очень сильно повлиял на мифы, религиозные представления и верования, кото-

рые складывались позже: всего ипостасей Хора, а также богов, историческое развитие или иконография которых восходят к представлениям о солнечном соколе, насчитывается более 20. Среди них сокологоловый бог Ра. Предки сколотов были в Египте! Они пришли сюда в додинастическую эпоху (конец IV тыс. до н.э.) и были первыми фараонами, жрецами и полководцами. Но не оставили ли они на своем пути следов пребывания в других землях?

По-гречески круг переводится как «киклос». Соответственно сколотов греки называли киклопами или циклопами. В греческой мифологии циклопы — сыновья Геи и Урана. Имя бога неба Урана образовано от русского корня «яр». Исследователи отождествляют Урана с пастушеским богом Варуной, принадлежащим к мужской триаде индоариев (ариев, добравшихся до Индии). Параллель Уран — Варуна демонстрирует возможность перехода корня «яр» как в «ур» (вспомним еще раз шумерский Ур), так и в «вар» (яр = йар вар). Точно так же имя «арии» у греков превратилось в варваров. Изначально греки именовали варварами представителей всех других племен и народов (в том числе русских и славян), язык которых был для них непонятен. Вот и вся разгадка варварства русских и славян! Народ, у которого греки переняли хозяйственные навыки, культуру и самое святое — богов! — был объявлен отсталым и невежественным. Циклопов обычно выставляют мощными и дикими, не знакомыми с плодами цивилизации. Не правда ли, знакомая картина при характеристике русского человека иностранцами?..

Мифы рассказывают, что циклопы были строителями гигантских стен и кузниц вначале во Фракии, а затем на Крите и в Ликии (область Малой Азии южнее Троады). Циклопы напоминают о сообществе древнеэлладских бронзокузнецов. В их честь группа остро-

вов Эгейского моря названа Кикладскими. На них, наряду с культурой материковой Греции и Крита, в медном и бронзовом веке (XXVI — конец XII в. до н.э.) существовала особая культура, названная кикладской. Во II тыс. до н.э. она испытала влияние критской и микенской (материковой) культур. Кроме того, установлено наличие ее контактов с другими областями Эгейского региона, в том числе с малоазийскими Ликией и Троадой. Поселения жителей Киклад состояли из построек прямоугольной, реже — закругленной формы; в основном эти поселения не были обнесены укреплениями. Наряду с одноцветной керамикой на Кикладах изготовлялись сосуды с цветным процарапанным орнаментом (т.н. кикладские сковороды, сосуды из камня; сосуды были главным образом выпуклой формы — кубки, кувшины и т.д.). Найдены на Кикладах и мраморные идолы — непропорциональные, часто с утрированной головой, различного размера (до 3/4 человеческого роста), стоящие или сидящие (например, изображение играющего на арфе).

Один из Кикладских островов, возвращаясь из Троянского похода, посетил Одиссей. Полифем вполне миролюбиво начал разговор с гостями, но его отношение к ним сразу изменилось, как только он узнал, что странники прибыли, «город великий разрушив и много врагов истребивши». Циклоп, очевидно, сочувствует троянцам, и оттого пытается отомстить ахейским воинам. Кстати, Троянская война датируется началом XII в. до н.э., и не случайно, что чуть позже, в этом же веке исчезают следы кикладской культуры. Греки целенаправленно вытесняли из Эгейского региона ариев, и визит Одиссея на Киклады был лишь первой ласточкой.

Громадные мраморные идолы, обнаруженные на Кикладах, напоминают о присутствии здесь велика-

нов-циклопов. Но еще больше впечатляет то, что на островах практически отсутствовали укрепления — их хозяева чувствовали свою силу и были открыты миру. Циклопы и греки поклонялись разным богам. Полифем говорит Одиссею:

Видно, что ты издалека иль вовсе безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.
Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей...

Собственно, Гомер устами циклопа проговорил ту истину, к которой мы должны пробираться через груду доказательств: греческая мифология возникла и развивалась (уже самостоятельно) на славянской и русской основе.

Перед тем как попасть в пещеру к Полифему, он со спутниками высадился на соседнем пустынном острове, где паслись тучные козы. Гомер сообщает, что ахейцы истребили их в несметном количестве. Коза — священное животное Коляды. Остров Коз был религиозным центром циклопов, и его пришельцы осквернили убийством. Ясно, что после этого ни о какой дружбе Полифема со спутниками Одиссея не могло быть и речи.

Глаз циклопа является символом солнца, солярной эмблемой. Когда Одиссей ослепляет Полифема, солнце перестает светить. Хотя в ту пору уже наступило утро (Одиссей дождался зари), слепой циклоп взывает к звездам (!):

...тут начал он, к звездному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему, Посейдону владыке...

Символически действия Одиссея следует истолковывать как надругательство над культом кикладского бога солнца Коло.

На Русском Севере зимние Святки и связанное с ни-

ми колядование именуются Виноградьем, которое входит в припев колядок. И это там, где никакого винограда и в помине нет! Откуда же пришел на север культ виноградной лозы? Очевидно, из теплых стран, и «Одиссея» сохранила свидетельство винодельной традиции у древних ариев:

> Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
> Полные лозы, и сам их Кронион дождем опложда́ет...

Праздник колядок неизменно сопровождается выпивкой, над этой ритуальной традицией и глумится Одиссей, когда, перед тем как убить, опаивает великана до полного бесчувствия.

Читатель, наверное, уже не удивится, если узнает, что истоки образа Полифема находятся опять-таки не в греческом, а в русском фольклоре. Вот очень короткая сказка про Лихо.

Жил да был человек и не знал, что есть на свете лихо; слышит — люди часто его поминают, и решился во что бы то ни стало увидеться с ним. Взял сумку на плечи и пошел. Шел, шел, под лесом стоит железный замок, кругом частокол из человечьих костей, черепа воткнуты сверху. Подходит к замку. «Чего надо?» — «Лиха; его ищу!» — «Лихо здесь». Вошел в горницу, а там лежит громадный и тучный великан; голова на покути, ноги на печке; ложи под ним — людские кости. Это Лихо, а вокруг него сидят Злыдни и Журба. Подало ему Лихо человечью голову и потчует, а само Лихо *слепое*. Взял гость голову — да под лавку. «Что, скушал?» — спрашивает Лихо. «Скушал». — «А где ты, головка-мотовка? » — «Под лавкою». Жаром и холодом обдало гостя. «Скушай, голубчик, ты сам вкусней для меня будешь». Он взял голову и спрятал за пазуху. А Лихо: «Где ты, головка-мотовка?» — «Подле желудка». — «Значит, съел, — подумало Лихо. — Ну, теперь твоя очередь».

Гость улучил годину [час] да бегом. Дверь железная заскрипела; Лихо узнало побег и закричало: «Двери, держите, уйдет!» Но он уже был за дверью; только правую руку не уберег, в дверях оставил, да тут и сказал: «Оце лыхо!»

Не правда ли, эта история подобна той, что рассказал Гомер? Правда, Одиссей сам ослепил великана, но это уже «детали», следствие позднейшей художественной обработки исходного мифа. Лихо — чрезвычайно древний образ русской мифологии. Оно может являться также и в облике худой женщины без одного глаза, иногда — великанши, пожирающей людей. Лихо — воплощение Великой богини (верховного бога), ее людоедство, как и в случае с Бабой-Ягой, отголосок тех древнейших времен, когда ей приносились человеческие жертвы. Поэтому совершенно неоправданно переносить кровожадные наклонности Полифема на тот народ, символом которого он выступает в греческом эпосе. Другое дело, хозяйственная и экономическая сторона жизни циклопа, в которой он по-настоящему велик и греческое значение его необычного имени — «знающий много песен». Тут нам следует полностью довериться Гомеру.

Ну, а что значит Лихо? Ведь это наше божество, и смысл его имени должен хранить русский язык? Ответ оказывается неожиданно простым, и в высшей степени удивительно, как мимо него прошли наши ученые. Мы говорим Лихо, но изначально имя божества было Лико — Одноглазое Лико, лицо с одним-единственным глазом. Это и образ Лиха, и портрет Полифема. Лицо с одним глазом посередине соответствует солярному знаку. Сам глаз символизирует круг, божество Коло. Одноглазое Лико — это образ Вечного Неба, днем на нем сияет солнечное око, а вечером лунное. Да, круг, колесо служили символами не только солнца, но и луны. Это хорошо уловил современный поэт:

В фиолетовом эфире
Лишь лимонная луна,
Вечный странник в спящем мире,
Навсегда лишенный сна.
Капля солнечного сока,
Загустевшего в веках,
Как приветливое око,
Круг ее на небесах.
Красотою совершенной
Отпугнула облака
И за нашей жизнью бренной
Наблюдает свысока.

Точно так же и бога Коло следует мыслить более широко. В известной русской сказке Колобок, он же Коло-бог, представляет поэтический образ луны, которая из круглой может превратиться в тощий месяц (откушенный колобок), а то и совсем пропасть во время затмения (быть съеденной). В египетской мифологии аналогом Лиха и Коло выступает Око Уаджет (Око «Зеленое») — сложный, поддающийся лишь приблизительной интерпретации образ, восходящий к представлениям додинастического периода о небесном божестве Хоре-соколе, правым глазом которого считалось Солнце, а левым — Луна. Переместившись мысленно на тысячи километров из России в Египет, мы опять встретили те же символы — круг и сокол. Такие совпадения случайными не бывают.

Лихо — более древний персонаж, нежели Хор и Коло. Оттого и изображают его не красивым и светлым, а уродливым и мрачным. Таков удел первобогов. Но именно их имена живут в названиях племен! Ликийцы — исторический народ. Ликией называлась область в юго-восточной части Малой Азии, но были также ликийские поселения и в Троаде. По преданию, ликийцы переселились сюда с Крита. Геродот сообщает также, что «обычаи их частью критские, частью карийские»; они тоже не греки, а варвары. Страбон упоминает, что

для строительства крепостных стен в Тиринфе (город на полуострове Пелопоннес) были приглашены циклопы из Ликии. Но это означает, что ликийцы и циклопы были в дружественных отношениях. У ликийцев долгое время сохранялся матриархат, они называли себя по матери, а не по отцу. «Если кто-нибудь спросит ликийца о его происхождении, тот назовет имя своей матери и перечислит ее предков по материнской линии. И если женщина-гражданка сойдется с рабом, то дети ее признаются свободнорожденными. Напротив, если гражданин — будь он даже самый влиятельный среди них, — возьмет в жены чужестранку или наложницу, то дети не имеют прав гражданства» (Геродот). Из всех арийских племен, оказавшихся в Средиземноморье, они долее других исповедовали культ Великой богини. Но не об особом ли положении женщин у циклопов говорит тот факт, что Полифем собственноручно доит коз? В русских песнях Коляда поминается всегда только как женщина, и это можно истолковывать как признак длительного существования матриархатных отношений у племен, поклонявшихся божеству Лихо или Коло (циклопов, ликийцев и сколотов).

В Троянской войне ликийцы сражались против греков. В «Илиаде» они упоминаются Гомером большее число раз, чем все союзники троянцев, вместе взятые. Царь ликийцев Сарпедон — один из наиболее авторитетных вождей защитников, именно он от лица пришедших под Трою народов заявляет (Илиада. V, 473—479):

Гектор! где твое мужество, коим ты прежде гордился?
Град, говорил, защитить без народа, без ратей союзных
Можешь один ты с зятьями и братьями; где ж твои братья?
Здесь ни единого я не могу ни найти, ни приметить.
Мы же здесь ратуем, мы, чужеземцы, притекшие в помощь;
Ратую я, союзник ваш, издалека пришедший.

О храбрости ликийцев в древности ходили легенды. «Ликийцы же, когда Гарпаг (ставленник Кира I, основателя персидской державы. — *А. А.*) вступил в долину Ксанфа (город в Ликии. — *А. А.*), вышли ему навстречу и доблестно сражались небольшими отрядами против огромного войска. Потерпев поражение, они были оттеснены в город [Ксанф]. Тогда ликийцы собрали на акрополе жен, детей, имущество и рабов и подожгли акрополь, отдав его в жертву пламени. После этого ксанфии страшными заклятиями обрекли себя на смерть: они бросились на врага и все до единого пали в бою» (Геродот). Так же отважно воюют ликийцы и в «Илиаде»...

Конец кикладской культуры (XII в. до н.э.) совпадает по времени с последней фазой вытеснения ариев с материковой части Греции, Крита и близлежащих островов. Перебраться на западное побережье Анатолии побежденные не могли, поскольку и там, выиграв Троянскую кампанию, господствовали греки. Поэтому отступление велось только в направлении Фракии (область на юго-востоке Балканского полуострова). Отсюда, накопив силы и получив подкрепление от северных «варваров», они вторглись в Анатолию, разгромили Хеттскую державу и прошли победным маршем по всему Междуречью, вплоть до Вавилона. В их числе было и племя халдеев (халдов, халибов, халиту). Вся группа этих названий, очевидно, соотносится со словами Коляда (колдун). Именно халдеи принесли в Азию культ бога Коляды. В государстве Урарту (существовало на территории Армянского нагорья в первой половине I тыс. до н.э.) он утвердился под именем Халди в качестве верховного бога.

Культ Халди имел общегосударственное значение, ему поклонялись также в пограничных районах Ассирии (древнее государство на территории современно-

го Ирака). Важнейшим культовым центром бога Халди был храм в городе Мусасир; он был центром коронации урартских царей и одновременно их сокровищницей. Наряду с храмами (под двускатной крышей с колонным залом и иногда с портиком) в культе Халди существовали святилища под открытым небом — перед нишей в скале или каменной стелой («вратами» бога Халди). Халди изображался воином, стоящим на льве. Его молили о победе над врагом. В посвященном ему храме отправляли культ копья и щита. Круглый сверкающий щит символизировал солнце, а копье — всепроникающие лучи света. В популярной сказке о Еруслане Лазаревиче богатырь встречается с волшебным царем Огненным Щитом — Пламенным Копьем, который ни в огне не горит, ни в воде не тонет, своих врагов он испепеляет негасимым пламенем. Здесь Огненный Щит в руках у царя олицетворяет Солнце, а Пламенное Копье — молнию. Сказочный царь, таким образом, соединил в себе функции двух древних божеств — солнечного и громовержца. Но выбор атрибутами бога Халди оружия и воинских доспехов имеет и другой подтекст. Племени халибов приписывалось изобретение способа добычи железа из руды. Железное оружие было гордостью воинов этого племени, в битвах оно делало их неуязвимыми и подобными богам. Образ вооруженного бога обозначает не столько его воинственный характер, сколько обладание им новейшими металлургическими секретами. Да и не воюют верхом на львах!

Государство Урарту представляло содружество многих племен. Но объединяющим началом в нем выступали ваны-венеты (жители Ванского царства в центре нагорья) и халдеи, чей бог олицетворял верховную силу Урарту. Оба эти народа были потомками ариев. Название их государства образовано сочетанием двух

слов: Ура — это уже хорошо знакомое воспроизведение имени Яра на Востоке, и рту (рта, рита) — названия универсального принципа у древних ариев, космического закона, определяющего жизнь людей и развитие вселенной в целом, и равно приложимого и к богам, и к людям. Таким образом, Урарту — это страна, живущая по закону Яра (древних ариев). Бог Коло (Коляда, Халди) — лишь другое его воплощение, имя Яра хорошо помнили в Урарту, чему свидетельством географические ориентиры: реки Арацани, Аракс, озеро Урмия да и название страны Армении. Имя ее столицы Еревана также напоминает нам о пребывании в этих краях ариев-ванов (Ере-ван = Яр + Иван). История Урарту служит частью биографии нашего народа. И совсем не случайно там царствовали Руса I, Руса II и Руса III.

Другой след народа халдеев обнаруживается в... Вавилоне. Здесь, как мы помним, с III тыс. до н.э. уже проживали арии. В более поздние времена эта область стала центром притяжения аморейских и арамейских племен, теснимых местными семитскими племенами. Халдеи прорвались сюда с территории Урарту во время одного из походов в Северную Месопотамию. Первые сведения о стране Калду в Вавилонии и ее обитателях халдеях относятся к IX в. до н.э. Среди местных арийских племен они поначалу не занимали доминирующего положения, и их бог Коляда не стал верховным, как это произошло в Урарту. Ему была отведена более скромная роль хранителя жизненной силы человека. Вавилоняне называли его Алад и изображали крылатым быком. Однако в 626 г. до н.э. халдейская династия пришла к власти. Именно ее представитель, знаменитый царь Навуходоносор II, сделал Вавилон великим и могущественным. В 605 г. до н.э. он захватил территории Сирии и Палестины, в 586 г. до н.э.

разрушил восставший Иерусалим, ликвидировал Иудейское царство и увел в плен большое число жителей Иудеи. При нем были сооружены Вавилонская башня и висячие сады.

Навуходоносор писал: «Я окружил Вавилон с востока мощной стеной, я вырыл ров и скрепил его склоны с помощью асфальта и обожженного кирпича. У основания рва я воздвиг высокую и крепкую стену. Я сделал широкие ворота из кедрового дерева и обил их медными пластинками. Для того чтобы враги, замыслившие недоброе, не могли проникнуть в пределы Вавилона с флангов, я окружил его мощными, как морские валы, водами. Преодолеть их было так же трудно, как настоящее море. Чтобы предотвратить прорыв с этой стороны, я воздвиг на берегу вал и облицевал его обожженным кирпичом. Я тщательно укрепил бастионы и превратил его в крепость». Читая описание столь грандиозного проекта, мы не можем не вспомнить о греческих циклопах, известных градостроителях древности, их удивительные навыки нашли применение и на новых местах расселения. Вавилон был застроен трех- и четырехэтажными домами. Его защищало от врагов тройное кольцо высоких кирпичных стен общей протяженностью в 8 км. Стены были укреплены 600 зубчатыми башнями, а кованые медные ворота преграждали доступ внутрь города в минуты опасности. Как тут не вспомнить о наших кремлях! Предки русских приложили руки к строительству Вавилонской башни и самого Вавилона, от этого никуда не деться, об этом черным по белому сказано в «Повести временных лет». Да и почему, наконец, у нас сохранилось имя Вавила? И если оно позаимствовано, то почему никто кроме нас не сделал этого же?

Особо следует сказать о научных достижениях вавилонян. По халдейской системе счета целое делится

на 60 минут, а минуты на 60 секунд — так применялась на практике халдейская шестидесятиричная система счета. Вавилонские жрецы ввели деление суток на 12 двойных часов, часа — на 60 минут, а минуты — на 60 секунд. Халдейские ученые первыми среди ученых древности поняли, что явления природы подчиняются определенным закономерностям, и их можно описывать числами. Именно внутри их сообщества вызрела и оформилась мысль, что числа являются тайной сущностью вещей, что именно числа управляют миром. Всевозможные математические выкладки стали применяться в магических целях. Эти взгляды перекочевали в Грецию, где были восприняты и усовершенствованы Пифагором и его учениками. Пифагорейцы переводили в числа имена людей, их личные качества, клялись «священными» числами. В дальнейшем подобные взгляды проникли в Рим, а оттуда рассеялись по всем странам средневекового мира.

К началу нашей эры Вавилон утрачивает свое значение торгового центра. Но его давние научные традиции продолжают жить еще долго. К этому периоду заката великого города относится составление знаменитых халдейских таблиц. Все они начинаются одними и теми же словами: «Во имя бога Бела и богини Белтис, моей госпожи, предзнаменование...» Таблицы действительно содержали «предзнаменования» — подробные и очень точные расчеты положений Луны и планет. Лунные таблицы содержат также «расписание» затмений. Планетные таблицы дают представления о видимости планет. Древние арии принесли на земли Вавилона астрономические знания, доставшиеся им в наследство от жрецов, руководивших постройкой Аркаима и Стоунхенджа. Об этом напоминают всякому сомневающемуся обязательные обращения к северному богу Белу и его женской параллели Белтиде.

Итак, обозрев Древний мир II—I тыс. до н.э., мы об-

наружили носителей культа бога Коло в самых разных уголках планеты: в Греции, Урарту и Вавилоне. Но родина Коло-Коляды — Русская равнина, край скифов-соколотов! Геродот пишет: «На севере же Европы, по-видимому, есть много золота... Согласно сказанию, его похищают у грифов одноглазые люди — аримаспы». Циклопы на севере! Невероятно? Но хорошо — вот еще одно свидетельство уже северного по происхождению автора. Готский историк VI в. Иордан, сообщая о походе готского полководца Германариха из Скандинавии к Черному морю, называет первый из завоеванных им народов гольтескифами. Первая часть этого слова «гольте» является искаженным на немецкий манер словом Коляда, поэтому имя народа — скифы-колядники (колдуны) или те же сколоты. Они живут выше угро-финских народов — чуди, мери и мордвы, также упомянутых Иорданом. И невозможно было ожидать что-нибудь другое: на Русском Севере всегда жили потомки ариев, наследники славы Гипербореи. Они поклонялись богу Коло, отсюда название Кольского полуострова. А то, что Германарих дошел до Кавказа и там тоже покорил народ Колдов, так это потомки тех циклопов-халдеев, которые ковали славу Урарту, а позднее дали название Колхиде, точно так же, как родственные им ваны — Сванетии (Се Ванетии). В данном случае мы никоим образом не хотим умалить важности собственных национальных географических названий (топонимов), просто история складывалась таким образом, что народы мигрировали, уходили с обжитых земель, но память о них вольно или невольно хранилась новыми хозяевами.

Многим может показаться, что разговор о Коляде — это обращение к совсем уж седой древности. Но вот возьмем слово «календарь». Нам объясняют, что оно происходит от латинского «календы» — первые числа месяца, приходящиеся на время, близкое к новолунию.

А откуда произошли сами «календы»? Ответа от ученых-лингвистов, как правило, не дождешься, хотя он ясен каждому. Латинские «календы» происходят от русского «коло». Они потому и привязывались к фазам луны, что «коло» по-русски значит «круг» и это понятие равным образом прилагалось и к солнцу, и к луне. Римляне усвоили древнюю арийскую культуру и выдают ее за свою, что, мягко говоря, неправильно. И еще: весь западный мир в ночь перед Рождеством вспоминает Санта-Клауса (святого Николая). Но Клаус — это опять-таки Коло, имя обновленного солнца, которое, пережив самый короткий земной день, теперь все чаще будет являться взору. Запад, не ведая того, чествует древнего русского бога! И это, как мы убедились, типичная ситуация.

Глава 8

Яр-Тур и Кентавр-Китоврас

Таится дремный мир сказаний
Веков родных щемящий зов
В нешумной музыке прозваний
Старинных русских городов.

. . . . . .

И слышу в гордом слове *Туров*
Летящих в мрак ветвей и хвой
Упрямых, крутороги туров
С закинутою головой...

Д. Андреев

К числу важнейших русских богов, основательно позабытых современными академическими учеными, относится бог Тур. Впервые на это обратил внимание А.Н. Афанасьев. Его идею блестяще развил выдающийся русский фольклорист Александр Сергеевич Фаминцын (1841—1896) в книге «Божества древних славян». Он показал, что Тур, имя которого в первоначальном смысле означало быка, — это символ солнца и связанного с действием света плодородия. Этот бог был близкородственным Яриле божеством на Руси и у славян.

Значение бога Тура может быть разъяснено посредством сравнения уцелевших до нашего времени свидетельств о его культе. О почитании Тура балтийскими славянами А.С. Фаминцын заключал по найденным у них маленьким фигуркам быков, служивших, вероятно, в качестве идолов. Бычья голова, изображенная на

груди истукана бога Радегаста (Рода!), признавалась у бодричей народным гербом и имела важное религиозное значение. В пользу того же предположения говорят и многочисленные на Балтийском побережье названия «Турьих» (т.е. образованных от корня «тур») мест, в том числе и такое, как «Турья земля».

Тур олицетворяет собой и свет возрождающегося на Коляду солнца. Это выражается в колядках малорусских и близко сходных с ними польских, где речь идет о «чудном» или «дивном», «многорогом или златорогом», т.е. сияющем, звере туре или туре-олене. Вот, к примеру, отрывок из галицко-русской колядки (Галиция — историческое название части западноукраинских и польских земель), где зеленая дубрава говорит:

Ой шумью, шумью, бо в себе чую,
Бо в себе чую дивное зверя,
Дивное зверя Тура-оленя,
Шо на головце девять рожечков,
А на десятом терем збудован...

В польской колядке рассказывается, как хозяйка взглянула на поле —

И увидела зверя тура,
Зверя тура, имеющего золотые рога.

В сербской колядке святой Петр изображается едущим на златорогом олене. То, что во всех данных случаях золотые рога действительно имеют значение света или солнечных лучей, доказывается нижеследующим отрывком из великорусской свадебной песни, где речь идет о таком же златорогом или белом олене, освещающем весь двор своими рогами:

В тех ли лугах ходит олень,
Ходит олень — золотые рога...
Тут пришел Андрей господин,
Встречю ему белой олень...
Олень-то ему и обещает:

Станешь жениться, я на свадьбу приду,
Золотые рога я с собой принесу,
Золотыми рогами весь двор освещу.

То же самое подтверждается и сербской песней:

Что блестит у зеленого леса:
Солнце это или месяц?
Это не солнце, это не месяц,
А два золотые рога оленя.

Такое же значение следует приписывать появлению Тура на Святках или накануне Нового года в Великой и Малой Руси, а также в Польше, где рождественские колядники ходили в старину, местами с набитой волчьей шкурой, местами же с «Туром» (древним аналогом мешка Деда Мороза!). В святочных маскарадах на Руси ходила фигура, которая так и называлась Туром. Обычай вводить в хату настоящего быка в первый день Рождества соблюдался в XIX в., помимо Поднестровья, еще и в Сербии.

В памяти нашего народа сохранились отрывочные воспоминания о яром туре — светлом, весеннем, плодотворящем быке бога-громовника. Эпитет «ярый» указывает на творческие силы весны и роднит тура с именем древнерусского Ярилы. С названием Тура нераздельны понятия о быстром движении и стремительном напоре: туровый, туркий — скорый, поспешный; турить — ехать или бежать скоро, гнать кого-нибудь (про-турить — выгнать, вытолкать), туриться — спешить. В дальнейшем, производном, значении «ярый тур» стал означать «храбрый, могучий воитель», как можно видеть из эпических выражений Краледворской (польской) летописи:

То Вратислав как тур ярый вскочил,

Ипатьевской летописи:

Храбор бо бе (Роман), яко и тур

и «Слова о полку Игореве», которое величает князя Всеволода — яр-тур или буй-тур (буйвол; яр и буй выступают здесь синонимами). Заметим в связи с этим, что имя Артур (Яр-Тур) является исконно русским; его заимствовали у нас кельты, но не наоборот. А то, что король Артур, предводитель рыцарей Круглого стола, носил русское имя, еще раз доказывает, что предки русов — арии — побывали в Британии.

Название праздника «Туры», или «Турицы» у галичан и словаков, даже независимо от многочисленных географических названий, произведенных от имени Тур в занимаемых теми и другими местностях, свидетельствует о почитании Тура как божества. Причисление церковью этих празднеств к языческим и запрещение пастве принимать в них участие подтверждают это. В честь Тура еще в XIX в. пелись весенние песни повсеместно — от Ростова и Переяславля-Залесского до Нижнего Новгорода. В Костромской губернии исполнялась следующая весенняя «семицкая» песня:

Ой Тур, молодец удалой!
Он из города большого,
Вызывал красну девицу
С ним на травке побороться,
Ой, Дид-Ладо! побороться — и т.д.

В этом вызове Туром красной девицы — «на травке побороться», несомненно, проявляется похотливая природа весеннего бога. В Галиции Турицы празднуются в начале мая, соответствуя «семику» великорусов. В львовской книге XVII в. (Номоканоне) в числе языческих игрищ упоминаются Туры. В одном из поучений XVI в. говорится: «О Турах... вы попове уимаете детей своих». У словаков один из важнейших весенних праздников — Троицын день — носит название Letnice или Turice. На праздниках, в которых чествовалось солнце, оно почиталось под именем, а иногда и в образе тура или быка (действительного или ряженого).

К XIX в. на Руси празднование Тура весною оставило незначительные следы, именно в Костромской губернии, где пелась вышеприведенная песня «О Туре — удалом молодце». Замечательно, что в Костромской же губернии, в селе Туровском, близ Галича, в 1836 г. найден небольшой идол, вылитый из красной меди. По преданию, на горе над Галицким озером существовало капище Турово. Тура чествовали в России не только весною, но и зимою; на это прямо указывает примечание к одному из описаний (рождественского!) праздника Коляды: «К сему на тех же законопротивных сборищах и некоего Тура сатану и прочие богомерзкие скареды промышляюще вспоминают». Один из первых отечественных этнографов М.Д. Чулков (1743—1792) писал: «Во все святые вечера, начиная от Рождества до Крещения, в честь тех же идолов Коляды и Тура, поют так называемые подблюдные песни, делают игрища, наряжаются в хари и т.д.». В Малой и Галицкой Руси на Рождество и в Новый год водят по селу бычка-полазника и произносят при этом поздравления и добрые пожелания. На Новый год ходят около Днестра с быком, припевая: «Ой Туре! Туре! Небоже — ой обернися тай поклонися», и также высказывают при этом добрые слова и напутствия в адрес хозяина дома. Итак, мы имеем положительные сведения о чествовании в России Тура на Святках и о призывании имени его весною, во время празднования Семика, т.е. на неделе Всех Святых, называемой семицкой и совпадающей со временем, когда на западе справляются «Туры», или «Турицы».

В результате тщательных топонимических исследований А.С. Фаминцын указал, что на территории России существовали многочисленные города и селения, реки, озера с именами, образованными от корня «тур», причем их география простиралась на огромных пространствах от Тобольской (города и селения Тура, Ту-

ринск, Нижне- и Верхне-Туринск, приток Тобола — Тура) и Енисейской губерний (город Туруханск, приток Енисея — Турухан) до Минской, Киевской и Варшавской. Небезынтересно добавить, что город Вильно (совр. Вильнюс) стоит на Туровой горе, а знаменитых обитателей Беловежского заповедника — зубров — в старину называли не иначе как турами. Обозревая территорию России XIX в., А.С. Фаминцын делает вывод, что названия, производные от «Тур», увековечились в бесчисленном (!) множестве географических названий, свидетельствующих о чрезвычайной популярности в ней этого божества. Кроме того, множество топонимов с данным корнем находилось в Чехии, Моравии и Германии (например, широко известная область Тюрингия). Имя Тура звучит и в некоторых названиях немногочисленных местностей в Австрии, Швейцарии, Италии (Турин!) и даже Франции (город Тур). Выделяя европейский «вектор» распространения культа Тура, наш выдающийся соотечественник, однако, не упомянул об азиатском направлении. И здесь, в первую очередь, вспоминается Туранская равнина в Средней Азии и... государство Турция! Страна, на земле которой покоятся руины арийской Трои, названа по имени древнерусского бога. Ситуация эта, как мы уже убедились не раз, вполне обычная: слишком сильно было культурное воздействие древних ариев на другие народы: в Болгарии Тура называли Торку, у румын он фигурировал в святочных маскарадах под именем Турка, у этрусков — Турмса (Тур-мужа), у хеттов — Тарху, армян — Тарку, кельтов — Тараниса, а у скандинавов — Тора. (Этруски знали также и женскую параллель Тура — Турану.) Но когда и как пришел культ русского Тура к этим народам?

В качестве отправной точки нашего исследования мы выберем свидетельство «отца истории» Геродота о том, что вдоль побережья Черного моря от Дуная до

Херсонеса (развалины на окраине современного Севастополя) обитало племя тавров. Они считаются древнейшим населением южной части Крымского полуострова (Таврики). По-гречески «тавр» значит «бык», это эквивалент русского тура, поэтому племя тавров по-русски следовало бы называть турами. Очевидно, что такое самоназвание народа происходило от имени бога Тура, которому он поклонялся. Тавры, или туры, — активные участники средиземноморской истории. Другое дело, что у разных авторов они упоминаются под разными именами. Египетские фараоны упоминают их в числе «народов моря», нападавших на Египет в XIII—XII вв. до н.э., и называют их турсами. Страбону они известны как неоднократно вторгавшиеся в пределы Малой Азии треры. Та часть тавров-туров-треров, которая в начале I тыс. до н.э. отплыла с анатолийских берегов и высадилась в Южной Италии, получила у античных авторов имя тирренов, тирсенов или этрусков. Таким образом, можно говорить об еще одной волне миграции древних ариев (тавров) в области Средиземноморья, осуществлявшейся уже после Троянской войны.

У древних греков сохранились старинные сказочные предания, что к северу от Греции появились особые чудовища, у которых зад и четыре ноги были конские, а грудь, голова и руки — человеческие. Эти чудовища, названные греками кентаврами, отличались крайне свирепым нравом, превосходно стреляли из луков и были, благодаря быстрым конским ногам, совершенно неуловимы, причем, по греческим сказаниям, между этими кентаврами и греками когда-то происходили кровопролитнейшие битвы. «В этих сказочных преданиях греков о кентаврах, — пишет замечательный русский историк А. Нечволодов, — на первый взгляд совершенно невероятных, есть, однако, большая доля правды. Жестокие битвы греков действительно

происходили с пришельцами с севера, метко выпускавшими стрелы из своих луков и постоянно появлявшимися перед противниками верхом на быстроногих конях, с которыми они, казалось, составляли одно неразрывное целое. Вид этих конных и неуловимых пришельцев, издали поражавших врагов из своих луков, а затем свирепо нападавших на полном конском скаку, особенно поражал греков, так как греки, поселившись в своей гористой стране, мало пользовались лошадьми, сражались пешими и были плохими наездниками. Но тем не менее, несмотря на весь ужас греков, эти северные пришельцы были не сказочными чудовищами, а настоящими людьми. Это были, конечно, наши славные предки, славяне, и именно те племена, которые дали начало великому Русскому народу. Идя из своей далекой Арийской родины по нашим привольным южным степям, они покорили себе во время этого длинного и долгого пути главного тогдашнего обитателя русских степей — дикую лошадь, и сделали себе из этого борзого скакуна вернейшего и преданнейшего друга; сроднившись с ним, предки наши стали лучшими в тогдашнем мире наездниками и конными стрелками и наводили ужас на все народы, которые пытались им сопротивляться». Имя «кентавр» следует читать как «конный тавр» — представитель арийского племени тавров.

Для русских кентавр — традиционный символический образ, его резные рельефы можно увидеть, к примеру, на стенах Дмитровского собора во Владимире или Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Есть кентавр и на Васильевских вратах из Софийского собора в Великом Новгороде. Эти огромные медные двери были сделаны в 1331 г. по заказу новгородского архиепископа Василия, однако после кровавого погрома, учиненного опричниками Ивана Грозного, были в качестве трофея увезены в Александровскую слободу, где

и поныне украшают Троицкий собор теперешнего города Александрова. Присутствие изображений древнейшего языческого символа на христианских храмах свидетельствует о глубокой укорененности этого символа в представлениях русских людей. Металлические зеркала с изображением кентавра были обнаружены даже в Печорском крае и на острове Фаддея, что расположен на севере от побережья Таймырского полуострова. Эти предметы-украшения попали к северным народам от русского населения, на протяжении нескольких веков колонизировавшего эти земли.

В разговоре о кентаврах уместно вспомнить и о Коньке-Горбунке — персонаже русских сказок, относящемся к полуконям, по внешнему виду вполовину или намного меньше героических коней бога. Он невзрачен, иногда даже уродлив (горб, длинные уши и т.д.), как у Ершова в сказке о «Коньке-Горбунке»:

Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.

В метафорическом смысле он именно полуконь-получеловек: понимает дела людей (богов и бесов), говорит человеческим языком, различает добро и зло, активен в утверждении добра:

Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за черную, слышь, бабку.
На земле и под землей
Он товарищ будет твой.

В.Н. Демин в книге «Тайны земли Русской» сопоставляет кентавра с образом славянского бога Световита, восседающего на белом коне. В знаменитом храме Арконы на острове Рюген (в Балтийском море) племя вагров (их часто соотносят со знаменитыми варягами)

поклонялось не только самому богу, но и его коню, до которого простым смертным нельзя было дотрагиваться и у которого даже выдернуть волос из гривы или хвоста считалось кощунством. Только верховный жрец мог кормить его и на нем ездить, чтобы обыкновенная узда не унизила божественное животное. Верили, что на этом коне Световит по ночам ведет войну против врагов своего святилища. Подтверждением тому служил демонстрируемый всем желающим факт: по утрам конь, остававшийся в стойле, был покрыт пеной и грязью, будто только что воротился с поля боя. Поэт Константин Бальмонт написал такие строки:

Мне снится древняя Аркона,
Славянский храм,
Пылают дали небосклона,
Есть час громам.

Я вижу призрак Световита,
Меж облаков,
Кругом него святая свита
Родных богов.

Он на коне, — и слишком знает
Восторг погонь,
О, вихри молний нагоняет
Тот белый конь.

. . . . . .

Славянский мир объят пожаром,
Душа горит.
К каким ты нас уводишь чарам,
Бог Световит?

В древнерусской традиции кентавр известен под именем Китовраса, представляющего собой вариант произнесения этого слова. Китоврас — персонаж древнерусских книжных легенд. Он упоминается в XIV в. в рукописных текстах как чудовище-кентавр, иногда с крыльями. В одном из древнерусских текстов сказано,

что он ударил Соломона не рукой или ногой с копытом, а крылом, и забросил царя на край Земли обетованной. В большинстве случаев Китоврас помогает царю Соломону строить храм, состязается с ним в мудрости. В некоторых списках легенд Китоврас наделен чертами оборотня: днем он правит людьми, а ночью оборачивается зверем и становится царем зверей. Внешность его описывается довольно скупо: «станъ человечь, а ноги коровьи», рост, судя по всему, преогромный, ибо он «жену в ухе носил». Такого рода описания, правда, скорее напоминают не человека-кентавра, а человека-быка. Видимо, при создании образа Китовраса основное значение придавалось уже второй части слова «кентавр», то есть «тавру» — быку (кстати, она и наименее искажена в «новорусском» произношении). Китоврас похож на изваяния тех гигантских крылатых быков с человечьими лицами, что сторожили вход во дворцы ассирийских или персидских царей. Нелишне тут вспомнить и о человеке-быке Минотавре, обитавшем в знаменитом Критском лабиринте. Опять неожиданно ярко высвечивается связь арийского по происхождению мифологического персонажа и с далеким севером, и с глубинами Азии, и с загадочным Критом. Да и Китоврас ведь общается не с царем Горохом, а с Соломоном. Это не просто дань христианской традиции, это нечто поглубже, свидетельствующее о существовании арийско-еврейского диалога в дохристианские времена.

Часть II

Новый взгляд на старые источники

Москва, и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные границы
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не пройдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

Ф. Тютчев. Русская география

В первой части нашей книги на первом плане были вопросы мифологии. Мы интересовались родословными русских первобогов и их «двойниками» в разных странах. Вся эта «предварительная» работа была необходима, чтобы выяснить, в каких направлениях мигрировали арии — предки современных русских. Развитый нами метаисторический подход к изучению миграций племен и народов удовлетворяет всем требованиям построения научной теории. Другое дело, что найденные мифологические параллели следует дополнить связным описанием истории ариев, основанным на анализе уже чисто исторических источников. Этому как раз и посвящена оставшаяся часть книги.

Глава 9

Египет и Русена

Шесть золотистых мраморных колонн,
Безбрежная зеленая долина,
Ливан в снегу и неба синий склон.

Я видел Нил и Сфинкса-исполина,
Я видел пирамиды: ты сильней,
Прекрасней, допотопная руина!

Там глыбы желто-пепельных камней,
Забытые могилы в океане
Нагих песков. Здесь радость юных дней...

И. Бунин. Храм солнца

Приблизительное время рождения цивилизации на берегах Нила — вторая половина IV тыс. до н.э. Начиная с этого момента можно говорить о существовании единства между отдельными областями Египта. По-гречески они назывались номами, их число было порядка нескольких десятков (до сорока на момент создания государства). В более поздние времена каждый ном имел по главному городу, а также своих местных богов.

Точное летоисчисление древнейшей египетской истории невозможно из-за недостаточности данных. Поэтому время зачастую обозначается не столько столетиями, сколько условно — династиями. Древние списки фараонов делились на династии, которых жрец Манефон, написавший около 300 г. до н.э. по-гречески свое сочинение об истории Египта, насчитывал до 30. К Раннему царству относят I и II династии по списку

Манефона, а также полузабытых древнеегипетской традицией их прямых предшественников. По древнему преданию, первым царем Египта был Мен (Менес). С него считает I династию и Манефон. По-видимому, именно этот царь объединил Верхний (Южный) и Нижний (Северный) Египет в одно государство. Ученые называют даже приблизительную дату данного события — около 3118 г. до н.э.

Имя Мен вполне закономерно возвращает нас к теме ариев. Согласно «Ведам», первого человека на земле, ставшего царем людей, звали Ману. Отличие гласных в корне слова не должно смущать, поскольку древнеегипетское письмо не передавало гласных. Царь Мен был арием, и это обстоятельство помогает прояснить многие загадки Древнего Египта.

Приход ариев на земли Египта совпадает по времени с периодом похолодания в Северном полушарии. Миграция носила вынужденный характер. Конечно же при этом не все арийские племена покинули свою северную прародину, часть их по-прежнему продолжала жить на территории современной Европы, но другая двинулась на юг по маршруту Балканы — Малая Азия — Сирия — Египет. Все исследователи единодушно отмечают необычайный подъем хозяйственной деятельности на территории Египта в IV тыс. до н.э. Такой скачок был настолько резким и затронул так много сторон человеческой деятельности, что объяснить его следствием саморазвития местных племен совершенно невозможно.

Начнем с того, что в первой половине IV тыс. до н.э. здесь была создана бассейновая система орошения, ставшая основой ирригационного хозяйства страны на многие тысячелетия. Система орошения была тесно связана с водным режимом Нила и обеспечивала выращивание одного урожая в год. Страна была покрыта сетью перекрещивавшихся насыпей, которые оттора-

живали земледельческие участки. Сквозь высокие наносные берега от реки к этим участкам были прорыты протоки. Во время половодья участки затоплялись. После того как вода пропитывала почву, отстаивалась и отлагала ил, ее спускали обратно в реку. Создание и поддержание такой системы требовало колоссальных усилий и организованного участия большого количества людей. Во всей истории Древнего мира по объему земляных работ с ней могут сравниться разве только Змиевы валы — искусственные насыпи на территории Южной Руси, защищавшие земледельцев от набегов кочевников. Но ведь строили их предки русичей!

Археологические находки свидетельствуют, что в период Раннего царства египтяне изготавливали и употребляли изделия из меди. Ее месторождения на территории Египта отсутствуют, и медь доставлялась с Синайского полуострова. Однако совершенно ясно, что первичные центры обработки металлов возникали как раз вблизи месторождений: невозможно, к примеру, изобрести способы их ковки, проживая за тридевять земель от рудниковых копей. Значит, основы металлургического производства египтяне усвоили, но от кого? Очевидно, от тех переселенцев, которые пришли к ним с Ближнего Востока. В те времена это могли быть только племена индоевропейцев, и ариев в том числе. Египтяне почитали бога Анти как покровителя караванного пути к Красному морю и всех работающих в рудниках. Греки отождествляли его с Антеем — великаном, проживавшим в Ливии (западный сосед Египта), а историки второй половины I тыс. писали о деяниях народа антов — предков современных русских, обитавших в то время в Причерноморье. Одно и то же имя встречается и в Африке, и в Греции, и в Южной Руси, и мы утверждаем, что это не случайно! В мифах других народов запечатлелся след, оставленный нашими пращурами. Именно они передали секрет об-

работки металлов египтянам. Геродот косвенно подтверждает это своим рассказом о том, что карийцев и ионийцев, высадившихся однажды на побережье Египта, египтянин-наблюдатель назвал «медными людьми».

Одним из объединителей Южного Египта выступал ном с центром в городе Иераконполь. Это греческая форма названия, где «полис» («поль») переводится как «город». Но любой лингвист согласится, что имя города Иеракон (с поправкой на отсутствие гласных в древнеегипетском письме) «тождественно» палестинскому Иерихону, армянскому Еревану и славянскому Арконе на острове Рюген (вблизи южного побережья Балтийского моря). Все это земли, которые обустраивались ариями! Предание приписывает царю Мене основание «Белых стен» — города, возникшего на левом берегу Нила, — крепости и опорного пункта господства южан над дельтой Нила. Его более позднее название — Мемфис, он был столицей объединенного Египта. «Белые стены» по-другому следует переводить как Белгород, или Белград на древний лад. Очевидно, что такие названия принадлежат русскому и славянским племенам.

В составе имен царей Раннего царства неизменно упоминается бог Хор (Гор), представлявшийся в виде сокола. Всемирная история знает только один еще такой пример, когда бы имя верховного правителя государства соотносилось с соколом. Это — опять-таки русский князь Рюрик, имя которого сопоставляют с общеславянским соколоподобным богом огня и света Рарогом. Но более интересно даже не это. По-египетски имя Хора = Гора означает «высота», «небеса» и отражает лишь часть функций бога, его способность парить в воздухе. Гораздо более полное отражение божественного имени мы находим в русском языке. Гор — это и гора, и гореть, это и Змей Горыныч, и царь Горох, и Святогор, и богатырь Горыня. Корень «хор» по-

рождает не менее богатый ряд ассоциаций — «хор», «хорошо», «хоровод», русский Солнцебог Хорс. Русская этимология несравненно точнее характеризует образ египетского бога-сокола, а это верное указание на то, что рождался он на древнерусской (арийской) «почве». «По сей день герб Египта — расправивший крылья орел. А точнее, сокол. Тот самый сокол-рарог, которого мы уже встречали повсюду, где ступала нога русского человека: от Крита до Рюгена и от Аркаима, через «самостийную» ныне Украйну, до столпов Иверийских. Нет храма в Египте, где бы вы не узрели скульптурное или рельефное изображение царственного, увенчанного коронами Верхнего и Нижнего царств сокола. Учебники, научные монографии, справочники с энциклопедиями дают ему имя Гор. Бог Гор. Сами египтяне зовут сокологолового бога Хорусом... Сокол-солнце. Финист — Ясный сокол. Светлое солнечное божество Хорус. Хорс. Да, тот самый славянский, русский, исконный бог солнца, точнее, солнечная ипостась Рода-Вседержителя» (*Петухов Ю.*, Колыбель Зевса).

В период Раннего царства происходила какая-то внутридинастийная борьба, внешним выражением которой являлась замена в тронном имени царя бога Гора, божественного покровителя царей арийских племен, богом Сетом — вечным противником Гора. Затем было достигнуто временное согласие, и имена обоих богов соседствовали в титуле одного из царей II династии; впоследствии же Гор одержал полную победу над своим противником, а Сет был изгнан из тронного царского имени. Таким образом, можно говорить об установлении ариями полного контроля над территорией Египта к концу Раннего царства (нач. XXVIII в. до н.э.).

«К концу четвертого тысячелетия до нашей эры мы находим людей, по традиции называемых «последователями Гора», которые, очевидно, и образовали цивилизованную аристократию, или расу хозяев, управлявшую

шую всем Египтом. Теория существования этой расы хозяев подтверждается открытием в северной части Верхнего Египта захоронений позднего додинастического периода; в этих захоронениях обнаружены анатомические останки людей, причем и черепа, и тела усопших были большего размера, чем у коренных жителей этих мест. Различия столь явственны, что любое предположение о том, будто современные египтяне являются потомками погребенных, оказывается невозможным. Должно быть, ассимиляция двух рас была довольно значительной, однако не настолько быстрой, чтобы ко времени объединения считать ее завершенной. На протяжении всего архаичного периода различия между цивизованной аристократией и основной массой коренного населения остаются все еще значительными...» (*Эмери В.Б.* Архаический Египет). Тем не менее различия между северными пришельцами и представителями местных народностей размывались с каждым поколением все больше и больше. Этому способствовало, во-первых, что основную массу ариев-переселенцев составляли мужчины, Египет был наиболее отдаленной областью их миграции, и сюда, в первую очередь, могли добраться подвижные отряды воинов. Во-вторых, арии на территории страны не проводили расовой политики по отношению к африканским племенам. В Древнем Египте не существовало рабства. В отличие от того, что происходило в Древней Греции и в Древнем Риме, в Египте никогда не было людей, совершенно лишенных прав и низведенных до уровня вещей или живых орудий. Те, кого некоторые египтологи ошибочно называют «рабами», могли владеть землей и, отработав повинности в больших хозяйствах, обрабатывать собственные поля. Можно говорить о зависимости, но никак не о рабстве. И в этом величайшая заслуга эпохи фараонов. Мы хорошо знаем, как выглядели египтяне династического периода. Мно-

жество раскрашенных плоских рельефов представляют их нам людьми среднего роста, широкоплечими, стройными, с черными прямыми волосами (часто это парики); в соответствии с традицией, изображения египтян-мужчин всегда окрашены в кирпичный цвет, женщин — в желтоватый. Это описание не исключает индоевропейцев из числа народов, участвовавших в создании египетской цивилизации. Цвет волос большинства из них сегодня также черный, но интереснейшая деталь: дети европейцев очень часто рождаются светловолосыми и лишь впоследствии темнеют. Так проявляется действие «дальней памяти» о миграции их светловолосых предков на юг, встрече с темноволосыми южными племенами и последующем возвращении на свою прародину.

Многочисленны также и изображения представителей племен и народов, с которыми жителям долины Нила приходилось чаще всего сталкиваться. Мы видим западных соседей египтян — светлокожих и голубоглазых ливийцев (напомним, что среди них проживал Антей, а современная столица Ливии Триполи по-гречески значит Троя-город); восточных их соседей, выходцев из Передней Азии, — высоких, с желтоватой смуглой кожей, выпуклым носом и обильной растительностью на лице, с неизменными характерными бородками; черные курчавоголовые представители негроидных племен Южного Судана и, наконец, южане, обитатели Нильской Эфиопии, или Нубии, выглядящие темно-фиолетовыми. В древности Эфиопией (страной Куш) называлась не современная Эфиопия, а нынешний Северный Судан.

Эпоха Древнего царства (XXVIII — сер. XXIII в. до н.э.) представляет собой качественно новый этап развития Египта. Он определяется в первую очередь окончательным объединением страны и сплочением ее в одно политическое целое. Это становится особенно ясным,

если учесть, что существенных изменений в орудиях производства, по сравнению с предыдущим периодом, не произошло — другое дело, что возросло их количество. Только резкое увеличение производства медных орудий труда могло привести к невиданному доселе по своим масштабам строительству пирамид. Известно, что блоки из известняка, послужившего материалом для них, выпиливались медными пилами, которые изготовлялись из слитков, подвергавшихся для прочности специальной проковке. Из гробниц Древнего царства до нас дошло большое количество различных медных орудий и их маленьких моделей, но по-прежнему применялись разнообразные каменные орудия, деревянные мотыги, серпы с кремневыми зубьями, первобытный деревянный плуг.

Египет часто образно называют «Страной пирамид». В непосредственной близости от Каира и к югу от него разбросаны эти грандиозные погребальные сооружения царей Древнего царства. Первая, еще ступенчатая, 60-метровая пирамида была воздвигнута близ современного местечка Саккара к югу от Каира для фараона III династии, основателя Древнего царства Джосера (Джо-царя). Незыблемо стоит в пригороде Каира Гизе первое и единственное из сохранившихся семи чудес света Древнего мира — великая пирамида наиболее могущественного царя IV династии Хеопса (Хуфу) — почти 150-метровая, сложенная из 2 млн 300 тыс. великолепно пригнанных огромных каменных глыб. Здесь же высятся пирамиды его преемников — младшего сына по имени Хефрен (Хаф-Ра), которая всего на три метра ниже пирамиды отца, и значительно уступающая им 66-метровая пирамида еще одного фараона этой же династии, которого звали Микерин (Менкау-Ра). Каждый царь Древнего царства начинал строить себе усыпальницу сразу же по восшествии на престол. Вход в пирамиды этой эпохи всегда

располагался с северной стороны — места обитания душ предков ариев. Их как бы приглашали войти внутрь усыпальницы фараона. От времени первых фараонов нас отделяет более пяти тысяч лет, но на могилах своих близких мы точно так же насыпаем холмик земли в виде пирамиды. Не означает ли это, что наши прародители побывали в тех землях?

Мнение о том, что пирамида Хеопса, как и другие пирамиды меньшего размера, отражает геометрические и астрономические знания древних, является общепризнанным. Совершенство геометрической формы, точность математических соотношений и ориентации пирамид вдоль меридиана убеждают нас в этом. Многие из тех, кто исследовал геометрию пирамиды, приходили к выводу, что определенные пропорции были использованы намеренно. Но еще более удивительным является то, что каменный гигант ориентирован по звездам. В Великой пирамиде есть четыре узкие шахты; две из них направлены на север и юг из погребальной камеры царя, две другие — царицы. Северные шахты были ориентированы на Полярную звезду, которой ок. 2500 г. до н.э. являлась звезда Альфа Дракона, и на ковш Малой Медведицы. Южные шахты были направлены на пояс Ориона и звезду Сириус. Более того, англичанин Р. Бьювэл указал, что расположение и относительные размеры трех знаменитых пирамид на плато в Гизе соответствуют местоположению и относительной светимости звезд в поясе Ориона. Эти факты открывают нам существование у египетских жрецов высочайшей астрономической культуры. Где в то время существовали столь же совершенно ориентированные по звездам «архитектурные» ансамбли? Только в Европе! Это и цепочка обсерваторий вдоль 52-й параллели, и «космические» курганы ариев на юге России. Пришельцы с севера принесли с собой на юг накопленные к тому времени научные знания о звездах и

вычислении их местоположения на небе, что невозможно без проникновения в тайны геометрии. Не случайно одна из «привязок» Великой пирамиды связана с Северным полюсом. Что же до одной из южных ориентаций на созвездие Ориона, то нелишне будет заметить, что имя последнего возвращает нас к теме ариев — обитателей далекой Гипербореи.

В последнее время ряд российских авторов высказали идею, что при строительстве пирамид использовалась метрическая система русских саженей. Это сама по себе очень интересная идея. Дело в том, что данная метрическая система — единственная из известных на сегодняшний день, которая построена по принципу пропорциональности золотому сечению. А ведь идея золотого сечения присутствует практически во всех совершенных созданиях архитектуры, выступая одним из проявлений всемирной гармонии. Мысль об использовании русских саженей при строительстве пирамид может действительно оказаться верной, но она нуждается в дополнительных доказательствах. Мы ограничимся приведением только одного примера, подчеркивающего всю серьезность такого подхода. Как известно, основанием Великой пирамиды служит прямоугольник. Его стороны (по измерениям Флиндерса Петри в 1880—1882 гг.) составляют 230,25 метра на северной стороне, 230,4 на южной, 230,38 на восточной и 230,35 на западной. Их разница совсем незначительна, так что основание можно считать почти что квадратом. Но сторона последнего удивительно близка к так называемой греческой сажени (230,4 метра), входящей в систему русских саженей. Неужели это случайное совпадение? К этому интересно добавить, что древнейшим названием Гизы было Ростау, которое обнаруживает, даже при самом пристрастном рассмотрении, славянские корни (сравни Ростов Великий,

Ростов-на-Дону и Росток, отвоеванный немцами у славян)...

Внутреннее положение государства периода Древнего царства, несмотря на его бесспорную мощь, было, однако, не безмятежным. В силу неизвестных причин глубоким мраком окутано время правления III династии, нам известен только ее родоначальник Джосер. Недостроенная пирамида и разбитые изваяния старшего сына Хеопса (Джедефра), возможно, свидетельствуют о междоусобной борьбе двух братьев, закончившейся победой Хефрена. Скрыт от нас и драматический конец могущественной IV династии, и приход на ее место V династии. Восхождение последней на престол привело к серьезным идеологическим изменениям, связанным с началом общегосударственного почитания солнечного бога Ра — главного бога Гелиопольского нома. Теперь в титулатуре царь не только отождествляется с богом Гором, традиционным покровителем раннединастических царей, но выступает и как сын бога Ра = Яра. Каждый царь новой династии возводит в честь бога Яра солнечные храмы с огромным обелиском Бенбеном (Вань-ваней!) внутри окруженного оградой двора. В это же время происходят также большие внутриполитические сдвиги, внешним выражением которых стало появление среди высших должностных лиц государства выходцев из знати, не связанной с царем родственными отношениями (что было так типично при предшествующей династии). Наконец, вся вторая половина Древнего царства — это время незримой, но длительной и упорной борьбы усилившейся номовой администрации с центральной властью за свою политическую и экономическую независимость. Прямых письменных свидетельств этой борьбы нет, да возможно и не было, но многое можно понять, если взглянуть хотя бы на погребения верхнеегипетских номархов периода VI династии (2423—

2263 гг. до н.э.). Наследственные некрополи номархов той поры обнаружены по всему Верхнему Египту. И видно, что их гробницы от поколения к поколению становятся все более роскошными, особенно в областях, расположенных вдали от центра — Мемфиса, а некрополи царей — их пирамиды — уже не идут ни в какое сравнение с величественными сооружениями могущественных фараонов IV династии.

Постепенно номы подрывают могущество центральной власти. Царской администрации все более и более приходится идти на уступки их правителям. Происходит перераспределение материальных ресурсов страны в пользу номов, но в ущерб центру. Падает экономическое могущество мемфисских царей, ослабевает их политическое влияние. Около 2200 г. до н.э. страна распадается на множество независимых областей. Вновь они объединятся только после продолжительного переходного периода, длившегося почти 200 лет. Но править государством теперь стали цари более южного нома с центром в городе Фивы. Именно на юге были более сильны выступления местного (автохтонного) населения против северных пришельцев-ариев, контролировавших в основном номы Нижнего Египта, поэтому политическая подоплека смуты переходного периода заключалась в попытке собственно египтян возглавить правление государством. В эпоху Среднего царства (XX—XVI вв. до н.э.) арии перестают играть определяющую роль в управлении страной, более того, скорей всего еще ранее они вынуждены были мигрировать из нее. Но куда?

Временем Сенусерта III (XIX в. до н.э.) датируется надпись о походе египтян в страну Русену (Рутену), располагавшуюся где-то на территории теперешней Палестины или Южной Сирии. Мы совершенно определенно можем утверждать, что именно сюда перебрались потомки создателей некрополя в Ростау. Здесь

уже проживали их соплеменники — ханаане-ваны, поэтому основу Русены составил союз арийских племен (конечно, как и во все времена, эти предки русов объединили вокруг себя и ряд других азиатских народов, проживавших на данной территории). Русена-Русь — реальное государство, существовавшее в Передней Азии во II тыс. до н.э.! Но многие ли слышали о его существовании?

В упомянутой надписи указано, что фараон воевал против Mntyw. В египетских документах более позднего времени это имя переводят как Менаси. Оно совпадает с именем первого царя Египта! По всей видимости, у ариев существовала устойчивая традиция соотносить основателей своих государств со своим легендарным предком Ману. Так было не только в Египте и азиатской Русене, но... и на Крите. Расцвет критской цивилизации связывают с правлением царя Миноса (XVII—XVI вв. до н.э.), когда остров составлял единую монархию. Легенды утверждают, что в те времена критянам не было равных во всем Средиземноморье. Вместе с воинами Русены они составляли мощную антиегипетскую коалицию.

На рубеже XIX—XVIII вв. до н.э. выходцы из Русены — племена ханеев (ванов) — завоевали Северную Месопотамию. На ее территории они создали новое государственное образование — страну Митанни. Среди народов, входивших в нее, были семитские племена, а также протоармяне. Правящая династия, однако, была арийской. В этом смысле нет никаких сомнений, что Русена была в дружественных отношениях с Митанни и добровольно вошла в ее состав в XVII—XVI вв. до н.э.

Современные исследователи не имеют сколько-нибудь удовлетворительного объяснения имени этого государства. Известно, правда, что сами жители называли себя Митанни. В русском прочтении его можно

перевести как Мать-Ана, или Божественная Мать (Анат — одно из имен Великой богини в Малой Азии и на Ближнем Востоке; оно родственно русскому местоимению «она»). Имя страны указывает, что в ней особым почитанием пользовался культ Великой богини. Одна из областей Митанни называлась Мари, в точности так же, как и богиня древних ариев. Современные русские называют свою страну Отечеством. Это слово среднего рода, но образовано оно от существительного мужского рода «отец» и отражает влияние патриархальных представлений на формирование понятий. Название страны Митанни можно трактовать как «женский» аналог слова «отечество». В пользу такого объяснения говорит то, что гвардия митаннийских войск, наиболее боеспособные воины, назывались «марианны», то есть служители и защитники Великой богини Марии. Их название указывает, что основу этой «военной аристократии» составляли представители племени амореев. Митаннийцев называли по-другому хурритами. Ранее мы уже указали на тождественность их с куретами — легендарным народом, хранителем культа Великой богини. Следы их пребывания присутствуют как в Малой Азии и на Ближнем Востоке, так и на Крите — одном из наиболее известных центров поклонения Матери богов. Мы опять приходим к выводу о единстве древних критян и ариев, обосновавшихся в Передней Азии.

Наиболее почитаемыми у митаннийцев были богини Иштар-Шавушка и Гепа(т), или Гипты. Об Иштар как воплощении Яры мы уже упоминали. Имя Шавушка (Савушка) служит уменьшительно-ласкательной формой имени Савы, оно образовано по такому же принципу, как и русские слова «девушка», «милашка» и т.д. Само же имя Сава является искаженным вариантом Сивы — Великой богини у северных народов, напомним, что критяне называли ее Зивия. Савушка-Сива —

попросту другое имя Яры (Реи), оно напоминает о Великой Белой богине — Кибеле (Ки-Беле, белый=сивый), которой служили куреты. В Малой Азии Шавушке приписывались также мужские черты и атрибуты. Будучи богиней плотской любви, она могла наказывать врагов и клятвопреступников, меняя характер их сексуального поведения на противоположный. По свидетельству древних авторов, подобные метаморфозы были вполне обычным ритуалом для наиболее истовых служителей верховной богини (куретов).

Индоевропейская природа и у имени богини Гепы, или Гебы, Геи-Бабы. Отдавая (без всяких на то оснований!) преимущество шипящей огласовке хурритских имен, лингвисты существенно усложняют понимание реального взаимодействия народов и взаимопроникновения их культур. Гепа-Гипта была хорошо известна на всем Ближнем Востоке. Один из наскальных рисунков рисует ее верхом на льве перед вступлением в священный брак с богом бури. В орфических гимнах она упоминается под именем «Гипта — матерь земная». В одном из них Гермес так обращается к Гефесту и его свите: «Я, посланец бездонных глубин, умиротворяю духов, соединяю владык элементов: Гею, и Рею, и Гипту, и тебя, владыка огня!» Затем он поет:

> Гипту, кормилицу Вакха, кричащую «эйа», я кличу,
> Силой благую пестунью зову Диониса — тебя, Левкотея!
> Примирите титанов.

Левкотея переводится с греческого как «Белая богиня», это эпитет Ки-Белы — Великой Белой богини. Сопоставление Гипты с Геей, Реей и Кибелой однозначно свидетельствует о ее северном происхождении. Мифологи признают, что ее культ пришел в Азию из Фракии, но на Балканы он попал из еще более северных земель: на Русской равнине Гипта-Гепа известна как Баба-Яга, которая и была ее прообразом. В стране пирамид поклонялись мужскому аналогу Гипты богу Гебу — оли-

цетворению земли и связанных с ней природных начал. По всей видимости, с их именем и связано название страны — Египет.

Еще один верховный бог митаннийцев — Тешшуп, бог бури и царь богов. Его «оружием» являются гроза, дождь, ветры и молния, а ездит он на боевой четырехколесной колеснице, влекомой быками. В звонкой (не шипящей) огласовке его имя представляет структуру из трех согласных Д-ж-б, которая порождает имя Дажьбог (гласные, повторимся, восстанавливаются филологами неоднозначно и в большинстве случаев условны). Впервые на тождество хурритского Тешшупа и русского Дажьбога указал В. Щербаков. Дажьбог был одним из главных богов в Киевской Руси и входил в пантеон князя Владимира. В его имени уже содержится и полная его характеристика как по-дателя благ. В русском произношении оно переходит в Даждьбог, а эта форма уже напоминает о дожде и буре — «оружии» Тешшупа. Русский язык легко и просто объясняет лингвистические головоломки ученых! Что, к примеру, означает слово Сирия — название земли, бывшей когда-то частью Русены? Воспользуемся уже опробованным правилом отделения начального «с»:

Сирия = Се Ирия = Ирия,

но Ирей по-древнерусски значит Рай. Таким образом, Сирия в нашем переводе значит «райская земля». Примечательно, что, согласно Библии, она располагалась как раз в междуречье Тигра и Евфрата.

Профессиональные историки замалчивают или пытаются всячески принизить роль ариев в событиях той поры. А она, как и во все времена, была выдающейся. Возвышение Митанни совпало со временем, когда были сделаны два важных изобретения, способные обогатить Сирию и Финикию. Хурриты Верхней Месопотамии изобрели способ изготовления мелкой посуды

из непрозрачного цветного стекла; эта техника распространилась впоследствии также в Финикии, Нижней Месопотамии и Египте, но в течение некоторого времени хурриты и родственные им финикийцы (другое название ванов-ханеев) были монополистами в международной торговле стеклянными изделиями. Не позже XVI в. до н.э. в Финикии открыли способ окраски шерсти в лилово-красный и лилово-синий цвет пурпуром — краской, добываемой из морского моллюска. В связи с этим большое хозяйственное значение приобретает ввоз дешевой некрашеной шерсти из скотоводческих районов Сирии, Крита, а позже из всей Передней Азии в Финикию, и экспорт оттуда пурпурной шерсти. В городах ханаанской Финикии стали скапливаться большие запасы хлеба и металлических изделий, поступавших в изобилии в обмен на пурпурную шерсть. Дальнейшему расцвету ханаанских городов Палестины и Финикии, аморейских и хурритских городов Сирии, однако, помешало начавшееся после 1600 г. до н.э. египетское вторжение.

Особо жестоким противостояние двух держав было во времена правления Тутмоса III (XV в. до н.э.). Каждый египетский поход завершался не включением пройденной территории в состав Египта, а лишь грабежом сел и городов (особенно дворцов), угоном скота и людей. Год за годом фараон возвращался в Палестину, чтобы собирать дань. На стенах Карнака он выбил изображения деревьев и растений с такой надписью: «Растения, которые его величество нашел в земле Русене. Все растения, которые произрастают, все цветы, которые находятся в Земле Бога и были обнаружены его величеством, когда его величество направлялся в Верхнюю Русену (Галилею. — *А. А.*)». Совершив одну из инспекторских поездок, фараон засвидетельствовал, что «получил от Русены дань в этом году» в виде лошадей, колесниц, различных серебряных сосудов мест-

ной работы, а также «сухую мирру, 693 кувшина с благовониями, сладкое масло и зеленое масло в количестве 2080 кувшинов и 608 кувшинов вина». Об одной из его военных кампаний сказано так: «Дань князей Русены, которые пришли выразить покорность... Теперь каждое поселение, в которое прибывал его величество, снабжало хлебом и разными хлебами, и маслом, благовониями, вином, медом, фруктами — в изобилии, превосходящем все... Урожай в земле состоял из обилия чистого зерна, зернышко к зернышку, ячменя, благовоний (ладана), зеленого масла, вина, фруктов, всего привлекательного, что есть в этой стране».

Различные произведения из Русены очень высоко ценились в египетской столице. Художники-арии доставлялись в Египет как пленники, чтобы заниматься там своим ремеслом. На стенах комнат гробницы Рекмира, визиря Тутмоса III, изображены медники и написано: «Доставка азиатских медников, которых его величество взял в плен, победив Русену». Над изображением столяров видны слова: «Изготовление сундуков из слоновой кости и эбонита». Есть здесь и каменщики, которые трудятся на строительстве храма. Все это наглядно говорит об искусности хананеев в ремеслах. Западные историки с удивлением пишут о «поразительной цивилизации» в Сирии. Во времена Тутмоса III «сирийцы стояли на более высокой стадии развития, чем даже удивительно одаренная раса египтян. Добыча, привезенная в Египет и состоявшая из кольчуг, позолоченных колесниц и колесниц, отделанных серебром, свидетельствует о таком промышленном и художественном развитии, которое могло оказаться поучительным для Египта. Вместе со всем этим удивительным богатством прибыли пленники, которые стали работать в долине Нила, занимаясь ремеслами, привычными для них дома; и пока они работали, они обу-

чали египтян...» (*Rogers R.W.* Cumeiform Parallels of the Old Testament).

Хотя фараонам удалось оттеснить митаннийские силы за Евфрат, сломить силу государства Митанни они не сумели. Его цари поддерживали постоянную связь с силами непрекращающегося сопротивления египтянам. В конце концов фараон Тутмос IV вынужден был договориться о мире и разделе сфер влияния с митаннийским царем Артадамой I. Северная Сирия с выходом к Средиземному морю осталась в зоне Митанни, а в своей зоне (Ханаане) египетские фараоны сделали попытку наладить выкачивание средств без ежегодных военных погромов. В XIII в. до н.э. в результате знаменитого исхода из страны пирамид здесь появились евреи.

Если на юге Русене-Митанни противостоял Египет, то на севере серьезным противником, начиная с середины XVII в. до н.э., выступило государство хеттов. Они испытали значительное влияние арийской культуры. Их язык близок языку индоариев, а тот, в свою очередь, наиболее схож с русским. О борьбе хеттов с митаннийцами мы уже рассказывали чуть выше: под их ударами страна Митанни к XIII в. до н.э. распалась на ряд отдельных областей. Границы Русены существенно уменьшились, и теперь она (страна Арсава в хеттских табличках) включала только северо-западную часть полуострова Анатолия. На этой территории и разыгрались финальные битвы Троянской войны, в ходе которой Русена-Арсава перестала существовать.

Но следы былого присутствия ариев в Египте, Палестине и Малой Азии видны «невооруженным глазом»! Вот еще несколько дополнительных примеров. Во главе сложившегося Египетского государства стоял царь, часто называемый в литературе фараоном — термином, как обычно объясняют, пришедшим из греческого языка, но восходящим к древнеегипетскому иноска-

зательному наименованию царя эпохи Нового царства (XVI—XI вв. до н.э.) — *пер-'о*, что значило «Большой дом» (т.е. дворец). Но коли так, то слово «фараон» родственно имени русского верховного бога Перуна, а его смысл открывает наше же числительное «первый». «Русская гипотеза» несравненно точнее характеризует главное лицо государства, носителя высшей власти, чем древнеегипетская! Перун — верховный бог Древней Руси, это один из наших первобогов, древние хетты восприняли и почитали его под именем Пирвы, а балты называли Перкунасом. Сам по себе Перун не вошел в пантеон египетских богов, но «корни» его имени и титула «фараон» — одни и те же. Кстати, русское «царь», английское «сэр» и французское «сир» произошло от рожденной в Египте формы «сар», что означает «сын Ра» и служит одним из титулов фараона. На протяжении всей своей истории египтяне поклонялись верховному богу Амону-Ра — божественному воплощению первочеловека-ария Ману, уподоблявшегося богу Яру, а звезду прямо-таки в русском стиле словообразования называли «небка», т.е. малый участок неба.

Некоторые египетские божества следует однозначно признать русскими по происхождению. Таковыми являются древнейший бог Бата (Батя!), почитавшийся в образе быка; демон мрака и тьмы Баб (мужская параллель богини Бабы-Яги); карликовые божества Бэсы — покровители женской красоты; божество в образе белого гуся по имени Великий Гоготун, богиня Маат — дочь бога Ра; Птах (Петух) — мемфисское божество земли и плодородия. Отдельного упоминания заслуживает бог-покровитель умерших Сокар, изображавшийся в виде мумифицированного сокола или мумии с головой сокола. В египетском письме отсутствует буква «L», а буква «R» может также произноситься как «L». Но это значит, имя бога Сокара можно прочи-

тать и как «Сокол», что в точности соответствует его образу и подтверждает его арийскую природу. На особую значимость этого божества для древнейших жителей Африки указывает то, что его именем названа знаменитая пустыня. На наш взгляд, оно же породило и популярное русское имя Захар, родившееся в результате двух переходов:

Сокол —> Сокар —> Захар

Мы в очередной раз убеждаемся, что арийские слова усваивались другими народами в измененном виде и, возвращаясь назад в новом варианте, продолжали употребляться наряду с изначальной формой.

Современная египтология накопила уже немало фактов, которые не вписываются в традиционную картину истории Египта и замалчиваются профессионалами. Приведем только один из них, о котором рассказал И. Великовский в книге «Народы моря». В двадцати милях к северо-востоку от Каира находится арабская деревушка Тель-эль-Иахудия. В 80-х гг. XIX в. швейцарский египтолог Эдуард Невилл раскопал там руины дворца Рамзеса III. Когда-то его стены украшали раскрашенные и глазурованные изразцы. Они в большом количестве были обнаружены в этом месте и другими археологами. На изразцах были богатые рисунки, главным образом растительные, и некоторые из них носили иероглифическое имя Рамзеса III. На обратной стороне этих изразцов были обнаружены нечеткие знаки: они были похожи на инициалы художника, который изготовил и нанес их еще до обжига. У специалистов не было никаких сомнений в том, что там присутствуют греческие буквы.

Но как могли использоваться греческие буквы в эпоху Рамзеса III, в начале XII в. до н. э.? Ведь греческий алфавит возник из финикийского намного позже: до 750 г. до н.э. никаких его следов не обнаружено ни

в самой Греции, ни на близлежащих островах, ни в Малой Азии. Причем проблема греческих букв на изразцах Рамзеса III не может быть решена, даже если предположить, что греческий алфавит возник из финикийского не в VII, VIII или IX вв. до н. э., но на несколько столетий раньше. Дело в том, что греческие буквы на египетских изразцах выглядят не так, как ранние греческие буквы VII в., а так, как классические буквы времен Платона (427—347 гг. до н.э.). Более того, имеется и еще одна совершенно непреодолимая трудность. На поверхности обнаружены следующие (предположительно заглавные греческие) буквы:

A E I L M O C T X,

но среди них имеется буква «С», которая греческой не является, вместо нее должна была бы стоять «Σ» (сигма). Замена «Σ» на «С» вполне могла бы произойти где-то в первых веках до нашей эры, но никак не раньше.

Сам И. Великовский видит выход из сложившейся ситуации в том, чтобы передвинуть время правления Рамзеса III на восемь веков вперед, и этот вариант конечно же принять никак невозможно. Нет никакой нужды менять традиционную хронологию. Просто надо учесть, что по соседству с Египтом во II тыс. до н.э. находилась страна Русена, где проживали предки современных русских — арии. А буквы, которые нашли на изразцах современные археологи, есть не что иное, как наша классическая кириллица.

Еще в начале XX в. сэр Флиндерс Петри высказал предположение, что египтяне, которые пользовались иероглифами, имели также алфавитное письмо, к которому прибегали только в редких случаях для нанесения знаков на кувшинах, изразцах или кирпичах. По его мнению, это письмо было известно в Египте в течение тысячи лет или даже нескольких тысячелетий, оно никогда не использовалось для записи египетских

текстов, но позже финикийцы и греки заимствовали его у египтян. В настоящее время эта теория прочно забыта в силу своей несостоятельности. Но ситуация в корне меняется, если учесть, что носителями алфавитной письменности была та часть ариев, которые вначале пребывали в Египте, а впоследствии ушли на территорию современных Палестины, Сирии и Турции, образовав государство Русена (Арсава). Мастера Русены (свободные или захваченные в рабство, это уже не имеет значения) владели секретом алфавитного письма, а потому вполне могли составить соответствующую надпись на изразцах.

Что же касается самого вопроса о возникновении алфавита, то он требует отдельного детального исследования. А оно, в свою очередь, должно раскрыть тайны так называемого протосинайского письма — загадочных надписей, найденных на Синайском полуострове и в Палестине. А.Х. Гардинер сумел прочесть в них слово «b'lt» — «госпожа». В рамках нашей интерпретации его естественно связать с именем бога Бела и поклонявшимися ему пелазгами (филистимлянами), мигрировавшими сюда с Балканского полуострова и ставшими господами для местных племен. Отсюда же непосредственно следует, что сами египтяне не имели никакого отношения к созданию алфавитного письма, оно развивалось на земле Ближнего Востока, но на основе арийских первообразов. Заслугой же великих славянских просветителей Кирилла и Мефодия стало то, что они восстановили и в известной степени реконструировали («осовременили») более древний алфавит.

Глава 10

Месть мужиков за гибель Русены. Ваны Урарту и киммерийцы-казаки

Слово «вендетта», предполагающее кровную месть за убитого родственника, вошло в итальянский язык в результате контактов италийских племен с венетами, переселившимися в Европу из-под Трои.

В древности было множество войн и сражений. Но больше всего легенд сохранилось о Троянской войне. Гомер сочинял свои великие поэмы спустя несколько веков после происходивших событий. Самые разные европейские народы выводили родословные своих царей от троянцев. Что же заставляло их хранить память о столь далеком событии? Современные историки избегают давать этому объяснение. Согласно академической традиции, это была локальная война двух государственных образований за контроль над важными торговыми путями, не более того. Но таких войн было тысячи! Чем же так отличается от всех них Троянская война?

Наша точка зрения состоит в том, что гибель Русены подытоживала более чем двухтысячелетний период арийской гегемонии в Средиземноморье и Двуречье. Проникнув сюда приблизительно в середине IV тыс. до н.э., они вместе с коренными народами Египта, Ближнего Востока и Месопотамии создали уникальные цивилизации. Арии обустроили земли современ-

ной Греции и были в числе создателей крито-микенской культуры. Следы ариев видны повсюду, но историки стараются не замечать их. Профессионалам прекрасно известно, что в Трое были найдены предметы с изображением свастики (символа коловорота, кругового движения солнца) — характерного знака древних ариев, но они предпочитают не упоминать об этом! Все заслуги в строительстве первых цивилизаций они приписали египтянам, грекам и семитам. Мы ни в коей мере не хотим преуменьшать вклад этих народов в общее дело! Нас даже не очень обижает, что напрочь отрицаются заслуги наших предков, мы к этому уже привыкли. Но вот то, что ученые не хотят замечать очевидное, удивляет. Оказывается, что проще пропагандировать миф о какой-то диковинной средиземноморской расе, неведомо куда испарившейся с планеты, чем рискнуть произнести правду.

Перед всеми нами, живущими в России 2000 г., налицо последствия развала Советского Союза. Не прошло и 10 лет, а какая из бывших союзных республик, исключая Белоруссию, поминает добрым словом русских? Кто отстроил города в Средней Азии? Кому прибалты обязаны своим промышленным потенциалом? Где учились современные лидеры национальных элит? Все прочно забыто. Что же говорить о событиях четырехтысячелетней давности?..

Гибель Русены повлекла за собой глобальную перестройку карты Средиземноморья, сопровождавшуюся сразу несколькими потоками массовых миграций. Арии, не выдержав напора со стороны греков-ахейцев, отдельными частями разошлись сразу в нескольких направлениях. Сами ахейцы, однако, настолько истощили свои силы, что сумели контролировать завоеванные территории только менее полувека. В 1190-х или 1180-х гг. до н.э. в Анатолию вторглись обитатели Западных Балкан — пеласги, объединившиеся с наро-

дами областей, соседствовавших с Троадой и опустошенных ахейцами. Они прошли через Палестину и напали на Египет. Эта война известна как война против народов моря, или война против народа островов, как называл их фараон Рамзес III (годы правления: 1184—1153 гг. до н.э.). В Египте сохранились исторические тексты и многочисленные иллюстрации, высеченные в камне и посвященные этой войне.

От эпохи Рамзеса III до нас дошел так называемый папирус Харриса, который ныне хранится в Британском музее. Это самый длинный из существующих папирусов, имеющий 133 фута в длину. В нем фараон упоминает о том, что в определенный момент «земля египетская была сокрушена извне» и сделалась данником захватчиков, предводителем которых был некий сириец Арса (H-rw). После этих безотрадных лет его предшественник на троне — фараон Сетнахт (годы правления: 1186—1184 гг. до н.э.) «навел порядок во всей стране, которая взбунтовалась; он убил мятежников, которые были в земле египетской; он очистил великий египетский трон». H-rw — это название хурритов. Другими словами, мы имеем несомненное свидетельство того, что митаннийцы продолжали оставаться влиятельной силой на Ближнем Востоке и в XII в. до н.э. Именно им пришли на помощь балканские пеласги. Правда, удержать в подчинении Египет они не помогли, но осели на плодородном палестинском побережье. В Библии пеласги названы филистимлянами. Отражение агрессии «народов моря» египтяне считали своей величайшей победой и всячески прославляли это событие в своих текстах. Самое интересное, однако, состоит в том, что воюющие стороны остались, что называется, при своих интересах. Филистимляне вкупе с митаннийцами стали контролировать Палестину, а египтяне — Египет. В одной из надписей Рамзес III сообщает, что он построил и организовал оборону си-

найско-египетской границы, причем защищали ее воинские гарнизоны во главе с князьями и марианны, то есть митаннийская гвардия. Это означает, что ко времени составления надписи воевавшие до того стороны уже имели мирный договор.

Примерно в одно время с «народами моря» другая группа балканских племен, называвшиеся мушками (мосхами, мизами), вторглась в Анатолию и прошла победным маршем по всему Междуречью, вплоть до Вавилона. Одним из итогов похода стало то, что Хеттская держава прекратила свое существование. В связи с этим резонно задаться вопросом, почему мушки так жестоко обошлись с хеттами?

В «Илиаде» хетты не упоминаются в числе союзников троянцев, сражающихся с греками. Правда, в «Одиссее» говорится, что «кетейский» вождь Еврипил вместе со своим отрядом погиб, защищая город, но здесь следует учесть два важных обстоятельства. Во-первых, по сообщению Аполлодора, воины Еврипила пришли из Мизии, а эта область на западе Анатолии достаточно удалена от страны Хатти (государства хеттов), располагавшейся в северо-восточной части полуострова, а во-вторых, имя хеттского воина созвучно (этимологически практически тождественно!) имени Ярифил, которое можно перевести как «любимец Яра». Учитывая оба этих наблюдения, следует заключить, что Еврипил был знатным хеттом, изгнанным из своей страны за проарийские настроения и обосновавшимся в дружественной троянцам Мизии. Таким образом, у нас есть основания считать, что в период нашествия ахейцев хеттские цари, правители страны Хатти, отказали в помощи троянцам. Более того, они состояли в дружественной переписке с греками и поддерживали их политику вторжения в Троаду. С другой стороны, мисы (мушки) поминаются Гомером в числе защитников Трои:

Мизам предшествовал Хромий и Энномос, птицегадатель...

Таким образом, вторгаясь в Анатолию, мушки имели цель отомстить хеттам за гибель Русены.

В основу названия племени мушков положено слово «муж». Оно по-разному выглядит в разных славянских языках: «моз» в словенском, «муз» в словацком, «маз» в польском (родительный падеж «меза») и родственно древнеиндийскому «manu» — «человек, муж», авестийскому «manus», готскому «manna» и английскому «man» (у англичан от него образованы уважительные формы обращения «мисс», «миссис», «мистер»). В ведийской мифологии Ману рассматривается как первый человек и царь людей на земле. Арии принесли этот образ не только в далекую Индию, но и к германским племенам, которые считали своим прародителем Маннуса, и на Крит, достигший наивысшего могущества при легендарном царе Миносе, и в Египет, где первый царь I династии носил имя Менес, а имя сына мифического первого царя было Манерос («Мужрос»!). Но распространившийся на огромных пространствах язык ариев (древнейший вариант русского), служивший способом общения народов, вовлеченных в «арийскую орбиту», не оставался неизменным. Это происходило отчасти и вследствие того, что язык, как живое образование, может изменяться сам по себе. Главная причина, однако, заключалась в том, что арии соприкоснулись с разными народами и перенимали их варианты произношения своих слов.

В трояно-фракийском регионе (области Фракии и Троады) в середине II тыс. до н.э. соседствовали арийские (прарусские), праславянские и другие индоевропейские племена. Их диалог и предопределил переход арийской формы «man» («men») в славянскую «муз» («моз», «мез»). Исторические свидетельства позволяют проиллюстрировать эту мысль. Геродот сообщает, что

Мис (мисийцы) и Лид (лидийцы — малоазийские соседи мисийцев) были братьями, а древнее название лидийцев было меоны. Иначе говоря, меонийцы (от имени прародителя Ману) были братьями мисийцев (прародитель Муж или Мос — в зависимости от прочтения). Наслоение языковых форм создало и многообразие в названиях племен. Мисийцы — это те же меонийцы, но говорившие «чуть-чуть более на славянский лад». Представители обоих народов были в числе защитников Трои:

> Вслед их Антиф и Месфл, воеводы мужей меонийских,
> Оба сыны Пилемена, Гигейского озера дети,
> Рать предводили меонов, при Тмоле высоком рожденных.

Согласно Геродоту, прародителем лидийцев был Манес, славянская форма его имени — Муж или Моз. Отсюда происходит название племени мушков или мосхов, а также имя нашей столицы Москвы и производное от него название нашего государства, распространенного у иностранцев в Средние века, — Московия (первым на параллель Московия — Мужиковия указал Н.А. Морозов).

В нашей отечественной культуре существует давняя традиция возводить московитов к ветхозаветному Мосоху (Мешеху) — внуку Ноя и сыну Иафета. Он упоминается уже в первой библейской книге Бытие (10, 2). Затем его имя возникает в Псалтири, где псалмопевец горько сетует: «Горе мне, что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских. Долго жила душа моя с ненавидящими мир. Я мирен: но только заговорю, они — к войне» (Пс. 119, 5—7). Но наиболее подробное описание находим в книге Иезекииля (38,2), где Бог говорит своему пророку: «Сын человеческий! обрати лице твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фувала!» И далее обращается уже к последним (39, 2—4): «Вот, Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя, и выведу тебя от краев севера, и приведу те-

бя на горы Израилевы. И выбью лук твой из левой руки твоей, и выброшу стрелы из правой руки твоей. Падешь ты на горах Израилевых, ты и все полки твои, и народы, которые с тобою». У Иезекииля имя Мосоха впервые сплетается с Росом (Рошем) и Гогом. Завершение библейской судьбы Мосоха, вошедшего в состав объединения Гога и Магога, описано уже в «Откровении Иоанна Богослова» — «Апокалипсисе». Там сказано, что после второго пришествия Христос поразит сатану и скует врага на тысячу лет, в продолжение которых будет царствовать на земле с праведными. «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань: число их как песок морской. И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный. И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их» (Откр. 20, 7—9).

Библия свидетельствует о Мосохе как о прародителе реального исторического племени, противостоящего Израилю и его Богу. Таковым, очевидно, следует считать народ мушков (мосхов, мизов). Их союзниками, входящими в объединение Гога, названы народы Фувал и Рош. Первых следует соотнести с жителями государства Табал на юге Анатолии. Названия Табал (Фувал), на наш взгляд, возникли как искажения слова «Диавол» — «Божественный Бел». В такой интерпретации имена табальцев и пеласгов (филистимлян) оказываются родственными, отражая этническую близость этих народов. Но кого тогда Иезекииль, живший в VII в. до н.э., называл рошами (росами)? Текст Книги Иезекииля позволяет однозначно ответить на этот вопрос, и крайне удивительно, что это осталось незамеченным для других исследователей. В одном из мест (Иезекииль, 27, 13) при перечислении участников тройственного союза вместо Роша назван Иаван. Но

на территории Армянского нагорья находилось царство Ван (вот и нашелся Иаван!), его создала та часть венетов, которые не ушли из Малой Азии после Троянской войны. Они были наследниками малоазийской Русены и потому Иезекииль назвал их росами. Ванское царство было оплотом государства Урарту. Имена некоторых его правителей — Менуа (810—781 гг. до н.э.), Руса I (730—714 гг. до н.э.), Руса II (685—645 гг. до н.э.), Эримена («Арий-муж»; 625—605 гг. до н.э.), Руса III (605—590 гг. до н.э.) — говорят сами за себя. Каждого из них, равно как и любого другого из урартских царей, Иезекииль мог назвать князем росов.

Армянский исследователь С.М. Айвазян проанализировал весь свод данных, касающихся распространения в Закавказье имен и названий с корнем «рус». Согласно его выводам, один из городов, бывший некоторое время столицей Урарту, назывался Русаин (Русин). Армянский ученый, специалист по древним текстам, разъясняет, что клинописный знак «са» имел также однозвучную огласовку и алфавитно-буквенное выражение. В таком случае, имена трех уже упоминавшихся выше урартских царей прочитываются как Рус I, Рус II и Рус III. С.М. Айвазян отстаивает «араратскую концепцию» происхождения русских и армян, то есть идею их совместного местонахождения на территории государства Урарту, которую, безусловно, разделяем и мы.

Теперь об имени союза трех государств. Гогой русские называют Георгия или Юрия, то есть Ярия (Ария). На гербе Москвы изображен Георгий Победоносец, поражающий змея. Это обстоятельство увязывает между собой и то, что мужики-моски основали Москву, и то, что их первопредком был Арий-победоносец. В нашей интерпретации выражение «земля Магог» следует понимать как «земля Матери Гога (Ария)», то есть «земля Марии». Область с таким названием входила в состав государства Митанни. С именем Марии связано

название наиболее боеспособных ариев-митаннийцев — марианны. Высшая группа царских людей в Урарту называлась схожим образом — мари. Словосочетание «народ Гога и Магога», следовательно, следует трактовать как «народ Яра и Марии» или «народ ариев».

Итак, балканские племена пеласгов и мушков сумели отомстить египтянам, семитам и грекам за гибель Русены. Но восстановить ее былую славу уже не смогли. Небольшие «осколки» Русены остались существовать в Палестине (филистимляне Библии) и в восточной части Малой Азии (земля Гога и Магога). Страна мушков, западный сосед Урарту, по ассирийским данным, называлась Алзи или, с поправкой на семитское произношение и неоднозначность воспроизведения клинописных знаков, — Арси: имя Арсены=Русены оставалось жить в Азии! С тех же давних времен сохранилось и название внутренней реки страны мушков — Арацани, этимологически родственное названию царства.

Ну, а какова судьба самих ванов, образовавших свое царство на территории Армянского нагорья? Они оставили яркий след в истории Передней Азии, возглавив союз городов-государств Урарту. Ваны прославились не только как прекрасные воины. Они построили множество оборонительных и оросительных сооружений: один из древних каналов до сих пор снабжает город Ван водой.

Главным геополитическим противником урартийцев была Ассирийская держава, располагавшаяся в Северной Месопотамии. Данные клинописных записей, сохранившиеся на ее территории, дают нам информацию о противостоянии двух этих государств. В XI—IX вв. до н.э. ассирийские набеги на Армянское нагорье были редкими, этому препятствовали прежде всего мушки и ваны. Окружавшие их племена не были этнически однородны: здесь обитали и потомки хеттов, и

протоармяне, хурриты, а также северные (протогрузиноязычные и др.) кавказские племена. Поэтому для создания сплоченного союза племен понадобилось значительное время. Урарту, как государственное объединение, доминирующее в данном регионе, упоминается впервые в IX в. до н.э. Ассирийский царь Салманасар III в конце 50-х гг. этого столетия дважды вторгался в его пределы. Во время одного из походов (856 г. до н.э.) ассирийцы прошли через левобережье верхнеевфратской долины и завоевали страну мушков. Затем они напали на Урарту. Битва между двумя армиями привела к поражению урартов и большим потерям; ассирийцы заняли крепость и столицу одного из урартских округов; последовали обычное разорение местности и зверская расправа над населением. Пленных не брали (кроме колесничих и всадников), но угоняли лошадей и мулов и вывозили добычу. Обходя озеро Ван с севера, Салманасар велел соорудить в горах «огромное изображение своего величества». События этих походов изображены также на рельефах ассирийских бронзовых обшивок храмовых ворот. Данные рельефы дают представление об армии урартов. Ее воины изображены в подпоясанных рубахах, шлемах с гребнями, с маленькими круглыми щитами и короткими, вероятно бронзовыми, прямыми мечами. Мужчины, обороняющие стены, вооружены также луками. Те же рельефы изображают вырубку деревьев, казни знатнейших жителей, увоз ассирийцами захваченного добра в больших глиняных сосудах, положенных на повозки, и угон нагих пленных в шейных колодках.

Четверть века после этого ассирийцы не тревожили население Урарту, и оно воспользовалось этой передышкой для укрепления своего государства. В одной из своих надписей царь Сардури I (третья четверть IX в. до н.э.) именует себя не только «царем Биайнели (т.е. Вана, Урарту), правителем города Тушпы (ныне

Ван. — *А. А.*)», но и «царем великим, царем сильным, царем воинств, царем Наири». Эта титулатура повторяла ассирийскую с заменой слова «Ассирия» на «Наири», обозначавшее земли от границ Малой Азии до центральной части окраинных гор Западного Ирана. Политику Сардури I продолжили его сын и внук Минуа. Урарты заняли территории вплоть до западного и южного берегов озера Урмии; теперь уже северная граница Урарту проходила между озером Ван и рекой Аракс (топонимы Урмии и Аракс связаны с корнем «яр» и напоминают о присутствии здесь ариев), где урарты вели упорную борьбу с вторгавшимися протогрузинскими племенами. Ко времени Минуа в Урарту учреждается система наместничеств во главе с областеначальниками, упорядочиваются культы богов и вводится общегосударственная система жертвоприношений. В каждом завоеванном номе принудительно вводился культ верховного урартского бога Халди (Коляды!) — мера, незнакомая другим великим державам. После этого мушков и ванов стали называть еще халдеями.

Около 800 г. до н.э. урарты присоединили к себе верхнеевфратские провинции и все левобережье верхнего Евфрата, включая страну мушков. Более того — Минуа удалось вторгнуться на правобережье Евфрата и, перевалив через горы, совершить набег на ассирийскую Верхнюю Месопотамию. На севере этот урартский царь возвел новый административный центр на правом берегу Аракса, у подножия горы Арарат; отсюда урарты начали рейды на Закавказье. Сын Минуа, Аргишти I, еще более расширил пределы страны. От его правления дошла одна из крупнейших восточных надписей — огромная летопись, высеченная на отвесных склонах Ванской скалы, и другие подробные известия о его походах. Аргишти I завоевал районы верховьев Куры, верховьев Аракса и Севанского озера. Им была построена почти на месте позднейшего Еревана кре-

пость Эребуни, заселенная 6600 воинами, взятыми в плен на верхнем Евфрате (вероятно, это были протоармяне и другие отличные от ариев этнические племена). Название города Еревана образовано соединением двух корней «ер» («яр») и «ван» и символизирует состоявшийся внутри государства урартов союз ариев с племенем ванов.

Начиная с VIII в. до н.э. в ассирийских документах упоминается Страна маннеев, или Мана, расположенная в районе озера Урмия. Историки считают ее новым государственным образованием. Но это попросту другое название Страны мушков! Она располагалась вблизи Ассирии, была постоянным предметом их притязаний и оттого пыталась проводить самостоятельную (т.е. выгодную не только для дружественного и более могучего Урарту) политику. Около 760 г. до н.э. Страна маннеев добилась независимости. Это стало своего рода сигналом к росту центробежных сил, стремящихся развалить государство урартов. Местные царьки и даже наместники из высшей знати отлагались от царя Урарту. К началу 20-х гг. VIII в. до н.э. страна находилась уже на грани развала...

Примерно в это же время из степей Северного Причерноморья в Закавказье вторглись конные отряды киммерийцев. Что же известно о них? В конце II тыс. до н.э. они пришли в Северное Причерноморье откуда-то из-за Волги. На основании археологических данных академик Б.А. Рыбаков показал, что примерно в XIII—XI вв. до н.э. на этой территории произошла смена культур, обусловленная приходом сюда киммерийцев. Этот народ представлял собой не одно племя, а большую группу родственных племен: и скотоводческих, и земледельческих. О нем неоднократно упоминают античные авторы — Гесиод, Гомер, Аполлодор, Геродот, Страбон, Посидоний, Диодор Сицилийский, Плутарх, Помпоний Мела, Плиний, а также ассирий-

ские источники. На греческих и малоазийских рисунках сохранились изображения киммерийцев. Они показаны конными воинами в высоких шапках, похожих на папахи, вооруженными луками и длинными прямыми мечами.

Киммерийцы пришли в Причерноморье с территории, которая в то время полностью контролировалась ариями! Да-да, ни один историк не будет отрицать, что в первой половине II тыс. до н.э. районы Нижней Волги, Приуралье и Приаральские степи были одним из важнейших центров концентрации ариев. Именно с этого плацдарма они начинали свое продвижение в Индию, Среднюю Азию и Иран. Киммерийцы в данном случае оказываются не просто их союзниками, это этнически близкие ариям племена, которые имели в то же время и общие с ними политические цели. В арабском сочинении XII в. «Маджмал-ал-таварах» («Собрание историй») приводится легенда о трех братьях: Русе, Кимари и Хазаре, ставших прародителями русов, киммерийцев и хазар. Арии, или проторусы, не оставались на протяжении веков замкнутой общностью, они активно смешивались с другими народами, а также «породили» не одну миграционную волну. Отделившиеся от основного массива племена выбирали себе другие имена — так появились венеты (ваны, ионийцы), пеласги, мушки и халдеи. Разумеется, саму легенду нельзя признать в качестве исторически достоверного факта, но и игнорировать ее тоже не стоит. Это подсказка и очень важное указание на существование некой преемственной связи между предками русских и киммерийцев (о хазарах разговор впереди).

Ученые обычно избегают говорить об этнической идентификации киммерийцев, считая, что для этого недостаточно данных. Но в рамках нашего подхода данный вопрос оказывается вполне разрешимым. Имя этого народа, по нашему мнению, порождено словосо-

четанием «Ки-Мара». Первая его часть совпадает с именем бога земли (или, шире, бога плодородия) у индоевропейцев, киевляне, напомним, почитали его как своего первопредка Кия. В сложных словах слог «Ки» естественно перевести как «божественный», «великий». В частности, имя Кибелы означает «Божественная Бела» или «Великая Дева» (одно из забытых значений древнерусского слова «бела» — «девушка»; дань «по беле с дыма», упоминаемая в «Повести временных лет», — это конечно же не поборы белками, а передача в рабство русских красавиц). Точно так же топоним Киев можно расшифровывать как «Великая Явь». Вторая же составляющая есть одно из имен Великой богини, означающее Мать Ария. Таким образом, и название племени указывает на родство киммерийцев с ариями. Факт слияния в названии народа имен общеиндоевропейского бога Ки и арийской Мары подсказывает, что народ киммерийцев возник в результате слияния арийских и индоевропейских племен. Но поскольку этот процесс протекал в непосредственной близости от прародины ариев, то естественно предположить, что последние составляли в нем большинство, а потому и языком их общения был арийский язык.

В русской мифологии имя богини, которую почитали киммерийцы, несколько переменилось, но оно вполне узнаваемо: это — Кикимора. За древностью лет люди забыли ее изначально прекрасный образ Девы-птицы — кикающей (т.е. поющей по-птичьи) богини Мары, воплощения общеславянской Морены. В «новое время», когда возвысились боги нового поколения, ее стали представлять злым божеством ночных кошмаров, а позднее — недобрым духом крестьянской избы. С виду кикимора тонешенька, малешенька, голова с наперсточек, а тулово не толще соломинки. Но, несмотря на свое убожество, видит она далеко по поднебесью и скорей того бегает по земле. Знакомая картина: чем

древнее богиня по происхождению, тем она безобразнее и злее.

Но если называть киммерийцев «Великими Мариями», то сразу же обнаруживается их связь с царскими людьми «мари» в Урарту и воинами-марианнами в Митанни-Арсене. Такое совпадение можно было бы признать случайным, если бы оно не «укладывалось» в выстраиваемую в нашей книге целостную картину взаимодействия причерноморских и прикаспийских ариев с их малоазийскими сородичами. Ранее мы уже подчеркивали, что в создании государства Митанни участвовали арии, мигрировавшие из южнорусских степей. Академик Трубачев указал, что имя этой страны родственно древнему названию Азовского моря — Меотида. В I тыс. до н.э. на его берегах проживало арийское племя меотов. После распада своего государства митаннийцы отступили не куда-нибудь, а на север и, объединившись с ванами, вошли в состав Урарту. Это опять-таки неопровержимый факт! Создается полное впечатление, что арии-переселенцы никогда не утрачивали контактов с родственными племенами и при случае неизменно оказывали друг другу поддержку.

Исследователи традиционно изображают киммерийцев ордой кочевников, нахлынувших в Малую Азию с целью наживы. Но с этим никак нельзя согласиться. Прежде всего, на сегодняшний день доказано, что киммерийцы не были кочевниками, а жили в городах. О наличии у них государственной организации однозначно свидетельствует величина степных курганов катакомбной и срубной культур, последовательно сменявших друг друга на пространствах от Волги до Днестра и Терека и относимых ко II — началу I тыс. до н.э. Некоторые из этих курганов достигают высоты 15 метров. Геродот уже много позже, в V в. до н.э., писал об оставшихся в Скифии «киммерийских стенах» — значит, эти укрепления были достаточно мощными,

если простояли несколько веков! Античные писатели — Аполлодор, Гекатей Милетский и Помпоний Мела — сообщают о городе Киммерида или Киммерий, а, согласно Страбону, этот город располагался на полуострове Тамань, перекрывая своими рвами и валами его перешеек. Как показывают археологические данные, высокого уровня в киммерийскую эпоху достигло и хозяйство соседнего Приазовья. Огромные поселения того времени обнаружены на Волге. Некоторые из них были неукрепленными, другие окружались валами и стенами. В этих населенных пунктах, как и в поселениях других арийских культур, возводились большие дома, в каждом из которых проживало 40—50 человек.

У киммерийцев процветало земледелие, а об уровне скотоводства говорят даже размеры погребальных жертвоприношений, где убивались сотни голов скота. У киммерийцев были прекрасно развиты металлургия бронзы и железа, керамическое ремесло, изготовлялось отличное оружие. Следы разработки их рудников и металлургического производства со шлаками и остатками плавки найдены в Донбассе вблизи г. Артемовска.

Первостепенной задачей киммерийцев было обуздание Ассирии, пресечение ее агрессивной политики по отношению к государствам-соседям и налаживание торговых отношений с Ближним Востоком и Месопотамией. Ранее эти функции выполняли дружественные им урарты. Однако к середине VIII в. до н.э. внутри их государства обострились внутренние противоречия и сохранить его единство можно было только путем усиления верховной власти. Эту задачу как раз и приняли на себя киммерийцы. Их вооруженные отряды привели к покорности мятежников-сепаратистов и в значительной степени продлили существование Урарту как целостного образования. В союзе с урартами киммерийцы одерживали одну победу за другой. В 705 г.

до н.э. они разбили ассирийцев, в битве погиб грозный царь Ассирии Саргон II. Около 692 г. до н.э. они вторглись в Лидию (страна на юго-западе Малой Азии), и ее царь Гиг вынужден был обратиться за помощью к ассирийскому правителю Ашшурбанипалу — лишь соединенными усилиями им удалось заставить киммерийцев отступить. В 679 г. до н.э. они совершили новый набег на Ассирию, а в 676—674 гг. до н.э. обрушились на Фригию (страна в центре полуострова Анатолия). Войска ее были разгромлены, царь Мидас (тот самый, который в греческих мифах превращал в золото все предметы, к которым прикасался) погиб в этой войне, а его царство прекратило существование. В 665 г. до н.э. лидийскому Гигу опять пришлось просить помощи у Ассирии и едва удалось отбиться, а в 654 г. до н.э. киммерийцы все-таки одолели его. Сарды, столица Гига, были взяты, сам он пал в бою, а изрядная часть Лидии, как и Фригии, вошла в состав «царства Гимир» (Киммерии), точнее было бы говорить объединенного царства урартов и киммерийцев — ведь, к примеру, верховный правитель Фригии именовался не иначе, как «ванак» — «верховный ван». Войска киммерийцев доходили до Палестины и Египта, и фараону Псамметиху I с большим трудом удалось остановить их. В походах в Малую Азию союзниками киммерийцев выступали треры (тавры). Они совершали через Босфор набеги на греческие города Малой Азии и вторгались в разное время с запада на территорию Фригии.

Но начиная с середины VII в. до н.э. киммерийцы и треры понесли ряд поражений: войска киммерийского царя Дагдамиса (Даждь-мужа!) были разбиты ассирийцами и союзными с ними скифами, а скифский царевич Сандакшатр разгромил войска дружественных киммерийцам треров. Затем сын Гига Ардис, занявший престол после смерти отца, изгнал киммерийцев из Лидии. Киммерийцы отступили вначале на запад М

лоазийского полуострова, а на рубеже VII—VI вв. до н.э. ушли и оттуда к своим сородичам во Фракию. Часть их осела на Карпатах — те, кто отступил от скифов на запад, и те, кто вернулся в эти края после странствий по Передней Азии. Другая же часть растворилась во фракийских племенах или по долине Дуная мигрировала в Западную Европу, где стали известны историкам как кимбры (кимвры, кимры). Археологические следы пребывания в Западной Европе киммерийцев-кимров обнаруживаются в разных местах от Италии и Южной Франции до северо-запада континента. В ирландских сагах сохранилась версия, что эта группа ариев вышла «из Скифии», с территории между «Красным» (так называется в сагах Черное море) и Каспийским морями, причем идут они на запад на протяжéнии многих поколений берегами Средиземного моря до Испании, а затем уже переселяются в Ирландию. Известно также, что во II в. до н.э. они обитали в Ютландии, где прославились борьбой против римлян и кельтов.

Этноним «киммерийцы» созвучен имени одного из чудовищ в греческой мифологии — Химере. Вполне вероятно, что враждебных им киммерийцев греки сопоставляли именно с этим чудищем с головой льва, телом козы и хвостом змеи. Но для нас более интересно то, что в переводе с греческого «химера» значит «коза».

Коза или козел в старину у ряда индоевропейских народов рассматривались как священные животные. Известно, например, что бог Дионис в разных греческих мифах и легендах изображался в виде молодого козла, символа похоти и плодородия. Козел играл важную роль и в культах Гермеса и Афродиты у греков, Фавна и Юноны у римлян. Римское празднество в честь Фавна начиналось жертвоприношением козла и жертвенной трапезой (вспомним также библейского козла отпущения!), после которой служители Фавна, называвшиеся «козлы», опоясывали свое тело шкурами

убитых жертвенных козлов, брали в руки ремни, вырезанные из прочих таких же шкур, и в таком виде бегали по улицам Рима. Римские женщины толпились на пути бежавших «козлов», которые ударяли их своими ремнями по ладоням. Это должно было способствовать плодородию ударяемых. Известна древняя легенда о том, что бесплодные сабинянки (сабины — племя, жившее в I тыс. до н.э. в Центральной Италии), обратившись с мольбой к богине Юноне в посвященной ей роще, услышали голос оракула с вершины деревьев: козел должен был коснуться спины бесплодных женщин. Тогда прорицатель заколол козла, нарезал ремни из его шкуры и ударял им по спинам женщин, которые затем с помощью Юноны забеременели.

Легенда эта вполне разъясняет оплодотворяющее значение ударов, которыми римские «козлы» во время обряда наделяли встречавшихся на пути женщин. Сходное значение имел козел (и коза) и в святочных обрядах славян. Козел и коза принадлежат к главнейшим фигурам нашего народного святочного маскарада. Ранее во многих местах соблюдался обычай на Святках (в день Рождества, преимущественно же накануне или в день Нового года) водить по селению и даже вводить в хаты козла или козу (подобно тому, как водят быкатура). Обхождение домов и селений с домашними животными местами заменилось шествием одного пастуха, поющего обрядовые песни, высказывающего при этом добрые пожелания и за то щедро награждаемого хозяевами домов; местами оно заменилось маскарадными шествиями с козой и козлом, в честь которых поются обрядовые песни. В Белоруссии и на Украине также существовал обычай водить наряженного козой. Иногда песни о святочном козле или козе пелись колядовщиками даже вовсе без козла, что свидетельствовало о древности обряда водить приносящую обилие и счастье скотину в дом.

У Ивана Алексеевича Бунина есть стихотворение «Сказка о Козе»:

Это волчьи глаза или звезды — в стволах на краю
перелеска?
Полночь, поздняя осень, мороз.
Голый дуб надо мной весь трепещет от звездного блеска,
Под ногою сухое хрустит серебро.

Затвердели, как камень, тропинки, за лето набитые.
Ты одна, ты одна, страшной сказки осенней Коза!
Расцветают, горят на железном морозе несытые
Волчьи, божьи глаза.

Для большинства современных читателей такой взгляд на вроде бы вполне заурядное домашнее животное покажется по меньшей мере странным. Мы уже основательно подзабыли, что Коза выступала одним из воплощений Великой богини. Наш гениальный поэт, однако, прекрасно сознавал это, поэтому он и употребил эпитет «божьи глаза». У Бунина есть и отдельное стихотворение, посвященное Богине (оно так и называется):

Навес кумирни, жертвенник в жасмине —
И девственниц склоненных белый ряд.
Тростинки благовонные чадят
Перед хрустальной статуей богини,
Потупившей свой узкий, козий взгляд.

Как говорится, нарочно не придумаешь: образ сказочной (волшебной!) Химеры-Козы незримо присутствует и в этих строках.

Возвращаясь теперь от мифологических изысканий к истории киммерийцев, можно предположить, что в период их контактов с греками образы русской богини Кикиморы и созвучной ей по имени греческой Химеры воспринимались как тождественные. Народ же, поклоняющийся Великой богине Химере-Кикиморе, представлявшейся в образе козы, должен был называть

себя... казаками! Оказывается, что древние киммерийцы никуда «не сгинули», как думают историки, а растворились в самых разных племенах и народах, сохранив за собой право именоваться казаками. Более того, и проживают они преимущественно на тех же самых землях — на юге России. Что ж, теперь уж никто не возразит — да, киммерийцы — наши предки.

Хеттские исторические документы периода Нового царства (1400—1200 гг. до н.э.) полны описаниями борьбы хеттов (жителей «страны Хатти») с племенами касков (казаков!), обитавшими вдоль южного побережья Черного моря. Хеттские тексты сообщают, что в стране касков «правление одного (человека) не было принято», т.е. у них не было царя. Это очень напоминает атмосферу Запорожской Сечи, так прекрасно описанную у Гоголя. Правда, со времени правления Мурсили II (конец XIV в. до н.э.) некоторые правители начинают править своей страной «не по-каскски», а «по-царски».

Каски разоряли не только пограничные с Хатти области, но и вторгались в глубь страны, угрожая самой столице хеттов. Каскский вопрос не смог окончательно урегулировать никто из хеттских правителей, хотя иногда они и заключали с касками мирные договоры. Военные походы хеттов против касков лишь временно приостанавливали их разорительные набеги. Вражде хеттов и касков есть объяснение. Выход хеттов из-под контроля ариев-митаннийцев и создание ими самостоятельного государства в середине XVII в. до н.э. предельно обострило политическую ситуацию в Малой Азии: началась борьба за первенство. В этой ситуации казаки были на стороне ариев, управлявших странами Митанни и Арсава (Русена). Поэтому и отношения с хеттами носили у них преимущественно недружелюбный характер.

Каски-киммерийцы проникли в Малую Азию вместе

или следом за митаннийскими ариями. Зная о необычайной подвижности отрядов казаков и их этническом родстве с митаннийцами, контролировавшими Месопотамию, было бы наивно ожидать, что они ограничились только пребыванием у берегов Черного моря. Наверное, читатель уже устал удивляться, но следы казаков-киммерийцев обнаруживаются и в Двуречье, где их называли касситами.

Одна из групп касситских (каскских!) племен еще в XVIII в. до н.э., пройдя через земли государства Митанни, обосновалась в Ханейском царстве на среднем Евфрате у устья реки Хабур. Судя по названию, это царство основали ваны — выходцы из Палестины (Ханаана). Большая группа касситов осела в городе Терка, имя которого заставляет вспомнить о реке Терек и терском казачестве. Поначалу каски служили местным правителям, но затем сами захватили власть и сделались царями. В начале XVI в. до н.э. касситы захватили Вавилон и удерживали там власть приблизительно до середины XII в. до н.э. Все это время Вавилон поддерживал дружественные отношения с митаннийцами. Закат касситского периода правления удивительно совпадает с падением государств Митанни и Арсавы. Это был отзвук троянской трагедии, но повинные в ней, как мы уже знаем, тоже получили сполна.

Глава 11

О законе «Rta-Рода» и маршрутах расселения ариев

Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок поднимает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?

Случайные гости? Орда,
Пришедшая с Ками и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?

Иль мы — тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?

В. Брюсов. Старый вопрос

Среди множества языков, на которых разговаривают жители нашей планеты, ученые-лингвисты выделяют родственные языковые группы. Одной из наиболее обширных таких групп является (так называемая) семья индоевропейских языков, в числе которых индоарийские (индийские), иранские, германские, романские, балтские, армянский, албанский, греческий, кельтские, италийские, тохарские (существуют на территории Китая), фракийский, фригийский, иллирийский, венетский и анатолийские (хеттский, лувийский, ликийский). Все они восходят к одному общему праязыку, или по-другому: некогда индоевропейцы (т.е. люди, разговаривающие на индоевропейских языках)

составляли единый пранарод, который со временем «расслоился» на различные племена и народности. В этом положении, которое принимают все без исключения исследователи, вопрос может возникнуть лишь о правомерности включения в число праиндоевропейцев предков армян: уж слишком отличаются они этнически от европейцев. Общие языковые корни свидетельствуют о глубоком культурном влиянии индоевропейцев на армянский этнос, но прародины армян и европейцев, думается, не совпадали. Собственно, миграция индоевропейцев в IX—VIII тыс. до н.э. в Малую Азию и союз ариев — переселенцев с севера — и протоармян в рамках государств Митанни и Урарту, о котором говорилось в предыдущей главе, объясняют и внешнее сходство армян с семитами, и их тяготение к индоевропейской, а более других — к русской культуре.

Из перечисления языков видно, что их носители проживали и проживают в самых разных странах: Индии, Иране, Малой Азии, Европе и даже Китае. В связи с этим у исследователей вполне закономерно возник вопрос о конкретном месте расположения прародины индоевропейцев — области их изначального проживания, откуда они начали свое движение по планете. Ученые высказывали самые разные гипотезы по этому поводу, и общее число различных теорий уже перевалило за два десятка. На сегодняшний день ясно, что локализовать ее какой-то достаточно ограниченной областью навряд ли возможно. Наиболее приемлемая, на наш взгляд, точка зрения состоит в утверждении, что прародина индоевропейцев располагалась где-то на территории Центральной или, более вероятно, Восточной Европы. Последнее уточнение связано с тем, что на землях Восточной Европы, вплоть до Ледовитого океана, ледника уже не было в XII тыс. до н.э. Около середины IX тыс. до н.э. произошло значительное по-

холодание климата в Европе, вследствие чего вымерзли отдельные лесные массивы. Это предопределило уход части индоевропейцев сначала в Закарпатье, а затем к Дунаю. После того как переселенцы перешли Дарданеллы, начался малоазийский этап индоевропейской истории.

Первые индоевропейцы пришли сюда как охотники. Основным зверем, за которым они охотились и которого пытались приручить, был северный олень. На одной из их стоянок были найдены три утонувших оленя, у которых были на шее волосяные петли, державшие камни. Их привязывали с целью стеснить движения оленей, выпускаемых на выпас. Культ оленей широчайшим образом отражен в искусстве самых разных народов Европы и Азии от каменного века до Средневековья. Такая повсеместность свидетельствует о том, что представления об олене, как священном животном, и об оленихе, как Прародительнице всего животного мира, являются отголоском общей для индоевропейских народов стадии охотничьего быта в эпоху неолита. И русский народ не служит исключением из правила. «У верховьев реки Ваги существует такой обычай: в первое воскресенье после Петрова дня (Петров день — 29 июня) убивают перед обеднею быка, купленного на общий счет целой волостью, варят мясо в больших котлах и по окончании обедни съедают сообща миром. Предание уверяет, что в старое время в этот день выбегал из леса олень и что именно это животное было убиваемо на праздничный пир; но однажды крестьяне, не дождавшись оленя, заменили его быком, и с той поры олень уже не показывался. По другим легендам, к жертвенному месту чудесным образом приходили два оленя или две лани, приводившие своего олененка в качестве жертвы» (А.Н. Афанасьев). Русское имя Алена (Олена) связано со словом «олень». Геродот оставил рассказ о ликийском жреце Аполлона

по имени Олен: северное происхождение этого малоазийца опять-таки не вызывает сомнения. Олень — дитя Севера, и отголоски его почитания, присутствующие в странах Азии, говорят о приходе индоевропейцев сюда с территории Европы. Кстати, олень изображен на гербе Нижнего Новгорода — родного города автора; с другой стороны, имя автора совпадает с названием того самого полуострова в Малой Азии — Анатолии, о котором так много говорится в данной книге. Как говорится, от судьбы не уйдешь, и, видно, автору было предназначено свыше написать книгу о предках русских в Азии!

В 1961 г. в маленьком румынском поселке Тэртерия археологами были обнаружены три крохотные глиняные таблички. Они были испещрены загадочными знаками, поразительно напоминающими шумерскую пиктографическую письменность конца IV тыс. до н.э. Но они оказались на целую тысячу лет старше шумерских! Ученые получили, таким образом, еще одно неоспоримое доказательство движения культуры с севера на юг. Мы уже указывали на общеиндоевропейское происхождение шумерского бога Ки. Его отцом считался бог Ан, имевший титул «бог богов». Корни его имени тоже индоевропейские! У русских оно превратилось в местоимение «он» (в древности запрещалось произносить имя бога, поэтому оно впоследствии стало обозначением «некто»), а у англичан в неопределенный артикль «an» и многофункциональный предлог «on» (одно из его значений — указывать расположение предмета над чем-либо, что отражает естественное состояние верховного божества). Любопытно, что по-английски «он» значит «he», служащее английским воспроизведением имени бога Ки. По шумерским мифам, Ки спас людей от потопа, но последний-то возник от таяния ледника. Вот еще одно «свидетельство» движения индоевропейцев на юг с территории Европы. Или

еще один «убивающий наповал» пример. Имя самого популярного героя шумерского эпоса Гильгамеш расшифровывается как «Хельга-муж». Но под именем Хельги в самых разных средневековых источниках упоминаются северные князья! Скандинавы в Двуречье: удивительно, но попробуйте аргументированно возразить! Уж слишком много накопилось доводов «за». Итак, начиная с IX тыс. до н.э., индоевропейцы начали проникать в глубины Азии. Малая Азия и Армянское нагорье стали их второй прародиной, но первая, безусловно, находилась на территории Европы.

Современная наука предполагает, что единство индоевропейской культуры сохранялось примерно до V—III тыс. до н.э. Видимо, следует все же брать более древнюю границу этой оценки и учитывать, что даже в этом случае о единстве можно говорить уже условно, потому что к V тыс. до н.э. племена, например, арийской группы занимали уже обширное пространство на территории Русской равнины, а потом и вовсе начались их интенсивные миграции во всех направлениях. Подчеркнем, что под ариями в нашем исследовании понимаются не только те племена, которые мигрировали в Индию, Иран и Месопотамию и создали такие памятники религиозной мысли, как «Авеста» и «Веды». Арии — это та часть индоевропейских племен, которая в некоторый момент стала поклоняться верховной паре богов: Яру и Яре (Марии). Впоследствии их место могли занять более юные, русские по происхождению, боги (Иван, Бел, Коляда, Лель, Лихо), но память о верховенстве этой четы так или иначе сохранялась в фольклоре потомков арийских народов. Важно также то, что процесс выделения ариев из единой семьи индоевропейских народов происходил на территории современной России, и именно здесь обнаруживаются удивительные параллели с восточными мифологиями, впитавшими известную долю арийских верований. На-

конец, русский язык среди всех индоевропейских наиболее близок к санскриту — «предку» арийских языков. Это позволяет говорить, что история русского народа, как самобытного национального образования, начинается одновременно с историей ариев (проторусов).

Наш подход, очевидно, исключает какие бы то ни было расовые преимущества, которыми могли бы обладать арии. В этническом отношении в момент своего выделения они ничем не отличались от других индоевропейцев (тех же протогерманцев или протокельтов, например), а в более поздние времена смешивались с другими народами. Речь идет только о появлении собственных богов, которым хранилась верность на протяжении тысячелетий, и формировании внутри арийской общности особого типа мировосприятия (и соответствующего ему поведения), которое философы нашего времени называют «русской идеей».

Модель мира ведийских (т.е. почитавших «Веды») ариев была ориентирована на космос. Жизнь человека представлялась им сопряженной с космосом посредством некоего универсального закона «Rta», обозначающего регулярный и циклический характер и предполагающий возврат к исходной точке. По закону «Rta» встает и заходит солнце (выезжает на своей колеснице Сурья, будучи конем и колесничим одновременно; поднимает золотые руки Савитар = Свет-Яр, побуждая к жизни все живое утром и успокаивая вечером); одно время года в установленном порядке следует за другим. Все повторяется, как было в незапамятные времена, и, следуя «Rta», человек воспроизводит цикличность космических явлений в своем жизнеустроении, поддерживая тем самым порядок в космосе и в человеческом обществе и создавая условия для нормальной и успешной жизни своего племени. «Rta» являлся одновременно и этическим законом в обществе ариев. Хорошо и правильно то, что этому закону соответствует,

а плохо и неправедно непочитание арийских богов, непринесение им жертв, скупость в отношении жрецов и поэтов, слагающих религиозные гимны. Для ведийского сознания характерна сосредоточенность внимания на положительной сфере, на том, что соответствует «Rta», и неразработанность отрицательной: силы зла в «Ригведе» выступают героями «третьего плана». «Rta» — это закон Яра, у древних греков он ассоциировался с волей Эрота, а у русских с деяниями бога Рода.

Академик Б.А. Рыбаков в книге «Язычество древних славян» указал на исключительную роль этого божества в жизни древних русичей. В частности, он особо обратил внимание на сочинение русского книжника XII в., получившее название «Слово об идолах». В нем неизвестный автор сообщает, что культ Рода охватывал Египет, Вавилон, Малую Азию, Грецию, Рим и славянский мир! Большинство ученых воспринимает это как беспримерную похвальбу и заведомое преувеличение. Но мы-то уже знаем, что именно так и было! Русский Род — одна из вариаций имени Яр, а культ последнего, как мы доказали выше, распространился в свое время с Русской равнины на эти земли. Автор книжного памятника, однако, добавляет также, что, уподобившись египтянам, стали поклоняться Роду и халдеи: «...от тех [египтян] извыкоша древле халдеи и начаша требы творити своима богама — Роду и рожаници». Академик Б.А. Рыбаков, приведя эту цитату, недоумевает, какое же божество могло играть роль Рода в Халдее-Вавилоне? И здесь мы опять с удовлетворением отмечаем, что чуть выше уже ответили на этот вопрос: аналогом Рода у халдеев выступал Коляда (урартский Халду). Этот бог символизирует круговорот (коловорот!) времен и событий, само его имя возвращает нас к понятию арийского закона «Rta». И халдеи, и египтяне эпохи пирамид, подобно ариям, считали свою историю частью

космического процесса, отсюда повышенное внимание к движению небесных светил, к строению неба и законам, по которым живет космос. Именно эти древние народы создавали первые обсерватории для наблюдения за звездами, именно они воплощали в жизнь закон «Rta-Рода», и именно в стране их духовных правопреемников возникло такое уникальное течение философской мысли, как «русский космизм», и осуществился первый полет в космос. Примечательно, что наш выдающийся философ Василий Васильевич Розанов (1856—1919) особо отмечал, что русский «трепет к звездам» ничего общего не имеет с христианским миропредставлением: «О звездном небе ничего нет в Евангелии». Истоки русского народного космизма, по его мнению, следует искать в Египте и Вавилонии, именно отсюда проистекают звезды на темно-синих куполах некоторых русских храмов, а также подвешенные лампады, имитирующие «висячие» звезды древневосточных святилищ.

Род — первейший русский бог, творец, «родитель» Вселенной, всего видимого и невидимого мира. Это «отец и мать» всех богов, воплощение нерушимости русского племени, все многочисленные потомки которого некогда произошли от одного общего предка. В поучениях против язычества Род выставляется главным соперником Бога-творца. В сознании же простого народа, принявшего христианскую веру, он стал ассоциироваться с Иисусом Христом. Народное (неканоническое!) определение — Бог есть Любовь — сложилось под влиянием языческой традиции. Разумеется, христиане находят в этой «формуле» в первую очередь выражение их духовного опыта, тогда как для язычников суть ее заключается в непрерывном возобновлении жизни. Поэтому символика язычников ближе к природе и более разнообразна: образ Рода связывался и с солнечным светом, и с дождем, и с огнем. Его

изображали фаллосоподобным и четырехликим (знаменитый Збручский идол). Род — это Яр!

Уникальные по своей протяженности миграции ариев историки обычно связывают с тем, что арии первыми изобрели колесницы. И это в значительной степени правильно. Но, может быть, более важным в их триумфальном распространении по планете является притягательность для других народов их мировосприятия и религии. Практически все философы, так или иначе затрагивавшие «русскую тему», поражались удивительному отличию русских от всех остальных индоевропейцев. Вальтер Шубарт в книге «Европа и душа Востока» по этому поводу писал: «Когда начинают себя сравнивать европейские нации, живущие в сообществе одного и того же архетипа, то есть образующие семью с одной и той же судьбой, они замечают в себе совпадения и отклонения, но самое существенное проявляется гораздо слабее: своеобразие самой семьи. Видятся только внутрисемейные различия, клановые разновидности и нюансы, в то время как общий признак семьи считается само собой разумеющимся и поэтому не бросается в глаза. Но он обнаруживается сразу же, как только мы противополагаем европейские нации или одну из них... русским. Тогда все они плотно смыкаются на одной стороне, а русские остаются в одиночестве на другой, поближе к индусам и китайцам, нежели к европейцам. Русские и европейцы являют по отношению друг к другу «совершенно другой мир». Знаменательно, что в этом своем противопоставлении Шубарт говорит именно о русских, а не о славянах. Сегодня, после распада Советского Союза и связанных с этим событий, стала как никогда очевидна утопичность славянофильских проектов. Славянские народы, за исключением белорусов и сербов, кажется, напрочь забыли о каком бы то ни было родстве и откровенно проводят русофобскую политику.

В этом смысле их поведение аналогично политике других европейских держав, всегда отстаивающих свой кровный интерес. Жертвовать своими национальными интересами могут только русские, и события последних лет еще раз подтвердили это правило. Будучи богатой, Россия щедро поделится всем, что у нее есть, в бедности «снимет» последнюю рубаху, но поступать подобно ей не сможет ни одна держава.

Иван Солоневич писал, что в России мы не найдем никаких следов эксплуатации национальных меньшинств в пользу русского народа, никаких следов порабощения финских племен времен освоения волжско-окского междуречья. «Беспощадная эксплуатация Кавказа», при которой проливалась русская кровь, оборачивалась тем, что миллионерами и министрами становились «нацмены» Лианозовы, Манташевы, Гукасовы, Лорис-Меликовы — и даже Сталины, Орджоникидзе и Берии. Если Рим и Лондон богатели за счет ограбления своих империй, то центр русской государственности неизменно оказывался беднее своих «колоний».

Русская территориальная община основывалась на идее равенства. Принимали ее не все племена и не все сословия. Как правило, она достаточно убедительно побеждала среди социальных низов, а племенных вождей правящие круги России (в XV—XIX вв.) привлекали раздачей определенных привилегий. В результате русское дворянство составляло в социальных верхах относительное меньшинство. Но идея равенства в России и при этом жила, и ее не пытались оспаривать даже те, кто ее фактически никогда не признавал. Когда Европу в XIX столетии захватили расизм и социал-дарвинизм, формируя психологию изначального неравенства во всех слоях населения, в России (в условиях реального неравенства!) сознания этот вирус не задел. На это обстоятельство обратил внимание тогда же

Н. Миклухо-Маклай: «Россия — единственная европейская страна, которая хоть и подчинила себе много разноплеменных народов, но все же не приняла полигенизм (т.е. учение о разном происхождении и, следовательно, неравенство рас) даже на полицейском уровне. В России полигенисты не могут найти себе союзников, так как их взгляды противны русскому духу». Это глубоко верно и не только для XIX в. Психология территориальной общины проявлялась и в крестьянском самоуправлении, и в казачьем круге, и в земских соборах XVII в., и в позднейшем земстве. Православие, безусловно, наложило отпечаток на поведение русского человека, но в своей основе он по-прежнему следует космическому закону «Rta-Рода» — закону древних ариев. Кстати, исполнителей ведических гимнов называли «rsi». Ученые переводят его как «риши» с мягкой первой «р». Но нельзя не признать, что это слово можно прочитать и как «росы», т.е. люди, следующие закону «Rta-Рода-Эроса». Согласимся, что такая интерпретация в тысячи раз ближе к истине, чем разного рода академические теории о происхождении имени русов от финского «руотси», что значит «грести».

В последнее время вновь оживились дискуссии по вопросу о прародине ариев. Ряд наших отечественных ученых возродили интерес к полярной теории. Зародилась она в умах исследователей XIX в., когда они, один за другим, из числа тех, кто изучал санскрит, стали обращать внимание на содержащиеся в древнейших памятниках литературы Индии, таких как «Веды» и эпос, описания природных явлений, совершенно не соответствующих действительности Индии или лежащих от нее к западу стран Азии. Проследить эти описания «вниз» по ступеням эпох было хоть и трудно, но вполне возможно, так как в религиозных гимнах «Вед» веками свято сохранялся каждый звук, каждое слово без права внесения в них малейших изменений. Уда-

лось установить место и время завершения главной из «Вед» — «Ригведы» (то есть Ричведы, или Рикведы, буквально: «знания речи» — слова-синонимы «риг-рикрич» сохраняются и сейчас в старорусском языке в известной всем форме «реку, речешь» и других образованиях). «Ригведа» была завершена в конце II тыс. до н.э. в области северо-запада Древней Индии. В «Ригведе», равно как и в комментариях к ней и других древнейших текстах, говорится, что арии до Индии прошли много стран, но никто еще не выяснил, какие это были страны, как не уточнена и длительность всего периода сложения гимнов. Сколько времени он занял — век, тысячу или пять тысяч лет?

В связи с этим особый интерес вызывают описания природных явлений Приполярья, обнаруженные в ведийских текстах. Так, в индийском религиозно-правовом трактате «Законы Ману» есть такие слова: «Солнце отделяет день и ночь — человеческие и божественные... У богов день и ночь — (человеческий) год, опять разделенный надвое: день — период движения солнца к северу, ночь — период движения к югу». Солнце, уходящее к югу на полгода, могло означать только полярную ночь, равно как и уходящее к северу — незакатный полярный день. В одной из частей «Авесты», в Вендидаде, тоже говорится, что для богов один день и одна ночь — это то, что есть год. Арктическим явлениям соответствуют и описываемые в древней литературе красочные картины неба, поясняемые как видимая людям борьба богов света с демонами мрака, когда всюду с неба льются потоки крови, падают золотые сетки украшений, огненно сверкает разнообразное оружие, а небо покрывают громадные стрелы с остриями из золота. По окончании битвы все это великолепие скрывается в океане. Это ясно соответствует полярным сияниям.

Интересно, что если в древних частях «Вед» присут-

ствуют лишь шесть божеств, что соответствует шести месяцам в году, то в мифах более южного происхождения говорится о десяти, а затем и о двенадцати божествах — «месяцах» года: этим подтверждается движение людей к югу. Причем первое указание совпадает с описанием шестимесячной световой (и полусветовой) половины года, а второе — с гораздо более поздним солнечным календарем, известным, наряду с лунным, всем индоевропейским народам, включая русских и славян. В ряде ведических гимнов воспевается период зари, которая бывает дважды в году и длится дольше 30 дней, включая и появление краешка солнца над горизонтом (такие периоды зари именуются «рассветом и закатом» дня богов). Утром заре предшествуют, а вечером следуют за ней многодневные сумерки. Все это уменьшает длительность упоминаемой «полугодовой ночи» на 2—3 месяца, и таким образом на это время повышается срок освещенности местности, пусть даже отраженным светом (вероятно, и отраженной солнечной радиацией). В «Ригведе» богиня зари Ушас часто воспевается во множественном числе: «Из этих многих сестер в течение (многих) дней она идет последней вслед за прежней», и еще: «Вот появилась она... красуясь незапятнанным телом... Сестра уступила свое место старшей сестре... пламенея лучами Сурьи», то есть солнца. Это напоминает картину постепенной смены сестер-зорь, нарастания длительного полярного восхода солнца.

При всей своей необычности, полярная теория в свете данных естествознания не выглядит совсем уж фантастической. По оценкам климатологов, в VII—V тыс. до н.э. среднегодовая температура на севере не опускалась ниже нуля градусов по Цельсию, а в еще более ранние времена на Крайнем Севере были сосновые и еловые леса, а также в изобилии росли деревья широколистных пород в сочетании со злаково-разно-

травным покровом почвы. Кроме того, в последние годы археологи открыли на Севере много стоянок, из чего следует, что в областях Заполярья последовательно развивались локальные культуры и по мере развития хозяйства люди постепенно перекочевывали к югу, движимые поисками новых земель для своих разрастающихся коллективов, да и наступившим похолоданием. В.Н. Демин в своей книге «Загадки Русского Севера» собрал множество фольклорных, этнографических и лингвистических доказательств в пользу существования в древности великой северной цивилизации. Но, как нам представляется, более правильным было бы говорить об освоении древними ариями (или их предками) заполярных территорий из области более умеренных широт. Согласно нашей концепции, выделение ариев в среде других индоевропейских народов связано, в первую очередь, с возвышением внутри их религиозного «пантеона» бога Яра (он же Род, он же Ярило). Поэтому и прародина ариев должна находиться в той области Восточной Европы, где наиболее распространены топонимы с корнем «яр». И здесь следует выделить бассейн реки Волги, которая в старину называлась Ра и неоднократно поминается в религиозных текстах ариев. Не забудем и то, что древние цивилизации возникали вблизи крупных рек, да и русская традиция строить поселения на возвышенном берегу реки (яру!) родилась, разумеется, не тысячу лет назад, а гораздо раньше. Именно берега Волги, как нам представляется, были колыбелью арийской культуры, и отсюда они продвинулись (первыми!) в области Заполярья, в Приуралье, где встретились с угро-финнами, а также в Индию и Иран.

Другая мощная волна миграции ариев Русской равнины была направлена на юго-запад, в район Поднепровья. Здесь в V—IV тыс. до н.э. начала формироваться трипольская археологическая культура. Впоследствии

она распространилась на юг и запад, к Прикарпатью и Дунаю — в области, занимаемые праславянами. Праславяне стали первым индоевропейским народом, с которым арии вошли в непосредственный контакт. Поэтому так схожи язык и культура русских и славян.

По уровню развития трипольская культура резко отличалась от предшествующих культур неолита и от культур других современных ей народов Европы. Люди Триполья вели оседлый образ жизни, знали медь, серебро, золото, бронзу, у них было совершенное гончарное производство, изготовлялась красивая расписная керамика. Жили они в больших домах с несколькими помещениями — жилыми и складскими, которые отапливались печами или очагами. В каждом доме имелся алтарь в виде маленького трона, украшенного бычьими рогами, на который помещались статуэтки богини-матери (Бабы-Яги!). Судя по размерам, в каждом здании проживало несколько супружеских пар. Археологам известны также двухэтажные постройки трипольцев. В каждом селении дома располагались концентрическими кругами, а на центральной площади находились один-два более крупных дома, которые, вероятно, принадлежали местной верхушке или являлись общественными сооружениями. Один из таких городов, обнаруженный в районе Умани, состоял из 200 домов, выстроенных в шесть кругов.

Найденная археологами настенная живопись обнаруживает богатство духовного мира здешних жителей, наличие у них развитой религии и мифологии. По этим росписям видно, что мир у них делился на три яруса. Верхний занимали небесные светила и звезды, нижний — земля, где обитают люди и плодоносят их поля, а между ними находилось пространство, населенное богами и духами, среди которых всегда изображалась «Мать-Олениха» — один из древнейших образов Прародительницы мира. Важную роль в куль-

туре трипольцев играл и культ быка, олицетворявший собой мужское начало. Обнаружены фигурки и ритуальные маски быка, не забудем и уже упоминавшиеся алтари, увенчанные бычьими рогами. Помещение статуэтки на такой алтарь символизировало соединение мужского и женского начал мира и должно было обеспечивать хороший урожай и приплод скота. У трипольцев обнаружено несколько образцов портретной скульптуры, сложная знаковая символика — различные сочетания ромбов, кружков, треугольников, спиралей, зигзагообразных и параллельных линий, несколько видов креста, животные и растительные орнаменты. Степень развития этой символики приближается к настоящей письменности, а возможности существования таковой уже в V тыс. до н.э. демонстрируют тэртерийские таблички.

Обращает на себя внимание отсутствие в верованиях трипольцев военной тематики. Главное место в их религиозных представлениях занимали боги плодородия. В росписях и рисунках часто встречаются схематические изображения женских грудей, мужских и женских половых органов, а многочисленные ритуальные статуэтки доказывают, что трипольцы поклонялись Великой богине. Эти фигурки изготовлялись из глины, замешанной на муке или зернах пшеницы, и разительно отличались от примитивных «венер» культур Ближнего Востока, состоящих практически из одних лишь ярко выраженных признаков пола. В трипольском культе изображались молодые стройные женщины с легкими следами беременности. Найдены и статуэтки полунагих жриц в длинных юбках, поднимающих к небу большие чаши. Напомним, что арийская цивилизация Триполья древнее и шумерской, и египетской, и греческой. И именно южные миграции трипольских ариев в сер. IV — нач. III тыс. до н.э. спо-

собствовали их «мгновенному» рождению и фантастическому расцвету.

Не оставили без своего внимания арии и Западную Европу. До недавнего прошлого период расселения арийских народов на пространствах Европы и Азии связывали исключительно со II тыс. до н.э. Это делалось только на том основании, что данным временем датируется официально признанный «бронзовый век» (к которому причисляли археологическую культуру ариев). Но такая одновременность означала бы наличие «демографического взрыва» на территории от Волги до Дуная: ведь в тех местах, откуда следовали волны переселенцев, тоже оставалась не безлюдная пустыня. Там продолжали существовать цивилизации, относимые по тому же самому «бронзовому» признаку к тому же самому «бронзовому веку». Сейчас общепризнанные временные границы значительной части миграций сдвинулись к III тыс. до н.э. Но и такая датировка с точки зрения одновременности изменений в Восточной и Западной Европе представляется не вполне удовлетворительной. Поэтому более правдоподобными нам кажутся те новейшие теории, согласно которым начало миграций следует относить к IV тыс. до н.э., но направление и характер их качественно менялось со временем. В IV—III тыс. до н.э. преобладали западное и юго-западное направления, затем — южное, а во II тыс. до н.э. — юго-восточное.

Переселенцы-арии принесли в Европу цивилизацию бронзового века. Поначалу у них отмечается преобладание скотоводства — что нетрудно понять, поскольку при переселениях стада можно перегонять с места на место. Но как только обживаются новые территории, — быстро прогрессирует земледелие, причем сразу в развитых формах. Пахота производилась уже с помощью плуга, наскальные рисунки его сохранились в Швеции и Альпах, да и сами образцы древних

плугов обнаружены в Польше, Швеции, Дании, Италии. Арийским переселенцам принадлежат первые в Центральной и Западной Европе изображения колесных повозок, запряженных волами или лошадьми.

Кроме прежних, карпатских и северобалканских, начинается разработка рудников в Чешских и Рудных горах, а позже и в Альпах. Осваиваются соляные копи. А на берегах Балтийского и Северного морей возникает мореходство. В здешних рисунках уже встречаются изображения многовесельных кораблей. Причем в Бохусене (Швеция) наскальная живопись показывает, что эти корабли высаживают десанты воинов с длинными мечами и круглыми щитами. Так что традиции скандинавских викингов имеют очень древние (арийские!) корни. Археологические данные свидетельствуют, что внутрибалтийские плавания в эту эпоху стали обычным явлением — похожие изображения кораблей найдены и на восточном берегу, в Финляндии, Карелии и на Онежском озере (Русском Севере!). Ясно, что расселение ариев шло не только сухопутным, но и морским путем. Поэтому не удивительно, что они попали в Англию и Ирландию, может быть, даже раньше, чем на территорию Франции.

С приходом арийских народов в Европе быстро прогрессирует ремесленное производство. Так, крупным центром по производству металлических изделий стала Паннония, отсюда топоры, ножи и инструменты расходились по соседним странам. Началось производство стекла и фаянса. Уже в те времена четко прослеживается наличие международной торговли. Основными товарами являлись соль, металлы, фаянс, украшения. Возникают многочисленные селения и укрепленные города. Люди этого времени жили обычно в длинных деревянных домах с несколькими жилыми комнатами и стойлами для скота на 20—30 голов. Население такого дома составляло 15—20 человек — ви-

димо, это была большая семья из нескольких поколений. У европейцев того времени обнаружены следы государственной организации. Например, в Урмице город объединял вокруг себя целый ряд неукрепленных поселков, а для строительства защитных сооружений был проделан колоссальный объем работ — перерыто 60 тыс. кубометров земли, возведены прочные бревенчатые стены и палисады. Еще отчетливее это видно в Отомани (Словакия), где город окружали стены с башнями, защищавшими въездные ворота и, кроме того, существовал внутренний акрополь, застроенный каменными домами, причем богатые археологические находки на их месте подтверждают догадку, что в акрополе проживала местная знать (не забудем, что речь идет не об эпохе Средневековья, а о временах, когда в Египте правили фараоны Раннего и Древнего царств, а Рима еще в помине не существовало).

Для сравнения стоит отметить, что уровень развития местных (автохтонных) охотничьих племен Европы отличался от переселенцев, как небо от земли. В то время как на Дунае и Балтике расцветала описанная выше цивилизация, обитатели территории Франции промышляли охотой и только-только осваивали примитивное земледелие. А в Сардинии, вплоть до XIV в. до н.э., когда сюда добрались индоевропейцы, вообще жили каннибалы — при раскопках их селений найдены расколотые человеческие кости вперемешку с костями съеденных животных. Любопытный факт отмечен антропологами: вплоть до бронзового, а то и до начала железного века в некоторых районах — Швейцарии, Северной Италии, Англии — продолжали обитать племена негроидов — тех самых, которые в ледниковую эпоху доходили до Дона и Оки. О дальнейшей их судьбе мы можем судить однозначно, так как ни негров, ни мулатов в исторически известные времена в Европе не обнаруживается. Разве что у ранних

древнегреческих авторов, например у Гомера, упоминаются «эфиопы» не только на юге, но и где-то далеко на западе.

Арии оказали воздействие и на культуру древних кельтов — древнего населения Северо-Западной Европы. Ранее мы уже упоминали тот факт, что кельтские боги Беленос и Таранис выступают аналогами общеславянского Бела и русского Тура, а английский Стоунхендж и уральский Аркаим, по существу, «близнецы-братья». Цивилизация кельтов, точно так же как и арийская, несмотря на свою высокую материальную культуру, была более духовной, чем материальной. У них существовало развитое изобразительное искусство, обнаруживаемое, например, на знаменитых чеканках, была богатая мифология, на основе которой зародился и расцвел современный литературный жанр «фэнтези». Но главным проявлением этой культуры была кельтская религия; достаточно вспомнить их знаменитый институт жрецов со сложной и разветвленной организацией — друидов, филидов, бардов. Каждая категория специализировалась в определенном направлении деятельности: от изучения законов и священных текстов — до научных знаний, объем и глубина которых поражают даже современных ученых. Религия кельтов включала в себя сложнейшие философские концепции, такие, как реинкарнация душ (снова высвечивается связь с далекой Индией!), растительная и астрологическая магия и взаимосвязи трех миров — небесного, земного и подземного (или духовного, физического и астрального). Существовала специальная жреческая система образования, причем обучение в этих школах иногда длилось до 20 лет. Но в результате каждый друид получал колоссальный багаж знаний в области не только религиозных вопросов, но и географии, естественных наук, поэзии, астрономии и астрологии, медицины — в Англии и Ирландии обнаружены

даже наборы хирургических инструментов, относящиеся ко II тыс. до н.э. Для нас важно указать, что само слово «друид» имеет чисто индоарийское происхождение, на санскрите «друдх» значит «лес», а святилища кельтов чаще всего располагались как раз в священных рощах. Предания Ирландии прямо говорят, что «племя богини Дану» (т.е. ирландцы), «ведомое друидами», пришло на остров с севера. Север всегда почитался в кельтских сказаниях средоточием мудрости и тайных знаний. Да и главная школа друидов располагалась на севере Шотландии, что опять-таки свидетельствует в пользу того, что и Англия заселялась с севера, по морю, из Ютландии или с берегов Рейна (арийское по происхождению название!), и кельты могли попасть сюда даже раньше, чем распространились на территорию Франции. Наконец, для тех, кто все еще сомневается в существовании контактов древних ариев и кельтов, напомним, что уважительное обращение англичан к дамам — «lady» — происходит от имени русской богини Лады. Неожиданно, не правда ли? И неопровержимо!

Особо стоит сказать о встрече ариев с прагерманскими племенами охотников. Имя верховного бога ариев Яра у них породило немецкое слово «герр» — «господин», что с несомненностью доказывает уважительное отношение прагерманцев к своим восточным соседям, которые и дали в конечном итоге название их стране: ведь Германия означает «страна людей-ариев». Но сами немцы по своим глубинным корням никакого отношения к ариям не имели и это название своей страны испокон веков считали чужеродным. Сами же себя они называли «Дойч». Нам неизвестны какие бы то ни было попытки объяснить происхождение этого названия. По нашему же мнению, оно восходит к общеиндоевропейскому имени верховного бога, содержавшему в качестве своей основы корень «Ди (Де)».

Русские называли его Дий или Див, индоарии Дъяус, латиняне Деус, греки Теос, литовцы Диевас. В нашем прочтении «Дойч» надо понимать как «люди бога».

Ранее мы уже писали, что для индоевропейцев VII—IV тыс. до н.э. общими именами верховных богов были Ан и Ки. Волна переселенцев-индоевропейцев перенесла традицию их почитания в Шумер и в Малую Азию, где особо популярным был культ женской параллели Ана — богини плодородия Анат. Дий был богом следующего поколения индоевропейцев, культ его приобрел наибольшее значение в областях Центральной и Западной Европы. Его имя в качестве составной части входило в имена таких божеств, как Ди-ана (Она-божество), Дионис (Он-Дий) и Деметра (буквально богиня-мать). Некоторые французские и итальянские фамилии также образовывались с помощью этого правила — Ди Ливио, Ди Стефано, д'Артаньян, д'Аламбер и т.д. Вполне вероятно поэтому, что и название древнего европейского народа — дорийцы — произошло таким же образом:

Д'арийцы —> Дарийцы —> Дорийцы

Последнее означало бы, что дорийцы (а это североевропейский народ II тыс. до н.э.) возникли в результате смешения автохтонов-индоевропейцев (в числе которых были дойчи) и пришлых ариев. Такая версия выглядит еще более достоверной, если учесть, что спартанцы (дорийцы!) своими нравами и поведением чрезвычайно схожи с германцами.

Добавим также, что, на наш взгляд, и этноним «немцы» происходит от имени греческой богини Немесиды (Божественной Немес!) — богини, которая наблюдает за справедливым распределением благ среди людей и обрушивает свой гнев на тех, кто преступает закон. Немцы славятся, прежде всего, как выдающиеся воины и очень дисциплинированные (пунктуальные!)

граждане. В этом смысле сопоставление с ними богини правопорядка выглядит более чем уместным. И мы опять-таки должны подчеркнуть, насколько мировосприятие ариев и современных русских, которые на первый план выдвигали всегда божества любви, далеко от немецкого. Только по глубочайшему недоразумению немцы назвали идеологию Третьего рейха арийской. О прямо противоположных методах ведения внешней политики русскими и немцами прекрасно написал Иван Солоневич в книге «Народная монархия»: «Тевтонский орден, обосновавшийся в нынешней Прибалтике, имел чудовищные возможности. За ним была вся тогдашняя европейская техника, за ним была всегдашняя поддержка всего католицизма, за ним стояло средневековое рыцарство и дворянство. Его военная организация, вынесенная из феодальных войн и Крестовых походов, безмерно превосходила возможности его ближайших конкурентов. Непосредственное, суверенное владычество немцев над покоренной Прибалтикой длилось около пятисот лет, со дня основания Риги (1201 г.) до завоевания Прибалтики Петром. Но и после Петра, до Александра III, прибалтийские бароны оставались административными и экономическими властителями страны: Россия в ее внутренние дела почти не вмешивалась. За четверть века между 1918 и 1943 годом от этой семисотлетней колонизационной работы не осталось ровным счетом ничего: все было сметено поражением в Первой мировой войне, ликвидацией немецкого землевладения, переселением балтийских немцев, Второй мировой войной. В результате от семисотлетней работы осталось только одно: ненависть к немецкому имени была сильнее даже и страха перед большевизмом».

Почти одновременно с немецкой колонизацией Балтики шла русская колонизация финских земель в районе нынешней Москвы. Русский пахарь, зверолов,

бортник и прочие как-то продвигались все дальше и дальше на север, как-то оседали с туземными финскими племенами — со всякой мерью, чудью, весью — уживались с ними, по-видимому, самым мирным образом, сливались и — на отрезанных от всего мира болотах волжско-окского междуречья стали строить империю — построили. Немцы, придя в Прибалтику, сразу же начали свою стройку с беспощадного угнетения местных племен — такого беспощадного, которое даже в те кровавые времена казалось невыносимым. И, вместо соседей и помощников, немцы получили внутреннего врага, который семьсот лет спустя — в эпоху независимости балтийских племен — ликвидировал «немецкое» влияние под корень. За семьсот лет немцы не смогли ни ассимилировать эти племена, ни даже установить с ними мало-мальски приемлемых отношений — точно так же, как они не сумели сделать этого ни в Италии, ни в Галлии, ни в Византии, ни в Палестине, ни в России — нигде». В отличие от немцев, русские строили свое отношение с другими народами на принципах доброжелательства и взаимной любви (согласно закону «Rta-Рода»), оттого и находим мы следы их присутствия в «тридесятых царствах» аж через пять тысяч лет. Федор Тютчев в стихотворении «Два единства», являвшемся, по существу, ответом на высказывание О. Бисмарка, рейхсканцлера Германской империи (1871—1890 гг.), гениально выразил коренную разницу в политике наших народов:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

Наш гениальный поэт произнес очень простые слова, они конечно же идеально укладываются в православную «схему» бытия в мире, но они также отражают и дух, которым жили древние арии.

А. Бэшем в книге «Чудо, которым была Индия» пишет: «Около 2000 г. до н.э. обширные степные территории, простиравшиеся от Польши до Средней Азии, населяли полукочевые варварские племена; это были высокие, довольно светлокожие люди... Они приручали лошадей и впрягали их в легкие повозки на колесах со спицами. Колесницы превосходили быстроходностью влекомые ослами неуклюжие телеги с четырьмя сплошными колесами — лучшее средство, известное Шумеру той эпохи... В начале II тысячелетия до н.э. ... эти народы пришли в движение. Они мигрировали группами в западном, южном и восточном направлениях, покоряли местные народности и смешивались с ними, образуя правящую верхушку... Некоторые племена переместились на территорию Европы, и от них произошли греки, латиняне и тевтоны. Другие пришли в Анатолию, и в результате их смешения с местными жителями возникла великая империя хеттов. Некоторые — предки современных балтийских и славянских народов — остались на своей прародине». Эта точка зрения на сегодняшний день совпадает со взглядами большинства профессионалов-историков. Наше уточнение ее, отстаиваемое в настоящей книге, по существу, заключается лишь в том, что миграции ариев начались на полторы тысячи раньше и совпали со временем резкого похолодания в Европе.

Академическая наука признает, что миграция индоевропейцев в IV—III тыс. до н.э. происходили через области Русской равнины с востока на запад. Но это места обитания древних ариев! Профессионалам осталось сделать всего лишь один шаг в нашу сторону — согласиться, что глобальные миграции в Европу и далее, в Египет и Месопотамию, осуществили, главным образом, арии. Для многих историков сделать это будет весьма непросто, но мы убеждены, что это лишь вопрос времени.

Для полноты характеристики основных маршрутов расселения ариев со своей северной прародины нам осталось рассказать еще об одном направлении — иранском. В начале II тыс. до н.э. арии, населявшие степи от Волги до Западной Сибири, разделились на две части. Одна из них начала свое движение в направлении полуострова Индостан и в конечном итоге (приблизительно в середине II тыс. до н.э.) дошла до Индии (их называют еще индоариями), другая же пришла и осела (в конце того же тысячелетия) на территории Северного Ирана. Там арии встретились с персами — потомками индоевропейцев, переселившихся в Азию значительно ранее них. Проследить детально судьбу ариев на земле Ирана довольно трудно, но можно совершенно определенно говорить о глубоком культурном воздействии ариев на иранцев: практически весь древнейший слой иранской мифологии покоится на образах ведийской мифологии.

Новое религиозное учение, сложившееся на иранской почве в VIII—VI в. до н.э. — зороастризм (по имени его основателя Зороастра, или Заратуштры) — стало своеобразным развитием учения древних ариев. Согласно этой религиозной концепции, Ормузд — бог добра, олицетворение света, жизни и правды, существовал еще до Сотворения мира и пребывал в непрерывной борьбе с Ариманом — носителем зла, мрака и смерти. Человек создан Ормуздом, но свободен в своих мыслях и поступках и поэтому доступен воздействию зла. Однако его долг — помыслами, словами и делами бороться против Аримана и его помощников — духов зла. И в конечном итоге добро одержит полную победу над злом. В отличие от индоарийских текстов священные книги древних иранцев значительное место уделяют деяниям темных сил, они содержат первые разработки темы «рая и ада». Но вот что интересно — два противника, два носителя противоположных на-

чал, в сущности, носят одно и то же имя, записанное в индоевропейском и славянском вариантах. Его можно перевести как Арий-муж (английское *man* = славянское *муж*!). В учении Зороастра единый бог Яр «разделился» на враждующие темную и светлую «половины». В этом в общем-то и заключается ключевая идея новой религии...

Что же касается судьбы ариев в Иране, то их следует отождествлять с историческими мидянами (мидийцами). По сообщению Геродота, мидяне, осевшие на северо-западе Ирана, делились на шесть племен, одно из которых составляли маги. По-видимому, это племя было жреческим, и из него происходили священнослужители не только у мидян, но и у персов. От мидян не дошло пока никаких письменных памятников, и их история восстанавливается на основании упоминания о них в ассирийских анналах и в позднейших сочинениях греческих историков. В IX—VIII вв. до н.э. мидяне образовывали множество городов-государств, сохраняя при этом также племенные связи. К концу VIII в. до н.э. они были подчинены Ассирии и вынуждены были платить ей дань. Но необходимость отражать ассирийские нашествия ускорила объединение мидийских княжеств.

В 673—672 гг. до н.э. мидяне подняли восстание против ассирийского господства. В союзе с ними выступили маннеи (они же мушки=мужики!) и скифы. В ходе борьбы Мидия добилась независимости. Геродот указывает, что в это время Мидией правил царь Фраорт (673—652 гг. до н.э.), который объединил мидийские и другие иранские племена и в 653—652 гг. до н.э. предпринял поход против Ассирии, который, однако, закончился поражением и гибелью Фраорта. Но в 625 г. до н.э. царем Мидии стал сын Фраорта Киаксар (царь Кий). Он создал регулярную армию, распределив ее по родам оружия (копьеносцы, лучники и конники).

В конце VII в. до н.э. возглавляемая им армия выступила против Ассирии, которая воевала в то время с вавилонянами, царем которых в то время был халдей (потомок ариев!) Набопаласар. Мидяне и вавилоняне заключили союзный договор и в ряде битв (612 и 605 гг. до н.э.) разгромили войска Ассирии.

Наши учебники очень сдержанно комментируют это событие, посвящая ему всего несколько строчек. Но вдумаемся в значение произошедшего несколько поглубже. Ассирия была великой державой Азии, она возникла в XIV в. до н.э. и вплоть до своего падения оставалась одной из влиятельнейших сил в этой части мира. В геополитическом аспекте она перехватила на это время «пальму первенства» у Митанни-Русены. Потомки ариев-митаннийцев, ваны-венеты и их «подмога», подоспевшая с севера, — мушки, халдеи и киммерийцы — старались по мере сил противостоять ассирийцам и временами наносили блестящие ответные удары. Но честь вбить последний гвоздь в крышку «ассирийского гроба» принадлежит все-таки мидянам. Их победа в корне изменила политическую ситуацию в Азии и Восточном Средиземноморье, оставшуюся практически неизменной на протяжении нескольких веков. Это был еще один удар врагам союза арийских народов, потомкам тех, кто уничтожил страну Русену.

В рамках данной главы уместно будет упомянуть о том, насколько по-разному вели себя на завоеванных территориях ассирийцы и мидяне, или те же ваны-урартийцы. В покоренных странах ассирийские цари назначали или поддерживали в качестве правителей своих сторонников. Любая попытка мятежа или сопротивления подавлялась беспощадно: население истребляли, а территория подвергалась полному опустошению. В этом случае пленных ассирийцы, как правило, не брали. Лишь изредка небольшое число воинов или ремесленников переселяли в Ассирию. Сдавшиеся

без боя облагались данью. Но такая капитуляция была сравнительно редкой, поскольку большинство завоеванных территорий и в этом случае за несколько дней обращалось в пустыню: население истребляли от мала до велика, города разрушали до основания, сады вырубали, каналы разрушали, библиотеки изничтожали. При этом ассирийцы применяли самые устрашающие способы умерщвления людей: сожжение живьем, сажание на колья, сооружение пирамид из связанных пленников, обреченных тем самым на медленную смерть. Очевидно, что завоеватели рассчитывали таким образом, что внушаемый этими расправами ужас облегчит им дальнейшие завоевания. Что же касается материальных ресурсов побежденных стран, то все они перекачивались в Ассирию, особенно лошади, рогатый скот, металлы, готовые товары, сырье и т.п. Ну, совсем как Тевтонский орден. А что же их противники?

Чтобы нас не заподозрили в предвзятости, приведем цитату из учебника «История Древнего мира. Расцвет древних обществ» (М.: Наука, 1989), комментирующую победу мидян: «Так закончила свое существование первая в истории человечества «мировая» держава. При этом не произошло сколько-нибудь значительных этнических перемен: погибла лишь верхушка ассирийского общества — знать и, частично, горожане. Сельское население осталось на своих местах, и потомки его населяют Северный Ирак до сих пор (давно утеряв аккадский язык). Культурные, административные и военные традиции Ассирии были во многом усвоены ее преемниками». Не так ли неизменно поступали русские воины, приходя на чужие территории? И кстати: историю этого края ученые восстанавливают в основном по ассирийским источникам. Куда же делись письменные памятники их противников? Неужели они не описывали свою историю? Очевидно, что не так. Это становится тем более очевидным, если учесть, что

ассирийцы заимствовали у своих соседей религиозные и научные представления. Если ваны прославились своими уникальными постройками в толще скал, халдеи — астрономическими познаниями, а мидяне — религиозными изысканиями, то ассирийцы отмечены печатью жестокости и убийства.

В антиассирийском содружестве мидяне играли роль митаннийцев. Созвучие имен этих двух народов конечно же не случайно. В исторических памятниках мидяне начинают упоминаться после того, как пропадают какие-либо сведения о митаннийцах. Арии-митаннийцы, напомним, пришли на север Двуречья из прикаспийских степей. Из этой же области начали свою миграцию в направлении Ирана и мидяне. Согласно Геродоту, северо-западная часть Мидии называлась Матиена. Думается, у нас накопилось достаточно доводов, чтобы говорить об этническом родстве митаннийцев и мидийцев. Если же учесть, что по сообщению того же Геродота около Каспийского моря проживал народ меотов, который академик Трубачев безоговорочно относит к арийцам, то напрашивается вывод: митаннийцы и мидяне принадлежали к одному и тому же племени меотов!

Победив Ассирию, мидянин Киаксар захватил всю Северную Месопотамию; затем присоединил к своей державе Гирканию (страну, лежащую к юго-востоку от Каспийского моря), часть Парфии, Персию, Элам (государство в юго-западной части Иранского нагорья), страну маннеев, Урарту и часть Малой Азии. Мидийская держава процветала около 60 лет. Но в 549 г. до н.э. персы под предводительством Кира Великого из рода Ахеменидов, зятя правящего мидийского царя, восстали, победили мидян и основали Персидскую державу. На первых порах мидяне все еще продолжали играть в ней видную роль. Но во время борьбы за престол Дария I (522 г. до н.э.) мидяне возглавили восста-

ние сил оппозиции. Восставшие потерпели поражение, а возглавлявшему их Фраорту II, попавшему в плен, Дарий I лично отрезал нос, уши, язык и выколол глаз, после чего пленника посадили на кол. С ближайших сподвижников мидянина живьем содрали кожу, а Мидия, до того находившаяся на равных с Персией, была низведена на положение одной из рядовых провинций.

Глава 12

Арии в Древней Греции

Нет, мертвые не умерли для нас!
Есть старое шотландское
преданье,
Что тени их, незримые для глаз,
В полночный час к нам ходят
на свиданье...

. . . . . .

Мы сказками предания зовем,
Мы глухи днем, мы дня
не понимаем;
Но в сумраке мы сказками живем
И тишине доверчиво внимаем.

Мы в призраки не верим; но и нас
Томит любовь, томит тоска
разлуки...
Я им внимал, я слышал их не раз,
Те грустные и сладостные звуки!

И. Бунин

До 70-х гг. XIX в. историю Древней Греции обычно начинали с так называемого «гомеровского» периода, т.е. со времени, нашедшего свое отражение в «Илиаде» и «Одиссее». Тогда считали, что в обеих поэмах представлена картина греческого общества XI—VIII вв. до н.э. Между тем у самих греков сохранялись воспоминания о значительно более древних событиях в истории своей страны. Они запечатлелись в целом ряде сказаний и мифов, переданных нам античными писателями более позднего времени. Некоторые памятники древ-

нейшего времени, встречающиеся в Балканской Греции и на островах, — развалины древних сооружений, сложенных из грубо отесанных камней, также напоминают о прошлом. Об этих «циклопических» кладках сами древние греки не могли сказать ничего определенного; предание приписывало их мифическим одноглазым циклопам. Но данные традиции наука XIX в. оставляла без внимания, что в значительной степени объясняется господствовавшим тогда в среде ученых-специалистов излишне критическим способом оценки мифологических источников. Они ставили своей задачей установить грань между материалом «историческим» и «неисторическим», т.е. легендарным. К анализу мифологического материала, с целью найти в нем отражение реальной исторической действительности, они не стремились. В результате представления древних греков о далеком прошлом своей страны почти полностью игнорировались.

Перелом в этом отношении произошел только в 70—90-х гг. XIX столетия, когда в прямой связи с крупными археологическими открытиями стало ясно, что «гомеровскому» периоду греческой истории в бассейне Эгейского моря предшествовало многовековое существование развитой культуры, главными центрами которой были Крит, Эллада и Троя. Исследования XX в. показали, что во II тыс. до н.э. здесь существовали цивилизации, почти столь же развитые, как и современные им египетская, вавилонская и хеттская. В первой части нашей книги было показано, что первопоселенцы Древней Греции — пеласги, или беласки, среди которых были и циклопы-сколоты, — принесли сюда элементы русской мифологии и, в частности, культ бога Яра-Эроса. По этому признаку мы отождествили пеласгов с древними ариями. Пути пеласгов и ариев, оставшихся вблизи своей прародины (на Волге), разошлись еще в V—IV тыс. до н.э. Пеласги двинулись на

запад и участвовали в создании трипольской культуры, на территорию Греции они пришли во второй половине IV тыс. до н.э. Вполне понятно, что, будучи разъединенными, сородичи на Волге и в Греции в итоге (ко II тыс. до н.э.) сформировали оригинальные своеобразные (и потому отличающиеся!) религиозные системы. Но восходят они к общим основаниям, которые однозначно являются древнерусскими! Именно это обстоятельство мы имели в виду, когда отождествили пеласгов с ариями.

Пеласги обосновались как в материковой части Греции, так и на островах Эгейского моря и Крите. Критское общество в III тыс. до н.э. стояло на более высоком уровне развития, чем общество материковой Греции и островов Эгейского моря. Объяснение этому нужно искать в тех исключительно благоприятных условиях, какие существовали на Крите для развития производительных сил. Уже в древнейшие времена он славился своим плодородием и богатством. Леса, покрывавшие его территорию, задерживали влагу, что повышало плодородие почвы. Окруженные горами плоскогорья острова были удобны для развития земледелия и скотоводства. В то же время обитатели Крита пользовались всеми преимуществами, которое давало море, — они занимались рыболовством и вели оживленную торговлю с другими странами.

Критское общество III тыс. до н.э. характеризуется чертами развитого родового строя. При господстве патриархальных отношений еще сохранялись пережитки матриархата. Если лелеги — древнейшие обитатели Крита (Геродот) — получили свое название по имени древнерусского бога любви Леля, то вся страна была названа Элладою в честь его матери Лады. Выделение частной собственности отдельных лиц повлекло за собой социально-имущественное расслоение. Около середины III тыс. до н.э. на Крите уже существо-

вали богатые семьи, владевшие не только средствами производства, но и предметами роскоши, например золотыми украшениями. В обиходе критян широко применялись орудия из меди: кинжалы, пилы и т.д. Весьма развито было гончарное дело. Особенно примечателен расцвет производства каменных сосудов, наблюдавшийся в середине III тыс. до н.э.

К концу тысячелетия весьма многочисленными становятся печати, делавшиеся из слоновой кости или цветного стеатита. Их распространение, в первую очередь на юге острова, позволяет предполагать заимствования из Египта. Во второй половине III тыс. внешние связи Крита были довольно обширными: на острове были найдены предметы из Египта, с Кикладских островов и Сирии. Ранее мы обозначали эту часть территорий как земли, контролировавшиеся ариями, — следовательно, группы ариев, проникшие в разные страны Средиземноморья, продолжали поддерживать связи между собой.

Античный писатель Арат (ок. 310—245 гг. до н.э.), выходец из киликийского города Солы (юго-восточное побережье Малой Азии), в своем учебном стихотворении «Явления» (ок. 275 г. до н.э.), содержащем 1154 гекзаметра, приводит описания звездного неба и звездных явлений. Как известно, положения звезд меняются со временем из-за прецессии земной оси. Поэтому, зная местоположение звезды, можно определить эпоху, когда она наблюдалась, а по величине зоны невидимости (звезд, недоступных наблюдению) судить о широте места наблюдения. Вычисления ученых позволяют утверждать, что Арат в «Явлениях» использовал более раннее описание небесной сферы. Причем время наблюдения звезд датируется разными авторами в промежутке между 2600 г. до н.э. и 1800 г. до н.э. Широтное расположение наблюдателя относится к 36-му градусу северной широты. Кому же при-

надлежат астрономические данные, воспроизведенные Аратом? Сотрудник Института истории естествознания и техники Российской академии наук А.В. Кузьмин делает единственно приемлемый вывод (Природа, 2000, № 8): в районе 36-й параллели (немного южнее) находится остров Крит. Выходит, что древние критяне, еще до прихода на остров классических греков, обладали высочайшей астрономической культурой. Другими словами, на рубеже III и II тыс. до н. э. на планете существовало сразу несколько астрономических центров: г. Аркаим на Южном Урале, курган Савин на реке Тобол, Стоунхендж и его аналог Вудхендж в Англии, остров Крит и плато Гизе в Египте. Но как они возникли: независимо или были звеньями «единой цепочки»?

История науки знает случаи, когда ученые в самых разных уголках мира приходили к одним и тем же выводам. Но в данном случае мы говорим о времени, когда науки (в современном ее понимании) вроде как вообще не существовало! Предположение о том, что и на Урале, и на Британских островах, и в Египте люди порознь еще в III тыс. до н.э. открыли для себя основы сферической геометрии и научились с высокой точностью фиксировать положения звезд на небесной сфере, кажется верхом абсурда. И можно совершенно определенно говорить о существовании межэтнических связей между этими «уголками планеты». Но какой народ (племя или его жреческая верхушка) мог распространить свои уникальные по тем временам знания на столь значительные расстояния? Очевидно, только арии! Начав свое движение от Волги и Урала еще в V тыс. до н.э., они добрались в конечном итоге и до Британских островов, и до Египта, и до Крита.

Историки, не имея источников относительно столь давних времен, вынуждены опираться лишь на данные археологии. Но воссоздаваемая с помощью нее картина древней истории весьма неполна и оставляет мно-

жество вопросов. В частности, для ученых мужей так и остается загадкой, кто же жил на Крите до прихода туда ахейцев. Историки науки, однако, дают им подсказку. Цивилизацию Крита построили те же люди, что возводили Аркаим и Стоунхендж, и называли их в старину, добавим уже от себя, — арии.

В конце III тыс. до н.э. на Крите появляются причудливые постройки, которые современные археологи обычно именуют «дворцами». Самый первый из них был открыт в Кноссе (центральная часть Крита, неподалеку от северного побережья). По преданию, здесь находилась главная резиденция легендарного владыки Крита — царя Миноса. Греки называли его дворец «лабиринтом». В греческих мифах лабиринт описывался как огромное здание с множеством комнат и коридоров. Человек, попавший в него, не мог выбраться оттуда без посторонней помощи и неизбежно погибал: в глубине дворца обитал кровожадный Минотавр — чудовище с человеческим туловищем и головой быка. Подвластные Миносу племена и народы обязаны были ежегодно тешить ужасного зверя человеческими жертвами, пока он не был убит знаменитым афинским героем Тесеем. Раскопки действительно обнаружили здание или даже целый комплекс зданий общей площадью 16 000 кв. м, включавший около трехсот помещений разнообразного характера и назначения. Впоследствии аналогичные сооружения были открыты и в других местах на территории Крита.

Центральную часть дворца занимает большой прямоугольный двор, с которым были связаны все основные помещения, входившие в состав этого огромного комплекса. Двор был вымощен большими гипсовыми плитами и, по-видимому, использовался не для хозяйственных надобностей, а для культовых целей. Возможно, именно здесь устраивались знаменитые игры с быками, изображения которых мы видим на фресках,

украшающих стены дворца. Кносский дворец неоднократно приходилось восстанавливать после часто происходивших здесь сильных землетрясений. Новые помещения пристраивались к старым, уже существующим. Комнаты и кладовые присоединялись одна к другой, образуя длинные ряды-анфилады. Отдельно стоящие постройки постепенно сливались в единый массив, группирующийся вокруг центрального двора. Дворец был снабжен всем необходимым для того, чтобы жизнь его обитателей была спокойной и удобной. Строители дворца создали даже водопровод и канализацию. Также хорошо была продумана система вентиляции и освещения. Вся толща здания была прорезана сверху донизу специальными световыми колодцами, по которым солнечный свет и воздух поступали в нижние этажи. Кроме того, этой же цели служили большие окна и открытые веранды. Напомним для сравнения, что древние греки еще в V в. до н.э. — в пору наивысшего расцвета их культуры — жили в полутемных, душных жилищах и не знали таких элементарных удобств, как ванна и уборная со стоком.

Во время раскопок Кносского дворца археологи нашли множество разнообразных произведений искусства и художественного ремесла, выполненных с большим вкусом. Многие из этих вещей были созданы в самом дворце, в специальных мастерских, в которых работали ювелиры, гончары, художники-вазописцы и ремесленники других профессий, обслуживавшие своим трудом царя и окружавшую его знать. Особого внимания заслуживает настенная живопись, украшавшая внутренние покои, коридоры и портики дворца. Критские художники замечательно владели искусством передачи движения людей и животных. Образцом могут служить великолепные фрески, на которых представлены так называемые «игры с быками». Мы видим на них стремительно несущегося быка и акробата, проде-

лывающего прямо у него на рогах и на спине серию замысловатых сальто. Перед быком и позади художник изобразил двух девушек — «ассистенток» акробата. Смысл всей этой сцены не вполне ясен, но очевидно, что она служила одним из религиозных ритуалов, связанных с Минотавром.

Само имя Мино-тавр состоит из двух частей. Слово «тавр» по-гречески значит «бык», оно произошло от русского «тур». Культ Тура-быка, как мы уже показали, распространился из южнорусских степей в самые разные уголки Европы, в том числе и в Грецию. В греческой мифологии сохранились упоминания о кентаврах — полулюдях-полуконях, отличавшихся буйным нравом и невоздержанностью. Отрицательная характеристика со стороны греков указывает на то, что они были чуждым им народом. Его название можно интерпретировать как конные тавры. Другими словами, кентавры являются мифологическим образом причерноморского племени тавров, часть которого добралась до областей Греции. В отличие от встретившихся им индоевропейских племен, тавры были прекрасными наездниками и составляли с лошадью как бы одно целое (кентавра). Теперь о первой части имени — это уже хорошо знакомое имя первопредка в ведийской традиции. Минотавр символизировал первого царя Крита, которого обожествили и почитали в образе священного быка. С именем царя Миноса (Мина) древние легенды связывают целую эпоху возвышения и процветания Критского государства. Скорей всего, имя Минос было на Крите столь же традиционным, как имя Рамзес в Египте XIII—XI вв. до н.э. Объединение острова под властью единого монарха с наследственной царской властью историки относят к XVII—XVI вв. до н.э. Это событие поставило Крит в один ряд с такими государствами, как Египетское, Хеттское и Вавилонское. Царь Минос в греческих сказаниях выступает

в роли мудрого законодателя, а в мифах рассказывается, что в подземном царстве Минос, держа скипетр, судит умерших.

Критское государство включало также и некоторые заморские территории. В него вошли Кикладские острова, населенные дружественными критянам циклопами, и полуостров Аттика на юго-востоке средней Греции (на нем расположены Афины). Дальнейшему распространению влияния критян препятствовали племена ахейцев, пришедшие на побережье Греции откуда-то с севера в XIX в. до н.э. Они частью покорили обитавших там пеласгов, а частью вытеснили их на другие земли. Свою независимость от них сумело отстоять только одно из арийских (пеласгических) племен — ионийцы, сконцентрировавшиеся в Аттике. Название «Аттика» в самых разных европейских языках может быть связано с понятием «отец», и потому его можно перевести как «отечество». Удивительно, однако, что такое слово существует только в русском языке, в других же языках ничего подобного ему в принципе нет. Вот она нерасторжимая связь времен и народов, которую не перешибешь ни тысячами академических теорий, ни миллионами исторических трудов!

Ахейцы стали родоначальниками классических греков. Они в значительной степени усвоили культуру первопоселенцев. Так, их оборонительные укрепления в городе Микены строили циклопы. Ахейцы сохранили культы многих пеласгических (русских и славянских) богов. Во главе их государства стоял правитель, носивший титул «ва-на-ка», соотносящийся с корнем «ван», от которого происходит также и название племени ионийцев. Это наглядно иллюстрирует влияние ариев на жизнь древних греков.

В начале XVII в. до н.э. население, подвластное микенским правителям, стало особенно сильно ощущать влияние критской культуры. Женщины начали одевать-

ся наподобие критянок, появились святилища критского типа. С особой тщательностью сухопутный до того народ ахейцев изучал морское дело. Но, овладев искусством мореплавания, они стали претендовать на острова, контролировавшиеся их учителями — критянами. В конце XV в. до н.э. ахейцы вторглись на Крит. Удар был нанесен по главным центрам острова. Дело не ограничилось одним лишь грабежом, многие жители были уведены в рабство. Угроза новых набегов вынудила часть критян мигрировать на территорию Малой Азии под защиту своих арийских соплеменников. Оставшиеся на острове пытались восстановить свои жилища и пострадавшие здания. В XIV в. до н.э. был частично расчищен и заселен Кносский дворец. В это время происходит некоторое передвижение населения в западную часть острова (более близкую к малоазийским берегам, что подчеркивает усиление контактов с этой частью Средиземноморья) и массовое переселение ахейцев с материка на Крит (на острове появляются характерные для них мегаронные сооружения с постоянным очагом). В дальнейшем ахейцы окончательно вытеснили ариев с островов Эгейского моря. Высшей точкой их противостояния стала Троянская война, где греки сражались с потомками ариев уже на территории Малой Азии. Поражение троянцев предопределило не только их исход с полуострова Анатолия, но и закат культуры Кикладских островов. При этом основным направлением отступления для ариев стала Фракия.

Для самих же ахейцев победа над Троей оказалась пирровой. Истощив силы в ней, они не смогли оказать сопротивление пришедшим в Грецию с севера племенам дорян (дорийцев), которые противопоставили бронзовым мечам ахейцев более эффективное железное оружие. Ахейское население было либо подчинено власти завоевателей, либо ушло в окрестные горы.

Часть его превратилась в зависимых крестьян. Лишь в одном отношении прежнему населению страны удалось взять верх над новыми господами, а именно: переселенцы с севера усвоили язык покоренных ими ахейцев (т.е. греческий).

Дорийская «миграционная волна» миновала Аттику, издавна населенную ионийскими племенами. Думается, что здесь важную роль сыграло присутствие в рядах дорян какой-то части арийцев. В пользу этого говорит и то, что древнейшее упоминание дорян связывает их с Критом. В девятнадцатой песне «Одиссеи» мы читаем:

Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный,
Разные слышатся там языки: там находишь ахеян,
С первоплеменной породой воинственных критян; кидоны
Там обитают, доряне кудрявые, племя пеласгов, в городе
Кноссе живущих.

Таким образом, еще во времена глубокой древности, когда в главном центре Крита — Кноссе проживали догреческие обитатели острова (пеласги), на остров уже проникали доряне.

Доряне считали себя потомками Геракла. В связи с существованием контактов между пеласгами и дорянами интересно вскрыть смысл имени Геракл. Филолог Н.Н. Казанский в специальной статье, опубликованной в сборнике «Палеобалканистика и античность» (М.: Наука, 1989), убедительно доказал, что имя супруги Зевса Геры происходит от древнерусской Яры. Но в таком случае полное (неусеченное) имя Геракла — Гера-клеос — означает Ярослав, причем древнерусская форма первична! Разумеется, дорийцев нельзя записывать в арии, это индоевропейцы, греки, но тот факт, что свою родословную они возводили к герою с русским именем, говорит об их тесных контактах с ариями.

Греческий бог войны Арес — еще одно воплощение древнерусского Яра. Как ни тяготели греки к арийской

культуре, но они вытеснили ариев с обжитых ими земель и видели в них врага. Главный бог враждебного племени, естественно, связывался у них с убийствами и военными столкновениями. Характерно при этом, что родиной Ареса считалась Фракия — та область, куда, спасаясь от греков, ушли побежденные арии.

Период VIII—VI вв. до н.э. в греческой истории был отмечен основополагающими экономическими, социальными и политическими переменами, обусловленными так называемой великой колонизацией. По своим масштабам она намного превзошла первую, осуществлявшуюся ахейцами. Греки расселились и основали колонии в самых разных частях Средиземноморья. Но для нас важно отметить, что вектор ионийской колонизации был строго ориентирован в направлении Причерноморья! Ионийцы усвоили греческий язык и к тому времени были, что называется, самыми настоящими греками. Однако, выбирая новые места для поселения, они держали курс на свою арийскую прародину.

На западном побережье Малой Азии ионийцы создали знаменитый политический союз 12 городов. Города Ионии располагались по большей части в устьях рек или в конце дорог, по которым из глубины материка к морю доставлялись товары, вывозившиеся в самые разные страны. Самый южный из ионийских городов — Милет — в VI в. до н.э. был самым богатым городом греческого мира. Промышленность и торговля были к тому времени на пике взлета. С тучных пастбищ доставлялась шерсть, из которой шили одежду на ткацких фабриках города. Ионийские купцы основали колонии — торговые посты в Египте, Италии, на берегах Мраморного и Черного морей. У одного Милета было восемьдесят таких колоний, из них шестьдесят на севере, в том числе и в Северном Причерноморье. Милетские купцы, получавшие баснословные барыши, вкладывали деньги в самые разные предприятия, в том

числе и в родной город. То были Медичи ионийского Ренессанса.

Именно в этой вдохновляющей обстановке Иония принесла миру два своих самобытнейших дара — науку и философию. Торговые перекрестки — это место встречи идей, притирания друг к другу чужеродных обычаев и верований; различия порождают столкновение, сопоставление, мысль; суеверия взаимно уничтожаются, открывая дорогу разуму. Здесь в Милете, как позже в Афинах, жили люди из множества стран; торговая конкуренция будила их деятельный ум, а длительные отлучки от родных алтарей и домов освобождали от пут традиции. Милетцы и сами путешествовали, наблюдая цивилизации Вавилона, Финикии и Египта; так египетская геометрия и вавилонская астрономия стали частицей ионийского духа. Коммерция и математика, заморская торговля и география, навигация и астрономия развивались рука об руку. Тем временем богатство создало досуг; выросла аристократия культуры, чье свободомыслие терпелось потому, что читать могло лишь незначительное меньшинство. Мышление не сковывали ни мощное жречество, ни древний боговдохновенный текст.

«И все же, хотя новое растение было мутантом, у него имелись корни и родословная. Седая мудрость египетских жрецов и персидских магов, возможно, даже индийских провидцев, жреческая наука халдеев, поэтически персонифицированная космогония Гесиода в соединении с врожденным реализмом финикийских и греческих купцов произвели на свет ионийскую философию» (*Дюрант В.* Жизнь Греции). Американский писатель увидел в рождении философии элемент взаимодействия самых разных и достаточно удаленных по месту возникновения религиозных и мифологических воззрений. Но при этом он указал именно те центры, в которых влияние арийской культуры было домини-

рующим. Арийцы по происхождению, ионяне в полной мере осознавали «нюансы» и «тонкие места» этих воззрений. Вот почему соединить и переплавить их в нечто принципиально новое было суждено именно им.

Слава первого философа и первого ученого по праву принадлежит Фалесу из города Милета. Ему также единодушно приписывают перенесение математики и астрономии на греческую почву. По преданию, он вычислил высоту египетских пирамид, измерив их тень в ту часть суток, когда тень человека равна его росту. Возвратившись в Ионию, Фалес предпринял логическое исследование геометрии как дедуктивной науки и доказал несколько теорем, позднее собранных Евклидом (теорему о том, что диаметр делит круг пополам, что угол в полукруге — это прямой угол и другие). Эти теоремы заложили основание греческой геометрии. Фалес успешно предсказал затмение солнца, состоявшееся 28 мая 584 года, чем изумил жителей Ионии. Правда, надо полагать, что для строителей пирамид, Аркаима, Стоунхенджа и древних халдеев это была не более чем задачка для начинающих.

К числу знаменитостей, родившихся в Ионии, принадлежат также Пифагор, Анаксимандр, Анаксимен и Гераклит Эфесский. Интересно мнение относительно творчества последнего, высказанное тем же Вилом Дюрантом: «В целом философия Гераклита, сконцентрированная в 130 фрагментах, принадлежит к главным творениям греческого разума. Учение о Божественном Огне перешло в стоицизм; идея Последнего Пожара была передана стоицизмом христианству; Логос, или природный разум, стал у Филона и в христианской теологии Божественным Словом, олицетворенной мудростью, с которой или посредством которой Бог творит и направляет все вещи; в известной мере он подготовил почву для современного понятия природного закона. Добродетель, как послушание при-

роде, стала лозунгом стоицизма; единство противоположностей с новой силой возродилось у Гегеля; понятие изменения обрело второе дыхание усилиями Бергсона. Концепция всеопределяющей вражды и борьбы подхватывается Дарвином, Спенсером и Ницше, который двадцать два века спустя возобновляет войну Гераклита против демократии». Но вернемся к истории ионийцев.

Главная роль в колонизации Северного Причерноморья принадлежала ионийским грекам, прежде всего милетянам. В VI в. до н.э. ими были основаны в устье Буго-Днепровского лимана Ольвия и ряд колоний на восточном побережье Крыма, по обоим берегам Керченского пролива, в древности носившего название Боспора Киммерийского. Основным населением этих областей в то время были потомки киммерийцев, тавры-треры и скифы. Между греческими колонистами и местными племенами установились оживленные торговые отношения. Импортируемые из Греции ремесленные изделия, вино и оливковое масло обменивались купцами на сельскохозяйственные продукты. Многочисленные вещи греческого происхождения, находимые при раскопках местных поселений и курганов, наглядно иллюстрируют интенсивность этих связей. Встреча «колонизаторов» и «аборигенов» носила исключительно мирный (взаимовыгодный) характер. И этому, в первую очередь, способствовало то, что встретились две очень близкие по происхождению и мировоззрению ветви одного и того же народа — ариев.

Отсутствие единения ионийцев-малоазийцев с жителями материковой Греции («стопроцентными» греками) наглядно продемонстрировали события, предшествовавшие греко-персидским войнам (500—449 гг. до н.э.). Персы, стремясь расширить границы своего владычества, в конце VI в. до н.э. напали на Ионию. Со-

противление ионийцев оказалось безуспешным. Действуя разрозненно, армии отдельных городов не смогли противостоять натиску врага. Персидские полководцы брали один город за другим. Напрасно обращались ионяне за помощью в Спарту, та отказалась от рискованного вмешательства в малоазийские дела. Охваченные ужасом жители Фокеи, второго по своему значению после Милета ионийского города в Малой Азии, погрузились на корабли и переселились на берега Италии. Остальные вынуждены были подчиниться Персии. Но дух свободы жил в ионийцах, и в 499 г. до н.э. они подняли восстание против персов. Возглавил его Аристагор.

Захват милетянами флота послужил сигналом для восстания всем ионийским городам, расположенным на островах и на западном побережье Малой Азии. Повсюду были низвергнуты тираны, поставленные персами, восстановлена демократия, готовились отряды для вооруженной борьбы. Аристагор, для того чтобы подать пример другим, сложил с себя власть и передал его народному собранию. Вожди восстания понимали всю трудность предстоящей борьбы: если на море можно было твердо рассчитывать на успех, то на суше персы были исключительно сильным противником. Поэтому Аристагор решил попытаться получить поддержку со стороны европейской Греции и осенью 499 г. до н.э. отправился в Спарту и Афины. И что же получил в ответ? Спартанцы вообще отказали в помощи, афиняне дали 20, а жители Эритреи снарядили 5 триер. Ясно, что эта поддержка совсем не соответствовала ожиданиям восставших. Для сравнения скажем, что в морском сражении со стороны ионийцев участвовало 353, а со стороны персов — 600 кораблей. И все же ионийцы в течение шести лет яростно бились с персами. Но они были обречены... С победой персов ионийские го-

рода теряют свою ведущую роль в Средиземноморье и приходят в упадок.

Совсем иной была судьба ионийских колоний в Северном Причерноморье. Они еще долгое время продолжали оставаться центрами притяжения для торговцев. Ионийцы первыми познакомили древних жителей южнорусских областей с греческой культурой. Триумфальное пришествие христианства на Русь было в значительной степени предопределено тесными контактами двух народов в языческие времена. Мы уже привыкли, что многие наши имена греческого происхождения. Но нельзя забывать и о примерах обратного влияния. Возьмем, к примеру, популярное у древних греков имя Аристей. Первичное его значение понятно всякому европейцу:

Аристей = Есть Арий, или Истинный Арий.

У греков слово «аристос» означает «лучший». По нашему глубокому убеждению, оно отражает отношение греков к своим учителям — ариям. Слово Аристей входит в состав многих известных двусоставных греческих имен — Аристагор, Аристофан, Аристотель, Аристарх.

Один из героев греческой мифологии — Орион — своим именем также напоминает о принадлежности к арийцам (Он Арий). Мифологи пришли к заключению, что в мифах об Орионе нашли отражение мотивы столкновения догреческого древнейшего великана с миром, живущим по законам богов-олимпийцев. Это прекрасно вписывается в нашу «схему» присутствия ариев в Средиземноморье. Имя другого персонажа — Орфея (Фея Ора или Бога Ора) — также арийского происхождения. Орфей не почитал бога греков Диониса, но считал величайшим богом арийского Гелиоса (Белиоса), которого сопоставлял с гиперборейским Аполлоном. Не случайно и то, что родиной Орфея была не Греция, а Фракия. Разгневанный Дионис наслал

на чужеземца менад. Они растерзали Орфея, разбросав повсюду части его тела, собранные и погребенные потом музами.

По имени Орфея было названо религиозное движение в Греции, возникшее в VI в. до н.э. в результате реформы культа Диониса: центральный ритуал дионисийских оргий — поедание сырого мяса растерзанной в вакхическом исступлении жертвы — был переосмыслен как первородный грех титанов, разрубивших ребенка-Диониса на части и вкусивших его мяса. Искупить наследственный грех (лежащий на всем человечестве) мог только посвященный в мистерии и ведущий орфический образ жизни, отличительной чертой которого для грека V в. до н.э. было вегетарианство. Священное сказание о грехе титанов потребовало создания своей оригинальной теокосмогонии, а вера в бессмертие души и загробное воздаяние — разработанного учения о конечных судьбах мира и человека, которые были зафиксированы в ряде поэм. Учредителем очистительных обрядов и автором этих поэм создатели новой религии провозгласили мифического певца Орфея — жившего до Троянской войны и участвовавшего в походе аргонавтов: его учение было древнее и «ближе к богам», и, следовательно, авторитетнее теологии Гомера и Гесиода. В современной литературе «орфиками» называют авторов поэм Орфея, а также всех, исповедовавших религию Орфея.

Орфики выступали хранителями учения о первозданности Эроса. Аристофан в комедии «Птицы» писал:

Сначала были Хаос и Ночь, да черный Эреб [Мрак], да Тартар широкий,
И не было ни Земли, ни Воздуха, ни Неба. В беспредельном лоне Эреба
Чернокрылая Ночь перво-наперво рождает яйцо, что ветром надуло.
Из него по истечении времени вылупился полный вожделения Эрос

Со сверкающими крыльями на спине, подобный быстрым,
как ветер, вихрям,
Совокупившись с крылатым ночным Хаосом в широком
Тартаре,
Он высидел наш род и впервые вывел его на свет.
Прежде чем Эрос все соединил, не было рода бессмертных;
Когда же одно соединилось с другим, родились Небо и Океан,
Земля и нетленный род всех блаженных богов.

Аристофан поэтически пересказал орфический гимн творения, о котором мы уже говорили в главе об Ярile. По именам его «двойников» — Эроса и Фанета (Фанеса) — греки стали называть проникшие в Грецию арийские племена.

Утверждение орфизма в Греции VI в. до н.э., очевидно, было связано с активизацией деятельности проповедников этого учения. Наиболее логично предположить, что приходили они в Грецию с родины Орфея — Фракии. И действительно, как уже упоминалось, в это время на территории Фракии находились арийские поселения треров-тавров, осуществлявших чуть раньше отсюда набеги в Анатолию, а также части киммерийцев, отступивших из Малой Азии. Греческий философ Платон и римский историк Тит Ливий описывают любопытный обычай, существовавший во Фракии в начале второй половины I тыс. до н.э.: фракийцы в определенные дни водили по городу козу. Так же позднее поступали славяне Поднепровья в день новолуния, совпадавшего с праздником зимнего солнцестояния. Существование у фракийцев культа Химеры (Козы) подтверждает нашу идею о происхождении имени киммерийцев.

Итак, некогда арии действительно проживали в Греции. Со временем они вынужденно мигрировали оттуда, принеся на русскую почву греческую культуру и язык. Классическая Греция — чудо человеческой цивилизации, но она в значительной степени светит отраженным светом древнеарийской цивилизации.

Этруски-расены и их миграции

Внемли, — вещает сын богини —
Ты медлишь, но не медлит Рок!
Ты избран был хранить святыни,
И подвиг твой в веках высок.

Земная страсть да спит в герое!
Тебе ль искать дивийских нег,
Когда ты призван — Новой Трои
Взрастить торжественный побег?

Узнай глаголы Громовержца:
Величью покорись, плыви
К пределам Итала, из сердца
Исторгнув помыслы любви!

В. Брюсов. Эней

Древних римлян называют учителями Западной Европы, но их учителями, в свою очередь, был более древний народ этрусков. Более двух тысяч лет назад (VIII—II вв. до н.э.) они владели значительной частью Апеннинского полуострова, воздвигали города и некрополи, своим богатством не уступавшие египетским пирамидам. Жилое здание с крытым двориком в центре дома принято называть «римским», но на самом деле его изобрели этруски. Водосточная и канализационная системы, «сработанные рабами Рима», также были введены не римлянами, а этрусками. Они были «хозяевами морей» и научили римлян судостроению и искусству вождения кораблей. Этруски оказали большое влияние на римлян и другие средиземноморские

народы в военном деле — это признавали сами римляне. В частности, этрускам приписывалось изобретение якоря и медного тарана, укреплявшегося на носу корабля в его подводной части.

Этрусское происхождение имела и влиятельная коллегия римских жрецов — гадателей по внутренностям животных — гаруспиков. Без их советов и заключений римляне не начинали ни одного сражения, не приступали к обсуждению государственных дел. Собрание правил и поучений гаруспиков римляне называли «этрусской дисциплиной», и для ее усвоения богатые римские патриции посылали своих детей к этрускам. Им же принадлежат древнейшие на Апеннинском полуострове памятники письменности, и именно этрусское письмо легло в основу современного латинского алфавита, которым пользуется добрая половина человечества. К римлянам от этрусков перешли знаки государственной власти, одежда, устройство дома, цирк, гладиаторские бои.

Можно еще долго перечислять «римские изобретения», авторами которых являются этруски. Но ясно и так, что история культуры Западной Европы неразрывно связана с историей и культурой этрусков и восходит своими корнями к этрусской цивилизации. Интерес к этрускам возник еще во времена правления римских императоров, и все же об «учителях учителей Европы» мы знаем гораздо меньше, чем о пигмеях Конго, индейцах Амазонки, полинезийцах Океании и других народах, которые именуются «загадочными». Римский император Клавдий в I в. н.э. написал двадцатитомную историю этрусков, но его сочинение погибло при пожаре Александрийской библиотеки. Время уничтожило и многие другие труды античных ученых, посвященные этрускам, и до нас дошли лишь отрывочные и противоречивые свидетельства, скорее, упоминания об этом загадочном народе.

Геродот, живший примерно 25 веков назад, считал, что этруски пришли в Италию из далекой Малой Азии, из царства Лидии, располагавшегося на юго-западе полуострова Анатолия. Во время страшного голода царь лидийцев решил разделить свой народ на две части и одну из них под предводительством своего сына Тиррена направить за море на кораблях. После долгих странствий подданные Тиррена достигли берегов Италии, где основали страну и стали называться тирренами. Живший во времена Геродота греческий историк Гелланик Лесбосский полагал, однако, что этруски пришли в Италию из Греции, где носили имя пеласгов. Геродот приписывал пеласгам многое, что имеет отношение к тирренам. Но пеласги и тиррены для Геродота были все же разными народами. Гелланик впервые в греческой историографии отождествил их. Вслед за ним это сделали их современники Фукидид и Софокл.

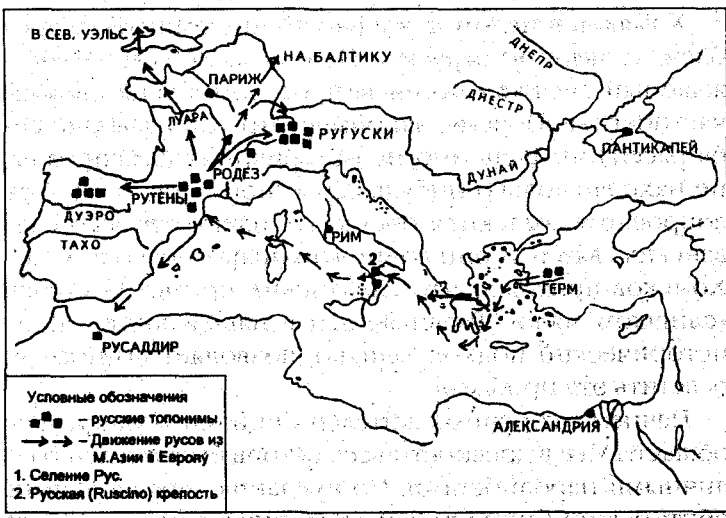
Новый взгляд на происхождение этрусков сформулировал Дионисий Галикарнасский (I в. до н.э.). По его мнению, этруски ниоткуда не приходили: они с незапамятных времен населяли Апеннинский полуостров. Великий географ древности Страбон, как бы увязывая все эти взгляды, говорил об одном этрусском городе, что первоначально он был основан коренными жителями, затем захвачен пеласгами, а еще позднее перешел к другому народу — тирренцам... Как видим, сведения древних авторов весьма противоречивы. Подобный же разнобой во мнениях наблюдается и у историков Нового времени, правда, все они сходятся во мнении, что народ этрусков образовался в результате смешения племен разного этнического происхождения. Это факт, но вот что в высшей степени интересно: согласно Дионисию Галикарнасскому, этруски называли себя расенами, а в словаре Стефана Византийского (VI в.) этруски совершенно безоговорочно названы славянским племенем. А.С. Хомяков по этому

поводу писал: «Давно уже все убеждены в том, что не одна стихия входила в состав этрусского народа... Признавая этрусков за смешанное племя, мы не находим... объяснения имени Разена и многих особенностей в развитии народа. Остатков языка этрусского у нас слишком мало, чтобы нам положиться на их совершенно произвольное толкование и делать из него шаткие выводы; но нельзя не признаться, что большая часть названий местных и городских приводит нас к догадке о... главной стихии, вошедшей в состав Этрурии, именно — о стихии славянской. Города: Антиум, в котором отзывается имя антов, Клузиум (*ключ*, напоминающий Ключ иллирийский, Иллирия — область на северо-западе Балканского полуострова), Кортона, или Гортина, Перузия (Порушие), Ангара (Угарье), Кластидиум, иначе Кластициум (Клястицы), Спина (ныне Dorso di Spina); реки Арнус (Ярный), Цецина (Течень), озеро Клузина (Ключино) и многие другие имена — чисто славянские. Но, очевидно, этих примет слишком мало. Обратим внимание на другие два обстоятельства, которые гораздо важнее: 1-е) никогда в самое цветущее время своего величия, во время своей предприимчивости военной, разены не нападали на венетов; 2-е) когда кельты и римляне разрушили некогда сильный и богатый союз городов этрурских, те из разен, которые предпочли свободу в стране бедной рабству в приволии этрурском, пробились сквозь землю галлов цизальпинских и нашли убежище у вендов великих (винделиков). Тут, в ущелиях неприступных, выстроили они новый город Ретсун (*Разень*, или *Ражень*, от *ражий*) и долго еще боролись против исполинского могущества Рима, составляя с венетами гордый союз. Трудно поверить, что непобедимые венды им уступили землю поневоле; еще труднее, чтобы разены, пробиваясь сквозь всю силу кельтов, искали новой войны, а не гостеприимства племени родного».

Хомяков в целом довольно точно обрисовал проблему славянства этрусков. Но она, как и всякий обсуждаемый десятилетиями вопрос, интересна своими частностями. Почему, например, этруски называли себя расенами? Ведь многие историки-профессионалы, не находя сколько-нибудь серьезного ответа на этот вопрос, отказываются обсуждать идею этрусско-славянских связей. И они во многом правы, поскольку сам Хомяков признает, что славянских примет осталось «слишком мало». Развиваемый в нашей книге метаисторический подход, однако, позволяет по-новому осветить эту проблему.

Начнем с коренных жителей Сицилии. Фукидид сообщает: «Уже в древности весь остров был заселен различными народностями. По преданию, древнейшими обитателями Сицилии были жившие в одной ее части киклопы и лестригоны. Кто они были родом, откуда прибыли и куда потом ушли, я ничего не могу сообщить». В отличие от Фукидида, мы знаем предысторию племени циклопов — они были потомками ариев и пришли в Южную Европу с территории Русской равнины в IV—III тыс. до н.э. Лестригоны в переводе с греческого означает «прирожденные грабители» — так, по-видимому, называли базировавшихся на Сицилии пиратов. Упоминание их наряду с циклопами связано с тем, что последние вели оседлый образ жизни, были прекрасными земледельцами и животноводами, вспомним Полифема! Лестригонов же уместно сравнить с Одиссеем, ограбившим великана.

В латинской традиции циклопов называли сикулами, от их имени произошло название острова Сицилии (Сикелии). Помимо сикулов в числе древнейших обитателей Италии упоминают также лигиев, или лигуров (это ликийцы!). Ранее мы уже говорили о ликийцах, проживавших во II тыс. до н.э. в Малой Азии и перебравшихся туда с Крита. Но другая часть этого народа,



Движение русов и места их расселения.
Сост. Е.В. Кузнецов, А.Е. Кузнецов

известная античным историкам как лигии, перебралась в Европу. Лигии проживали в Верхней Италии и Южной Франции, на Балеарских (Белоярских!) островах, Корсике и Сардинии (впоследствии их вытеснили отсюда кельты). Да-да, можно совершенно определенно говорить о проникновении морской цивилизации ариев вплоть до восточного (средиземноморского) побережья Испании.

Сикулы-сколоты и лигии-ликийцы были первой волной миграции в Южную Европу с территории Русской равнины. По времени можно предполагать, что она приходилась на эпоху активного заселения теми же племенами юга Греции и Крита (рубеж IV и III тыс. до н.э.). Греки называли этих переселенцев пеласгами. Вторая мощная переселенческая волна с Русской равнины датируется уже началом II тыс. до н.э. Она связана с движением в Европу тех арийских племен, кото-

рые принесли с собой культ бога Тура. Грекам они запомнились в образе кентавров, т.е. конных тавров. В Греции их роль оказалась не столь значительной, поскольку страна уже была населена сильными в военном отношении ахейцами. Но вот земли Италии оставались к тому времени еще малообитаемыми. Этруски почитали Тура под именем Турмеса, а его женская параллель Турана выступала в качестве этрусской Афродиты — богини любви. Народ, поклонявшийся этой богине, греки стали называть тирренами, а море, которое они контролировали, — Тирренским. Вполне понятно, что тиррены не были единственными обитателями столь плодородных земель, в числе их соседей были индоевропейские племена, пришедшие сюда несколько позднее с севера, — италийцы (латины и другие). И может быть, слово «этруски» (а его стали употреблять римляне!) родилось путем соединения названий «италики» и «русские»...

Самая важная миграция в истории древней Италии, однако, произошла в начале I тыс. до н.э., когда сюда переселились выходцы из Малой Азии. Кто же мог покидать этот полуостров в то время? Мы едва ли ошибемся, если предположим, что это было население разрушенной в ходе Троянской войны малоазийской Русены. Вот почему сами себя этруски называли расенами! Сохраняя свое родовое имя, они как бы восстанавливали связь времен, поддерживали связь с теми поколениями своих предков, которые участвовали в создании великих цивилизаций Древнего Востока.

Французский ученый Л'Арбуа де Жюбанвиль выяснил, что в одной из древнеегипетских надписей упоминается о нападении народа рутенов вместе с ассирийцами (при главенстве последних) на Египет. Такое событие могло осуществиться только в XII в. до н.э. или, более вероятно, одним-двумя веками позже, когда Ассирия действительно стала доминировать в Перед-

ней Азии и диктовала условия народу разгромленной Арсавы (Русены) — русенам (рутенам). Следовательно, после поражения в Троянской войне часть населения Русены осталась в Малой Азии и продолжала называть себя русенами. На рубеже II и I тыс. до н.э. наиболее предприимчивые из них отплыли на запад в поисках новой родины.

В последней четверти XIX века на острове Лемнос у побережья Анатолии, недалеко от местонахождения древней Трои, был найден надгробный памятник, чрезвычайно заинтересовавший ученых. На стеле, ныне хранящейся в Национальном музее Афин, изображено в профиль лицо вооруженного воина и выбиты две надписи. Одна из них расположена над головой воина, а другая — на боковой поверхности стелы. Язык этих надписей, сделанных архаическими греческими буквами, характеризуется как родственный этрусскому. Описанная выше стела не единственный документ подобного рода. На Лемносе было найдено множество других надписей на том же языке. Все они датируются VII в. до н.э. Эти находки заставили ученых предположить, что по пути из Анатолии в Италию этруски (или какая-то их часть) могли задержаться на острове Лемнос на время достаточное, чтобы оставить о себе следы.

Нижегородский историк, профессор Е.В. Кузнецов в своей работе «Древние русы: миграции», изучив расположение русских топонимов на карте Южной Италии, указал даже возможный маршрут расселения там проторусов, двигавшихся с побережья Малой Азии. Согласно анализу Е.В. Кузнецова, вполне вероятно, что переселенцы двигались на запад Средиземноморья, не огибая ни выступа Калабрийского полуострова, ни остров Сицилию, а, сокращая путь, пересекли полуостров, используя текущие здесь водные коммуникации и короткий волок, их соединяющий.

В 1961 году вышла в свет книга «Этруски начинают

говорить», бросившая вызов традиционным в ученой среде гипотезам. Это был плод тридцатилетних трудов доктора Закари Майяни, работавшего в Парижском университете. В ходе своих исследований Майяни пришел к выводу, что этрусский язык принадлежит к числу индоевропейских и что на основе этрусских надписей можно различить два течения, слияние которых и породило «эту странную цивилизацию»: одно — с берегов Дуная, другое — из Анатолии. Майяни полагает, что этрускам, «людям бронзы», так и не удалось полностью уничтожить следы своего происхождения: они видны и в их оружии, и в использовании колонн при постройке гробниц, и в пристрастии к полихромии в изобразительном искусстве, и — еще более явственно — в манере изображения животных, а превыше всего — в самой оригинальности этрусской культуры.

Два потока переселенцев — один из бассейна Дуная, другой из Анатолии (как и утверждал Геродот) — в конце концов образовали в высокой степени разнородное население местности, которую мы называем Этрурией и которую они попытались превратить в свою новую родину. Именно в разноплеменности этрусков доктор Майяни усматривает одну из причин (возможно, самую важную), по которым им не удалось оформиться в единую нацию.

По-видимому, здесь уместно вспомнить о теории Тойнби: он говорит об этрусках как о возможном образце влияния иноземных переселенцев на группу более ранних колонистов. Поскольку обычно выживают самые храбрые и выносливые, то потомки их оказываются, как правило, сильным народом; те же, кто не решился присоединиться к эмигрантам и предпочел остаться на родных землях, со временем исчезают со страниц истории. Кроме того, потомки переселенцев склонны неукоснительно соблюдать старые традиции и придерживаться старых верований, по крайней ме-

ре, до тех пор, пока не почувствуют, что укоренились на новой земле. Многочисленные параллели между этрусками и народами Ближнего Востока подтверждают, что в Этрурии произошел именно такой процесс.

Ранняя история Этрурии изучена еще недостаточно. Но период расцвета этрусков (VII — начало V века до н.э) исследован уже вполне основательно. Исконной территорией этрусков являлась Средняя Италия, она несколько превышала по размеру район современной Тосканы. Границами собственно Этрурии являлись: с юга и юго-востока — река Тибр, с востока — Апеннинские горы, с севера — Арно, с запада — побережье Тирренского моря. В период наивысшего могущества этруски подчинили своему влиянию как Северную Италию, включая долину реки По, так и более южные к ним области Лациума и Кампании. На этой достаточно обширной территории процветала самостоятельная своеобразная культура этрусков, сохранились многочисленные памятники их высокоразвитого искусства.

Характерные для начального этапа истории Этрурии интенсивные торговые связи со странами Переднего Востока, прежде всего с Финикией, к концу VII в. до н.э. сменяются прочно и надолго установившимися связями с Грецией и греческими городами на юге Италии. Отношения с ними далеко не всегда дружественные, иногда переходящие в военные конфликты, оказали большое влияние на этрусскую культуру, особенно искусство. Этрурия этого периода представляла собой союз двенадцати городов, каждый из которых вместе с прилегающей к нему территорией являлся самостоятельным государственным образованием. Этими городами были Вейи, Цере, Тарквинии, Вульчи, Руселла, Ветулония, Воллатеры, Арецци, Кортона, Перузия, Клузий, Вольсинии. Название Арецци соотносится с арийскими, Руселла — с русскими, а Цере — со славян-

скими (Царицын, Сараево, Саратов и т.п.) топонимами. Добавим к этому, что Тарквиний первоначально назывался Тархны, а это название практически тождественно Тарханам — родине Лермонтова. Наконец, сам союз этрусских городов именовался союзом расенов.

Во главе городских общин стояли цари-жрецы (римляне называли их лукумонами). Первым царем у этрусков был Тархон. Это имя напоминает нам о древнем богатыре Тархе Тарховиче из русского фольклора и служит еще одним примером русско-этрусских связей. О Тархоне известна такая легенда. Однажды он усердно пахал свое поле, взрезая плодородную целину. И вдруг его изумленному взору предстала человеческая голова, слегка приподнимавшаяся над бороздой. У этого диковинного существа было лицо маленького ребенка, но седые, как у старика, волосы. Испуганный этим чудом, Тархон позвал на помощь. Другие лукумоны, работавшие неподалеку на своих полях (в те времена нравы отличались простотой, и никто не гнушался труда пахаря), поспешили на призыв Тархона. На глазах изумленных людей из земли явился бог Таг (Тагес), чтобы передать лукумонам установления, в согласии с которыми они должны были учить людей. Легенда утверждает, что жрецы записали эти законы на восковых табличках. Важнейшей частью его установок стали правила гадания по внутренностям животных. На их основе позже возникла целая наука — гаруспиция, которую развили и широко использовали римляне.

Как только чудесный ребенок, рожденный землей, исполнил свою миссию, он тут же погрузился обратно в борозду, и больше его никто уже не видел. Цицерон так отзывался об этой легенде: «Будет ли кто-нибудь так глуп, чтобы поверить, что был вырыт — бог ли, человек? Если бог, почему он вопреки своему естеству скрывался в земле, чтобы появиться на свет выкопанным? Как же так, разве не мог этот бог познакомить

людей со своим учением с места более возвышенного? Если же был этот Тагес человеком, то как он мог жить под землей? И далее, где он мог научиться тому, чему учил других? Право же, я сам глупей тех, кто такому болтуну верит, если против них так долго говорю». Мнение Цицерона так и осталось частным мнением умного человека, да он и не пытался проповедовать его в массах. А искусство гаруспиков распространилось далеко за пределы Рима. Гадание по внутренностям жертвенного вепря было обычным делом на Руси. Даже приходилось специальными указами запрещать гадать гаруспикам, что делалось под влиянием христианства. Что же касается мифологической подосновы легенды о Тагесе, то ее блестяще разъяснил писатель В.И. Щербаков в книге «Века Трояновы». Жители Передней Азии еще в III тыс. до н.э. соблюдали культ подземного бога Дагона. Дагон, Таг — имена практически одинаковые. Если же применить правило перехода «г» в «ж», то мы с полным основанием можем считать имя Тага аналогичным имени Дажьбога. По существу, это разные написания одного и того же имени. Даж-бог, как Таг или Дагон, связан с Матерью-Землей. Поэтому и гаруспики в Древней Руси были, скорее всего, служителями Дажьбога (Даждьбога).

Этруски оказались непосредственно причастны к основанию Рима. Легенда о происхождении римского народа гласит, что Эней, принадлежавший к младшей ветви Троянского царского дома, бежал из горящей Трои со своим престарелым отцом, младшим сыном и небольшим отрядом верных воинов. После долгих скитаний он достиг берегов Италии, где основал латинский город Альба Лонга (Белая Длина или Белостенный). Одно из названий Трои (по-видимому, наиболее раннее) было Вилусия или Белусия, то есть «Белый город». Поэтому можно говорить, что Альба Лонга рассматривалась переселенцами как Новая Троя, унас-

ледовавшая арийские традиции малоазийской Русены и арийские корни царской династии. Местные племена латинов породнились с троянцами и впоследствии выступали хранителями их древних легенд.

В длинном перечне потомков Энея Ромул и его брат-близнец Рем появляются в пятнадцатом поколении в качестве внуков Нумитора — одного из латинских царей Альба Лонги. Матерью близнецов была дочь Нумитора Рея Сильвия, отцом же своих детей она назвала бога Марса. Рея и Марс — имена особо почитаемых арийских богов, и это совпадение конечно же не случайно. Вытесненные из Малой Азии, арии принялась за свое привычное дело — строить многонациональное государство.

Когда близнецы выросли, то решили обосноваться на новом месте. Они покинули Альба Лонгу и в сопровождении отряда искателей приключений отправились на поиски места для своего города. Их привлекли берега Тибра. В древние времена переселение с одного места на другое было рискованной процедурой: приходилось опасаться, что обожествленные предки разгневаются и обрушат свою кару на колонистов. Эней, например, привез с собой своего отца и отцовских богов. Но ни Ромул, ни Рем этого не сделали. Плутарх и Дионисий Галикарнасский сообщают, что Ромул, оказавшись в столь затруднительном положении, вынужден был обратиться к этрускам из Тарквиний с вопросом: какие обряды ему следует совершить, чтобы обожествленные предки из Альба Лонги приняли новый дом?

Лукумон Тарквиний посовещался с гаруспиками, и те решили помочь латинам. И вот 21 апреля 753 года до н.э. произошло одно из главных событий мировой истории: был основан Рим. Сам ритуал закладки нового города осуществлялся в строгом соответствии с древними обычаями этрусков. Когда гаруспики выбра-

ли на Палатинском холме подобающее место, там разожгли огонь. Через этот костер перепрыгнули все, кто пришел с Ромулом на новое поселение: тем самым они очистились от зла. Затем гаруспики велели Ромулу выкопать в земле круглое углубление в том месте, где он желал разместить центр будущего города. Это углубление, или мундус, должно было стать каналом, через который обожествленные предки смогут посещать мир живых в определенные три дня года. Ромул и каждый из его спутников благоговейно опустили в мундус по горсти земли, принесенной с собой из Альба Лонги. В ходе следующего обряда Ромул должен был провести границу будущего города. Он запряг в бронзовый плуг белого быка и белую корову. Облачившись в священные одеяния, Ромул провел вокруг мундуса на нужном расстоянии глубокую борозду. Ни один человек не дерзнул бы отныне наступить на эту линию или переступить через нее: иначе он рисковал навлечь на себя гнев богов. Предание гласит, что Рем нарушил это правило — и заплатил жизнью за свою провинность.

Годы в преддверии VI в. до н.э. были пиком расцвета этрусских городов-государств. Все враждебные племена были изгнаны с земель этрусков в Средней Италии — из бассейна реки Арно и правобережья Тибра (по всему течению его из Апеннин в Тирренское море) и даже из южных к Риму областей. В 616 г. до н.э. царем Рима (город тогда состоял из нескольких поселений на берегу Тибра) становится Луций Тарквиний Приск из этрусского княжеского рода. При наследовавших ему Сервии Туллии и затем Тарквинии Гордом болотистое пространство, известное позже как Форум, было осушено. Прокладывается первый в истории Вечного города канализационный коллектор. Над плоской линией низких домов поднимается величественный храм Юпитера. Но в 509 г. до н.э. в городе про-

изошло восстание, монарх Тарквиний Гордый был изгнан, а в Риме установилась республика.

Ее рождение сопровождалось возрастанием экономического соперничества между этрусками и греками, нередко принимавшего форму вооруженного столкновения. Морские силы города Цере успешно отразили попытки греков закрепиться на острове Корсика. К 524 г. до н.э. относится новый военный конфликт, но уже с обратным результатом для этрусков. Древние источники сообщают о поражении полумиллионной армии этрусков в сражении с гораздо меньшими силами греческой колонии Кумы, лежащей южнее Рима, близ Неаполя. Полтора десятка лет спустя грекам удается завладеть Мессенским проливом, отделяющим Италию от Сицилии. Этруски пытаются выправить ситуацию, но в морском сражении у побережья Кум оказываются снова разбиты.

Археологические и исторические свидетельства говорят об экономическом спаде у этрусков после поражения при Кумах и об одновременном расцвете греческой торговли. Предметы роскоши ввозятся в Этрурию, а качество местной бронзы и керамики показывает стойкую тенденцию к ухудшению. Замирает строительство: известно лишь несколько строений этого периода. Даже заупокойный обряд содержит признаки оскудения. Те из аристократов, которые успели создать для себя величественные некрополи в Цере и Тарквиниях, уже хоронят своих близких не по первому разряду. Однако падение уровня жизни не было катастрофичным и не сказывалось на ее продолжительности. Отмечается даже относительно меньшее количество захоронений в этот период.

В самом начале IV в. до н.э. римляне осадили Вейи. Эта война длилась целое десятилетие, напоминая описанную Гомером осаду Трои. Город Вейи стоял на вершине скалы и был окружен мощными стенами. Согласс-

но Титу Ливию, город пал в результате «военной хитрости, а не штурма». После неоднократных поражений римляне наконец осознали всю бесполезность лобовой атаки и сделали под город подкоп. Однако свидетельство Ливия не нашло подтверждений: археологам не удалось обнаружить никаких следов подкопа, хотя, возможно, римляне проникли в город через существовавшую в нем систему канализации. Неожиданность была полной. Лазутчики перебили стражу и открыли городские ворота, через которые мгновенно вошли римские войска. «Поднялся невообразимый шум. Победные крики слились с воплями ужаса, — пишет Ливий. — Всюду звенели клинки. Отовсюду неслись причитания женщин и плач детей». Завоеватели вложили мечи в ножны только после разграбления города, разрушения статуй богов и обращения в рабство жителей. Территория была объявлена римской. Трагично было и то, что остальные этрусские города спокойно отнеслись к победе римлян, словно не подозревая, что и их может постичь та же участь.

Но римлянам недолго суждено было наслаждаться своей победой. По некоторым источникам, в тот же день, когда пали Вейи, в долину реки По просочились галлы. Победив здесь этрусские легионы, они пересекли Апеннины и атаковали Клузий (390 г. до н.э.), жители которого, по сообщению Ливия, «были страшно удивлены при виде странных людей у своих ворот». Облик чужеземцев был столь же диким, как их вооружение и доспехи. Однако жителям Клузия повезло, потому что основная часть галльского войска двинулась дальше, на Рим, откуда поспешили выехать все, кто мог, включая жрецов и весталок — девственных хранительниц священного огня Весты, богини домашнего очага. Убежище жрецам и весталкам предложил этрусский город Цере. Оставшимся пришлось быть свидетелями вторжения галлов, которые разграбили и по-

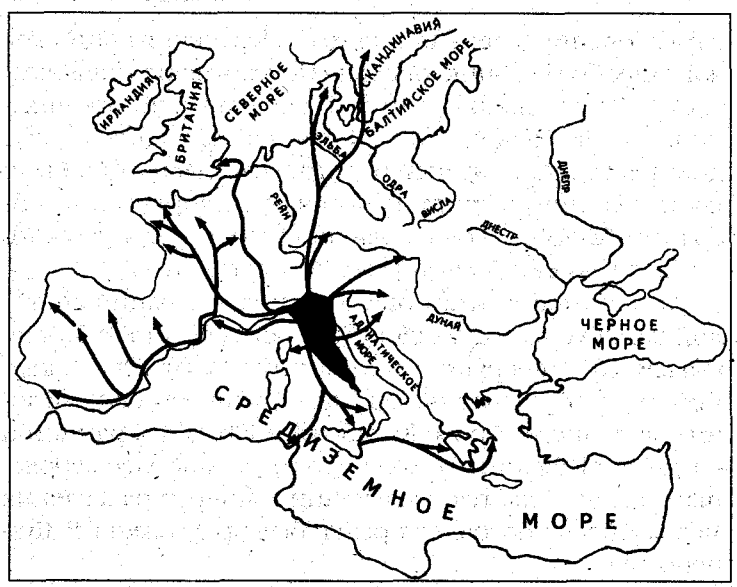
дожгли все, за исключением Капитолия. Получив требуемый выкуп, галлы покинули город, а за то, что Цере дал приют жрецам и весталкам Рима, Вечный город пожаловал жителей Цере почетным римским гражданством, одновременно вернув свое расположение всей Южной Этрурии.

В промежутке с середины IV в. до н.э. по 280 г. до н.э. этрусские города четырежды выступали против Рима, но каждый раз оказывались биты. В результате этих неудач все этрусские города переходят на положение подчинения Римской республике: им запрещалось проводить собственную политику, их мужское население обязано было служить в римской армии. Особенно жестоко поступили римляне с одним из самых непримиримых этрусских городов — Вольсиниями. Согласно византийскому историку XII в., после подавления мятежа римляне сровняли город с землей, чтобы затем заново отстроить его на озере Больсена, где положение города было гораздо более уязвимым. В качестве контрибуции римляне потребовали две тысячи бронзовых этрусских статуй. Они были переправлены в Рим, чтобы служить украшением его храмов и общественных зданий. Поскольку Вольсинии был священным городом священной богини Волтумны и местом ежегодного съезда лукумонов двенадцати городов-государств, перенос статуй должен был означать его падение и подчеркивать превосходство Рима. Одновременно это был сигнал к разграблению древностей Этрурии.

По мнению большинства ученых, этруски, фаталисты по натуре, с готовностью приняли неизбежное и навеки связали свою судьбу с Римом. И для такого мнения, казалось бы, есть убедительные основания. Под угрозой набега галлов на Апеннины с юга в III в. до н.э. этруски объединяются с римлянами, чтобы дать захватчикам решительный отпор. Во время Второй Пу-

нической войны, когда Рим сражался против Карфагена (с 218 по 201 г. до н.э.), этруски пребывают в состоянии покорности, хотя могли бы воспользоваться моментом и поднять мятеж, пока главные римские силы сражались с Ганнибалом. Когда римский полководец Сципион Африканский в 205 г. до н.э. пошел войной на Карфаген, этрусские города внесли немалую долю в сбор средств на ведение боевых действий. Согласно списку Ливия, один лишь город Арецци поставил тысячи шлемов, щитов, копий, боевых топоров, кривых сабель, мечей, кинжалов, корзин с провиантом, ручных мельниц для специй — всем этим добром заполнили сорок боевых кораблей. Моряки римского флота были одеты в одежду из льна, сотканного в Тарквинии. Города, известные сегодня как Перуджа (Перузия), Вольтерра (Воллатеры), Розелле (Руселла), Кьюзи (Клузий), поставили смолу, сосну и твердую древесину для строительства кораблей, а также крупы в счет провианта. Когда же в 196 г. до н.э. взбунтовались этрусские рабы, римляне быстро и жестоко подавили бунт. Но историки в своем большинстве совершенно игнорируют тот факт, что отдельные группы этрусков могли мигрировать, спасаясь от легионов Рима!

У римлян существовало мнение, что этруски родственны ретам — народу, обитавшему на территории античной Реции. Ее территория охватывала нынешнюю Восточную Швейцарию, Южную Баварию и область Тироль. Помимо ретов здесь проживало также арийское племя винделиков (венедо-ликийцев!). Именно о прорыве этрусков на земли Реции писал А.С. Хомяков в цитировавшемся выше отрывке. Те из этрусских граждан, которые не хотели служить Риму, пробирались в Рецию, к дружественным венедам. Ученые-слависты, к сожалению, не обратили внимания на эту важнейшую для славянского мира миграцию. Дело в том, что ближайшей восточной соседкой Реции была так называе-



Карта торговых связей этрусков

мая область Норик (земли между верхним течением Дравы и Дунаем). Согласно «Повести временных лет», отсюда вышли славянские племена, переселившиеся в VI—VIII вв. н.э. на Русскую равнину. Много племен пришло сюда и стало «прозываться русью». Так почему бы не предположить, что в их числе были и расены-реты, хранившие свое древнее этническое имя? Кстати, и среди славян, оставшихся в Западной Европе, зафиксирован народ, который называл себя расенами — это... сербы!

С военной точки зрения, миграция в Рецию была наиболее опасной, путь этот был сухопутным и проходил через густонаселенные земли. И выбор его определялся, прежде всего, задачей пробиться к своим соплеменникам венедам. Но это был лишь один из маршрутов миграции этрусков. Карта торговых связей

этрусков, приведенная в книге «Этруски: италийское жизнелюбие» (энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации»), свидетельствует, что этруски активно проникали в Галлию (современная Франция), Испанию и даже добирались до Британских островов. Здесь у них были свои колонии, и стратегически это направление миграций было более безопасным! Но есть ли у такого взгляда какие-либо исторические аргументы?

Да, есть. Обратимся опять к карте миграций анатолийских русов, составленной профессором Е.В. Кузнецовым. Путем скрупулезного анализа карт Юго-Западной Европы ученый обнаружил группы русских топонимов на полуострове Калабрия, в Южной Франции и на севере Испании. Исходя из этого, наиболее вероятным представляется следующий маршрут расселения малоазийских росов, который и был предложен Е.В. Кузнецовым:

Калабрия —> Южная Франция —> {Северная Испания, Северный Уэльс, Балтика}

В пользу этой схемы говорит тот важный факт, что в первые века нашей эры в Галлии существовало племя рутенов (в Западной Европе так именовали русинов). Мы должны добавить к этому, что русские крепости в Калабрии были построены этрусками, они поддерживали русов-переселенцев материально. Можно даже сказать и более определенно: этруски организовали и поддержали русскую колонизацию ряда областей Западной Европы.

Наше образованное общество, в своей массе, не верит в древность русской истории. Но что скажут эти высокоученые люди, если прочитают у Прокопия Кесарийского (VI в.) в сочинении «О готской войне» о том, что в Бруттии (древнее наименование Калабрии) «на том русском (!) берегу древние римляне соорудили крепчайшую крепость». В другом месте книги эта кре-

пость вообще названа Русской, и историки в связи с этим вообще сомневаются, имеют ли римляне отношение к ее строительству. До сих пор в 7 километрах от берега на высоте (от уровня моря) 227 метров существует город Россано. В нем живут «россанези» в количестве 20 000 жителей. Какие еще нужны доказательства?

А.Г. Кузьмин в сборнике «Откуда есть пошла русская земля» приводит уникальную сводку сведений иностранных источников о древних русах. Мы процитируем выборочно некоторые из них, которые говорят о пребывании русских в Юго-Западной Европе:

773—774 гг. Во французской поэме об Ожье Датчанине (XII—XIII вв.) упоминается русский граф Эрно, возглавлявший русский отряд, защищавший Павию — столицу лангобардов — от войска Карла Великого. В Северной Италии русы занимали район Гарды близ Вероны.

Около 778 г. «Песнь о Роланде» (записи XII—XIV вв.) называет русов в числе противников франкского войска. Упоминаются также «русские плащи».

844 г. Ал-Якуби сообщает о нападении русов на Севилью в Испании.

863 г. В документе, подтверждающем прежнее пожалование, упомянута Русарамарха (марка Русаров) на территории современной Австрии.

1019 г. Французский автор, писавший в первой половине XI в., сообщает, что французские норманны, прибывшие в Бари, были разбиты при Каннах «народом русским».

1157 г. Продолжатель Оттона Фрейзингенского Рагевин (ум. 1177) упоминает о нападениях на Польшу с севера рутенов.

Русские поселения существовали в Западной Европе задолго до образования Киевской Руси! И создавали их выходцы из малоазийской Русены — расены-этру-

ски. Они не исчезли, не растворились в среде римлян, а отдельными группами разошлись в самых разных направлениях, где напомнили о себе: на Дунай и далее в Поднепровье, в Испанию, Францию и даже на Британские острова. О последней миграции (к Туманному Альбиону) подробно рассказано в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского.

На основании сведений, содержащихся в древних валлийских книгах, и устных легенд писатель попытался восстановить историю появления на Британских островах древнего племени бриттов. Вкратце она такова. Внук Энея Брут нечаянно убил на охоте своего отца и за это был изгнан из Альба Лонги. Странствуя по свету, он попал в Грецию, где встретился с теми троянцами, которые были вывезены сюда в качестве рабов. Брут организовал и возглавил восстание троянцев против своих угнетателей, в результате которого был захвачен в плен сам греческий царь. В уплату за свою свободу он обязался предоставить троянцам корабли и снарядить их всем необходимым для дальнего плавания. Цель плавания указала Бруту богиня Диана, явившаяся ему во сне:

Там, где солнца закат, о Брут, за царствами галлов,
Средь Океана лежит остров, водой окружен.
Остров тот средь зыбей гигантами был обитаем,
Пуст он ныне и ждет, чтоб заселили его
Люди твои; поспеши — и незыблемой станет твердыней,
Трою вторую в нем дети твои обретут.
Здесь от потомков твоих народятся цари, и подвластен
Будет этим царям круг весь земной и морской.

Речь здесь идет о Британии, к которой и отправились наши путешественники. Но вот что любопытно. Гальфрид Монмутский сообщает, что, сделав промежуточную стоянку на побережье Тирренского моря, спутники Брута встретили здесь четыре колена потомков троянских изгнанников. В память об этом цен-

тральная область Калабрии в античное время называлась Бруттий!

Далее в путь отправилась уже объединенная группировка троянцев. Обогнув побережье Испании, они вошли в устье Луары (запад Франции), но встретились с вооруженным сопротивлением местных галльских племен. По-видимому, часть троянцев осталась в Галлии (сам Гальфрид об этом, правда, не говорит) и основала город Тур, но другая их «половина» решила все-таки довериться предсказанию богини и отплыла в сторону Британии. Остров действительно оказался практически пустынным: его единственными обитателями были великаны Гоги и Магоги. Вновь неожиданное совпадение: потомки ариев плыли к земле ариев! Нельзя не отметить и совпадение названий местностей, которые троянцы выбирали своими перевалочными пунктами:

Бруттий —> Бретань (полуостров во Франции) —> Британия

Все эти географические топонимы, безусловно, родственны и соотносятся с именем народа бриттов. Мы склонны считать, что первая согласная во всех этих словах является сокращением слова «бё» (английское «be») — быть, есть. В такой интерпретации этноним «бритты» можно соотнести с ретами, или рутенами (русенами), имена Бруттий — с Рутием (Русием), Бретань — Ретань (Рязань!), Британия — Рутения. Подчеркнем, что это попросту — расширение приложений уже открытого нами ранее правила чтения названий, включающих в качестве составной части слово «есть». На западе Англии, в Уэльсе и близ берега Ирландского моря можно найти топонимы, связанные с рутенами, в частности — Русин (Сев. Уэльс), Рос на юге полуострова. Это напрямую указывает на освоение рутенами берегов Британии. К галльским рутенам сред-

невековые авторы часто применяли эпитет «флави рутены», то есть «рыжие рутены». Но это отличительный признак ирландцев! Среди народов Западной Европы данное прозвище более других подходит к ним, они потомки бриттов-рутенов и очень близки по духу русским.

Итак, реты Подунавья, галльские рутены и бритты — это разные «осколки» потомков троянцев, переселившихся в Европу. Не случайно каждое из этих племен имело в числе своих соседей венетов, и не случайно, что все они отчаянно боролись с римлянами. Союзные отношения рутенов и бриттов сохранялись и в более поздние времена. Вождь рутенов Хольдер упоминается в «Истории бриттов» как союзник легендарного короля Артура, прообразы которого уходят в V—VI вв. В более поздние времена рутены были покорены франками, а бритты — англами и саксами. Те же из них, кто не покорился завоевателям, пробивались к своим сородичам — балтийским венетам — морским путем.

Глава 14

Скифо-арийский диалог

Мы — те, о ком шептали в старину,
С невольной дрожью эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Ехидны — скифы.

Вкруг моря Черного, в пустых степях,
Как демоны, мы облетали быстро,
Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх:
К верховьям Тигра иль низовьям Истра.

. . . . . .

Что были мы? — Щит, нож, колчан, копье,
Лук, стрелы, панцирь да коня удила!
Блеск, звон, крик, смех, налет — все бытие
В разгуле бранном, в пире пьяном было!

Брюсов В. Мы — скифы

Около VIII в. до н.э. скифы откуда-то из-за Волги пришли в Северное Причерноморье. Ранее (приблизительно с середины II тыс. до н.э.) эти земли принадлежали арийскому племени киммерийцев. Скифы были индоевропейцами, но к числу арийских племен не принадлежали. Вполне понятно поэтому, что период «вживления» в новую этническую среду носил у скифов отнюдь не мирный характер. Тем не менее было бы совершенно неоправданно, как это делают авторы многих книг и специальных работ, говорить о том, что скифы полностью вытеснили киммерийцев.

Срубная археологическая культура, с которой археологи связывают период владычества киммерийцев

в южнорусских степях (1600—1000 гг. до н.э.), обнаруживает полную преемственность с более древними катакомбной (2000—1600 гг. до н.э.) и ямной (III тыс. до н.э.) культурами, занимавшими те же земли Южной России. Ямная культура безоговорочно признается как арийская, именно от нее исходили те «импульсы», которые привели к сложению на обширных территориях Европы и Азии многих народов индоевропейской языковой семьи. Все перечисленные культуры характеризовались схожим обрядом погребения в курганах, различавшимся лишь в деталях (сначала под курганом делали обычную яму, затем более сложную конструкцию в виде катакомбы, а в позднебронзовую («киммерийскую») эпоху укрепляли ее деревянным срубом). У киммерийцев сохранялись преемственность типа керамики, жилища и других отличительных признаков. Тип хозяйства, сочетавший оседлое скотоводство с пашенным земледелием, не претерпел существенных изменений. Наконец, как показали специальные исследования, антропологический тип населения оставался неизменным. Все это позволяет говорить, что киммерийцы унаследовали обычаи и традиции тех арийских племен, которые проживали здесь на протяжении многих веков. Приход скифов, разумеется, заставил их частью потесниться, а частью мигрировать, но говорить об исходе всех киммерийцев с юга России заведомо неправильно.

Более того, установлено, что археологические культуры, приписываемые киммерийцам и скифам, также обнаруживают большое сходство, такое, что в самом деле трудно отличить одну от другой. К примеру, всем известно, что скифы хоронили своих правителей в курганах. Но очень часто они использовали для погребений курганы, выстроенные еще в доскифские времена, сохранившиеся еще с бронзового века. Значит, среди скифской знати оставались потомки ариев, кото-

рые считали курганы своими! А если сохранялись древние обычаи среди знати, то, значит, и среди простого народа прослойка ариев оставалась значительной. Выдающийся русский историк Г.В. Вернадский писал по этому поводу в книге «Древняя Русь»: «В то время как народы, осевшие в Южной Руси, обозначаются в различные эпохи несхожими именами, мы не можем быть уверены, что каждое изменение имени сопряжено с миграцией целой этнической группы. Оказывается, что время от времени новые правящие роды захватывали контроль над страной, и несмотря на то, что некоторые группы эмигрировали, большинство населения оставалось, лишь принимая примесь крови пришельцев». Вторжение скифов с Волги и Дона следует, таким образом, понимать не как «вытеснение» одного народа другим, а как процесс вживления нового этнического ядра в «толщу» другого, более многочисленного народа.

То, что этот процесс протекал весьма болезненно для обоих этносов, подтверждает политика скифов в Малой Азии. В 672 г. до н.э. скифский царь Ишпакаи заключил союз с Мидией, восставшей против господства ассирийцев, и пошел войной на них. Но во время одного из сражений он погиб, а его наследника Партатута (Прототия) ассирийская дипломатия стала активно перетягивать на свою сторону, и это им удалось. Ассирийский царь Ассархаддон даже выдал за Партатута свою дочь. Изменив договору, заключенному его отцом, Партатута в союзе с ассирийцами разгромил Мидию и сделал (по договоренности с тестем) ее своей данницей. Проассирийскую линию поведения проводил и сын Партатута от ассирийской царевны Мадий. В сер. VII в. до н.э. скифы вторглись в Малую Азию и в союзе с ассирийцами разгромили киммерийцев и треров. После этого они на некоторое время стали полновластными хозяевами Малой Азии — точнее, до 625 г.

до н.э., когда мидийский царь Киаксар нанес им решающее поражение. В дальнейшем скифы всегда выступали на стороне мидян, внеся немалый вклад в окончательный разгром Ассирии. Мидяне и киммерийцы — арийцы по происхождению — неизменно придерживались антиассирийской политики в Азии. Скифы, оказавшись в новой для себя обстановке, поначалу пытались извлекать максимальную выгоду для себя и потому лавировали между двумя враждующими группировками. Но со временем, укоренившись в Причерноморье, они стали уже выразителями общих интересов народов юга России. Наиболее ярко это проявилось во время нашествия персов, когда скифы были оплотом союзной армии причерноморских народов и отстояли ставшую теперь родной землю.

Греки, пришедшие в VII в. до н.э. в Причерноморье, зафиксировали существование здесь большого числа греческих топонимов. В первую очередь, это Боспор Киммерийский (Керченский пролив). Сообщения о нем встречаются у многих античных авторов начиная с Гекатея; он упоминал также какой-то киммерийский город или, точнее, греческую колонию в киммерийских землях. Римский географ Мела, опираясь на утраченные теперь сочинения греческих географов VI—V вв. до н.э., назвал киммерийскими города восточного побережья Крыма — Мирмекий, Пантикапей, Феодосию и Гермисий. Существовали также два греческих поселения на побережье Боспора Киммерийского — Киммерик и Киммерий, мыс Киммерий недалеко от устья Кубани и Киммерийские стены — какие-то укрепления на Крымском полуострове. Наконец, часть Восточного Крыма называли Киммерией, а переправы через Керченский пролив именовались Киммерийскими. Мы специально перечислили так подробно все «следы» былого присутствия киммерийцев в Причерноморье. Тот факт, что они «пережили» скифскую эпоху, одно-

значно свидетельствует о глубоком проникновении киммерийской культуры в скифскую среду. Или, попросту говоря, это означает, что значительная часть киммерийцев никуда с этих земель не мигрировала! Не случайно Геродот написал: «Согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим — коренных скифов очень мало».

Особенности этнических перемен в Причерноморье после прихода скифов Геродот указал не менее ясно: оказывается, пока скифы в течение 28 лет властвовали в Верхней Азии, их жены вступили в связь с их рабами, которые и стали править страной. Но кто, как не киммерийцы, были изначально рабами скифов? Сообщение Геродота можно по-разному интерпретировать, но оно неопровержимо доказывает, что киммерийцы никуда не «испарились» и даже входили в правящую элиту скифского общества.

Историки античной эпохи считали население южнорусских степей доскифского периода прямыми и непосредственными предками скифов, вопроса о разрыве преемственности, который пытается отстоять целый ряд историков, для них не существовало. Говоря о событиях, относящихся к эпохе бронзы (ранее I тыс. до н.э.), они просто употребляли термин «скифы».

Согласно Помпею Трогу, скифы добивались господства над Азией трижды. Последний период скифского господства, несомненно, относится к VII в. до н.э., события этого времени хорошо известны из античных источников. Первые же две эпохи относятся к более ранним временам. Относительно первой древние историки утверждали, что она продолжалась... полторы тысячи лет и завершилась около 2054 г. до н.э.! Помпей Трог писал: «Азия платила им (скифам. — *А. А.*) дань в течение 1500 лет; конец уплате положил ассирийский царь Нин». Тому же самому событию дал датировку и испанский писатель V века Павел Оросий: «За 1300 лет

до основания Рима царь ассирийский Нин... поднявшись с юга от Красного моря, на крайнем севере опустошил и покорил Эвксинский Понт (Черное море. — *А. А.*)». Сопоставляя даты (основание Рима, повторимся, произошло в 753 г. до н.э.), можно вычислить, что пришельцы с севера (троговские скифы!) доминировали в Азии в XXXVI—XXI вв. до н.э. Но удивительное дело: такой взгляд очень хорошо вписывается в нашу интерпретацию истории древней Азии, а выделенный отрезок времени примерно соответствует первой фазе активности древних ариев в Передней Азии и странах Средиземноморья, включая Египет. Правда, государства Ассирия в то время еще не было, но оно в известной степени было правопреемником Аккадского царства, в котором уже в XXIII в. до н.э. арии не играли сколь-нибудь значительной роли, а власть перешла к семитской династии Саргона. Потомки этого аккадского царя около столетия доминировали в Месопотамии, они успешно воевали в Сирии, Малой Азии и на территории современного Ирана. Внук Саргона Нарам-Суэн (2236—2200 гг. до н.э.) был наиболее могущественным представителем рода Саргонидов и называл себя «царем четырех сторон света». Вполне возможно, что именно его Помпей Трог и Павел Оросий соотносили с царем Нином.

Примерно тогда же арии утратили свои ведущие позиции также в Египте. Интересно, что на это время приходится закат ямной культуры и начало катакомбной. Утрата завоеваний на юге потребовала от ариев метрополии каких-то социально-политических изменений, что отразилось в частичном изменении типа археологической культуры. Но проведенная перестройка не замедлила сказаться. В самом начале II тыс. до н.э. из прикаспийских областей последовало мощное вторжение ариев в Азию. Здесь на территории Северной Месопотамии и Малой Азии они создали госу-

дарство Митанни, обеспечив поддержку тех арийских сил (ханаан, арамеев, амореев), которые сконцентрировались в Палестине, Сирии и части Малой Азии и называли свою страну Русеной. Подразумевая это событие, Помпей Трог утверждает, что скифские юноши царского рода — Плин и Сколопит — около XXI в. до н.э. основали на южном берегу Черного моря знаменитое «царство амазонок».

Рассказы об амазонках — едва ли не самая загадочная «страница» античной литературы. Таинственные девы-воительницы присутствуют не только в греческих мифах, но и в исторических трудах древних авторов. Для греков амазонки были реальным народом, с которым встречались и воевали их героические предки — Геракл и Тезей. В самый разгар битвы за Трою амазонки пришли на помощь осажденным троянцам. Царица Пенфесилея привела опытнейших воительниц. Удар был так силен, что греки отступили к кораблям. Положение спасли Ахилл и Аякс Теламонид, не принимавшие ранее участия в сражении. Ахилл убил Пенфесилею. Тела ее и еще двенадцати павших амазонок были переданы троянцам. Тему необычных женщин, живущих замкнутым сообществом, не обошел и Геродот. Вдумчивый историк, он попытался ответить на основные вопросы — откуда взялись амазонки, как начались их контакты с греками и с кем они соседствовали. Перескажем его версию. Греки, расширяя свое знакомство с Малой Азией, столкнулись с амазонками где-то в глубине полуострова на реке Фермодонт. Произошла битва, греки победили в ней, захватили добычу и, погрузив ее на три корабля, отправились домой. В море амазонки, выбрав удачный момент, перебили греков, но управлять судами они не умели. Их долго носило по морю и, наконец, прибило к побережью Меотиды (Азовского моря).

Эта история имеет до некоторой степени сказоч-

ный оттенок, но в ней присутствуют конкретные географические ориентиры. К тому же наиболее авторитетный географ Античности — Страбон указывал, что река, впадающая в Меотиду, отделяет амазонок от жителей Кавказа. Другие исторические источники также называют Азовское море и Северный Кавказ как прародину амазонок. С каким же реальным народом следует связывать этих легендарных чудо-женщин? Ответ напрашивается сам собой. Ранее мы неоднократно подчеркивали, что у арийского племени меотов, проживавшего на берегах Азовского моря и известного в Малой Азии под именем народа митанни, особым почетом и уважением пользовался культ Великой богини. Очень вероятно, что в среде меотов-митаннийцев могли зародиться и существовать закрытые женские общины, состоящие из посвященных в таинства данного культа. Подобно весталкам, жрицы Великой богини жили уединенно от мужчин, но при этом они обучались военным искусствам и навыкам ведения боевых действий. Говоря о царстве амазонок в Азии, Помпей Трог, скорей всего, имел в виду ариев-митаннийцев. Именно они в начале II тыс. до н.э. проникли в Малую Азию и создали здесь свое государство. Вначале оно охватывало и центральную часть полуострова Анатолия, а значит, действительно находилось на южном побережье Черного моря. В середине XVII в. до н.э. из него выделилось Хеттское царство во главе с индоевропейской (неарийской) династией. Оно проводило самостоятельную политику, зачастую враждебную государству Митанни. Будучи «урезанными» территориально, митаннийцы, однако, еще долго, вплоть до образования Ассирии в XIV в. до н.э., оставались влиятельнейшей политической силой в этой части мира. Закат и падение второй эпохи могущества ариев («скифов») в Азии символизировала Троянская война и походы «народов моря» на Египет.

Крупные военные столкновения ариев с египтянами в XIII—XII вв. до н.э. древние писатели представляли как войны фараона со скифами (!). Так, Геродот сообщает, что на скифов ходил некогда воевать «фараон Сезострис». Павел Оросий утверждал, что на Скифию нападал «фараон Весоз». Это имена собирательные. В противовес этим двум авторам, Корнелий Тацит правильно называет имя фараона, одержавшего победу над «скифами». Согласно ему, «царь Рамзес овладел Ливией, Эфиопией, странами мидян, персов и бактрийцев, а также Скифией». Под Скифией здесь, очевидно, следует понимать те ближневосточные и средиземноморские области, которые находились до того под контролем ариев. Египтяне вытеснили арийские племена из сопредельных им земель, но до Северного Причерноморья они никогда не доходили. Итак, античные историки связывали подвиги арийских племен с деяниями современных им скифов.

Вот еще один, чрезвычайно показательный, пример. Византийский историк X в. Лев Диакон, воспроизводя отрывок более древнего исторического сочинения, написал, что один из самых знаменитых героев Троянской войны — Ахилл — был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион, лежащего у Азовского моря; он был изгнан со своей родины за необузданность нрава и гордость и поселился в Греции, где скоро прославился своими пиратскими набегами. Признаками скифского происхождения, по словам информатора Льва Диакона, были его русые волосы, голубые глаза, необычайная ярость в бою, а также скифский покрой его одежды с застежкой. Сама по себе это чрезвычайно интересная и важная информация. Но она нуждается в серьезном уточнении.

Прежде всего: поскольку Троянская война приходится на начало XII в. до н.э., то Ахилл никак не мог быть скифом, их в Приазовье тогда еще не было. Этни-

ческую принадлежность героя, однако, открывает место его рождения. Город Мирмикион — это киммерийский город Мирмекий, а значит, Ахилл был киммерийцем. В войске греков, возглавляемом Агамемноном, он — чужестранец, который приехал воевать против своих кровных братьев. Вот еще одна причина, почему Ахилл не сразу вступает в битву. Только смерть Патрокла, лучшего друга, толкает его на это. Сам обряд похорон Патрокла — сожжение тела на костре, а затем возведение над прахом убитого огромного кургана — характеризует Ахилла как выходца из южнорусских областей, курганы строили и киммерийцы, и скифы, и русы дохристианской поры. Но гордость за этого предателя едва ли испытывал кто-либо из ариев, скифов или русских. Другое дело греки, колонизировавшие Северное Причерноморье. Они почитали Ахилла несравненным героем, ему строили храмы и святилища, приносили всевозможные дары, прославляли в стихах и преданиях. И это понятно — судьба даровала ионийцам пройти тот же путь, что и Ахиллу: исход с родины, разрыв с отечественной традицией (смена разговорного языка и т.п.) и попытка возвращения к своим на правах завоевателя. Симпатии к тем или иным героям Троянского цикла высвечивают этнические связи разных народов. И если германцы, по свидетельству Тацита, строили алтари в честь хитроумного Одиссея, то скифы при росписи ваз изображали себя воюющими в стане троянцев. Воистину национальные пристрастия не смешиваются и неуничтожимы!

Теперь о соседях скифов. Об арийском племени тавров, населявших Крымский полуостров (Таврику), разговор уже шел. Вместе с арийцами-меотами в Восточном Приазовье проживало также племя синдов. Из анализа местных топонимов академик О.Н. Трубачев сделал вывод, что их также следует отнести к потомкам той группы древних ариев, которая мигрировала в

Индию. «Синд» по-древнеиндийски значит «река», поэтому проживавших на Дону синдов можно называть также «речниками». К слову сказать, имя Синдбада-морехода из сказок «Тысячи и одной ночи» арийского происхождения, и мы вправе предположить, что в арабском эпосе таким образом запечатлелись воспоминания об их контактах с синдскими купцами.

К востоку за Доном находились земли савроматов. Геродот обстоятельно рассказал историю образования этого народа, который сложился путем воссоединения скифских мужчин с амазонками. Последние, как мы считаем, составляли элитарную военизированную когорту меотов, а само имя «савроматы» можно расшифровать как меоты-северяне, или северные митаннийцы.

Севернее савроматов проживали гелоны. Так греки называли почитателей арийского бога Бела — белонов (напомним русско-греческую параллель Бел — Гелиос), которые остальному миру были известны как пеласги или филистимляне. Да-да, арии оставили след в самых разных частях света, но было бы странным, если бы о них не сохранилось воспоминаний (и памятников!) на их прародине. Геродот привел некоторые данные о городе Гелоне, его городская стена с каждой стороны имела в длину 30 стадиев (порядка 6 километров!), она была высока и вся выстроена из дерева. Внутри же располагались многочисленные дома и храмы, сделанные из дерева. Своим именем Гелон-Белон напоминает о первоначальном названии Трои — Илионе (Вилусии-Белусии!), точнее, это хорошо известная традиция русичей и их предков называть свои города Белыми. Спор о местонахождении Гелона продолжается уже более 200 лет. Новейшие археологические данные свидетельствуют в пользу его местонахождения на Среднем Дону, на территории Воронежской области. Под мощными валами и рвами были обнаружены три параллельные канавы с остатками деревян-

ных стен, или «городней», опоясывавших когда-то всю площадь городища. Располагалось оно на самом берегу Дона — важнейшей торговой артерии, связывавшей греческие города Северного Причерноморья с миром кочевых и оседлых варварских племен, живших по Дону и его притокам. Время его возникновения — VI—V в. до н.э. На месте городища найдена великолепная античная гемма с изображением головы богини, а в 5—6 километрах от него, у села Сторожевое, находится богатейший Мастюгинский курганный могильник. Скорей всего, именно жители раскопанного на Дону городища хоронили там своих умерших, оставляя вместе с ними драгоценные украшения, оружие и античную посуду.

На запад от гелонов и севернее скифов проживали борисфениты (северяне-венеты). Геродот назвал их «георгами»: по-гречески это означает «земледельцы», или «пахари», по-древнерусски же — оратаи, или арии! Скифы жили в окружении ариев. Не утратив своей самобытности, они усвоили арийскую культуру и язык и *называли себя русским по происхождению словом* — сколоты.

Западными соседями скифов были невры. Геродот сообщает: «У невров нравы скифские... Кажется, что люди эти колдуны; по крайней мере, скифы и эллины, живущие в Скифии, рассказывают, что однажды в год каждый невр становится на несколько дней волком, а потом снова принимает человеческий облик... и рассказы удостоверяют клятвою». Они жили где-то на Волыни или Карпатах — у истоков Днестра и Южного Буга. Культ волка, существовавший у скифов, явно не был скифским. По мнению В.Е. Шамбарова, автора книги «Русь: дорога из глубин тысячелетий», с большой долей вероятности его можно считать киммерийским — он получил в древности широкое распространение примерно в тех же местах, куда расселялись киммерийцы

из Причерноморья: во Фракии, на севере Балкан, на Карпатах и Балтике. На ионийских изображениях VIII—VII вв. до н.э. киммерийцев даже в бою сопровождали крупные волкоподобные собаки, похожие на овчарок. Впоследствии этот культ был широко распространен и у славян. У сербов, болгар и некоторых других племен имя Волк было очень распространенным.

Для народов данных областей («Невриды») были характерны поверья о способности своих вождей превращаться в волка, что также отмечалось на Руси — например, в былинах о Волхе Всеславьиче. В «Слове о полку Игореве» князь Всеслав Полоцкий «великому Хърсови (богу солнца Хорсу. — *А. А.*) влъком путь прерыскаше». Добавим также, что по греческой традиции царь Ликаон, превращенный богами в волка, был сыном Пеласга — первопредка пеласгов. Самые разные исследователи причисляют невров к праславянам. И тот факт, что теснимые врагами невры были приняты гелонами (белонами=беласками, пеласгами), говорит в пользу такой точки зрения.

Остановимся еще на одном важном сообщении Геродота: «У скифов не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса. Ему они строят такие сооружения». Из всех богов скифы более других почитали верховного бога древних ариев, что объясняется влиянием их арийского окружения. Правда, они выделяли его воинственную «составляющую», но это свойственно тем народам, которые начинали знакомство с ариями на бранном поле. В честь Ария в каждом скифском племени воздвигали огромный холм из сухого хвороста, на котором водружался большой старинный железный меч. «Этому-то мечу, — рассказывает Геродот, — приносится в жертву рогатый скот и лошади, а сверх того, совершается еще и следующее: умерщвляется каждый сотый мужчина из всего числа взятых в плен врагов». Человеческие жертвоприноше-

ния — вполне обыденное явление для того времени, тот же Ахилл, провожая в последний путь Патрокла, приказал заколоть двенадцать троянских юношей. Гораздо более шокирующими с современной точки зрения выглядят обычаи скифских воинов пить кровь первого убитого ими врага и снимать скальпы. Но и эти примеры не могут служить доказательством варварства или нецивилизованности скифов. Они представляют своеобразную «визитную карточку» обычаев народа, и не более. Ведь в то же время у эллинов вполне нормальным явлением считался гомосексуализм (по свидетельству Диона Хризостома, скифам он был неизвестен и начал проникать к ним лишь впоследствии, от греков), во время дионисийских празднеств вакханки зубами разрывали на куски мужчину-жертву, игравшего роль Диониса. В высокоразвитых цивилизациях Финикии, Сирии и Карфагена практиковалось принесение в жертву собственных детей, да и царь Агамемнон поступил так же со своей дочерью Ифигенией, чтобы благополучно доплыть до Трои, а римляне (без всякого ритуального значения) обрекали на гибель тысячи бойцов-гладиаторов. Так, при императоре Траяне по поводу победы над Дакией лили кровь на арене 20 тысяч гладиаторов, а вдобавок народу продемонстрировали травлю 11 тысяч зверей (цифры, видимо, преувеличенные, но они производят впечатление, даже поделенные на десять). В гладиаторских боях участвовали не только мужчины, но и женщины, выпуская друг другу внутренности на потеху публике. Устраивались и массовые казни — не только христиан во времена Нерона, но и тысяч мужчин и женщин после подавления восстаний. Где уж было до них скифам с их воинскими и погребальными обрядами!

Забавное обстоятельство: самыми распространенными аргументами в пользу «варварства» скифов были те, что они пьют вино неразбавленным, носят штаны и

ездят верхом. Даже Гиппократ, описывая эти обычаи, пытался доказать, что носить штаны и ездить верхом вредно для здоровья. Как видим, уже в скифские времена существовала проблема «восток — запад», но факт, как говорится, налицо, и никто не станет отрицать, что современный тип одежды европейцы позаимствовали у так называемых варваров. Раскопки обнаруживают у скифов отличную керамику, изящные металлические вазы и образцы вышивки, украшенные оригинальными растительными и животными орнаментами. Найдены и многочисленные женские терракотовые статуэтки, выполненные на высочайшем художественном уровне. Было развито ткацкое ремесло. Скифы выделывали тонкие ткани из конопли, не уступающие льняным, а также шерстяные ткани, изготовляли красивые ковры и покрывала. Их чудо-мастера изготовляли весьма совершенные украшения из золота и бронзы, настолько совершенные, что в прошлом даже выдвигались гипотезы о греческом влиянии на скифское искусство. Хотя о каком влиянии можно говорить, например, рассматривая богатую утварь Синташтинских могильников на Урале, созданную за тысячу лет до основания эллинами причерноморских колоний? К тому же находки археологов единодушно говорят о единой культуре скифов и родственных им народов от Алтая до Карпат, о ее единых традициях и, следовательно, общих корнях. Центральная часть этой территории приходилась на прародину ариев, они были вдохновителями и наставниками тех племен и народов, которые вызывались перенять их умения и навыки. Разумеется, обогащение было взаимным, и те же скифы-кочевники многому научили жителей арийских городов. Но обеспечить преемственность традиций на таком огромном пространстве могли только арии.

По свидетельству Геродота, скифы почитали бога подземного мира — Тагимасада. Имя божества, иран-

ское по происхождению, указывает на имевшую место связь скифов с иранским миром. Но связь эта достаточно поверхностная. Слово Таги-масад переводится как Таг Мудрый или просто Таг, и мы сразу же вспоминаем о боге филистимлян Дагоне, об этрусском Таге, урартском Тешубе и русском Даждьбоге. Как видим, иранская «добавка» присутствует здесь более для «украшения». Обнаружив наличие некоторого количества «иранизмов» в небольшом по объему словаре скифских слов, ученые с испугу от недостатка информации записали всех скифов в иранцев. И серьезно промахнулись. Разумеется, скифы — не славяне, но точно так же они и не иранцы. И если классифицировать народы по языку, то их следовало бы причислить к ариям.

Скифы схожи с современными русскими двумя уникальными качествами. Пёрвое — отношение к выпивке, второе — любовь к парной бане. Враги скифов прекрасно знали, что после сражений те любили на славу попировать. Точно так же русские: до смерти работают, до полусмерти пьют. Эту особенность наших предков решил использовать персидский царь Кир, когда пошел войной на скифов (530 г. до н.э.). Для этого он собрал в своих войсках всех слабых и плохих воинов, которыми ему не жалко было пожертвовать, и двинул их вперед — в направлении скифов, причем приказал этому передовому отряду, по приходе на ночлег, приготовить множество всякой пищи и вина и так ожидать появления скифов. Это приказание Кира было в точности исполнено. Вскоре перед персидским передовым отрядом появились скифы под предводительством молодого сына царицы Томириссы. Они без труда разбили персов, а затем накинулись на приготовленную пищу и вино и предались необузданному разгулу и пьянству, без всяких мер предосторожности. Этим-то и воспользовался Кир. Он напал на беспечно бражничавших скифов, перебил громаднейшее их число и,

кроме того, забрал великое их множество в плен, в том числе и молодого сына царицы. Всего при этом было пленено и убито около 150 тысяч скифов. Царица Томирисса впоследствии отомстила персам: армия Кира была полностью разгромлена, а сам он убит.

Подвиг скифов трудно переоценить — они победили сильнейшую на тот момент армию в мире. Но наряду с этим историки будут неизменно поминать и начальный акт военой кампании персов, добавляя при этом: «Ох уж, эти русские!» Причем самым непонятным для «холодных» аналитиков, быть может, явится то, что трагедия первого боя и триумф последнего неотделимы друг от друга. Геродот не случайно упомянул, что, когда Кир разрешил снять оковы с молодого сына царицы, тот от стыда и горя, что не уберег своих воинов, наложил на себя в отчаянии руки. Но и персам зато потом воздалось сторицей. Переживая за позор своих товарищей, скифы стали драться с удесятеренной отвагой. Уж таков один из законов русского общежития: чтобы нам всем сплотиться, нужна большая беда.

Что же до нашей дружбы с «зеленым змием», то зародилась она в очень давние времена. Религиозные книги древних ариев рассказывают о необыкновенном напитке — соме, делавшем людей равными небожителям. Ученые спорят о том, как он приготовлялся, но это уже частности. Божественный сома — это хорошо известный россиянам самогон. В настоящее время известна масса способов его приготовления, уже Остап Бендер держал в голове более сотни рецептов. Думается, что и арии знали их в достаточном количестве, и работы для интересующихся этим вопросом хватит надолго. В названии же пьянящего нектара, которое никак не могут объяснить лингвисты, отражено его главное свойство — он сам «гонится» (приготовляется), отсюда и произошло слово «сома».

Нисколько не пропагандируя винопитие, все же следует подчеркнуть, что, являясь потомками первооткрывателей крепких напитков, русские, пусть зачастую в очень неудачной форме, выступают хранителями одной из древнейших традиций человечества, уже чуждой и оттого непонятной многим другим народам. Так, Яков Рейтенфельс, посол Рима в Москве с 1670 по 1673 г., в своих записках о Московии характеризовал русских так: «Они думают также, что невозможно оказать гостеприимство или заключить тесную дружбу, не наевшись и напившись предварительно за одним столом, и считают поэтому наполнение желудка пищею до тошноты и вином до опьянения делом обычным и делающим честь». Здесь посол, как обычно при характеристике русских иностранцами, хватанул через край, но в принципе понятия о гостеприимстве у нас именно такие — накорми и напои. Такой обычай у нас в крови, в наших домах он приобрел характер священного действия, что, к сожалению, не почувствовал римский посол. Н.И. Костомаров по этому поводу писал: «Отличительная черта русского пиршества была — чрезвычайное множество кушаний и обилие в напитках. Хозяин величался тем, что у него всего много на пиру — гостьба толсто-трапезна! Он старался напоить гостей, если возможно, до того, чтоб отвести их без памяти восвояси; а кто мало пил, тот огорчал хозяина. «Он не пьет, не ест, — говорили о таких, — он не хочет нас одолжать!» Пить следовало полным горлом, а не прихлебывать, как делают куры. Кто пил с охотою, тот показывал, что любит хозяина. Женщины, в то же время пировавшие с хозяйкой, также должны были уступать угощениям хозяйки до того, что их отвозили домой без сознания. На другой день хозяйка посылала узнать о здоровье гостьи. «Благодарю за угощение, — отвечала в таком случае гостья, — мне вчера было так весело, что я не знаю, как домой добрела!» Но с другой

стороны, считалось постыдным сделаться скоро пьяным. Пир был, в некотором роде, война хозяина с гостями. Хозяин хотел во что бы то ни стало напоить гостя допьяна; гости не поддавались и только из вежливости должны были признать себя побежденными после упорной защиты. Некоторые, не желая пить, из угождения хозяину притворялись пьяными к концу обеда, чтобы их более не принуждали, дабы таким образом в самом деле не опьянеть». В общем, русскую культуру винопития опять-таки нельзя признать варварской!

Еще более роднит скифов с русскими пристрастие к бане. Правда, скифы бросали на раскаленные камни семена конопли, а не воду. Но это детали. Важно другое — не было в древности другого такого народа, который бы так боготворил парную баню! Уже одно это говорит о безусловном родстве русских со скифами. И прав был А.А. Блок, написав: «Да, скифы мы, да, азиаты мы!»

Часть III

«О Русь, взмахни крылами...»

Глава 15

Сармато-готский период древнерусской истории

В жгучий год, когда сбирает родина
Плод кровавый с поля битв; когда
Шагом бранным входят дети Одина
В наши дрогнувшие города, —

. . . . . .

В этот год само дыханье гибели
Разомкнуло память дней былых,
Давних дней, что в камне сердца
выбили
Золотой, еще не петый стих...

Д. Андреев

В III в. до н.э. жителям Причерноморья было суждено пережить сразу два иноземных нашествия. Первыми сюда нагрянули кельты, населявшие Центральную и Западную Европу. Точно так же, как тысячелетием раньше дорийцы, часть галльских племен снялась с места и двинулась по долине Дуная на восток. Где-то в конце 280-х — начале 270-х гг. до н.э. они вышли к Черному морю, растекаясь во всех направлениях. На севере они вторгались в Западную Украину и Бессарабию, достигали Днестра, где захватили и разорили эллинский городок Офиуссу. Но более сильных городов взять не смогли и, по-видимому, были отражены местными скифо-арийскими народами и отступили из Северного Причерноморья. Правда, некоторые их племена так и осели на новых местах — в Богемии (перво-

начальное название территории, где впоследствии образовалось государство Чехия), долине Дуная и где-то в Галиции. Впрочем, на север попыталась прорваться лишь какая-то ветвь галлов, а главным направлением их переселения стало южное. Они вторглись в Грецию, однако, напуганные сильным землетрясением, перенесли свой удар на Малую Азию. Кельты переправились туда морским путем и около века терроризировали соседей, пока не потерпели ряд серьезных поражений и не осели там под именем «галатов». Галлы надолго прервали связи Причерноморья с Грецией, поскольку занимали берега Босфора (один из районов Стамбула до сих пор сохранил название Галата).

Но более серьезным потрясением для Скифии стало другое крупное переселение — с востока. В конце того же века сюда двинулись сарматы. Давление сарматов нарастало постепенно, и так же постепенно скифы сдавали территорию пришельцам. Уже в III в. до н.э. центр Скифского государства сместился из региона Азовского моря к Днепру. Около 179 г. до н.э. сарматы, как повествовал Полибий, начали свои набеги на скифские владения в Северной Таврии. Около середины II в. до н.э. произошел надлом Скифского царства. Часть скифов присоединилась к пришельцам и признала их власть. Другая двинулась на запад, пересекла нижний Дунай и оккупировала Добруджу (область между нижним течением Дуная и побережьем Черного моря), где продержалась относительно длительный период. Эта территория стала известна как «Малая Скифия» среди греческих и римских авторов.

Сарматы — это обобщенное название арийских народов, обитавших в степях Казахстана и Средней Азии, оно является искаженной формой этнонима племени савроматов, ближайших соседей скифов, живших между Доном и Волгой. Явившись вначале как завоеватели, сарматы впоследствии растворились в скифской сре-

де. Для многих греков и римлян они автоматически стали «скифами», что вполне объяснимо, поскольку скифские и сарматские племена были близкородственными — так, Квинт Курциний Руф указывает, что «скифское племя, живущее недалеко от Фракии, с востока распространяется к северу и не сопредельно с сарматами, как полагали некоторые, а составляет часть их». Об этнической близости этих народов сообщал и Геродот, писавший, что савроматы говорят на скифском языке, но «с ошибками».

В современной науке утвердилось мнение, что сарматы были «ираноговорящим» народом. Но это только часть правды. Другая, обычно замалчиваемая, заключается в том, что ядром сарматов были те арии, которые в свое время мигрировали в Иран, проживали в Мидии, но затем под натиском персов отступили в обратном к своей прародине направлении. Восприняв язык иранцев (персов), они, очевидно, не разучились говорить на родном, арийском наречии (более близком к современному русскому). Сарматы понимали оба языка, они были «двуязычны»! И нет никакого сомнения, что, оказавшись среди арийских народов, предпочли общаться на своем родном арийском языке, правда «с ошибками».

«С вторжением сарматов часть населения черноморских степей иранского происхождения значительно увеличилась. Однако этническая композиция местного населения не претерпела полного изменения. Именно на скифов пришелся основной удар. Но даже они не были все изгнаны или уничтожены... Взяв у скифов власть над местными племенами Южной Руси, сарматы не имели намерения уничтожить их. Часть этих племен должна была уйти в менее плодородные регионы, освобождая место пришельцам; другие, напротив, воспользовались дезинтеграцией скифского царства, чтобы получить лучшие земли. Через некото-

рое время был установлен определенный баланс племен...» (*Вернадский Г.В.* Древняя Русь). К схожим выводам пришли и наши отечественные археологи, установившие, что в сарматскую эпоху в значительной степени преобладали курганы с могилами, где по старому (скифо-арийскому) обычаю строили деревянные столбовые гробницы (нередко их в ритуальных целях сжигали). Отсюда они сделали вывод, что с приходом сарматов изменился лишь тип материальной культуры, само же население в значительной степени осталось на своих местах.

Эту картину, однако, надо существенно дополнить. Прежде всего, важно определить действительные пределы миграции иранских племен. Первым, кто нашел решение этой проблемы, был А.С. Хомяков. Согласно его анализу, конечной точкой движения сарматов из глубин Азии стала... Скандинавия. На что же опирался он в своих поисках? Как это ни странно, но ответ ему подсказали мифы древних скандинавов.

Основу германо-скандинавской мифологии составляют два сборника песен о богах, которые называются «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда». При этом значение слова «эдда» не установлено: иногда его интерпретируют как «книга из Одди» (название местности, где провел детство составитель сборников Снорри Стурлусон (1178—1225 гг.), иногда как «прабабка» или «поэзия». Мы намеренно приводим эти забавные версии, чтобы продемонстрировать беспомощность современных ученых. А между тем значение слова угадывается без труда всяким, знакомым с русской речью: «Эдда» — это «Веда», именно так называли арии свои религиозные книги, уже один этот факт призывает мифологов и лингвистов обратить свой взор к традиционно арийским территориям — южнорусским степям и Северному Ирану. Но не будем отвлекаться.

Основная группа скандинавских богов называется

асы, и возглавляет ее Один. Другая группа богов — это ваны, боги плодородия во главе с Ньердом. Им приписываются кровосмесительные связи между братьями и сестрами (признак исключительно древнего происхождения), колдовство и пророческий дар. Ваны противостоят асам в первой войне, положившей конец «золотому веку» в мире, до того не знавшем вражды и распри. Поводом к войне послужил приход от ванов к асам колдуньи Гулльвейг. Асы забили ее копьями и трижды сжигали, но она снова возрождалась. Войну начал глава асов Один, бросив копье в сторону войска ванов, но те стали наступать, угрожая Асгарду — поселению асов. В конце концов был заключен мир и стороны обменялись заложниками.

Самое интересное во всей этой истории состоит в том, что землям ванов и асов даны вполне конкретные географические ориентиры. Ваны проживали вблизи реки «Танаквисль (Танаисом древние авторы называли Дон. — *А. А.*), впадающей в Черное море». Относительно же родины асов «Сага об Инглингах» сообщает: «Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов, или жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одином. Там было большое капище. По древнему обычаю, в нем было двенадцать верховных жрецов. Они должны были совершать жертвоприношения и судить народ». От корня «ас» происходят названия континента Азия, города Азова и Азовского моря. Древняя Меотида — «вотчина» древних ариев, во второй половине I тыс. до н.э. и в начале нашей эры здесь проживали племена савроматов (сарматов), среди которых были и «чистые» асы — язиги. Это доводы Хомякова, но их можно существенно усилить.

В «Авесте», священной книге «иранских ариев», Аса (Аша) — наиболее глобальный и общий закон мироздания, регулирующий восходы и заходы солнца, сме-

ну времен года, «воскресение» и «умирание» природы и т.д. Со временем понятие «Аса» приобрело также социальное и этическое значение и стало включать существующий уклад общества, справедливость, верность договору. Аса, по существу, является эквивалентом закона «Rta» у ведийских ариев. Ранее мы предположили, что имя нашего народа росы, русены (рутены), равно как имена Высших его богов в древности — Яра, Эроса (Эрота) или Рода, соотносятся с этим понятием. Русские — это буквально те, кто следует закону «Rta». Но в таком случае и под асами следует подразумевать хранителей закона «Аса». Таким образом, асы — это общее название ариев-иранцев, мигрировавших в Скандинавию.

Хомяков, ссылаясь на древних китайских авторов, сообщает, что во время правления династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) асы приняли название а-лан-а и «владели бесконечным пространством земли, ограниченным с севера великим морем (Ледовитым), а с запада — большими болотами (вероятно, блатом Азов, болотами Заднепровскими (Черным морем и Дунаем. — *А. А.*) и блатом Вендским (Балтийским морем. — *А. А.*)». Исходя из этой информации, можно утверждать, что язиги-асы и аланы — суть один и тот же народ, известный под разными именами. Вскрытая нами связь асов с ариями-иранцами указывает на то, что пришли они на Дон и далее в Поднепровье из областей, расположенных к юго-востоку от Каспийского моря. Писатель В.И. Щербаков доказал, что реальный Асгард — это Ниса, духовный центр Парфии вблизи нынешнего Ашхабада, где обнаружены остатки мощной крепости и уникальные храмовые комплексы, относимые к данному времени. Даже название почти не изменилось: Ашхабад (Асхабад) — в тюркском, Асгард — в скандинавском, ведь «бад», как и «гард», значит «город». Возможно, он же был и Асааком — первой парфянской столицей.

С асами связано происхождение названий Астрахани и Осетии (сами осетины не являются прямыми потомками сарматов, они автохтонные жители Северного Кавказа). Наконец, по сведениям Птолемея, чуть севернее устья Днепра находился город Азагария. Таким образом, «выстраивается» маршрут постепенного продвижения асов в Поднепровье: Ашхабад — Астрахань — Азов — Азагария, а строительство городов в устьях крупнейших рек — Волги, Дона и Днепра — указывает на доминирующую роль асов в южнорусских степях на рубеже нашей эры.

Теперь о ванах. Согласно песням «Эдды», они населяли берега Дона. Но так ли это было в действительности? Для ответа на данный вопрос нам придется вспомнить о ванах Урарту. Их государство, поглощенное персами, к середине V в. до н.э. прекратило свое существование. С тех пор пропадают какие-либо упоминания о ванах в Азии. Зато их след обнаруживается на Кавказе, в Грузии, а точнее, в 50 километрах юго-западнее Кутаиси, где находится районный центр Вани. На его окраине, на невысоком холме были раскопаны мощные оборонительные стены и башни, городские ворота с привратным святилищем, множество храмов и алтарей с богатыми приношениями, бронзовые и терракотовые скульптуры, мраморные и каменные архитектурные детали... Древнейший археологический материал, найденный в городище, датируется VIII—VII вв. до н.э. Период истории города начиная с VI в. и включая первую половину IV в. до н.э., представлен богатыми погребениями, культурными слоями и находящимся на вершине холма деревянным П-образным в плане святилищем, с которым были связаны высеченные в скалистом грунте ритуально-культовые «каналы» и пещеры (наподобие тех, что строились в Ванском царстве!). Удивительная синхронность событий: одновременно с падением влияния ариев в Азии образуется

очаг высочайшего уровня цивилизации на Кавказе. Его создали ваны Урарту, отступившие под давлением персов на север. В тот период Вани представлял собой политический и экономический центр «Ванской земли» — одной из административных единиц Колхидского царства. По булыжным мостовым этого города ходили светловолосые, голубоглазые «колхи».

Память о ванах-венетах запечатлелась в имени одной из областей Грузии — Сванетии. Сохранилась и грузинская (!) народная сказка с удивительным названием «Иван-заря». Но земли Грузии были лишь промежуточным пунктом на пути Иванов к своей северной прародине. Отсутствие на территории Ванского городища в III—I вв. до н.э. жилых сооружений, а также культурных слоев, характерных для городских поселений, дает основание предположить, что в IV—III вв. до н.э. ваны покидают царство Колхиды. Земли Грузии были лишь промежуточным пунктом на пути Иванов к своей северной прародине, который вел в Приазовье и к берегам Дона. Но есть ли тому доказательства?..

Да, есть. Напомним, что ваны-урартцы были выходцами из малоазийской Русены-Арсавы. Три урартских царя носили имя Руса, а еврейский пророк Иезекииль прямо назвал ванов «народом Рос». Форма «рус» присутствует в древнем названии государства ванов, а имя «росы» возникло уже под влиянием греческой традиции, отождествлявшей закон «Rta» с богом Эросом (Эротом). Сами ваны поначалу следовали более древнему обычаю — они назвали одно из своих поселений в Колхиде Рустави, на Дону то же самое название звучало уже как Ростов. Пусть простят нас грузинские читатели, но и слово Грузия, если произнести его без явного «гыканья», открывает свое изначальное значение — Русия! Для тех же, кому такой вывод покажется излишне смелым, отдельно напомним, что по-английски «Грузия» — «Георгия», а это имя русское (!), и соот-

носится оно с северным народом Гогом и Магогом и Юрием (Арием). Надеемся, что после этих примеров уже никто не усомнится в том, что ваны, пришедшие на Дон, могли называть себя русами (росами) или арсами (по имени Арсавы). Историкам же хорошо известно, что начиная со II в. до н.э. вблизи Азовского моря проживали племена аорсов и россаланов, которых на иранский манер называли роксоланами. Первое из этих племен естественно признать за «чистых» ванов, а второе, состоявшее из россов и аланов, смешанным — «вано-асским». Таким образом, песни «Эдды» повествуют о войне, разыгравшейся в южнорусских степях между ванами-русами и асами-иранцами.

Война началась с убийства асами ванской богини. В исторической проекции это следует интерпретировать как попытку уничтожить культ Великой богини. В связи с этим нельзя не вспомнить, что берега Азовского моря неизменно были пристанищем амазонок, воинственных дев — хранительниц этого культа. Савроматы считались потомками амазонок. Греческие авторы сообщают, что каждой девушке этого племени разрешалось вступить в брак лишь после того, как она убьет врага (причем чем далее проживал автор от Скифии и чем более экзотичной она ему представлялась, тем большее количество убитых врагов требовалось девушкам для замужества). «Амазонками» называли их и хорезмийцы, когда явились с посольством к Александру Македонскому, находившемуся в тот момент в Средней Азии. А сатрап Мидии Атропат даже привел к Александру сотню таких воительниц. «Одеты они были как мужчины-всадники, только вместо копий держали секиры и легонькие щиты вместо тяжелых. Говорят, что правая грудь у них меньше левой; во время битвы она у них наружу» (*Арриан.* Поход Александра). Амазонки бились вместе с ванами-венетами против греков в Троянской войне, «скифское царство» в Азии

во II тыс. до н.э. (союз Митанни и Арсавы) Помпей Трог назвал «царством амазонок». Именно из приазовских («амазонских») степей приходила помощь ванам Урарту. Ясно поэтому, что ваны, пришедшие в Приазовье с Кавказа, выступили на стороне савроматов против асов-иранцев. Но проигравших и побежденных в этой войне не было: дело кончилось миром между ванами и асами. Точно так же примирились росы и аланы, слившись в единое племя роксоланов. Вместе с чисто асскими (язиги, аланы) и ванскими (аорсы) оно вошло в число сарматских племен.

Приходится в очередной раз говорить, что сохранившиеся в мифах крупицы историчности достойны самого пристального внимания. «Когда мы сравниваем современный критический дух с наивностью историков и летописцев средних веков, нам они кажутся жалкими невеждами или по крайней мере легковерными детьми. За всем тем, чем далее мы подвигаемся в науке, тем чаще нам приходится соглашаться с их мнениями, находить смысл в их сказках и удивляться верности их заключений. Бесхитростные, простодушные, чуждые нашей учености книжной и словесной, они не надеялись слишком много на свою догадку, на тонкость своих исследований, но были доступны впечатлениям больших масс и гармонии больших горизонтов, готовы были верить чужой мудрости, но не презирали чужого невежества и охотно верили тому, что другие народы сами про себя говорили и о себе помнили. Так в средних веках скандинавов считают выходцами с Кавказа; так древние географии свидетельствуют об иранском происхождении сарматов; так Геродот предсказывает мнение венетов о том, что они некогда жили в Мидии, т.е. на востоке. Нам предоставлено было опять, с помощью усовершенствованной филологии, проследить асов скандинавских до Кавказских гор и тесных долин Осетии и соединить шведский полуостров с Ми-

дией миграциями сарматов...» (*Хомяков А.С.* Семирамида). Асы — выходцы с юга, и имена некоторых из них, бесспорно, русского происхождения. Так, дед бога Одина, — Бури, его брат — Вей (Ветер), а сын, друг песни, мудрости и правды, царь пиров, чаша которого всегда первая в застольной беседе, — Браги. Да и имя самого Одина (если перенести ударение), точно так же, как и старорусское «аз», узнаваемы без комментариев. Русские — потомки ванов, но и асы, коли первую букву своей азбуки мы соотносили с их именем, нам не чужие. А в насмешку тем, кто захочет записать нас в квасные патриоты, скандинавы назвали маленького мудрого человека, сделанного из слюны богов после окончания войны асов и ванов... Квасиром.

Есть еще одно важное указание на то, что в культурном отношении асы в значительной мере ориентировались на местные (скифо-арийские и ванские) племена. На территории обитания сарматов были обнаружены погребения, центральное место в которых занимают женские могилы. Они отличаются подчеркнутой торжественностью погребального обряда. Наряду с обычными погребальными предметами в них находят оружие и каменные блюда культового назначения, останки человеческих и конских жертвоприношений. На основании этих фактов ученые сделали вывод об особой роли женщин в жизни сарматов и почитании ими культа Великой богини. Но его центрами служили Приазовье — область проживания исторических амазонок, контролировавшаяся до прихода сарматов савроматами, и Малая Азия, где в первой половине I тыс. до н.э. особой популярностью пользовался культ богини Кибелы. Исследователи считают, что знаменитое святилище богини Левкотеи в Колхиде, о котором упоминает Страбон, было воздвигнуто ванами и находилось на территории города Вани. О том, что храмовый город в Вани был построен в честь богини, свидетель-

ствует надпись на постаменте у городских ворот для статуи богини-хранительницы: «Молю тебя, владычица!» Сооружение статуи — покровительницы города — является необычным для греко-эллинистических городов. Это напоминает, скорее, древнекритскую (догреческую!) традицию возвеличивания матери богов. В переводе с греческого Левкотея означает «Белая богиня», и в ней нельзя не признать Ки-белу — «Великую Белу» или просто «Белу» — женскую параллель бога Бела. Русские, переиначив изначальное имя богини, называли ее также Купалою. Решающее значение в таком замещении имен сыграли, по-видимому, представления о связи Кибелы с водой и купание во время посвящения в таинства ее культа (отзвуки этой традиции сохранились в праздничных оргиях на Ивана Купала и в христианском обряде крещения). Как видим, матриархатные «пережитки» были присущи как савроматам, так и ванам, перенесшим культ Кибелы-Купалы на Русь. У асов же ничего подобного не наблюдалось, и свою войну с ванами они начали с убийства их богини. Тем не менее после заключения мира объединенный союз ванов и асов (сарматы) унаследовал древнюю традицию почитания Великой богини.

Отголоском этих верований, как это ни покажется странным, является... русский мат. В своем обстоятельном исследовании «Экспрессивные выражения и культ матери-земли» известный лингвист Б.А. Успенский доказывает, что «по своему первоначальному смыслу матерная брань является не оскорблением, а скорее заклинанием, заклятием, проклятием... Связь матерщины именно с родной матерью человека соответствует соотнесенностью ее с матерью-землей или Богородицей, которые находятся к нему в том же отношении, что родная мать. Вместе с тем, в отличие от родной матери отдельного человека, Земля и Богородица воспринимаются как «общая мать». Именно такое воспри-

ятие оказывается наиболее актуальным для матерной брани». Ругаться матерными словами считается предосудительным, прежде всего, потому, что при этом оскорбляется честь матери-земли. Иностранные наблюдатели, посетившие Россию в XVI—XVII вв., специально отмечают, что свойственное европейцам богохульство нехарактерно для русских, но что вместо этого они используют матерные выражения. По словам немецкого дипломата Герберштейна (1486—1566), русские «в клятвах и ругательствах редко употребляют имя Божие... Общепринятые их ругательства наподобие венгерских...»; и далее приводится (в переводе) матерное выражение, употребительное как у русских, так и у венгров. То же говорит и другой немец, Олеарий (1603—1671): «При вспышках гнева и ругани они не пользуются слишком, к сожалению, у нас распространенными проклятиями и пожеланиями с именованием священных предметов, посылкою к черту... и т.п. Вместо этого у них употребительны многие постыдные слова и насмешки, которые я никогда не сообщил бы целомудренным ушам, если бы того не требовало историческое повествование». Укорененность мата среди современных русских, таким образом, свидетельствует об их более глубокой и тесной, в отличие от западноевропейских народов, связи с египетской, критской, малоазийской и ближневосточной культурами, где культ Великой богини был выражен чрезвычайно ярко. Так, у египтян понятие Маат (сравни русское «Мать»!) служило общим обозначением естественного порядка вещей и установленной этической нормы, оно является аналогом закона «Rta» у ведических ариев или «аса» у авестийцев. Его своеобразие заключается в особо уважительном отношении к женскому началу и богиням — представительницам слабого пола. Название страны ариев-митаннийцев, читаемое буквально как

Маитанни, открывает нам, что ее народ чтил закон «Маат» — закон, установленный Великой богиней.

После несколько затянувшегося «этнографического отступления» самое время рассказать о конкретных исторических деяниях сарматских племен. Первыми из них в причерноморских степях появились язиги, за ними последовали роксоланы, затем аорсы, а уж последними аланы. После пересечения Южной Руси в своем движении на запад язиги осели более чем на два столетия на берегу Черного моря между устьем Днестра и нижним Дунаем, в области, примерно соотносимой с той, что позднее стала известна как Бессарабия. Именно здесь проживали скифы, вытесненные сарматами из Южной Руси. Римляне с трудом сдерживали натиск язигов на свои дунайские провинции. Роксоланы располагались к востоку от них, оккупировав степи между Днепром и Доном. По известиям Тацита, конница роксолан в количестве 9000 всадников вторглась в римскую Мизию (область между нижним Дунаем и Балканами) в 69 г. н.э. Сначала они имели успех и истребили две римские когорты. Но когда победители рассыпались для грабежа и предались беспечности (вспомним историю скифов во главе с сыном царицы Тамириссы), римские начальники направили на них свои легионы и нанесли им сокрушительное поражение. Такой развязке способствовала также наступившая оттепель: кони роксолан спотыкались, всадники падали и при своем тяжелом вооружении с трудом поднимались: ведь они имели длинные мечи и копья, а у знатных воинов панцири были сделаны из железных блях или из твердой кожи. Во второй четверти I в. н.э. язиги двинулись к степям Паннонии между реками Тисой и Дунаем. Роксоланы часто выступали союзниками язигов в войнах с римлянами, а после ухода язигов к среднему Дунаю стали их наследниками на оставленной теми территории.

Территория, подконтрольная сарматам-роксоланам, не ограничивалась областями Южной Руси, хотя именно здесь и находилась резиденция их правителей. Античные источники указывают, что сарматы населяли также и лесную зону, причем их владения простирались далеко к северу. Еще Страбон отмечал, что «области за страной роксоланов необитаемы вследствие холода», то есть сарматы-роксоланы живут на севере вплоть до самой глухой тайги и бесплодной тундры Заполярья! Согласно Маркиану (нач. V в.), «река Рудон течет из Аланской горы; у этой горы и вообще в той области живет на широком пространстве народ аланосармат, в земле которых находятся истоки реки Борисфена, впадающей в Понт». Рудон, или «река Ру», — это Волга-Ра, а Аланские горы, скорей всего, — Валдайская возвышенность, как раз в ее пределах берет свое начало Днепр-Борисфен. Значит, сарматы в начале новой эры обитали не только в степи, но и на территории Белоруссии, и в полосе Средней России. Лес и степь Восточно-Европейской равнины заселял единый народ! Это простое и ясное положение всячески игнорируется большинством историков. До сих пор принято локализовать Сарматию в степных областях, что решительно противоречит данным источников. Для всех античных авторов, начиная с Тацита и Птолемея (I—II вв.), страна сарматов начиналась за Вислой и простиралась от Восточной Балтики до Волги. Птолемей на своей карте называет Балтийское море Сарматским океаном, а на Певтингеровой карте сарматы занимают все побережье Балтики. Таким образом, у нас есть полное основание говорить, что асы и ваны с берегов Дона мигрировали в Прибалтику и Скандинавию.

Авторам начала века были хорошо известны венеды (ваны!), проживавшие на берегах Балтики. Напомним, что первые венетские поселения на берегах Балтийского моря возникли еще в конце II — начале I тыс. до

н.э., когда часть венетов пришла сюда после поражения в Троянской войне. На рубеже новой эры в этих же краях объявились потомки тех, кто не рискнул покидать Анатолию. Их долгий путь на север представлял длительную, в тысячу лет, миграцию с последовательными «остановками» в Урарту, на Кавказе, Приазовье и Поднепровье. Иранские диалекты, усвоенные сарматами, породили «новое» название росов — роксы. Западноевропейские авторы воспроизводили это имя в самых разных вариантах — роки, рохи, роги... Последний из них, наряду с его искаженной формой — руги — стал наиболее употребительным синонимом русских в Европе первых веков нашей эры.

Малоазийские ваны-венеты, оставшиеся на юге России, были известны западным историкам как анты. Впервые о них упоминает римский географ Помпоний Мела, работа которого была написана около 44 г. н.э. Согласно его информации, анты жили где-то «выше» гипербореев и амазонок. Плиний, который завершил «Естественную историю» в 77 г. н.э., также упоминает об антах. Об асах в этих же краях писали Птолемей (II в.) и Стефан Византийский (V в.). Асы также упоминаются многими средневековыми путешественниками. Одновременное употребление разных этнонимов применительно к одному и тому же народу свидетельствует о мирном сосуществовании асов (аланов) и ванов (антов). Неудивительно поэтому, что в Тавриде на одной из керченских надписей III в. встречается имя «антас» — ант-ас. Стоит припомнить также заявление римского историка Аммиана Марцеллина, что аланы вобрали в себя народы, которых они завоевали, под собственным именем, и некоторые группы ванов-антов, побежденных ими, тоже могли именоваться асами. Таким образом, мы находим подтверждение скандинавских преданий о мире, наступившем между асами и ванами после кровопролитной войны. Этим же

объясняется совместная миграция асов и ванов в Скандинавию.

Роль каждого из племен внутри этого союза, однако, со временем менялась. В России больший вес и политическую значимость приобрели ваны-анты, в Скандинавии — наоборот. Асы там были племенем царствующим, а ваны составляли лишь небольшую группу. «Самая немногочисленность этого племени богов показывает, что у них другая родина, где силы их достаточно для борьбы с асами» (*Хомяков А.С.* Семирамида). Асы сплотили вокруг себя коалицию германских племен, проживавших вокруг Балтики, и выбрали для себя новое, уже чисто германское по происхождению, имя. Асы — высшие боги древних германцев, но по-немецки «бог» значит «гот». Таким образом, в северных пределах Европы асы стали готами! Вот почему следы асов-язигов теряются где-то на Среднем Дунае, в более северных странах их попросту переименовали в готов.

Родиной готов считается Южная Скандинавия (в древности она называлась Готия), остров Готланд и, вероятно, полуостров Ютландия. Известно также, что в I в. готы жили и на балтийском побережье в устье реки Висла. В середине II в. они разгромили проживавших рядом прибалтийских ругов (русов!) и вандалов (ванов!), вынудив часть из них мигрировать на юг, в долину Дуная. Сами же готы решили двинуться в Причерноморье. Обычно их переселение на Днепр представляется победным маршем, но это далеко не так. Вторжение готов в южнорусские земли зафиксировано греческими источниками во второй половине 230-х гг. Это на 80 лет позже их победы над прибалтийскими ванами, знаменующей «начало» завоевательного похода. Следовательно, ни о каком триумфальном марше не может быть и речи. Экспансия готов осуществлялась на протяжении жизни трех поколений.

Готский историк VI в. Иордан описывает, что готы вынуждены были пересечь топи и болота, которые

обычно локализуют в бассейне Припяти. Наконечник копья с руни́ческой надписью, найденный близ Ковеля, может рассматриваться как памятник этого движения. Через некоторое время после преодоления топей они приблизились к Днепру. Если следовать повествованию Иордана, то готы начали пересекать реку через мост, но прежде чем все они успешно совершили переход, мост надломился, и таким образом они были разделены на две группы. В то время как часть их осталась на правом берегу Днепра, те, что уже пересекли реку, поспешили далее на восток и атаковали племя спалов (Плиний называет их «спалеи»). Это поляне русских летописей! Но как они оказались в Поднепровье: жили здесь с давних времен или мигрировали откуда-то? Правильный, на наш взгляд, ответ высказал В.И. Щербаков в книге «Века Трояновы»: во II тыс. до н.э. предки полян назывались палайцами и проживали в Пафлагонии (область на севере Малой Азии), исконное название которой — Пала. Венеты, пришедшие защищать Трою в XII в. до н.э. и встретившие готов на Днепре в III в. н.э., изначально проживали в Пафлагонии, поэтому первых называли (по месту первоначального проживания) также палайцами, а вторых — полянами. Сопоставление малоазийского и приднепровского племен станет еще более впечатляющим, если учесть, что поляне построили Киев, а палайцы — город Кий (Страбон, XII, 3, 42). Женщины полян поминаются в русских сказках и былинах как девы-поленицы (поляницы). Изображают их необыкновенно сильными и воинственными великаншами. К примеру, в варианте одной из былин говорится:

Поленица назад приоглянется,
Сама говорит такое слово:
«Я думала, комарики покусывают,
Ажно русские могучие богатыри пощелкивают!»
Как хватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубок карман.

После нашего знакомства с амазонками логично считать исторических поленицы жрицами Великой богини Кибелы-Купалы — самой почитаемой богини Малой Азии в I тыс. до н.э.

После победы над спалами готы повернули на юг к Азовскому морю и затем вторглись в Тавриду. Часть из них в конечном итоге пересекла Киммерийский Боспор (Керченский пролив) и проникла к устью реки Кубань на кавказском побережье Черного моря. Что же касается группы готов, которая осталась на правом берегу Днепра, она впоследствии двинулась вниз по Днепру к Черному морю и распространилась на запад к побережью, в конце концов достигнув устья Дуная. После разделения на две части западная «половина» племени стала называться вестготами, а восточная — остготами.

К середине III в. готы контролировали все северное побережье Черного моря, а в середине IV в. готский король Германарих (около 350—70 гг. н.э.) присоединил к своей державе ряд народов Центральной и Северной России. В их числе оказались угро-финские племена: мордва, меря, чудь, русские — роги, колды (поклонявшиеся Коляде), бубегены (почитавшие Бабу-Ягу), тадзанс (названные так в честь Даждьбога) и скифы-сколоты (гольтескифы в тексте Иордана). Однако объединить все эти народы в единое государство германцы не сумели. После первого же поражения от нахлынувших из Азии гуннов империя Германариха рассыпалась, как карточный домик.

Глава 16

Русские в эпоху Великого переселения народов

Замолкни и вслушайся в топот
табунный —
По стертым дорогам, по травам
сырым
В разорванных шкурах бездомные
гунны
Степной саранчой налетают
на Рим!..

Павел Васильев

Великим переселением народов называют взаимосвязанные перемещения в Европе IV—VII вв. германцев, русских, славян, сарматских и других племен на территорию Римской империи. Непосредственным толчком к этому брожению народов послужило выдвижение из глубин Евразии в 70-х гг. IV в. племени гуннов. Первыми главный удар гуннской атаки испытали аланы. Блестящие воины, они тем не менее проиграли войну. При этом часть побежденных согласилась войти в состав гуннской армии, остальные же двинулись на запад.

После поражения аланов именно остготы должны были выдержать натиск гуннов. Король Германарих лично повел свою армию против них, но и это не помогло. Остготы были разбиты (около 370 г.), а сам Германарих, по свидетельству Аммиана Марцеллина, покончил жизнь самоубийством. Правда, есть и другая

версия кончины, изложенная Иорданом. Согласно ей, он был тяжело ранен двумя воинами своей собственной армии. Эти двое, говорит хронист, были братьями, которые искали возможность отомстить за жизнь своей сестры, казненной ранее по приказу Германариха. Братья принадлежали к племени росомонов (росов, ванов или полян!), ранее покоренному готами. Эта история позволяет утверждать, что росы были заинтересованы в победе гуннов и поддерживали их как своих освободителей.

Со смертью Германариха внутри остготов произошел раскол, и часть из них признала власть гуннского хана. Но основной «монолит» германского народа начал отход на запад по направлению к нижнему Дунаю. Остготы избрали взамен Германариха нового короля. Его имя, согласно Иордану, было Винитарий (Венетарий!). Аммиан дает ему другое имя — Витимир, но и оно звучит на славянский лад. В любом случае, мы имеем наглядный пример усвоения германцами культуры завоеванного народа. В дополнение приведем несколько готских слов, имеющих заведомо русское происхождение: «давр» — дверь, «дайл» — доля, «твадже» — дважды, «хлайб» — хлеб, «нав» — навь (мертвец), «гаст» — гость, «мейна» — меня, «мець» — меч.

Отступая из Причерноморья, готы попали в земли антов, проживавших в бассейне Буга. Как мы уже знаем, анты — это те же росы (росомоны!), поэтому они встретили переселенцев с мечом. Во вспыхнувшей войне удача вначале сопутствовала антам: в первом столкновении они разбили войско готов, но позднее те все-таки сумели победить. Столкнувшись с героическим сопротивлением, король Витимир прибег к террору: захваченный в плен антский царь Боз (Бус) был распят вместе со своими сыновьями и семьюдесятью антскими воеводами. Об этом горьком для русских времени напоминают строки «Слова о полку Игореве»:

На реке на Каяле тьма свет покрыла —
На Русской земле простерлись половцы,
точно выводок гепардов.
Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див на землю.
И вот готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звеня русским золотом,
воспевают время Бусово...

Гунны взялись отомстить остготам за поруганных вождей антов и выступили в поход под личным предводительством своего хана. Решающее сражение между двумя армиями состоялось на реке Ерак (современное название Тилигул) около 375 г. Иордан, используя, возможно, какую-то старую сагу, описал эту битву как дуэль на луках между царем гуннов Баламбером и королем остготов. Удача сопутствовала гунну, его стрела пронзила готского героя. Но в действительности сражались не вожди, а армии. Важную роль в победе над готами сыграли покорившиеся гуннам аланы. Об этом сообщает Аммиан Марцеллин: «После его (Германариха. — *А. А.*) ухода Витимир был сделан королем и некоторое время противодействовал халанам... Но после многих поражений, которые он выдержал, он был подавлен силой оружия и умер в битве».

Под ударами гуннов и аланов остготы отступили к Днестру, где построили укрепленный лагерь. На помощь им подоспели и вестготы, для которых эта река служила восточной границей. Армии готов, однако, не соединились и действовали независимо друг от друга, чем не преминули воспользоваться гунны. Вначале они, переправившись ночью через Днестр, атаковали вестготов. Атака была столь внезапной и мощной, что те отступили в полном беспорядке к линии реки Прут, но не смогли закрепиться даже там. Вскоре дезорганизованные банды вестготов появились на северном бе-

регу Дуная, умоляя римских официальных лиц разрешить им переправиться через реку и поселиться во Фракии. Остготы шли следом за ними. Император Валент согласился принять готов, намереваясь использовать их как вспомогательные войска для защиты империи. Он поставил, однако, два условия: готы должны были послать заложников в Константинополь и пообещать сдать свое оружие римлянам до пересечения реки. Как и предполагалось, заложники были посланы, но план по разоружению провалился: греческие чиновники за взятку разрешали провозить оружие. Вдобавок они не подготовили необходимого количества продуктовых лавок, из-за чего произошел «голодный бунт». Возмущенные вестготы ворвались во Фракию, грабя все на своем пути. А когда против них были двинуты правительственные войска, призвали на помощь остготов и аланов. Их соединенные силы наголову разгромили армию Валента, при этом погиб и сам император. Преемник Валента Феодосий I сумел, однако, договориться с победителями и выделил вестготам земли для поселения в Иллирии — северо-западной части Балкан. Остготы были поселены в Паннонии.

В отличие от них, аланы не искали тут постоянной «прописки». Вместе с племенем вандалов (еще один вариант названия прибалтийских ванов) они в 406 году двинулись на запад и, перейдя Рейн и пройдя всю Галлию, через три года достигли Испании. Отряды аланов участвовали вместе с вандалами под предводительством их короля Гейзериха в завоевании Северной Африки в 429—439 гг. Удивительное дело: асы-аланы (иранцы) более тяготели к ванам-вандалам (русским), нежели к асам-готам (германцам). Г.В. Вернадский пишет по этому поводу в книге «Древняя Русь»: «Из всех народов, которые вторгались в Южную Русь в сарматско-готский и гуннский периоды, аланы пустили наиболее глубокие корни на Руси и вошли в наиболее тес-

ную связь с местным населением — в особенности со славянами, — нежели какое-либо иное кочевое племя... Мы можем предположить, что существовали антские и русские соединения даже в западной аланской орде. Западная экспансия аланов была, таким образом, в определенном смысле первым русским вторжением в Европу». Эту, в целом верную, мысль надо лишь немного скорректировать, а именно: анты — это и есть русы (Вернадский считает их славянами), да и вторгались они до того в Европу, правда под другими именами (арии, киммерийцы и т.д.), уже не раз.

После смерти Баламбера царем гуннов стал Ругила — мудрый и дальновидный политик, старавшийся решать все вопросы мирным путем. В начале V в., продвигаясь на запад, гунны без войны заняли Паннонию. Многие народы, жившие по Дунаю, в том числе руги и остготы, стали их союзниками. В 412 г. главная ставка гуннских царей из Причерноморья была перенесена в Паннонию. От их этнического имени произошло древнее название Венгрии — Хунгария. За счет политики Ругилы, умевшего на взаимовыгодных условиях объединяться с соседями (сохранявшими при этом самоуправление!), к 430 г. западные границы державы достигли Рейна, причем Ругила наладил дипломатические контакты с Римом и установил с ним дружественные отношения. Гуннская держава простиралась от Дуная до Урала. Принципы ее построения решительно отличались от германских. Если готы относились к покоренным народам как к «людям второго сорта», то гунны умели находить общий язык с другими племенами. Страшные для врагов, внутри своей державы они установили гуманные порядки. Римские, греческие и готские авторы, не пожалевшие для гуннов самых черных красок, тем не менее невольно отмечали, что в их империи совершенно не было расовой, национальной или племенной дискриминации, а в отношениях с со-

возниками, даже ранее побежденными, они оставались вполне лояльными. В державе отсутствовала религиозная рознь, проявлялась полнейшая веротерпимость. В различных источниках отразились и другие черты их государства: справедливость царей, честность и неподкупность судей, легкие налоги.

После смерти Ругилы, в 433 г., править империей гуннов стал сын его брата — Аттила. Иордан пишет про него: «Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом кожи, он являл все признаки своего происхождения». Готский историк описывает портрет вождя гуннов со слов очевидца (им был писатель V в. Приск), но, будучи в числе его врагов, он, видимо, излишне увлекся в изображении дурных сторон. Описание Иорданом наружности Аттилы более походит на карикатуру и является типичным проявлением отношения германцев к другим, «неисторическим» народам.

В 434 г. Аттила повел войско на Кавказ и добился полного подчинения местных народов. В 441 г. гунны вторглись в Византию, прошли по Балканам, разорили 70 городов и достигли Константинополя, хотя штурмовать его не стали. В 447 г. Аттила — вероятно, чтобы обезопасить свой тыл — произвел новый набег на Византию, вынудив императора Феодосия II заключить

с ним позорный мир, по которому тот обязался выплачивать ежегодную дань в 350 фунтов золота и уступал часть территорий южнее Дуная. Правда, следующий император, Маркиан, в 450 г. разорвал договор и принялся готовиться к обороне, но Аттила больше не нападал: войско гуннов готовилось к войне с Римом.

Среди наиболее преданных союзников гуннов были руги. Вытесненные в свое время готами из Прибалтики, они во второй половине III в. пришли в Центральную Европу, к верховьям Одера и на Дунай. В 307 г. руги уже упоминаются в качестве федератов (союзников) Рима. В V в. они активно участвуют в битвах и переселениях в разных районах Балкан и Подунавья. Некоторые их отряды вместе с вандалами (ванами!) и аланами (асами!) уходят в Испанию и затем в Северную Африку, основная же масса поселяется на территории нынешней Нижней Австрии и тогдашнего Верхнего Норика. Здесь возникает королевство ругов с наследственной династией во главе. Факт сам по себе для того времени примечательный: у большинства племен королей пока еще выбирало народное собрание. В первой половине V в. Ругиланд, так называют это королевство германские авторы, входит в состав державы Аттилы.

В 451 г. на Каталаунских полях (нынешняя Франция) произошла грандиозная битва народов, в которой погибло около 200 тысяч человек. В этой битве остготы и руги выступали на стороне вождя гуннов Аттилы, тогда как вестготы были в противоположном лагере, сколоченном римлянами для сокрушения гуннского могущества и взаимного ослабления варваров. Еще через два года Аттила скончался. Он погиб во время собственной свадьбы. Сменив, как пишет современник, бесчисленное число жен, он выбрал себе невесту необычайной красоты по имени Ильдико. По обыкновению был устроен пышный пир, но жених заторо-

пился поскорее предаться брачным утехам. Вместе с красавицей женой он удалился в спальню, и больше «повелителя мира» никто живым не видел: его нашли мертвым, захлебнувшимся в собственной крови, которая пошла горлом.

Усобицы в стане наследников и восстания подвластных племен развалили созданную Аттилой державу. При этом часть гуннов вместе с ругами ушла к Днепру и Черному морю — к низовьям Дуная, а также, видимо, в район Восточного Крыма и Тамани, где следы их просматриваются археологически. «Сообщения Иордана о возврате гуннов и руґов к Днепру и Черному морю чрезвычайно важны, и можно лишь сожалеть, что должного внимания они не привлекли. Между тем, как видно из списка русских городов конца XIV в., и почти тысячу лет спустя нижнедунайские приморские города Болгарии считались «русскими» (на них претендовал митрополит Киприан, уроженец Болгарии), а на Днепре с VI в. просматривается та-самая культура, которую некогда А.А. Спицин (известный советский археолог. — *А. А.*) определил как «древности антов», а Б.А. Рыбаков — как «древности русов». Дунайский след здесь отчетливо просматривается в материальной культуре, в частности, в пальчатых фибулах (застежках для плащей. — *А. А.*), являвшихся характерной для населения римского порубежья одежды. Примерно к этому времени относится и один из мощных этнических выбросов из области Среднего Подунавья: очередная волна расселения славян на восток и северо-восток (культура «пражской керамики»). Но у славян была иная одежда, и пальчатых фибул они с собой не приносили» (*Кузьмин А.Г.* Руги и русы на Дунае // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996).

Рим выдержал и отбил натиск гуннов. Но это лишь ненадолго отсрочило его гибель. В 455 г. в устье Тибра вошла эскадра короля вандалов Гейзериха. В Риме на-

чалась паника. Император Петроний Максим решил тайно бежать, но был узнан и убит своими же подданными, возмущенными трусостью своего правителя. Гейзерих беспрепятственно занял Рим и отдал его на двухнедельное разграбление. Но он запретил поджигать город, разрушать здания и истреблять население. Св. Августин с удивлением писал: «Но что было необычным, так это то, что варварская дикость чудесным образом обернулась такой мягкостью, что в самых больших базиликах (церквях. — *А. А.*), выбранных и назначенных для спасения народа, никто не был избит и никого не тронули, никто оттуда не был уведен в рабство жестокими врагами, а многих сочувствующие враги сами препровождали туда, чтобы сохранить им свободу». Точно так же под властью вандалов — хоть вовсю пиратствовавших по Средиземноморью — Северная Африка оставалась цветущим краем, а в результате ее «освобождения» Византией превратилась в выжженную пустыню с руинами городов.

После развала империи гуннов руги в основном сосредоточились в Верхнем Норике, откуда направляли вспомогательные отряды для борьбы с Римом. В 469 г. они вместе с союзниками попытались отвоевать у готов Паннонию, но неудачно. В 476 г. их король Одоакр, возглавив коалицию дружественных ругам племен, низложил последнего императора Западной Римской империи Ромула Августа.

Почти неизбежно, что в результате похода Одоакра в 488 г. отдельные русские роды из Подунавья переселились куда-то в северном и восточном направлениях. Может быть, тогда и возникли их поселения на землях лужицких сербов (Лужица — историческая область на юго-востоке Германии), где названия «Русь» и «Русская земля» на границе Тюрингии и Верхней Саксонии, известные в Средние века, дожили до XX века (графства Ройс и Ройсланд просуществовали вплоть до 1920 г.).

Но значительная часть ругов все-таки осталась на старых местах или же обосновалась в ближайшем соседстве с ними. За территорией Ругиланда сохраняется это название и позднее. Называют ее также Ругией, Руссией и Рутенией. Именно в Норике находилась, согласно Житию Северина (VI в.), и резиденция королей ругов.

В середине VI в. Норик, Паннонию и Северную Италию «накрыла» новая переселенческая волна: из Скандинавии нахлынуло германское племя лангобардов. Между тем в этих областях общины ругов сохранялись. В какой-то период, предшествующий приходу лангобардов в Италию в 568 г., руги даже захватили власть, но не смогли ее удержать. Пережили они и лангобардов: вплоть до IX в. римские папы обращаются к «клирикам рогов» особо. Такая обособленность могла объясняться сохранением у ругов арианства — течения в христианстве, к которому поначалу были привержены и готы, и лангобарды. Но последние в Италии к VIII в. признали католичество, для ругов же арианство служило средством сохранения самобытности.

«Ругия — Руссия — Рутения, иногда также Руйя — Руйяна — так в западных источниках именуются и Ругия Балтийская, и Ругиланд, и Киевская Русь. Примечательно, что город, основанный русскими участниками Первого крестового похода (на территории нынешней Сирии), назывался в разных записях Ругией, Руссией или Руйей. Показательно также имя одного из гуннских вождей, упоминаемого Иорданом в вариантах Ругила, Руа, Руас, Роас. Очевидно, звук, передаваемый латинским «г», произносился иначе, а в разных языках он и вовсе приобретал своеобразное звучание. Так, кельтское население Подунавья называло ругов «роками» и «раками», итальянцы иногда — «руда» (и также «рогами», «роками», «рохами»), датчане «рёнами» (или «рё»). У германского населения Подунавья

преобладают формы «рузы», «руци», «рутси», но сохраняются и кельтические «роки», «раки», а также «руты». Этноним часто писался различно в одном и том же документе. И эта неустойчивость в равной мере распространялась на всех русов или ругов: подунайских, балтийских, приднестровских. Видимо, стремление держаться старого латинского написания побуждало имперскую канцелярию Оттона I называть Киевскую Русь Ругией в документах, связанных с поездкой в Киев по просьбе Ольги в 961—962 гг. немецких миссионеров во главе с Адальбертом. Тождество ругов и русов не гипотеза и даже не вывод. Это лежащий на поверхности факт, прямое чтение источников, несогласие с которыми надо серьезно мотивировать» (*Кузьмин А.Г.* Одоакр и Теодорих / Дорогами тысячелетий. М.: Молодая гвардия, 1987).

Союзниками гуннов в их сражениях неизменно выступают анты. С именем антов следует связывать существование признаваемой многими историками, как очевидная реальность (!), так называемой Причерноморской Руси, предшественницу Киевской Руси. Ее ареалу в значительной степени соответствует черняховская археологическая культура (от нижнего Подунавья до левобережья Днепра), которая никоим образом не пострадала от «нашествия» гуннов. Совершенно очевидно, что они были дружественной росам силой. В этом смысле символично, что объединителем гуннов стал Ругила (Руга), то есть Рус. Итак, беспримерный (в несколько тысяч километров) рейд гуннов преследовал вполне конкретную цель: объединить и поддержать силы русских и славянских племен в их борьбе с Римом и германцами. Не случайно поэтому то, что все свои основные сражения гунны провели в Европе. Упомянем здесь же, что известный автор XVI в., посол австрийского императора Сигизмунд Герберштейн писал про гуннского вождя Аттилу: «Московиты

весьма похваляются этим именем, так как их-де подданные некогда опустошили большую часть Европы».

При построении своей империи гунны следовали русскому принципу государственности. Историки отмечают, что готы и аланы занимали в гуннской державе привилегированное положение и сохраняли самоуправление. Такое положение дел, например, совершенно неприемлемо было бы в Германском государстве или в Римской империи. Многие авторы древности (Беда Достопочтенный, Едингард, Самбургский Аноним, Прокопий Кесарийский) причисляли гуннов к славянам. Саксон Грамматик принимал гуннов и русов за один народ. Гельмгольд же в качестве одного из названий Руси приводил Гунигард. Примечательно, что сведения о гуннах включены в «Свод древнейших письменных известий о славянах». По сообщению Приска Паннонийского, особое хождение в среде гуннов имел напиток «medos» (т.е. «мед»). Описывая обряд погребения великого воителя Аттилы, Иордан отметил наличие у гуннов поминальной трапезы, которую сами они именовали «strava» (страва). А ведь так называли погребальный пир древние славяне!

Историк Приск (V в.) так описывает одну из резиденций Аттилы, отстроенную гуннами в Подунавье: «Это селение было подобно обширнейшему городу; деревянные стены, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было так крепко, что едва-едва удавалось заметить — и то при старании — стык между ними. Видны были и триклинии (палаты и чертоги. — *А. А.*), протянувшиеся на значительное пространство, и портики, раскинутые во всей красе. Площадь двора опоясывалась огромной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего в своей власти весь варварский мир; подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам». Ценнейшие

сведения! Гунны, как оказывается, были умелыми плотниками и строили деревянные города, и значит, записывать их в кочевники в корне неправильно.

Некоторые историки связывают дату основания Киева с приходом в Поднепровье гуннов. Эта их гипотеза основана на анализе истории уже упоминавшейся гибели Германариха, рассказанной Иорданом. Приведем теперь этот текст: «Херманарик же, король готов, хотя и был, как мы сообщили выше, победителем многих народов, однако, пока он думал о нашествии хуннов... неверный род росомонов, который наряду с другими выказывал покорность ему, воспользовался следующим удобным случаем обмануть его. Ведь после того как король, движимый яростью, приказал некую женщину по имени Сунихильда из названного рода за ее коварный уход от мужа разорвать, привязав к свирепым лошадям и побудив лошадей бежать в разные стороны, ее братья Сар и Аммий, мстя за гибель сестры, ударили мечом в бок Херманарика. Получив эту рану, он влачил несчастную жизнь, вследствие немощи тела. Узнав об этом его нездоровье, Баламбер, король хуннов, двинул войско в край остроготов... Между тем Херманарик, столь же не вынеся страданий от раны, сколь нападений хуннов, в преклонных годах и насытившись жизнью, умер... Удобный случай его смерти позволил хуннам получить перевес...» Данное сообщение может рассматриваться как один из вариантов сказания о князе Кие. Имя «Сунихильда»-«Сванехильда» этимологически восходит к одному из германских названий лебедя, но сестру Кия тоже звали Лыбедь! Связь рассказа Иордана с русской исторической действительностью подтверждается данными нашего эпоса. Образ Лыбеди-Лебеди присутствует в русских былинах о Михайле Потоке и Иване Годиновиче. В них фигурирует неверная жена Лебедь и три брата. Правда, логика повествования тут несколько перевернута —

Лебедь не сестра братьям, а жена одного из них, которому, собственно, и изменяет. За это изменница подвергается суровой мести. Неясным остается, почему Иордан указал другое число братьев (отступил от русской сказочной традиции!) и изменил их имена, но это уже момент второстепенный. В любом случае ясно, что источник этих историй один.

Признав тождественность рассказа Иордана и сказания о князе Кие, можно смело определить время строительства Киева как начало гуннской экспансии. Безусловно, между двумя событиями существовала не только временная, но и логическая связь. Навряд ли смелая вылазка братьев-росомонов осуществлялась без ведома гуннов, отсюда опять-таки вытекает важный вывод о существовании глубоких дружественных связей между гуннами и росами. Старопольский автор Стрыйковский, пользовавшийся материалами не дошедших до нас русских летописей, утверждал, что Киев был основан гуннами. Это его положение опять-таки надо понимать таким образом, что гунны и росы составляли единую коалицию.

Чтобы разобраться в природе гунно-русских связей, надо обратиться к самым истокам гуннского народа. Предками хуннов были племена хяньюнь и хуньюй, обитавшие на юге пустыни Гоби (территория современной Монголии). Китайские летописи впервые упоминают о них в самом начале XVIII в. до н.э. Антропологически хяньюне и хуньюне были европеоиды, но как эти представители «индоевропейского мира» попали сюда? Ответ на данный вопрос может быть найден, если мы сопоставим три исторических факта:

1. В начале II тыс. до н.э. племена ханеев (ханаане), преодолев Аравийскую пустыню, обосновались в Двуречье.

2. Примерно в это же время родственные ханеям (хананеям) арийские племена создают в непосредст-

венном соседстве с ними государство Митанни. Среди митаннийских ариев значительную часть составляли выходцы из южнорусских степей.

3. В середине II тыс. до н.э. многочисленная группа арийских племен расселилась на землях Индии.

Итак, в первой половине II тыс. до н.э. произошли две, совершенно уникальные по своим масштабам, миграции ариев в южном направлении — в Месопотамию и Индию. Принимая во внимание арийское происхождение ханаан-ванов, можно предположить, что часть этого народа, начав движение от берегов Средиземного моря, не осталась в Двуречье, а двинулась по следам своих соплеменников ариев. У ханаан было важное преимущество перед многими другими племенами: они обладали опытом пересечения пустыни. Эти навыки оказались чрезвычайно полезными в их длительном пути на восток. Думается, что именно ханаане упоминались китайскими историками под именами хяньюнь и хуньюй. Они-то и стали основой нового этноса, сложившегося по соседству с китайцами, — народа хуннов. Вполне вероятно поэтому, что названия Китая — Sinae (латинское), Chine (французское), China (английское), Чин (индийское и иранское) и Синая (Синайского полуострова) этимологически родственны.

Л.Н. Гумилев в увлекательной форме изложил историю хуннов в своих книгах «Хунны», «Хунны в Китае». В тексте этих изданий неоднократно приводятся свидетельства в пользу неоднородного этнического состава хуннов, но были среди них, как оказывается, светловолосые и голубоглазые индоевропейцы. Находки палеоантропологов также указывают на присутствие европейцев в рядах соседних с китайцами (в том числе хуннских) племен, а филологи с удивлением обнаружили на территории Китая следы вымерших индоевропейских (тохарских) языков. Наконец, именно

в начале II тыс. до н.э. китайские правители начинают использовать в своей титулатуре имя «ван» (термин «ван» в дальнейшем стал титулом царя, который также исполнял функции верховного жреца). Уже одного этого факта достаточно для утверждения о присутствии предков русских в Восточной Азии. Ранее мы уже указывали, что название народа венетов происходит от имени древнерусского бога любви — Вани (Ивана). От этого русского (!) слова уже как производные пошли «гулять по свету» имена Иоанн, Иоханн, Иоганн, Жан, Джон, Жуан, Гуан, Ганс. На русской же основе возникло и тюркское слово «хан». Точно так же и имена народов «хунны» и «ханаане» следует связывать с корнем «ван». Хунны, таким образом, — это потомки арийцев, народ ванов (Иванов), который в свое время ушел в глубины Восточной Азии.

Мало кто обращает внимание, что Великая Китайская стена находилась на земле хуннов. Именно они были первыми ее строителями! Китайцы лишь попытались достроить укрепление после того, как отогнали от нее хуннов. Л.Н. Гумилев в книге «Хунну» убедительно доказывает всю бессмысленность этой великой стройки для китайцев: «Располагая огромными средствами, Ши-хуанди (китайский император, III в. до н.э. — *А. А.*) решил обезопасить свою северную границу и предпринял сооружение Великой стены, отделившей Китай от евразийских степей. Уже существовавшие разрозненные стены было решено соединить в единую мощную цепь укреплений. Работы велись днем и ночью; когда выяснилось, что людей не хватает, на строительство отправили военнопленных и осужденных преступников. Условия работы были исключительно тяжелы, и много трупов похоронили в земляной стене насыпи. Но вот строительство закончилось. Стена протянулась на 4 тыс. км. Высота ее достигала 10 м, и через каждые 60—100 м высились сторожевые

башни. Но, когда работы были закончены, оказалось, что всех вооруженных сил Китая не хватит, чтобы организовать оборону на стене. В самом деле, если на каждую башню поставить небольшой отряд, то неприятель уничтожит его раньше, чем соседи успеют собраться и подать помощь. Если же расставить пореже большие отряды, то образуются промежутки, через которые враг легко и незаметно проникнет в глубь страны. Крепость без защитников не крепость». Великая стена являлась преградой, которую (при детальном знании ее внутреннего устройства) удобно было использовать для активной защиты. При такой форме обороны защитники неожиданно нападают на врага, а затем быстро возвращаются и вновь прячутся за укрепление. Это своего рода тактика изматывания противника. Но применять ее удобно только кочевникам, которые не связаны с защитой городищ. Для оседлых китайцев необходимо было организовывать защиту вдоль всей стены, чтобы не допустить врага внутрь страны. Такое мероприятие по тем временам было совершенно неосуществимо. И это со всей очевидностью доказывает, что отнюдь не китайцы задумали и построили Великую стену. Авторами проекта, на наш взгляд, были хунны. Они не обороняли стену по всей длине. Сторожа на башнях образовывали эстафету оповещения в случае опасности, а знание расположения проходов через стену позволяло проводить стремительные атаки. Причем хунны проживали по обе стороны от стены и могли воевать с противниками, приходящими как с той, так и с другой стороны.

Другим грандиозным проектом, осуществленным хуннами, стало открытие ими Сибири. Около 1200 г. до н.э. они совершили первый переход южных кочевников через пустыню Гоби; с того времени пустыня стала проходимой, и древние хунны освоили оба ее края. В наскальных рисунках они изобразили тот «ко-

рабль», на котором перебрались через песчаное море. Это была крытая кибитка на колесах, запряженная волами, ибо для лошадей она была слишком тяжела и неуклюжа. Хунны освоили степные пространства Монголии. Ранее Великая степь, как море, разделяла обитаемые лесостепные полосы: южносибирскую и северокитайскую. Обитатели обеих полос — земледельцы, оседлые скотоводы и лесные охотники — не имели возможностей для передвижения по степи. Хунны развели достаточное количество лошадей и подъяремных быков, создали кибитку — дом на колесах — и первые занялись кочевым скотоводством, и вместе с тем применили облавную охоту, которая неизмеримо продуктивнее индивидуальной; они уже в III в. до н.э. знали соколиную охоту.

Жилище их — кибитка на колесах — было удобно: во-первых, шатер значительно лучше защищает от ветра и мороза, чем промерзающие стены земляного или каменного дома, и, меняя стоянку, всегда можно было найти место, обеспеченное топливом; во-вторых, в жилище на колесах жить более безопасно, так как всегда со всем имуществом можно оторваться от врага, что хунны с успехом и делали. Кожаная одежда их была прочна, легка и удобна. Их питание состояло из мяса и молока, имевшихся в изобилии, так как стада были огромны. Отсутствие изнурительного труда и постоянное занятие охотой способствовали физическому развитию, а частые военные походы закаляли мужество и волю. Обращение с пленными и перебежчиками было весьма гуманным, поэтому китайцы опасались не столько набегов хуннов, сколько постоянных переходов к ним в степь своего населения. Участие женщин в политике показывает, что они отнюдь не были приниженны, как это наблюдалось в Китае, Индии и Иране.

Самым сильным аргументом против утверждения, что хунны имели свою самобытную культуру, служит,

как правило, указание на отсутствие у них письменности. Предположение, что хунны имели письменность, не дошедшую до нас, так как найти древние записи на коже, бересте или бумаге не всегда возможно, отвергалось. Однако и это предвзятое мнение разбивается по мере накопления новых сведений. Так, в «Истории Троецарствия» сообщается об обмене посольствами между Китаем и Фунаном, древнейшим царством в Камбодже. Китайское посольство посетило Камбоджу между 245 и 250 гг., и, вернувшись, участник его, Кань Тай, сообщая сведения о царстве Фунан, заявил: «Они имеют книги и хранят их в архивах. Их письменность напоминает письменность хуннов». Фунанцы употребляли индийский алфавит, и эта связь с Индией, впитавшей культуру древних ариев, чрезвычайно интересна. Китайский дипломат говорит о хуннской письменности как о вещи абсолютно известной и не требующей пояснения. Еще важнее то, что он подчеркивает ее индийское происхождение; следовательно, гунны имели культурные связи с более западными народами, и мы не ошиблись, указав, что они пришли с запада.

Могучая империя гуннов, существовавшая на территории современных Монголии, Бурятии и Северного Китая, в 93 г. распалась в результате войн с Китаем и внутренних междоусобиц. Часть хуннов отступила на запад и на землях нынешнего Восточного Казахстана образовала новое государство. Здесь гунны в значительной степени смешались с тюрками. Несколько десятилетий новый союз племен успешно противостоял китайцам, но в 155 г. он был разгромлен сяньбийцами. В результате хуннский этнос распался. Одна его часть слилась с сяньбийцами, другая переселилась в Китай, третья осела в горных долинах Тарбагатая (хребет на юго-востоке Казахстана) и Семиречья, четвертая, в числе нескольких десятков тысяч воинов, с арьергард-

ными боями сумела оторваться от преследовавших их сяньбийцев и ушла на запад (*Гумилев Л.Н.* Хунну).

В 158 г. они достигли Прикаспийских степей — в 160 г. об их появлении писал греческий поэт Дионисий Периегет, а в 175—182 гг. Птолемей. Здесь их стали называть гуннами. По тому, что прежнее имя народа сохранилось именно за этой частью хуннов, можно утверждать: она-то и выступала наследницей многовековой славы предков. В этническом плане, разумеется, они уже отличались от тех ариев, которые почти две тысячи лет назад мигрировали к границам Китая. Значительную долю народа хуннов составляли выходцы из Китая, в «имперские времена» хунны смешивались с подвластными племенами. Важной их составной частью, особенно после миграции на казахстанские земли, стали тюркские народности. Известно, что аланы на Северном Кавказе встретили гуннов враждебно, но с угорскими племенами, населявшими лесостепную полосу Поволжья и Урала, у них сложились добрососедские отношения. Около двух веков прожили они бок о бок. Как показал Л.Н. Гумилев в книге «Тысяча лет вокруг Каспия», в период сильной степной засухи III в. угры и гунны расселялись на север по Волге, отчего в ее бассейне возник ряд смешанных финно-угорских этносов — мордва, мари, коми, а чуваши произошли от смешения местного населения с тюркоязычной частью гуннов. Не исключено, что с началом готского нашествия к гуннам бежали и древние русичи (колды, бубегены, тадзаны и гольтескифы Иордана), и угрофинны. Так, готская легенда о происхождении гуннов упоминает каких-то колдуний, изгнанных из «скифских земель» королем готов и ушедших жить к «злым духам», пришедшим из пустынь Востока. Может быть, здесь отразилась история русских женщин, уходивших с захваченных земель после гибели своих мужчин. Вся европейская история гуннов убеждает нас,

что они действовали в интересах русских. Они были потомками тех ариев, которые некогда покинули свою прародину. Их самоназвание было «ваны». Вот почему в войне росов (ванов) против аланов и готов (асов) они выступили на стороне первых. Но с этого как раз и началась глава...

Глава 17

Про хазар, азовских русов и страну Вантит

За Хазарами шли Печенеги,
Ржали кони, пестрели шатры,
Пред рассветом скрипели телеги,
По ночам разгорались костры.
Раздувались обозами тропы
Перегруженных степей,
На зубчатые стены Европы
Низвергались внезапно потопы
Колченогих, раскосых людей.

М. Волошин. Дикое поле

Хазары впервые упоминаются армянским автором в III в., а в византийских и персидских источниках — в IV в. Местом их проживания были прикаспийские области Северного Предкавказья. В числе соседей хазар были племена аланов и роксоланов. Хазары были частью гуннской империи и находились под их контролем. В русских летописях и в былинах хазары фигурируют под именем «козаре», это более древний вариант их названия. На наш взгляд, как и понятие «козаки», оно связано со словом «коза» — священным животным, в образе которого воплощалось верховное божество народа (сравни: святочная коза, которую водили из дома в дом русские и славяне, библейский «козел отпущения», на которого перелагались грехи еврейского народа, козлоподобный бог Бафомет — сатанинский аналог Вакха-Бахуса и, наконец, греческая

Химера, имеющая туловище козы, голову льва и хвост змеи). Если наша расшифровка имени хазар верна, то они являются потомками киммерийцев («детьми» Божественной Козы — Химеры), и никакого тюркского этнического элемента изначально в них не было. Кстати, от того же корня происходит и название столицы татар — Казани. Перефразируя известную мысль о глубине русско-татарских связей, можно сказать: «Загляни в душу татарина, и обязательно найдешь там русские образы».

Только в последней трети VI в. в Прикавказье проникают тюркские племена. С этого времени хазары, объединившись с одним из них, становятся во главе живущих у Кавказских гор прикаспийских племен. Подобно тюркам они называют свое государство каганатом, и править ими начинает тюркская династия. В этническом отношении европеоиды-хазары смешиваются с тюрками. Арабский географ и путешественник Истахри писал, что хазары делятся на белых и черных. Он полагал, что различие между ними чисто внешнее: у черных (тюрок) смуглая кожа, они некрасивы, а белые (европейцы) отличаются необыкновенной красотой.

Тюркская волна завоеваний, «омыв» берега Азовского и Черного морей, постепенно докатилась и до Дуная. На землях Паннонии, контролировавшихся прежде гуннами, было создано тюркское государство — Аварский каганат. Авары попытались уничтожить антов, но это им не удалось. Правда, зафиксировано, что союз антов (русов) с Византией периодически нарушался нападениями «русского Хагана» на греков в конце VI в., в 622 и 626 гг. Столь неустойчивую внешнюю политику естественно объяснять влиянием авар на причерноморских русов. Правда, если придунайские славяне, упоминаемые византийскими хронистами, были в зависимости от авар, то с русами ситуация, по-

видимому, обстояла намного сложнее. Вполне вероятно, что упомянутые походы русы совершали под давлением тюрок, но, как свидетельствуют источники, не без выгоды для себя.

Необходимо выделить еще два важных обстоятельства, явившиеся, по-видимому, следствием аваро-антского противостояния. Во-первых, область расселения антов в VI—VII вв., определяемая по археологическим данным (а именно по местонахождению застежек для ритуальных плащей — фибул), смещается от Дуная в сторону Приазовья. Во-вторых, в первой половине VII в. в исторических сочинениях перестает употребляться имя «анты», а на смену ему приходит более древняя форма «росы». Можно предположить, что в период тяжелых испытаний гунны-ваны и анты вернулись к имени, напоминающем о былом их арийском единстве.

Арабский писатель Ат-Табари приводит слова правителя прикаспийского города Дербента Шахриара, относящиеся к 644 г.: «Я нахожусь между двумя врагами: один — хазары, а другой — русы, которые суть враги целому миру, в особенности же арабам, а воевать с ними, кроме здешних людей, никто не умеет. Вместо того чтобы мы платили дань, будем воевать с русами сами и собственным оружием. И будем удерживать их, чтобы они не вышли из своей страны». Этот отрывок дает удивительно интересную информацию. Оказывается, что страна русских (потомков роксоланов!) находилась не так уж далеко от Дербента, то есть тюрки не смогли полностью вытеснить русских из Приазовья.

К концу VIII в. в Хазарском каганате стали назревать серьезные внутренние изменения. Это было обусловлено миграцией значительного числа иудеев на территорию каганата. После разгромов Иудеи римлянами в 70 и 132 гг. н.э. большая часть евреев рассеялась по всему Ближнему Востоку. Но впоследствии многие вы-

нуждены были бежать и с новых мест проживания. Массовые переселения из Персии (Ирана) шли в IV—VI вв. в период погромов, сопровождавших маздакитское движение против социального неравенства (названо по имени главного идеолога Маздака), а затем массовых репрессий в период его подавления.

Следующая волна эмиграции хлынула после арабского завоевания Персии (середина VII в.), поскольку с иноверцев начали взиматься тяжелые налоги, и даже обращение в ислам не освобождало от них — первые 300 лет оно стоило очень дорого (при сохранении высокой дополнительной подати с новообращенных). К тому же религиозная рознь на Ближнем Востоке доходила до такой степени, что, например, в 637 г. византийский епископ Софроний согласился сдать арабам Иерусалим на условии изгнания евреев, отомстив им так за избиение христиан в 614 г. В 690 г. в халифате произошло восстание персов, после кровавого подавления которого, как свидетельствует Иосиф бен Иегошуа Га-Коген в своей хронике, «спасались бегством многочисленные евреи из страны Парас (Персии. — *А. А.*), как от меча, и двигались они от племени к племени, от государства к другому народу и прибыли в страну Русию и землю Ашкеназ и Швецию и нашли там много евреев». В Византии, где вопросы религии занимали первостепенное значение и даже христиане различных исповеданий ожесточенно преследовали друг друга, евреи неоднократно подвергались гонениям. В 564 г. Юстиниан запретил им праздновать Пасху и есть мацу, если Пасха приходилась на Страстную неделю. В 723 г. Лев III Исавр издал указ о насильственном крещении евреев. В 787 г. евреев обвинили в сотрудничестве с арабами и шпионаже. Как писал Ибн-аль-Асир, «владетель Константинополя во время Гарун-ар-Рашида изгнал из своих владений всех живущих там евреев, которые вследствие сего отправились в

страну хазар, где они нашли людей разумных, но погруженных в заблуждения, посему евреи предложили им свою религию, которую хазары нашли лучшей, чем их прежняя, и приняли ее».

Не следует полагать, однако, что евреи неизменно выступали жертвенной стороной и страдали, что называется, безвинно. В одной из сирийских хроник содержится сообщение, раскрывающее крайнюю непримиримость раннесредневекового иудейства по отношению к христианству. Речь здесь идет о событиях 614 г., когда разразилась очередная война между Византией и Ираном, и иудеи всеми возможными средствами поддерживали Иран (между тем хазары в тот период выступали, напротив, в качестве союзников Византии). В хронике говорится: «...осадил Шахрбараз (иранский полководец. — *А. А.*) Иерусалим город (принадлежавший тогда Византии. — *А. А.*) и покорил его мечом... Иудеи же, из-за своей вражды, покупали их (христиан. — *А. А.*) по дешевой цене, и они убивали их». Покупать у иранских воинов пленных христиан не для того, чтобы использовать их в качестве рабов, но для того, чтобы испытать наслаждение, убивая их, — это в самом деле нечто беспримерное даже в истории крайних проявлений религиозной вражды. Важно добавить, что сведения об этих событиях содержатся также и в византийских хрониках, и в еврейской хронике Григория Бар-Гебрея (то есть еврея), который писал о византийско-иранской войне 614 г.: «Евреи покупали христианских узников... и со злостью убивали их». Как видим, у епископа Софрония были более чем основательные причины желать наказания иудеев.

Еврейские источники свидетельствуют, что до определенного времени пришедшие в Каганат иудеи исповедовали свою религию втайне: «...они молились в пещере и... учили своих детей молиться в пещере вечером и утром». Крупнейший иудейский философ конца

XI—XII в. Иегуда Галеви писал в своей «Хазарской книге», основываясь, как он отметил, на бывшей в его распоряжении «хазарской летописи», что «царь и визирь пошли... на пустынные горы у моря (очевидно, Каспийского. — *А. А.*)... нашли ночью ту пещеру, в которой некоторые из иудеев праздновали каждую субботу ... совершили над собой в этой пещере обрезание», а затем вернулись к хазарам, «настойчиво держась иудейской веры, но скрывая в тайне свое верование». Уже впоследствии «они обнаружили свои сокровенные мысли, осилили остальных хазар и заставили тех принять иудейскую веру» (речь идет, конечно, не о хазарском племени вообще, а о высшей знати). Затем они «победили своих врагов и завоевали разные страны».

В одном из еврейско-хазарских посланий принявший иудаизм военачальник, сумевший стать вторым лицом в каганате, назван по имени — Булан. По-тюркски оно означает «олень». Многие исследователи сходятся во мнении, что название племени алан произошло от имени почитаемого ими в качестве тотемного животного оленя (лани). Если эта точка зрения верна, то Булана следует считать аланом. В пользу такого вывода говорит и прозвище Булана — Астархан или Асправитель (Верховный ас!). Так приоткрывается загадка постепенного «мирного» перехода Каганата к господству иудаизма: тот, кого звали Буланом, не был иудеем. К принятию же новой религии, как сказано в Кембриджском послании, его склонила «жена его по имени Серах (еврейское имя. — *А. А.*)». В связи с этим становятся ясными и причины высокой цивилизованности каганата: многие руководящие военные, государственные, деловые должности занимали в нем аланы, а не тюрки.

Об обращении Булана существует несколько легенд. Одну из них изложил хазарский царь Иосиф, правивший в середине X в. Согласно этой легенде, Бу-

лан изгнал из страны «гадателей и идолопоклонников» и сам обратился к истинному Богу, после чего ему было видение ангела, через которого эти дела царя были одобрены, и он получил благословение. Когда он поведал о видении «князьям своим и рабам и всему народу, те одобрили это и приняли новую веру». Затем Булан в молитвах принялся сетовать на свою бедность, из-за которой не может построить достойный храм. И Бог «благословил его на разбой соседних народов и пообещал вложить в сердца их страх и ужас перед хазарами и отдать их под руку хазарского царя». А христианского и мусульманского мудрецов, пытавшихся склонить Булана к своей вере, иудейский священник победил в ходе диспута. Другая легенда передана арабским писателем аль-Бекри со ссылкой на Масуди и мемуары иудейского купца Ибрагима ибн Якуба. Согласно этой версии, хазарский князь сначала принял христианство, но затем эта вера ему не понравилась, и он созвал проповедников разных религий, чтобы узнать, «кто обладает истиной». Один из его советников-иудеев, «ловкий в спорах», сумел выиграть диспут у христианского епископа. А к мусульманскому ученому подослал шпиона и отравил.

Правда, легенды совместили начало процесса с его завершением. На самом деле во времена Булана до положения господствующей религии иудаизму было еще далеко. Окончательная победа иудаизма в Хазарском каганате совершилась при внуке Булана-Астархана — царе Обадии, у которого, по-видимому, еврейкой была не только бабушка (жена Булана Серах), но и мать (жена сына Булана). Он правил в самом конце VIII — начале IX в. Внедрение иудаизма в Хазарию было длительным и постепенным. Со временем в руках иудейской купеческой общины сосредоточились все главные рычаги управления государством: сбор налогов, финансы, торговля, дипломатия, управленческие структу-

ры. Возможно, важную роль в возвышении общины сыграли деньги еврейского купечества, пошедшие на восстановление хозяйства после арабского нашествия в 737 г., возрождения разбитой армии и строительства новой столицы на Волге. И постепенно стало преображаться все хазарское государство. Из военизированной структуры, жившей за счет натурального хозяйства, степных пастбищ и трофейной добычи, Хазария начала превращаться в крупную торговую державу. А за счет торговых пошлин, естественно, богател и каганат. Но параллельно росла роль иудейской верхушки. Она получила возможность выдвигать своих ставленников на ключевые посты каганата и приобретала все большее влияние на самих каганов. Все данные говорят о том, что к началу IX в. все структуры Хазарии оказались под ее контролем.

В 808 г. произошел переворот. Царь Обадия, опираясь на авторитет обращенного кагана, используя его в качестве марионетки, при помощи своих единоверцев сверг тюрко-аланскую верхушку. Разгорелась ожесточенная гражданская война. Оппозиция, состоявшая преимущественно из представителей знатных тюркских и аланских родов, была разбита. Ее остатки ушли на север. Как писал Константин Багрянородный, «когда у них (хазар. — *А. А.*) произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая власть одержала верх, и одни из них были перебиты, другие убежали и поселились с венграми в печенежской земле, заключили взаимную дружбу и получили название кабаров». К 812 г. территория каганата раскололась. Мадьяры и кабары, представители прежней хазарской аристократии, ставшие теперь ярыми врагами Хазарии, кочевали на пространстве между Доном и Днестром. А каганат совершенно преобразился. Теперь правящей партией стала иудейская община. В государственных структурах было установлено «двоевла-

стие». Второе лицо каганата, верховный судья и командующий войсками, каковым являлся Обадия, носил титул «бек» (князь) или «малик» (царь). Теперь эта должность стала наследственной. В руках царя и других вельмож сосредоточилась вся реальная власть.

А формально трон продолжал занимать великий каган из прежней тюркской династии. Но кагану придавались чисто символические функции. Его представляли земным воплощением Бога. Выезжал он из своего дворца лишь раз в год, в остальное же время, как сообщают арабские авторы, каган должен был «находиться

Племена Восточной Европы в первой половине IX в.

в распоряжении царя», он не мог «ни выезжать, ни появляться перед ближними и народом, ни покидать свое местопребывание». Ни один человек из народа к нему не допускался, и даже царь должен был входить к великому кагану босиком. Но этот же царь «руководил армией и управлял делами в государстве, именно ему соседние цари выражали покорность». Каган же был игрушкой в руках настоящего правителя. Согласно тем же источникам, «он не издает ни приказов, ни каких-либо запрещений и не принимает решений по государственным делам». В тех же арабских источниках встречаются сообщения, что великий каган использовался в роли своеобразного «козла отпущения» — в случае голода, неудачных войн и других бедствий считалось, что он неугоден Богу, и царь мог выдать его на растерзание народа.

Изменился и принцип комплектования армии. В доиудаистский период войско хазар представляло собой народное ополчение, формирующееся вокруг дружин знатных воинов, они же и вознаграждали всех своих подчиненных за счет добычи и трофеев. Но с победой новой религии взаимоотношения между правителями и народом установились другие. Хотя и тюрки, и евреи были для хазар чужаками, тюркская знать выступала для них «своими» вождями. И когда эти вожди обогащались в набегах, то и их подданным что-то перепадало. Фактически верхушка была связана с населением Хазарии общей судьбой и общими интересами. Да и родственными связями, поскольку тюркские воины брали в жены хазарских девушек. А новая верхушка оказалась отделенной от народа и поставила на первое место выкачивание из него прибыли. Не происходило и этнического смешения — иудейские общины жили обособленно. Как показал Л.Н. Гумилев, настоящие хазары (киммерийцы-казаки!) в период иудейского господства стали отселяться на окраины государст-

ва и стали предками терских и нижнедонских казаков. В этих условиях иудаизм не смог стать фактором, объединяющим население страны. Он так и остался вероисповеданием правящего меньшинства, а рядовые подданные, связывая с этой верой ухудшение своего положения, предпочитали переходить в другие религии, даже несмотря на запреты властей. Так, аль-Бекри писал, что «большинство хазар — мусульмане и христиане. И есть между ними идолопоклонники. И самый немногочисленный класс у них — евреи». То есть религия стала играть уже не объединяющую, а разъединяющую роль, лишь углубляя образовавшийся разрыв. Нетрудно понять, что при этом опираться на народное ополчение было бы уже рискованно. Но денег у новых правителей хватало, и ополчение заменили отряды наемников. За счет этого был образован постоянный высокопрофессиональный корпус в 7—12 тысяч воинов, который при необходимости пополнялся.

Хазарский царь Иосиф, правивший в середине X века, в письме придворному кордовского халифа Абдаррахмана III Хасдаю Ибн-Шафруту писал, что хазары вели войну с народом в-н-н-т-р (в другом варианте письма в-н-н-тит), в ходе которой заняли его страну. При этом побежденные вынуждены были перейти большую реку и обосноваться на другом берегу. Исследователи традиционно полагают, что этим народом является тюркское племя оногуров, которое в 70-х гг. VII в. могло уйти, в числе других болгарских племен, из Приазовья в Подунавье, форсировав Дунай. Однако знаменитая арабо-персидская книга «Области мира от востока к западу» («Худуд ал-Алем»), созданная в своей основе в первой половине IX в., «помещает» этот народ венендеров вблизи Азовского моря на правом берегу Дона, а располагающийся севернее Донецкий кряж там же поименован Венендерскими горами. К тому времени кочевники-болгары большей частью уже миг-

рировали из Приазовья: часть из них, повторимся, ушла за Дунай, другая же направилась в Среднее Поволжье, где создала государство Волжская Болгария. Те же, кто решил остаться, уже в конце VII в. были завоеваны хазарами и вошли в число союзных племен каганата. Таким образом, говорить о болгарах как о самостоятельной силе, занимавшей в середине IX в. правобережье Дона, ошибочно. Более того, на этой территории археологами была открыта цепь оборонительных белокаменных крепостей, расположенных вдоль берега реки. Приведем результаты исследования этих крепостей: «Добыча камня, его доставка к месту строительства и обработка являлись весьма трудоемкими процессами... Особенно трудоемкой была добыча известняка, который широко использовался для возведения белокаменных крепостей. По нашим подсчетам, для возведения стен Верхнесалтовского городища понадобилось 7 тыс. м^3, Маяцкого — 10 тыс. м^3, Правобережного — 12 тыс. м и Мохначевского — 14 тыс. м камня. Каменные блоки различных размеров обрабатывались с помощью долот и зубил» (*Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата). Приписывать подобные инженерные сооружения гению болгар-кочевников было бы опрометчиво.

Совершенно очевидно, что народ, корень названия которого пишется как в-н-н-д(т), должен был обладать уникальными по тому времени строительными и военными навыками. И мы навряд ли ошибемся, если соотнесем его с венедами (венетами). Удвоенное «н» в тексте Иосифа характерно для использованного им древнееврейского языка при заимствовании чужих слов (например, Иван — Иаханан). Итак, венендеры — это не болгары, а венеды или русы (росы). Именно о них упоминал правитель Дербента Шахриар, и именно они отступили под давлением иудаизированных хазар за Дон, где создали систему укрепленных крепостей.

Остатки этих оборонительных укреплений относятся к так называемой салтово-маяцкой (салтовской) культуре. Они были обнаружены еще в середине века, но с тех пор не утихают споры о том, кому же следует приписать их возведение. Одна часть исследователей считает, что крепости были построены тюрками-хазарами (при помощи среднеазиатских зодчих — хорезмийцев). Эту точку зрения активно пропагандирует известный публицист и литературный критик В. Кожинов. Другая группа ученых настаивает на том, что каганат не имел к этому строительству никакого отношения. По мнению профессора А. Кузьмина, цепь крепостей создавалась не для нападения на славянские племена, а для защиты от хазар и иных, зависимых от них, кочевников. Спор двух сторон разрешает (в пользу А. Кузьмина и К°) статья Б.Т. Березовца «Об имени носителей салтовской культуры» (Археология. XXIV. Киев, 1970). Приведем ее резюме:

«Археологическими исследованиями установлено, что в VIII—X вв. в районе Среднего Дона, Северского Донца, Приазовья жило многочисленное население, оставившее памятники салтовской культуры. Для этого же времени восточные авторы оставили сообщения о народах Восточной Европы.

Для всех перечисленных ими народов известны определенные археологические памятники за исключением русов. Принято считать, что русы — это часть славян и, соответственно, их памятники должны быть славянскими. Среди известных арабам народов нет претендентов на памятники салтовской культуры. Создается впечатление, что на Востоке этого народа не знали. Но такое предположение противоречит логике, и поэтому возникает вопрос, под каким же именем это население было известно на Востоке.

Из сообщений арабских и персидских авторов становится ясным, что во всех случаях, за исключением

одного (Ибн-Хардад-бех), — восточные авторы рассматривают славян и русов как два различных народа. При всех недостатках и неточностях, характеризующих их сообщения, все же можно выяснить, где именно живут эти народы.

Кто такие славяне, вопрос выяснен — это население Поднепровья. Русы живут восточнее их. Дошедшие до нас карты (Идриси и Махмуда ал-Кашгари) дают возможность уточнить места их обитания. Это район Северского Донца и его притоков, Нижний Дон, Приазовье. В этом районе расположены салтовские памятники, это дает право считать, что население салтовской культуры было известно в магометанском мире под именем русов.

Если сопоставить этнографические сведения о русах, имеющиеся в средневековых источниках, с археологическими памятниками салтовской культуры, то во многих случаях они будут полностью соответствовать друг другу. Например, такой важный признак, как погребальный обряд, описанный Ибн-Русте или у Гардизи, полностью соответствует катакомбным захоронениям салтовских могильников. Археологически подтверждаются и сообщения этих авторов о воинственности русов, о большой торговле, о наличии у них больших городов и т.д.

Если русы восточных авторов не славяне, то естественно возникает вопрос о взаимосвязях этих русов со славянской, Днепровской Русью. Вопрос этот очень сложный и несколько иного порядка. С нашей точки зрения, Днепровская Русь получила свое название от народа рус, рос, который имел самое непосредственное отношение к салтовской культуре».

Концепция Березовца в свое время не была поддержана лишь потому, что ее автор не смог объяснить, как возникло и попало имя Русь на Днепр. Наше исследование восполняет этот пробел: имя Русь принесли на

берега Дона и Днепра ваны-венеты — выходцы из Малой Азии. Славяне, переселившись в Поднепровье, в значительной степени «разбавили» росов, но те продолжали преобладать на Дону. Страну донских росов, построивших систему белокаменных крепостей, восточные авторы именовали Росским каганатом (*Галкина Е.С., Кузьмин А.Г.* Росский каганат и остров русов // Славяне и русь: проблемы и идеи). Сами русские называли ее страна Вантит. Уже в который раз мы сталкиваемся с тем, что имена «русы» и «ваны», «венеты» могли заменять друг друга! Древние источники упоминают о стране Вантит как об окраине славянских земель. Территориально ее границы совпадают с пределами салтово-маяцкой археологической культуры. В отличие от печенегов, половцев и тюрок, в салтовских поселениях представлены гончарное, железоделательное и другие ремесла. Иными словами, близкие к русам кочевые народы ни в коей мере не достигли технического уровня салтовцев. В десятках селений Подонья обнаружены следы металлургической деятельности и металлообработки. Находки археологов свидетельствуют, что салтовцы выплавляли первоклассный металл. О высоком уровне металлообработки говорит производство оружия: сабель, боевых топоров, наконечников копий и дротиков, наконечников стрел, боевых ножей и кинжалов, кистеней. Металлографический анализ образцов сабель и их обломков из трех важнейших военных поселений: Верхнего Салтова, Правобережного Цимлянского городища и Маяков — показал, что они были цельностальными, с высоким содержанием углерода.

Народ венетов, населявший страну Вантит, известен русским летописцам под именем вятичей (переход корня «вент» в «вят» обоснован филологами). Они составляли основное ядро жителей, проживавших в Росском каганате. Вместе с ними тут проживали аланы, а

также эмигранты из Хазарии (как уже говорилось, это были предки казаков). Отступление венедов-вятичей на правобережье Дона следует относить к рубежу VIII—IX вв., когда вследствие принятия новой религии правителями каганата резко переменилась проводимая ими политика. Во внешнеполитической области это вылилось в организацию военных походов внутрь России с целью овладения важнейшими торговыми путями — «греко-варяжским» и «волго-балтийским». Традиционно хазароведы говорят о страшной гражданской войне, разгоревшейся внутри Хазарии в 30-х гг. IX в. Но к тому времени внутренняя оппозиция уже была разгромлена! Иудейским правителям не с кем было воевать внутри своей страны. Сопротивление коренного населения к тому времени уже было сломлено, и победа новых хозяев страны законодательно оформилась знаковым событием — принятием иудаизма в начале IX в. В 30-х гг. началась война между двумя каганатами, как раз о ней и писал хазарский царь Иосиф. Следует со всей определенностью сказать, что хазарским походам на племена полян, северян и радимичей предшествовала их война с азовскими (или донскими) русами — венетами-вятичами.

Многие хазароведы утверждают, что уже на первом этапе войны хазары овладели системой укрепленных городищ. Но считать так нет никаких оснований! Как раз наоборот: вятичи-русы отбили эту первую атаку. Следствием этого стало то, что по заказу хазар в 30-е гг. IX в. византийцы построили на Дону крепость Саркел. Она замысливалась как противовес салтовским белокаменным укреплениям, и, следовательно, ни о каком продвижении хазар за Дон в первой половине IX в. не может быть и речи! Другое дело — путь в Поднепровье, он был открыт. И именно в этом направлении, получив от вятичей «по зубам», двинулись хазары. Исследователи полагают, что где-то во второй четверти IX в.

хазарам удалось завоевать Киев и принудить полян выплачивать им дань. Но вятичи по-прежнему оставались независимы. В 837—838 гг. салтовцы еще чеканили собственные монеты: это означает, что их торговая и хозяйственная деятельность отнюдь не была парализована военными действиями. Хотя угроза со стороны хазар, безусловно, ощущалась.

После полян хазары сумели подчинить себе племена северян и радимичей. Росский каганат оказался окруженным буквально со всех сторон. С востока ему угрожали тюрки-кочевники (подданные каганата), с юга и запада — хазары, проникшие на славянские территории. Единственными союзниками могли выступать только расположенные севернее угро-финские племена, но они, скорей, были озабочены своими собственными проблемами. Восточные авторы неоднократно упоминают об «острове русов», который располагался где-то поблизости от моря и был окружен со всех сторон водой. Его местоположение предполагали и в Тмутаракани, и в Причерноморье вблизи устья Дуная, и в Прибалтике, и на озере Ильмень. Но по нашему мнению, «остров русов» и Росский каганат — это одна и та же территория. Ограниченная реками Дон и Северный Донец, она вполне могла мыслиться как остров. Именно через русов Приазовья арабы поддерживали торговые связи с Русским Севером и Прибалтикой. Было бы странно, если бы они описывали удаленных от них русов на Дунае или на Балтике и ничего не говорили о значительно более близкой их группе, с которой они непосредственно торговали. Совершенно очевидно, что историки на пустом месте «городят огород», когда начинают рассуждать о строительном гении хазар или о детальном знании арабскими писателями местоположения небольшого острова русов. Ситуация намного проще: восточные географы писали о русах, построивших укрепленные городища в Подонье.

Уже упоминавшаяся статья Д.Т. Березовца критикуется, в частности, еще и потому, что считается, будто арабские авторы приводили сведения о расселении разных групп русов. Но если бы они знали, к примеру, о русах на Дунае или на Балтике, разве, упоминая их, они не рассказали бы вместе с тем и об азовских русах? Еще раз повторим: чрезвычайно нелогично приводить данные о части народа, живущего за тысячи километров, и ничего не сообщать об их же соплеменниках, с которыми непосредственно контактируешь. Поэтому логика Д.Т. Березовца представляется нам правильной и убедительной.

Но вернемся к истории русско-хазарского противостояния. В 30-е гг. IX в. Росский каганат оказался в сложнейшем положении, будучи окруженным практически со всех сторон хазарами и подвластными им кочевниками. Нужно было срочно искать союзников, которые смогли бы оказать военную или политическую помощь. С этой целью в 839 г. русы-салтовцы отправили посольство в европейские страны. Конечной его целью был Константинополь, но прямой путь туда был отрезан хазарами. Вследствие этого для своей поездки росы выбрали окольный путь через прибалтийские земли. Они смело воспользовались им, поскольку, во-первых, это был хорошо известный им торговый путь, а во-вторых, здесь они могли рассчитывать на содействие балтийских русов-венедов. Бертинские анналы епископа Пруденция свидетельствуют, что послы каганата были приняты и византийским императором Феофилом, и правителем франков Людовиком Благочестивым. Но, похоже, и тот и другой в помощи отказали, и пришлось вятичам обходиться собственными силами.

И обошлись! Страна Вантит оставалась независимой и сдерживала агрессию хазар еще около века. В «Повести временных лет» сказано, что в третьей чет-

верти IX в. западные соседи вятичей — поляне, радимичи и северяне — платили дань хазарам. В 880-х гг. князь Олег, пришедший с мощной дружиной из Ладоги в Киев, вырвал северян и радимичей из-под хазарской власти. Вполне вероятно, что поляне сделали это раньше и независимо от Олега, а вятичи, хотя и находились ближе всех остальных русских племен к хазарам, и вовсе не платили им в то время дани. Во всяком случае, никаких свидетельств на этот счет нет. Более того, в 911 г. вятичи, сохраняя свою независимость, под началом Олега ходили на Царьград, а в начале X в. в составе азовских русов совершили ряд закавказских походов.

Впоследствии Русь с переменным успехом билась с каганатом. Где-то после 913 г. хазары с новой, еще более страшной силой наваливаются на Русь, так что данниками каганата становятся уже и вятичи. Именно к этому времени относится письмо царя Иосифа своему испанскому соплеменнику о множестве подвластных ему народов (в их числе и народ в-н-н-тит). В те времена хазары действительно овладевают системой укрепленных городищ на Дону. Но уже в середине 960-х гг. князь Святослав совершил поход на хазар, в результате которого их государство навсегда исчезло с политической карты...

«Повесть временных лет» содержит очень мало конкретной информации о противостоянии русских и славянских племен каганату. Но скудость этого официального источника в известной степени дополняют фольклорные произведения, складывавшиеся в народной среде. Одним из них служит былина «Илья Муромец на заставе богатырской». В ней идет речь о том, как:

Под славным городом под Киевом,
На тех на степях на Цицарских
Стояла застава богатырская...

Один из воинов этой заставы,
Добрыня Никитич езди ко синю морю...
В чистом поле увидел ископоть великую,
Ископоть велика — полпечи...
...Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин могуч богатырь...

И Добрыне поручают настичь и победить Жидовина, который, понятно, воплощает в себе всю мощь Хазарского каганата. Но когда этот «могуч богатырь» начал битву с Добрыней,

Сыра мать-земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на коленцы пал.
Добрыня Никитич млад
Господу Богу возмолится
И Мати Пресвятой Богородице:
— Унеси, Господи, от нахвальщика, —
Под Добрыней конь посправился,
Уехал на заставу богатырскую...
И теперь уже
Говорит Илья Муромец:
— Больше некем заменитися,
Видно, ехать атаману самому.

Начинается тяжкое сражение; русский эпос нисколько не преуменьшает силу и опасность врага:

Бились, дрались день до вечера,
С вечера бьются до полуночи,
Со полуночи бьются до бела света.
Махнет Илейко ручкою правою, —
Поскользит у Илейка ножка левая,
Пал Илья на сыру землю;
Сел нахвальщина на белы груди,
Вынимал чинжалище булатное,
Хочет вспороть груди белыя,
Хочет закрыть очи ясныя,
По плеч отсечь буйну голову...
Лежит Илья под богатырем,
Говорит Илья таково слово:
— Да не ладно у святых отцёв,

Не ладно у апостолов удумано,
Написано было у святых отцёв,
Удумано было у апостолов:
«Не бывать Илье в чистом поле убитому»,
А теперь Илья под богатырем! —
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнет нахвальщину в белы груди,
Вышибал выше дерева жарового,
Пал нахвальщина на сыру землю,
В сыру землю ушел до пояс.
Вскочил Илья на резваы ноги
Сел нахвальщине на белы груди...
По плеч отсек буйну голову...

Здесь невольно вспоминается древнегреческий миф об Антее, который обретал неисчерпаемую силу, соприкасаясь со своей матерью Геей, то есть землей. Антей, анты, венеты — может быть, случайная параллель? Да нет, эти имена постоянно возвращают нас к теме русов. И еще одно важное замечание: слово «жид» лишь в XX в. приобрело оскорбительный оттенок. Во времена Киевской Руси оно ассоциировалось с хазарами, причем при этом имелось в виду только их иудаистское вероисповедание. Поэтому ничего обидного, ругательного или уничижительного в употреблении имени хазарского богатыря в данной былине нет.

В этом смысле интересно упомянуть неожиданный вывод, к которому пришел русский географ, этнограф и фольклорист Григорий Николаевич Потанин (1835—1920 гг.), изучая цикл былин о встрече и бое Ильи Муромца с богатырем-бахвальщиком, который в конечном счете оказывается его собственным сыном, носящим тотемное имя Сокольничек. По мнению исследователя, тот самый Жидовин-богатырь (то есть хазарин) по целому ряду косвенных признаков и есть неузнанный сын Ильи. На основании сопоставления различных текстов можно высказать предположение, что полюбовница Ильи Муромца и мать Сокольничка оказалась в хазарском плену либо будучи беременной, либо уже

с грудным ребенком на руках. Сын вырос и был воспитан в хазарской среде как необузданный джигит с жестокой моралью степняка: он и отца пытался убить, даже когда узнал, кто одержал над ним победу, и родной матери голову срубил.

В связи с данным былинным сюжетом любопытно привести еще одно наблюдение. Добрыня — богатырь, почитаемый в Киеве, Илья же находится в постоянном конфликте с киевским князем. И главная причина этого, пожалуй, заключается в том, что по происхождению он не славянского, а русского племени. Родину Ильи одни исследователи связывают с Муромом, другие — с городом Моровийском, что на Черниговщине. В первом случае в нем следует видеть вятича, во втором — северянина. Эти племена были частью росов и в малой степени были затронуты славянской колонизацией. Илья Муромец побеждает нахвальщика в той ситуации, когда с ним не справился киевлянин Добрыня. Думается, что таким образом в былине был отражен тот факт, что именно вокруг вятичей-венетов консолидировалась военная оппозиция каганату и именно они составляли наиболее боеспособное «ядро», противостоявшее хазарам.

Но, помимо этой былины, есть еще один уникальный источник, рассказывающий о русско-хазарском противостоянии. Это... русские сказки.

Глава 18

Русские сказки о нашествии хазар

> ...не могу предварительно не изъявить своей радости, что миновало то время, бесплодное для изучения народности, когда с иронией и даже презрением относились люди — впрочем, образованные — к наивным вымыслам и поэтическим суевериям народного воображения.
>
> *Ф.И. Буслаев*

Кто из нас в детстве не читал сказки о богатырях? В то время мы не сомневались, что они повествуют о реальных событиях. Но так ли мы были неправы?

Волшебная сказка не так проста, как кажется. В ней естественно соединились и первобытные представления о видимом и потустороннем мире, и древние обряды, обычаи, и досказочные мифы. «Сказка не пустая складка; в ней, как и вообще во всех созданиях целого народа, не могло быть и в самом деле нет ни нарочно сочиненной лжи, ни намеренного уклонения от действительного мира» (Афанасьев А.Н). Другое дело, что, странствуя меж людей, она не упускала случая возвысить обыденное, изысканно принарядиться в волшебные одежды и приготовить для своих обожателей пьянящий нектар выдумки. Однако за «дружескими враками» прячется нечто реальное, вошедшее в рассказ в диковинном обличье.

Хорошо известно, что в образах чудовищ, противостоящих богатырям, древние сказители воплотили

свое представление о народах, нападавших на Русь. На первый взгляд кажется, что в сказочных сюжетах представлен обобщенный образ враждебных сил, что они отражают типическую ситуацию и потому лишены какой бы то ни было исторической информации. Для большинства сказок это действительно так. Но есть и удивительные исключения! Например, сказки о Чудеюде.

В сборнике Афанасьева Чудо-юдо встречается в четырех сказках. В двух из них чудище бьется с богатырями («Буря-богатырь Иван, коровий сын», «Иван Быкович»), в следующей — заключает договор с купцом («Морской царь и Василиса Премудрая») и, наконец, в последней выдает дочь замуж за опального дворянина («Данило Бессчастный»). В этих сказках Чудо-юдо предстает перед читателем то многоглавым Змеем, то отцом Василисы Премудрой, то стариком-водяным. Пестрота обличий и многоликость сказочного персонажа наводят на мысль о его древнем происхождении.

В богатырских сказках братья Чуда-юда поочередно предстают шести-, девяти- и двенадцатиглавыми Змеями. В мировом фольклоре Змей известен как древнейший мифологический символ, связываемый с плодородием, водой, дождем, — с одной стороны, и огнем, особенно небесным, — с другой. Народные предания и поверья отождествляли со Змеем темные, грозовые тучи, хранящие одновременно и плодотворную освежающую влагу, и искры огненных молний.

В сказке о Буре-богатыре грозной мрачной силе Чуда-юда противостоит олицетворяющий светлое начало Иван, коровий сын. С образом коровы народная фантазия со времен глубочайшей древности связывала дожденосную тучу, проливавшую на землю потоки небесного молока. «Поэтому Буря-богатырь, коровий сын, есть собственно сын тучи, то есть молния или божество грома — славянский Перун: понятно, что удары

его должны быть неотразимы. Перун вел постоянную борьбу с великанами-тучами и разбивал их своей боевой палицей и меткими стрелами; точно то же свидетельствует сказка об Иване, коровьем сыне, заставляя его побивать многоглавых, сыплющих искры Змеев. Чудовищные Змеи, владетели «сильной» воды (дождя), и в пылу борьбы бросаются испить этого нектара, чтобы укрепить себя для новой схватки» (Афанасьев А.Н.). Битва гигантов происходит во тьме грозовых туч. Луч молнии, пронзающий тучи, воображение сказителя рисовало огненным мостом. Вот почему богатырь и Змей сражаются на калиновом (каленом) мосту. В картине поединка запечатлелись еще два образа космического происхождения — многопудовая палица-молния героя и огненный палец Змея-исполина, прикрепляющий чудищу новые головы-тучи.

Поражение Змея или, иными словами, разгром темных туч, — обычный исход грозы. В то же время низвержение Чуда-юда с небес предопределило его земной удел. Как божество, связанное с оплодотворяющим, проникающим к сердцу земли дождем, оно стал властелином подземного и подводного мира. Хозяину подводного царства восточные славяне приносили в жертву (топили) живую лошадь или конский череп. Поэтому в сказке Чудо-юдо непременно выезжает на битву на «добром коне», а в разговоре называет своего любимца «воронье мясо», то есть лакомая для воронья мертвечина.

А что означает двусоставное имя сказочного героя? Первое имя вполне ясно каждому: чудо — сверхъестественное явление, зримое проявление высших сил. А юдо? Правильную, на наш взгляд, расшифровку предложила Г.В. Макарова, связав это прозвище с гипотетическим (то есть реально не засвидетельствованным, но восстанавливаемым на основе звуковых соответствий и близости значений) корнем индоевропейских язы-

ков — uoid — глаголом «знать». В такой интерпретации Чудо-юдо — божество, обладающее тайным знанием, провидческим и пророческим даром. Недаром победить Змея должен вещий Буря-богатырь. Кстати и то, что верный слуга Чуда-юда — вещий конь Сивка-Бурка. В болгарском фольклоре известны юдо-самовилы и юдо-самодивы — вещие мифические девы с длинными косами, живущие в глубоких реках, озерах и водоворотах и обладающие волшебной способностью превращаться в прекрасных лебедей. В русских сказках девы-лебеди — это дочери Морского царя Чуда-юда, Василиса Премудрая и Лебедь-птица, красная девица. Видимо, наиболее древние образы вещих юд те, что содержат в себе зооморфные признаки птиц и змей (девы-лебеди, девы-колпицы, девы-змеи). Один из чудесных образов вещей юды, дошедший до нас, — птица Гамаюн (Сирин) с прекрасным женским ликом.

Чудо-юдо — чародей и колдун, оборотень, но оно также и божество воды. В некоторых индоевропейских языках юдо символизирует связь с водой. В древнеиндийском языке uda — «вода», в английском сохранилось слово udometer — «дождемер». В древнерусском языке первоначальный смысл юдо почти неуловим. О нем напомнит разве что созвучное «уд», «уда» и сохранившаяся особенность замещения гласных в основе слова. Голова языческого бога: волосы, глаза, уста, борода, уши имели сакральное значение, и в каждой из этих частей тела — «уде» — заключалась сила бога (чаще в волосах и бороде). Поэтому для волхва-сказителя достаточно было поведать, что у Чуда-юда была только борода (как в сказке о Даниле), не упоминая другие «уды», и слушателям было ясно, кто это существо и что оно обладает неслыханным могуществом (чарами).

В божественном пантеоне славянского язычества Чуду-юду родствен священный Ящер — господин ниж-

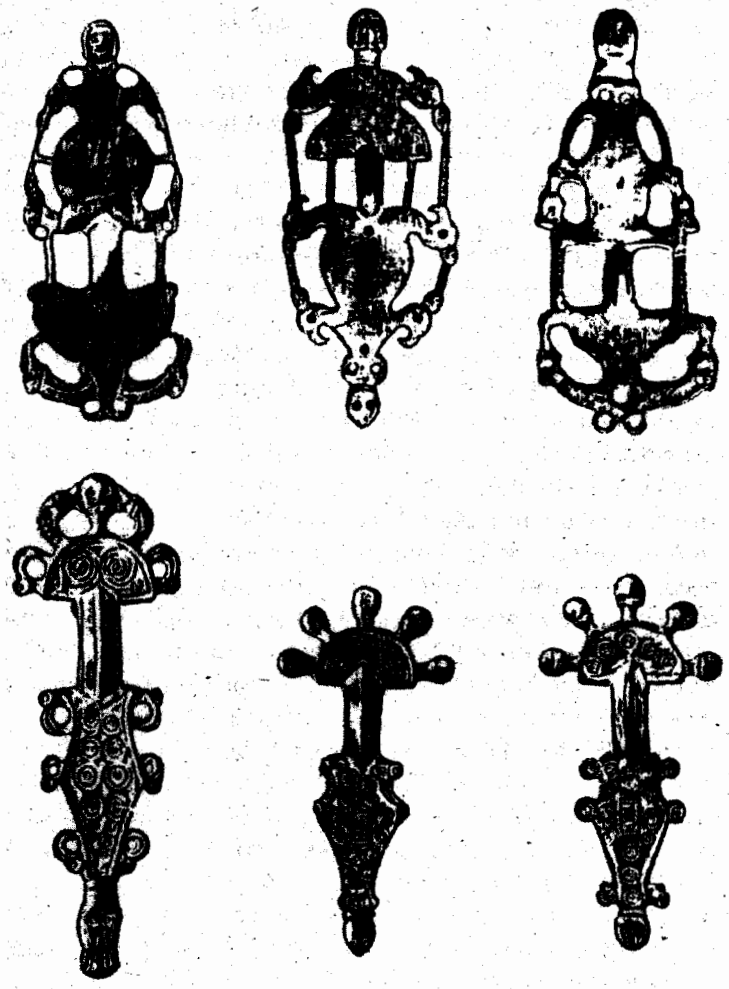
него яруса Вселенной. Эти «боги» далеко не ровесники. Космогонические мифы о гигантском земноводном, удерживающем на себе твердь земли, проглатывающем вечером заходящее солнце и возвращающем его поутру на другом конце горизонта, пронизаны уже не только поэтическим вдохновением (как древние мифы о борьбе героя со змеем), но и философским стремлением осмыслить Космос как двуединство верхнего и нижнего миров. И если «Чудо-юдо — самый глубокий архаизм в сказках» (Б.А. Рыбаков), то Ящер — более молодой житель славянского Олимпа.

Важнейшим свидетельством почитания Ящера на Руси являются найденные археологами металлические застежки для ритуальных плащей, так называемые фибулы. Они датируются VI—VII вв. и представляют собой языческие обереги от упырей-вампиров и вредоносных навий. Приведем описание одной из таких фибул: полукруглый верхний щиток оформлен как мужская фигура в широком кафтане, полы которого и обозначают контуры щитка. Руки мужчины плавно переходят в шеи двух водоплавающих птиц. Нижний щиток оформлен такими же четырьмя птицами и завершается в самом низу головой ящера. Верхний щиток (фигура мужчины в кафтане) соединен с нижним не только перемычкой, обязательной для всех фибул, но и двумя обращенными вверх змеями и двумя полосками, усеянными маленькими солярными (солнечными) знаками. Каждая змея соединяет головы птиц. Туловища змей украшены зигзагообразным узором. Головы птиц нижнего щитка, повернутые у верхней пары вверх, а у нижней — вниз, тоже соединены парой змей, но эти змеи двуглавые: вторая голова на месте хвоста. Анализируя описанную фибулу, академик Рыбаков пришел к заключению, что она является символическим изображением Вселенной с дарующим свет (две полоски с солярными знаками) Солнцем — Даждьбогом наверху

и Ящером внизу. Птицы-лебеди обозначают суточное движение светила — днем по небосводу, а ночью по воображаемому подземному океану. Что же касается змей, то ученый предположил, что это ужи — символы дождя. Но многоглавость — «фамильная» черта чудаюд! Двуглавые змеи нижнего щитка вместе с одноглавыми в верхней части фибулы составляют два трехглавых Змея, соединяющие этажи подземного и воздушного царств. Характерно, что количество голов у сказочных чудо-юд всегда кратно трем. По три головы разом сносит богатырь ударом боевой палицы. Каждая тройка голов чудища живет независимой жизнью. Все эти особенности «змеиного» организма передает рисунок украшения. Общая же в сумме шестерка голов напоминает классический образ меньшого из чудо-юд.

Символика фибулы убеждает, что в VI—VII вв. наши предки почитали двух божеств водной стихии — древнейшего Чуда-юда и менее древнего Ящера. Судя по волнистой линии (символике дождя), оставленной на фибульном изображении Чуда-юда, к нему обращались с мольбою о небесной влаге и обильном урожае. Ящера — хозяина водных путей и повелителя морской и речной живности — славяне просили о спокойствии моря и богатстве улова. В Новгороде Ящер, вместе с богинями Ладой и Мокошью, составлял верховную триаду богов. Новгородцы мыслили его в двух ипостасях: как «чародея Волхова», «лютого зверя крокодила» (по упоминаниям в легендах), и бога «синего моря соленого» — Морского царя, известного из былин о Садко. Очевидно, переменчивость обличий северный Ящер перенял от Чуда-юда.

А что же в Южной Руси? «Для лесостепи мы можем указать только фибулы VI—VII вв., часто завершающиеся головой Ящера» (*Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси). Начиная с VIII в. пропадают какие бы то ни было упоминания о божествах воды. Нет покровителя даль-



Фибулы VI—VII вв. Средняя в верхнем ряду содержит изображение Чуда-юда

них плаваний и среди языческих богов, канонизированных князем Владимиром. Зато в русских сказках присутствует морской змей Чудо-юдо! Киевское соперничество водяных разрешилось прямо противоположно новгородскому: Чудо-юдо победило, но воспринималось оно уже исключительно как носитель сил зла. И вряд ли мы будем неправы, если свяжем Чудо-юдово «бесовство» с конкретными событиями VIII—X вв.

Фольклористы давно заметили, что враждебные русскому воину персонажи хранят черты реальных племен и народов, нападавших на Русь. Волшебная богатырская сказка — могучее тому подтверждение. К примеру, сказочные повествования о Бабе-Яге — повелительнице конного степного войска, жившей не в лесной избушке на курьих ножках, а в знойной приморской стране «Девичьего царства», где «отрубленные русские головушки торчат на тычинушках», возникли как мифологически расцвеченные предания о «женоуправляемых» сарматах, прозванных так из-за сильных пережитков матриархата у сарматской знати. Для нас примечательно, что изначально Баба-Яга величалась богиней, Великой Матерью богов, хранительницей матриархальных отношений. Свое демоническое начало она унаследовала от «нового» (патриархального) времени, а в период сарматских нашествий (III в. до н.э. — нач. н.э.) стала для ариев символом опасных для них племен. Перенося на колдунью-старуху привычки свирепых кочевников, древние сказители переселили ее в степь и изображали воительницей, вырезающей ремни из спин русских молодцев.

Нетерпимость к русскому духу и неуемная воинственность другого сказочного персонажа — Кощея Бессмертного — тоже имеет исторические корни. Сам по себе его образ возник в глубочайшей древности, во времена единства индоевропейских народов. Но укоренившаяся в нашем произношении форма его имени

родилась в период столкновений древних русичей с тюркскими народами (болгарами, хазарами, печенегами), у которых слово Кощей означает «раб», «пленник». У всех без исключения народов древности состояние рабства (плена) приравнивалось к смерти, и потому в народных сказках поработители-степняки сопоставлялись со славянским повелителем царства мертвых (Кощеева царства).

Что же касается метаморфозы, происшедшей с нашим героем, то вспомним о гигантском каспийском «спруте» — Хазарском каганате, протянувшем в VIII в. свои щупальца в сторону Европы. В VIII — сер. X в. хазары были наиболее страшным и опасным врагом древних русичей. Они контролировали важнейшие морские пути по Каспию, Черному морю (вдоль северо-восточных берегов), а также речной проход в Великую Пермь. Арабский автор начала X в. Ибн-ал-Факих сообщает, что после выхода из устья Днепра русские идут по морю к Керченскому проливу, принадлежавшему хазарам, после чего обращаются к Славонии. Потом они начинают путь от Славянского (Азовского) моря, пока не приходят к Хазарскому рукаву, где владетель хазар берет с них десятину. Затем идут к Хазарскому (Каспийскому) морю по той реке, которую называют славянской рекой (Волгой). Как видим, не имея сильного флота, хазары тем не менее господствовали на морях и в проливах. Морской царь-демон перестал покровительствовать русичам. Видимо, по этой причине они и переменили свое отношение к Чуду-юду и отождествили его с агрессивным соседом.

Историческая параллель Чуда-юда с хазарами открывала возможность по-новому объяснять его имя. В Средневековье слово «чудо» иногда употреблялось в значении «чудовище», «исполин», а знакомство с иудейской Хазарией рождало ассоциацию Юдо — Иуда. В таком восприятии Чудо-юдо переводилось как испо-

лин (каганат), принявший воззрения иудаизма. Надо полагать, что этот перевод имени чудища естественно возникал у слушателей сказки в X—XII вв.

Сказка «Буря-богатырь Иван, коровий сын»

В сказке о Буре-богатыре королева, девка-чернавка и «придворная» корова, отведав златокрылой щуки, понесли в один день, в один час трех сыновей: Ивана-царевича, Ивана, девкина сына, и Ивана, коровьина сына. Золотая рыба, дающая жизнь названым братьям, здесь не только символ плодовитости, но и доброе напутствие светлых сил реки новорожденным на борьбу с водяными злыднями.

Родина богатырей — великое и обильное царство. Много в нем городов, и напоминает тем оно подлинную «Гардарику» (страну городов), как называли Русь в IX—X вв. скандинавы. На пиры к королю съезжаются князья и бояре (наиболее уважаемые старшие дружинники), богатые купцы и крестьяне. Но нет согласия в сказочном королевстве. Соперничество в богатырской силе разделяет названых братьев. Знатный Иван-царевич и Иван, девкин сын, не хотят подчиняться сильнейшему из братьев — Ивану, коровьему сыну, который зовется Бурей-богатырем. На символическом языке сказки братья-богатыри олицетворяют князей отдельных племенных союзов (поляне, древляне и т.д.), а в их спорах о верховенстве угадываются зафиксированные сказкой времена объединения восточнославянских племен в сплоченный союз с русским князем во главе.

Направление военного похода трех богатырей — во владения Змея у Черного моря. В Северо-Восточном Причерноморье, начиная приблизительно с конца VIII и вплоть до середины X в., хазары были полноправными хозяевами. В иные времена им платили дань и греческие причерноморские города. В Тмутаракани (на

Таманском полуострове) хазары правили еще дольше — вплоть до 1083 года, когда свергнутый и высланный ими в 1079 году внук Ярослава Мудрого, князь Олег Святославич, возвратил себе власть, причем, как сказано в «Повести временных лет», «иссек хазар». Для древних русичей Черное море было родным. Иноземные авторы IX—X вв. продолжали называть его Русским. Понятно, что столкновение в Причерноморье всесильного каганата и крепнущей год от года Киевской Руси не могло не обернуться новыми битвами. Вот почему на миролюбивые приветствия Чуда-юда: «Зачем ты приехал? Сватать моих сестер али дочерей?» — богатырь неизменно отвечает: «Нет, брат, в поле съезжаться — родней не считаться; давай воевать».

Буря-богатырь побивает Чудо-юд, но сражается он в одиночку. И если жены чудищ и их мать, в образе огромной свиньи, готовятся отомстить за мужей и чад, то «братья» Бури-богатыря, наоборот, разрывают с ним союз. Однако, отделившись, они не в силах бороться с семейством чудищ. Подобно тому как в середине IX в. юго-восточные племена Руси попадают под иго хазар, Иван-царевич и Иван, девкин сын, проглатываются «свиньей». От рабского пленения их освобождает Буря-богатырь. За этим сказочным образом угадывается реальный воевода — князь Олег (в фольклорной традиции — Вещий Олег). Буря-богатырь, как и Олег, вещий витязь, то есть вещун или прорицатель. Оборачиваясь то мушкой, то соколом, он узнает замыслы врагов и избегает готовящихся ему напастей.

Победив Чудо-юдову мать, Буря-богатырь нападает на Индейское царство. С кем же воюет русский богатырь? И какая страна скрывается в сказке под именем Индейского царства? Подсказкой здесь может послужить былина «Волх Всеславьевич», в которой также запечатлен индейский набег киевской дружины. В былине говорится:

И пришли оне к стене белокаменной,
Крепка стена белокаменная...

Но, как мы помним, система белокаменных крепостей была в стране Вантит! Экспедиция киевлян была сухопутной, и нигде, за исключением берегов Дона, таких укреплений в соседних с Киевом землях не было. Страна венедов-ванов (Венедия-Виндия-Индия) — вот куда направлялась дружина Волха. Таким образом, и сказка, и былина описывают поход киевлян против вятичей.

Былинный сюжет обнаруживает несомненное родство со сказочным. Многие исследователи фольклора, в том числе С.П. Шевырев, Ф.И. Буслаев, Вс. Миллер, указывали на связь былинного Волха с Вещим Олегом (созвучны и их имена). При нашем согласии с этой точкой зрения следует только уточнить, что былина описывает поход на Дон, в страну Вантит, а не на Царьград (Константинополь). Анализируя текст «Повести временных лет», можно заключить, что вятичи проводили независимую от варягов политику, поэтому «приструнить» их можно было только силой оружия.

Итак, подвиги великого киевского князя Олега нашли отражение в самых разных произведениях: сказке, былине и летописных записях. Как образец более древнего жанра, сказка о Буре-богатыре, видимо, возникла первой. Во всяком случае, замечательно прослеживается ее связь с летописным сказанием о смерти Олега.

Отринув мысль о смерти, едет царьградский триумфатор взглянуть на останки своего коня. «И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он» («Повесть временных лет»). Разве не напоминает эта сцена встречу пешего Бури-богатыря с Чудо-юдой, восседающим на коне по кличке Воронье мясо? Буря-богатырь, победив двенадцатиглавого Чудо-юдо, забирает себе его

коня. Предание о гибели князя, тем самым, можно рассматривать как продолжение сказочного жизнеописания Бури-богатыря (Вещего Олега): конь Змея стал добычей воина (сказка), но позже принес смерть своему новому хозяину (предание). В сущности, трагическая развязка выглядит как месть самого Чуда-юда — недаром змея выползает из черепа — символа царства мертвых.

Смерть богатыря от яда уже убитого им Змея — весьма распространенный сюжет в мифах индоевропейцев. Сам бог Тор хотя и умерщвляет великого Змея, но гибнет от его яда. Та же участь уготована и Беовульфу, герою знаменитого англосаксонского эпоса. От яда убитой им лернейской гидры умирает Геракл. Можно предположить, что древнегреческий миф о Геракле был хорошо известен восточным славянам и оказал влияние на создание преданий об Олеге.

Некоторые историки полагают, что источником сказания о смерти Олега могла стать скандинавская сага «Одд со стрелами». В ней прорицательница Гейда предсказала юноше смерть от любимого коня. Вспылив, юный викинг ударил женщину, а на следующий день увел своего коня Флакси далеко от дома, убил его и навалил над ним высокий курган из песка и камней. Много лет спустя, вернувшись из чужедальних странствий, Одд снова попал в долину, где был захоронен его любимец. Споткнувшись обо что-то, викинг обнаружил конский череп, из которого выскользнула змея и смертельно ужалила его в ногу. Так исполнилось предсказание Гейды.

Внешне истории обеих смертей героев схожи. Но историческая расшифровка сказки о Буре-богатыре высвечивает и важное их различие. Если Флакси — верный друг Одда с детских лет, то сказочный Вещий Олег — Буря-богатырь — добывает себе коня в битве с Чудо-юдой. Этот конь составляет половину могущест-

ва Чуда-юда: потеряв его, Змей теряет часть своей силы. Тот же, кто получает коня, становится сильнее и могущественнее.

А конь этот из русских сказок и сам чудо: добыть его можно только в результате долгих и тяжелых испытаний: отняв в бою у смертельного врага, вскрыв подземную темницу или получив в наследство от умершего пращура. Имя сказочного коня — Сивка-Бурка — отражает круговорот времен (конь — один из символов солнца): чередование зимы (Сивка — белый конь) и лета (Бурка — темный конь). Это конь смерти и воскресения. Он является после произнесения магического заклятия и дает своему хозяину силу совершать богатырские подвиги, спасает его от смерти и приводит к богатству и исполнению желаний. Но он служит не вечно, а только до поры до времени. Оставшись без этого чудесного коня, воин лишается навсегда и его волшебной помощи, из непобедимого богатыря превращается в уязвимое существо. Сивка-Бурка — олицетворение таинственной мощи природы. В сказках он исполняет только три службы в урочное время. Потом его следует с благодарностью отпустить. Летописный Вещий Олег, словно сказочный богатырь, как раз так и поступает со своим боевым другом — с благодарностью отпускает на волю своего коня и отодвигает свой час смерти на четыре года.

Волхвы открывают Олегу судьбу в простом и ясном предсказании: примешь смерть от коня своего. Сообщают ему и его соратникам ровно столько, чтобы преданные ему поберегли его, а тайные враги, буде такие окажутся, не поняли сокровенного смысла предсказания. Олег отказывается от коня, но не отказывается от военных походов. Князя Олега невозможно представить без боевого коня: прежнего коня сменил новый товарищ и стал для Олега «своим». А ведь волхвы не

уточняли, от которого «коня своего» примет он смерть. Их слова могли указывать на гибель в результате боевого похода. Даже если князь понял слова волхвов именно так, это ничего не изменило бы в его судьбе: он был воин, у него была своя политика, явные и тайные враги, как среди хазар и ромеев, так и свои, домороченные. Но в великом деле лучше умереть, чем отступить, даже если знаешь, где затаилась угроза. Начав испытывать судьбу, Олег уже не мог отступить и измениться: пользуясь тем, что предсказание всеми понято буквально, он совершил свой подвиг ради великой державы и, поддерживая дух своих единомышленников, укорил кудесников: «Не правду говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». Он касается ногой черепа старого боевого коня, чтобы убедить всех в своей правоте, и (трагическая случайность!) предсказание сбывается. Но и через девять веков память о нем не угаснет: Пушкин создаст вдохновенную «Песнь о Вещем Олеге», а Языков в одном из своих стихотворений напишет: «Вещего помнит Россия». За что же такая слава?

В конце IX в. Хазария с переменным успехом билась с Русью, но дружила с Византией: около 893 г. хазары в союзе с греками и мадьярами воевали против болгар и печенегов. В начале X в. ситуация переменилась. Победив полки Олега, хазары приказали ему идти на Византию. Русскому князю в этой ситуации предписывалось выполнить роль наемника. Война же, по замыслу хазарского «генштаба», должна была не только ослабить Русь и Византию, но и вконец расстроить их налаженную торговлю. Если бы этот план осуществился, то каганат завладел бы монополией на сбыт русских товаров на Востоке. Однако правители Хазарии просчитались. Начавшись военным столкновением, поход Олега завершился мирными договорами 907 и 911 гг.

Некоторые историки считают, что похода 907 г. не было, поскольку о нем нет упоминания в греческих источниках. Но для нас этот вопрос несущественен, так как мы разбираем чисто летописную аллегорию об истории смерти князя, а согласно ей поход имел место.

Договоры с Византией юридически оформляли права русских купцов в Константинополе и предопределяли тем самым не только увеличение русско-греческой торговли, но и долговременную ориентацию внешней политики Руси на дружбу с Византией. Договоры ломали сложившуюся систему диктата Хазарии в Юго-Восточной Европе. Не удивительно, что вокруг них разгорелся костер политических интриг. И, видимо, не случайно, что подписавшие договор 911 г. византийские императоры, соправители Лев VI Мудрый и Александр, а также русский князь Олег умерли уже к середине 913 г.

Киевский воевода «укрепил» свой щит на царьградских вратах, то есть гарантировал защиту византийской столицы. Союзом с греками он восстанавливал против себя хазар и фактически, как бывший их наемник, подписывал себе смертный приговор. Русичи сознавали, что выбор сделан. Оставалось только гадать, когда Хазария подготовит ответный удар. Договор 907 г. носил лишь предварительный характер, но именно в это время волхвы предсказывают Олегу смерть. Через четыре года, когда будет оформлен и подписан договор, конь умрет. Это знак, предвещающий скорую гибель князя.

«И плакашися людие вси плачем великим», прощаясь с Олегом. Так записал летописец. Сказка, как фольклорный жанр, передающийся от одного поколения к другому, сохранила до нашего времени этот скорбный мотив. «Да, Вещего помнит Россия».

Сказка «Иван Быкович»

Сказка «Иван Быкович» — тоже история о трех братьях. Правда, в отличие от предыдущей сказки, между богатырями уже нет и тени неприязни. Проиграв в соревновании на силу, Иван-царевич и Иван, кухаркин сын, говорят победителю: «Ну, Иван Быкович! Будь ты большой брат!» Союз братьев (славянских богатырей) стал крепче, чем при Буре-богатыре. Это послеолеговы времена.

Иван Быковича (судя по его отчеству) логично считать потомком Ивана, коровьего сына, Бури-богатыря, точнее, воином следующего поколения. Если же продолжать параллель мира мифологии, образов сказки и мира русской истории, то богатырю Ивану Быковичу будет соответствовать князь Игорь. Собственно, в сказке находит образное выражение мысль о том, что Иван Быкович, как защитник земли Русской, преемник Бури-богатыря, и в реальности мог бы быть отождествлен с князем Игорем. Подобно своим историческим прототипам, они сменяют друг друга в стольном Киеве и на богатырской заставе.

Иван Быкович бьется со Змеями не у моря, а на реке Смородине (смород — смрад), берег которой усеян человеческими костями, «по колено будет навалено». Чуды-юды владеют к этому времени огромными пространствами, даже агрессивная Баба-Яга поминает их без симпатии: «...ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покатили». Точно то же в первой половине X в. мог сказать о хазарах любой их сосед.

Река Смородина — внутренняя приграничная река Русского государства. Ряд исследователей фольклора настаивают на исключительно мифологическом названии реки, являющейся границей между «этим» и «иным» мирами. Но в то же время река Смородина упо-

минается в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник», и протекает она где-то поблизости от Чернигова. Всеволод Миллер отождествил ее с рекой Смородинной, что в 25 верстах от Карачева — города черниговских князей, предполагаемой родины Ильи Муромца (в былине село Карачарово). Другая былина — «Наезд литовцев» также помещает Смородину в области, близкие селам Карачеву и Переславскому (город Переяславль). Трудно поверить в то, что сказители X—XI вв. мыслили сказочную и былинную реку Смородину в разных концах Руси. А если так, то место битвы Ивана Быковича со Змеями локализуется внутри треугольника из трех городов — Киева, Чернигова и Переяславля, вблизи границы между землями полян и северян. Через эту область двигались хазары на Русь.

Иван Быкович, продолжая дело Бури-богатыря, побил Змеев, а вот сладить с их матерью не смог. Поражение богатыря (войск киевского князя невдалеке от Киева) естественно отнести ко времени второй волны хазарского ига (20-е (?) — 60-е годы X века), к тому историческому времени, когда русичи вновь попытались освободиться. Кембриджский аноним, еврейский автор XII в., рассказал о войне киевского князя в союзе с Византией против Хазарии, начавшейся в 939 г. «Войну развязал хазарский царь Иосиф, который «низверг множество необрезанных», т.е. убил много христиан...

В 939 г. (или в начале 940 г.) Хельгу (князь Игорь. — *А. А.*) внезапным ночным нападением взял город С-м-к-рай (Самкерц, на берегу Керченского пролива)...

Хазарский царь ответил на удар ударом. Полководец «досточтимый Песах» освободил Самкерц, отбросил русов от берегов Азовского моря, вторгся в Крым, взял там три греческих города, где «избил много мужчин и женщин», но был остановлен стенами Херсонеса, за которыми спаслось уцелевшее христианское население Крыма.

Затем Песах пошел на Хельгу, т.е. подступил к Киеву, опустошил страну и принудил Хельгу, против его воли, воевать с бывшими союзниками — византийцами за торжество купеческой иудейской общины Итиля.

Все эти события в русской летописи опущены, за исключением последовавшего за ними похода на Византию» (*Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь). Но отзвуки этих событий, волшебно преобразившись, присутствуют в сказке!

Ведьма (сказочный образ полководца Песаха) утаскивает Ивана Быковича в подземелье — логово Чудо-юдова отца. Длинные ресницы и густые брови совсем закрывают глаза старика. Как и восточнославянскому Вию, веки ему поднимают железными вилами могучие богатыри. В отшельничестве и бездействии змеиного родителя просматривается поразительная аналогия с положением хазарского кагана. Приняв высший верховный титул, он удалялся в специальный дворец, появляясь перед народом только в особо торжественных церемониях. Действия правителя были строго табуированы и жестко ограничены, а всю власть сосредоточил ставленник придворной верхушки. Неизменной обязанностью кагана, правда, оставалось руководство войсками в случае войны. Как мудрый главнокомандующий действует и сказочный «каган», отец Чуда-юда. Он не мстит Ивану за сыновей, но направляет его (!) в военный поход — умыкнуть царицу золотые кудри.

Подробности морской экспедиции сказочного витязя напоминают о связанных единой задачей походах князя Игоря на Византию в 941 и 943 гг. В первом походе Игорь возглавил эскадру в 10 тысяч кораблей. Велик и сказочный караван судов: «Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул: «Все за мной!» — и поехал в путь-дорогу. Отъехав немного, оглянулся назад — и видит: сила несметная кораблей и лодок!»

Захватить Константинополь русским не удалось. А потому второй поход, уже сухопутный, объединил варягов, печенегов, словен, кривичей и днестровских тиверцев. Войско дошло до Дуная, где встретило послов императора с мирными предложениями. Взятие богатого откупа у греков подобно подношениям Ивану Быковичу: «Приезжают в невиданное царство, небывалое государство; а там уже давно сведали, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидал Иван Быкович несчетное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива; удивляется и спрашивает: «Что б это значило?» — «Это все для тебя наготовлено».

Однако не так просто заполучить хозяйку заморской стороны. Уготовила она русичам баню огнем, и погорел бы Иван Быкович, не окажись с ним старичок Мороз-Трескун. Выдержал богатырь Иван испытание, «царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала». Доплыли они до Чудо-юдова берега, а Иван Быкович к тому времени так полюбил царицу, что посмел предложить своему «повелителю» завоевать невесту в честном соревновании — кто пройдет по жердочке над пропастью, тот и женится на прекрасной даме. «Иван Быкович пошел по жердочке, а царица золотые кудри про себя говорит: «Легче пуху лебединого пройди!» Иван Быкович прошел — и жердочка не погнулась; а старый старик пошел — только на середину ступил, так и полетел в яму». Балансирование над бездной — наверное, лучше не охарактеризуешь русскую внешнюю политику 944 г. С одной стороны, условие хазар завоевать Византию, с другой — традиция мирных отношений с греками. Не потому ли, гадая об истинных намерениях русского богатыря, так недоверчиво и неприязненно встречает его царица? Но во время соревнования мужей она болеет за руса. Силу любви и взаимной поддержки они противопоста-

вили наглости Чудо-юдовых устремлений. Точно так же русско-византийский договор 944 г. выразил антихазарскую позицию государств (*Сахаров А.Н.* «Мы от рода русского...») Не изменив своему извечному правилу счастливого финала, сказка вместе с тем не погрешила и против подлинных фактов истории.

Сказки о Буре-богатыре и Иване Быковиче, читаемые со знанием потаенных в них ассоциаций, открывают взгляд простого человека X века на историю своего народа. Отличается ли он от официально-летописного? Несомненно. В сказках отображена отсутствующая в летописи диалектика русско-хазарских отношений в конце IX — первой половине X в. В то же время сказочные портреты киевских князей схожи с летописными. В сравнении с Иваном Быковичем (Игорем), королевич Буря-богатырь (Олег) и прозорливее, и сильнее, и независимее от политических интриг Чудо-юдовой (хазарской) братии. Но конечно, ни о каком умалении Ивана Быковича в сказке нет и речи.

А откуда родом сказочные Рюриковичи? На этот счет установлено, что герой с именами Иван, коровий сын, Иван Быкович встречается преимущественно в русских и очень редко в украинских и белорусских сказках. География сказок об Иване Быковиче вообще ограничена преимущественно северными областями России. Наша интерпретация сказок прекрасно это объясняет. И Олег, и Игорь — князья северные, для киевлян они люди пришлые, а потому память о них не смогла затмить славы южнорусских богатырей доолеговой поры. Сказка о Буре-богатыре все-таки популярнее сказки про Ивана Быковича, что тоже понятно: восточным славянам Вещий Олег запомнился прежде всего как князь-освободитель, а Игорь — как не всегда справедливый сборщик дани.

Но то дела внутренние. Что же до забот Отечества, то оба князя были его доблестными ревнителями. Здесь

летопись со сказкой не расходится. И можно утверждать, что сказки об Иване, коровьем сыне, и Иване Быковиче стали тем чудесным пламенем, в котором закалялось мужество полков Святослава.

Сказка «Никита Кожемяка и Кавстрийский Змей»

Сказка о Никите Кожемяке — классический пример дополнения древнего мифологического сюжета более поздними историческими подробностями. Уже в древнем славянском эпосе встречаются сказания о богатырях-кузнецах, кующих гигантский плуг в 40 пудов. Победив Змея, герой запрягает его в волшебный плуг и пропахивает глубокие борозды — «Змиевы валы». В сказке они тянутся аж до моря Кавстрийского (Каспийского). Валы — это реальность. Они представляют собой остатки огромных богатырских застав-крепостей по берегам рек, впадающих в Днепр. Их датировка неясна, но несомненно, что они «верой и правдой» служили древним русичам не один век.

В «Повести временных лет» рассказывается, что обры (авары) впрягали в телеги славянских женщин и заставляли возить себя. Запрягая чудище в соху, Кожемяка как бы мстит Степному Змею за былые унижения славян.

В отмеченных реалистических вкраплениях проявляется, так сказать, первичный слой исторической окраски мифического сюжета. На его фоне можно увидеть другую, более позднюю роспись, отмеченную временем русско-хазаро-печенежского противостояния. Прежде всего, о прозвище сказочного воина. «Повесть временных лет» под 992 г. упоминает о малолетнем ремесленнике-кожемяке, вышедшем на поединок с богатырем-печенегом и удавившем его. Полное имя героя названо в летописи несколько позднее. В 1001 и 1004

гг. Ян Усмошвец, или кожевник (от древнерусского усма — кожа и шью), разбил печенегов, пришедших на Русь. Этот легендарный богатырь послужил прообразом Никиты Кожемяки, а тот в свою очередь заменил в древнейшем сказочном сюжете волшебного кузнеца.

Беспощадный Змей, объявившийся вблизи Киева, брал с народа «поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку да и съест ее». Не миновала беда и царскую дочь. Пленение русских и славян и продажа их в рабство были традиционным промыслом степняков. Только факт захвата царевны и регулярные грабежи напоминают скорее хазарское иго, нежели налеты печенегов. В отличие от хазар, печенеги не завоевывали Киев и не облагали его жителей данью. Византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении, написанном в 948—952 гг., упоминает о «Киевской крепости, называемой Самбатас». Самбатас — хазарское название, имеющее значение «пограничный город» (Киев находился на тогдашней западной границе Хазарского каганата). В крепость стекались товары, взимаемые хазарами с подвластных им славянских племен. Расшифровка древнекиевской топонимии указывает на присутствие в Киеве хазар. От времени владычества хазар в Киеве осталось отмеченное в «Повести временных лет» название городского урочища «Козаре». В Библиотеке Кембриджского университета хранится так называемое «Киевское письмо», написанное на еврейском языке в Киеве в начале X в. В нем представители еврейско-киевского кагала обращаются к другим иудейским общинам с просьбой об оказании помощи их соплеменнику и единоверцу. Таким образом, Змиевы поборы более естественно связывать с действиями хазар.

Совсем недавно ряд исследователей в Израиле и России выдвинули, прямо скажем, экстравагантную

идею об основании Киева хазарами. Причем произошло это всего-навсего тысячу лет назад. Опираясь на скупые и весьма туманные намеки одной арабской географической рукописи, авторы данной гипотезы утверждают, что Киев был основан в IX в. как пограничная крепость Хазарского каганата командиром наемного хорезмийского отряда (хазарской гвардии), носившим родовое имя *Куйа*. В честь своих предков этот степной «легионер» якобы и назвал построенное им на днепровском берегу укрепление Киевом (по-арабски *Куйава* или *Куяба*).

Действительно, город с таким названием встречается в арабских книгах и документах, причем написанных гораздо раньше, чем хазарский наемник Куйа побывал на берегу Днепра (впрочем, вопрос еще, побывал ли он там вообще, поскольку в привлеченной в качестве довода арабской рукописи про то не говорится ни слова, а все домыслы о хазарском основателе Киева покоятся на созвучии имен и чересчур богатом воображении). Кроме того, давно и хорошо известны также армянские источники VII в., введенные в научный оборот еще академиком Николаем Яковлевичем Марром (1864—1934), где повторяется русская летописная история основания Киева (по-армянски *Куары*), что происходит значительно раньше, чем предполагается в «хазарской версии». Хазары завоевывали Киев, но к числу основателей города их причислить никак нельзя.

Обратимся вновь к сказке. В ней Змей выступает обыкновенным грабителем: основатель заботился бы хоть о каком-то благоустройстве, а здесь на первом плане только дань. И уж совсем хорошо знакомым, так похожим на Морского царя Чудо-юдо, является читателям Змей в финале сказки. «Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского. «Ну, — говорит

Змей, — теперь мы всю землю разделили!» — «Землю разделили, — давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут». Здесь сразу вспоминается и таможенная служба хазар в устьях рек и в Керченском проливе, и доминирование их на Каспийском побережье. Иными словами, Кавстрийский Змей символизирует постоянную хазаро-печенежскую угрозу со стороны Дикого поля.

Сокрушительные поражения, нанесенные хазарам Святославом (965—968 гг.), были только вестниками грядущего заката каганата. В конце 70-х гг. хазары возвратились в свою столицу Итиль и попытались восстановить былое могущество, обратившись за помощью к Хорезму. В 985 г. сын Святослава Владимир, как сказано в его житии, написанном хотя бы в некоторой его части еще в XI в. Иаковом Мнихом, «на Козары шед, победи я и дань на них положи». Известно также, что в набегах на Русь хазары иногда объединялись с печенегами. Последнее по времени их нападение на Киев произошло в 1036 г. и окончилось для степного воинства плачевно. Все это позволяет заключить, что сказка «Никита Кожемяка» отражает победный период в столкновениях Руси с хазарами и печенегами (965—1036).

Сказка о Кожемяке венчает богатырскую трилогию о сражениях с морским Змеем. Сказки трилогии являются главами устной летописи народа, русского героического эпоса X в. Вряд ли мы ошибемся, если объявим их уникальными **историческими документами** той давней эпохи. И что из того, что они хранились в сердцах людей, а не в монастырской библиотеке? Разве стали они оттого менее подлинными?..

Но, кажется, военно-историческая тема уже исчерпана, и самое время взглянуть на мирную жизнь Чудаюда.

Сказка «Морской Царь и Василиса Премудрая»

В сборнике Афанасьева в цикле «Морской царь и Василиса Премудрая» приведено восемь сказок. Исходным для них стал сюжет о договоре царя с путником: за возможность напиться из источника Хозяин воды требует отдать то, чего путешественник дома не знает. Тот соглашается, не догадываясь, что за время отсутствия у него родился сын Иван-царевич. Им в итоге и расплачивается родитель с царем.

Сказочный сюжет о запродаже незнаемого в родном доме выдающийся исследователь сказок В.Я. Пропп (1895—1970) соотносил с обрядом инициации — посвящения или введения в культовые таинства подростков у древних народов. Молодой человек во время обряда подвергался испытанию, включавшему, в том числе, и жестокие истязания. Мучения, принимаемые юношей, символизировали его временную смерть, а одоление мук и последующее «возрождение» вводило его в круг посвященных, взрослых и готовых к вступлению в брак мужчин. Нечто схожее совершается и в сказке. Заклание родителями своего ребенка Морскому царю, служба у него, удачный побег и женитьба на Василисе Премудрой своего рода поэтические декорации таинства посвящения; герой, попавший в запредельное царство, возвращается невредимым назад.

С развитием речных и морских торговых экспедиций русичей древний сюжет приобрел новое звучание. Немилосердным таможенником (Морским Царем или Чудо-юдой) купцам-мореплавателям представлялся правитель тех морей и рек, по которым пролегал их путь. В одном из вариантов Ивана-царевича теперь заменил Иван, купецкий сын (отправляющийся в услужение к Чуду-юду). Трудно сказать, возникла бы вообще эта сказка о русском купце и морском злодее, не вос-

препятствуй Хазария свободному плаванию русских кораблей через контролируемые ею реки и проливы.

В 913 г. за возможность прохода в Каспийское море русичи обязались отдать хазарскому царю половину своей добычи. Это, конечно, было грабительское условие, поскольку русские воины шли воевать за хазарские интересы. Но все-таки оно предполагало достаточную награду уцелевшим. На обратном пути, дойдя до устья Волги, русы отослали условленную часть богатств кагану. Однако тот, нарушив договор, отказался пропустить их домой и позволил своей мусульманской гвардии напасть на русичей. После отчаянного трехдневного сражения они были разбиты, потеряв убитыми 30 тысяч человек. Нарушение клятвы всегда считалось святотатством. Коварство хазарского правителя выглядело еще более бесстыдным на фоне недавних договоров русских с греками. За подобные преступления, творимые прототипом Чуда-юда, и прилепилось к последнему прозвище *Беззаконный*.

«Выражается сильно российский народ! И если наградит кого словцом, то войдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света» (Н.В. Гоголь). Применительно к иудейской Хазарии это словцо имело, так сказать, и внутриобщинный смысл. Еще во времена Римской республики (во II в. до н.э.) в иудаизме оформились и противоборствовали две религиозные группировки — саддукеи и фарисеи. Саддукеи (аристократическая, земледельческая знать, жрецы) придерживались буквального смысла Моисеева закона. Фарисеи же, состоящие из ремесленников, торговцев, низших служителей культа, наоборот, стремились «усовершенствовать» иудейскую религию толкованием библейских (ветхозаветных) положений. Собранные и отредактированные разъяснения ветхозаветных книг составили Талмуд, святая святых правоверного фарисея. Христи-

анские авторы, занимавшиеся его изучением, свидетельствуют, что талмудические трактаты неизбежно должны приучать своих последователей к вредным тонкостям, натяжкам, лживости, надувательству, плутовской изворотливости, изощрять их пронырливость и, наконец, убивать в них уважение к Моисееву законодательству. Итильские менялы и ростовщики склонились (в понимании христиан) к почитанию извращенного закона (Талмуда), за что и были отмечены столь нелестным прозвищем.

И еще пара сказочных особенностей. У Чуда-юда 77 дочерей. Появление такого числа вряд ли случайно: во-первых, в русских сказках оно встречается исключительно редко, во-вторых, в пяти других сказках у Морского Царя — по 12 дочерей, а в одной — только 3. И тройка, и дюжина числа традиционно сказочные. А вот семьдесят семь — магическое число в учении иудаистской каббалы. Так, за, казалось бы, мало что значащим числовым символом угадывается причастность материализовавшегося наяву Чуда-юда к миру халдейской мистики и талмудических премудростей.

Интересно и то, что имя возлюбленной Ивана — Василиса — греческого происхождения и означает «царица». Эта, опять-таки неслучайная, деталь указывает на совместное противостояние русских и греков Хазарии.

Сказка «Данило Бессчастный»

Совсем иную историю любви открывает нам сказка о Даниле Бессчастном. В ней Чудо-юдо — старичок-водяной престранного вида — «без рук, без ног, одна борода седая». Ровно в полночь вылезает он из моря у сырого дуба. Тут-то и поджидает его Данило. Дело у дворянина срочное: надо ему к утру сшить из сорока сороков соболей шубу для князя Владимира, и помочь

в том может только дочь Чуда-юда — Лебедь-птица, красная девица. Правда, она страх как расчетлива. «Возьмешь меня за себя? — пытает она дворянина. — В те поры все будет сделано!» Задумался Данило, да деваться некуда. Согласился, а уж красавица не подвела — смастерила шубу на диво. Вот поутру Лебедь-птица и наставляет мужа: «Как выйдешь от заутрени... сымай шубу с своих плеч да уряди князя Владимира в тот час, не забывал бы он нас».

Все сделал Данило как надо, да оплошал малость — похвалился спьяну женой. А тут еще Алеша Попович, бабий пересмешник, начал врать, что спал с ней. Заспорил Бессчастный с лгуном, и тогда порешили они — кто лжет, того и казнить. Но Алеша-клеветник украл для доказательства цепочку лебедь-девицы, все ему и поверили. «Ну, Владимир-князь, — говорит Данило Бессчастный, — вижу теперь, что надо рубить мою голову; позволь мне домой сходить да с женой проститься». Дома же Лебедь-птица, красная девица советует мужу: «Поди зови к себе в гости и князя с княгиней, и всех горожан». Тот послушался ее.

«Срядился князь со княгинею в гости и поехал в путь-дорогу со всем храбрым воинством». Едут они и диву даются; что ни река — то полна пивом, медом, вином или крепкой водкой. Перепились солдаты и генералы, а трезвых только четверо и осталось — князь со княгиней, Алеша и Данило. Вошли они в палаты высокие, ждали-ждали хозяйку за накрытым столом, а та вышла на крылечко, молвила словечко: «Вот-де как мужей учат!» — махнула крыльями и улетела. Гости же ее в болоте на кочках остались...

Рассказчик смакует подробности княжеского унижения: «Пока до палат своих добрались, с головы до ног грязью измарались!» Откровенная насмешка сочинителя открывает его симпатии к оппозиции князя (языческому лагерю).

Чудо-юдова дочка встречается с Данилой в Страстную субботу, накануне Пасхи. Воскресение Иисуса Христа называют праздником праздников, ибо в этот день прославляется победа Жизни над смертью, Света над тьмою, Добра над злом. Оттого так активно искушает человека нечисть в Пасхальную неделю, являясь перед ним то одиноким Мефистофелем, то многоглавой бандой Воланда. В традициях дьявольской «демократии» Лебедь-птица предлагает Даниле заключить договор (в данном случае брачный). Одно из его условий — не распространяться о волшебном даре жены. «Не хвались, что за едину ночь дом построили с тобою», — напоминает Бессчастному красавица. Только удел Данилы — притягивать несчастья. К тому же никто из православных не вступился за него, и сам великий князь поддержал оговор невинной жены. Вот, казалось бы, и объяснение сказки. Но неужели рассказчик вывел героиней «оболганную» христианами нечистую силу? Ведь в конце сказки торжествуют всегда светлые силы Добра и Правды. Из-за неясной развязки В.Я. Пропп, комментируя сказку, даже предположил, что она не закончена. А не разрешит ли эту загадку известная нам мифолого-историческая параллель?

Известно, что XI в. в Киеве была богатая иудейская община. Она выстроила каменную синагогу, но свою веру среди населения не пропагандировала. «Единственным путем распространения иудаизма был тот, который применялся в Хазарии — смешанные браки». Православные священники категорически воспрещали их заключение. Статья из Устава князя Ярослава гласит: «Аще кто с бесерменкою (мусульманкою. — *А. А.*) или с жидовкою блуд створить, а не лишиться — церкви отлучиться и христьян, а митрополиту 12 гривен». Вот почему задумался христианин Данило, когда богатая и красивая девушка нехристианской веры, Чудо-юдова дочь, вызвалась выйти за него замуж. Брачный союз

оказался под угрозой, когда Алеша Попович (неслучайный выбор прозвища персонажа!) украл у Даниловой жены цепочку. Обо всем этом, понятно, в сказке не говорится напрямую, но нельзя отрицать, что сказочный образ Чуда-юда в X—XII вв. ассоциировался на Руси с эмигрантами из Хазарии, и слушатели сказки не нуждались в дополнительной расшифровке.

А кстати, почему князь шествует к дому Данилы «со всем храбрым воинством»? За ответом снова обратимся к истории. Святополк Изяславич (1093—1113 гг. — на великом престоле) «из корыстолюбия дал большие льготы жидам, которыми они пользовались в ущерб народу и тем возбудили против себя всеобщее негодование» (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен). Говоря попросту, киевские фарисеи установили большой ростовщический процент («неумеренные росты»). Накануне воцарения Владимира Мономаха в Киеве, во время восстания 1113 г. жители города разграбили дома тысяцкого Путяты, сотских и евреев. Собравшись по этому поводу на совет, князья решили выселить иудеев из Русской земли без конфискации имущества, но и без права возвращения. «Тайно возвращавшимся евреям было отказано в покровительстве закона, даже в случае ограбления и убийства вернувшихся» (*Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь). Сказочный князь служит закону, и, узнав о браке Данилы с девушкой другой веры, учиняет следствие. Он самолично отправляется посмотреть на Лебедь-птицу. Однако та обхитрила князя и убежала от его суда, опоив предварительно дружину и бросив неосторожного мужа.

Наконец все стало на свои места: неведомый нам волхв-сказитель аллегорически поведал о конфликте христиан и иудеев. Как язычник, он смеется над оскверненным христианским браком и промахом княжеской тайной канцелярии. Все христиане у него сплошь

с червоточинкой: Данило — непутевый пьяница и вообще Бессчастный, Алеша — вор и наветчик, а князь — ни мудр, ни справедлив, да еще, как мальчишка, на Даниле верхом по грязи скачет. А между тем сказочного Владимира современники волхва сопоставляли с Владимиром Мономахом, сидевшим в то время в Киеве (1113—1125 гг.), а бабьего пересмешника Алешу Поповича — с богатырем Александром Поповичем, победителем половцев. Рассказ сказочника-язычника, таким образом, в известной степени односторонен, но для нас важнее другое — глубинный смысл сказки постигается только в контексте русской истории.

Глава 19

Русские на Балтике. Князь Рюрик и проблема варягов

Где ни взглянешь — всюду
камни,
Только камни да сосна...
Отчего же так близка мне
Эта бедная страна?

Здесь с природой в вечном
споре
Человека дух растет
И с бушующего моря
Небесам свой вызов шлет.

И средь смутных очертаний
Этих каменных высот
В блеске северных сияний
К царству духов виден вход.

Знать, недаром из Кашмира
И с полуденных морей
В этот край с начала мира
Шли толпы богатырей.

В. Соловьев.
По дороге в Упсалу

Начало русской колонизации берегов Балтийского моря естественно связывать с первым появлением там венедов. Древнегреческие авторы, начиная с Гесиода, неоднократно упоминают о них как о хранителях янтарного берега. Драгоценный камень балтийские венеды по системе европейских рек доставляли к своим адриатическим соплеменникам, а далее он уже расхо-

дился по странам Средиземноморья, в том числе и в Грецию. В IV в. до н.э. северные страны посетил Пифий из Массалии (Марселя), который добрался до «гвинонов» (венедов!), поставлявших янтарь, а авторы первых веков нашей эры (Тацит, Плиний, Птолемей) писали о венедах как о многочисленном народе, обитающем на юге Балтики и берегах Вислы. Птолемей, к примеру, даже именует Балтийское море Венедским заливом. О времени появления венедов «по берегам Венедского залива» письменных данных нет. Но интересно, что именно в эпоху Троянской войны на этой территории появляется явно пришлое население, отмечаемое антропологами. Население это отличалось от местного прибалтийского более узким лицом, и сейчас его потомки составляют заметный вес среди прибрежных жителей Литвы, Латвии и Эстонии. Известный антрополог Н.И. Чебоксаров, возглавивший группу специалистов, обследовавших состав населения Прибалтики в 1952 г., выделял эту специфическую группу как причерноморскую. Давно было замечено также, что в так называемой поморской культуре (VII—II вв. до н.э.) распространены «лицевые урны» — погребальные урны со стилизованным изображением на них человеческого лица. Подобные урны ранее были известны в Трое. Позднее они встречаются также у этрусков в Италии. Таким образом, культурные традиции малоазийской Русены были перенесены в конце II тыс. — нач. I тыс. до н.э. «выходцами из Трои» не только в Италию, но и на побережье Балтики. Приблизительно в VII—VI вв. до н.э. через прибалтийские земли мигрировала часть киммерийцев (кимбров), поселения которых еще сохранялись на рубеже нашей эры на севере Ютландского полуострова.

Очень важную информацию об освоении русскими восточных областей Прибалтики дает карело-финский эпос «Калевала». Его главный герой — Вяйнемей-

нен, или по-нашему Ваня. Он — прародитель людей Лапландии (северного края, включающего часть Кольского полуострова и север Финляндии, Швеции и Норвегии). Когда один из более юных богатырей Еукахайнен — «тощий молодой лапландец», «юноша дрянной лапландский» — попробовал оспорить право старшинства у Вяйнемейнена, тот ему резко возразил:

Лжешь ты выше всякой меры!
Никогда при том ты не был,
Как пахали волны моря,
Как выкапывали глуби
И как рыбам ямы рыли,
Дно у моря опускали,
Простирали вширь озера,
Выдвигали горы кверху
И накидывали скалы.
И тебя там не видали,
Тот не видел и не слышал,
Кто тогда всю землю создал,
Солнце светлое поставил,
Заключил в границы воздух,
Утвердил и столб воздушный
И построил свод небесный,
Кто направил ясный месяц,
Вширь Медведицу раздвинул
И рассыпал звезды в небе.

Вяйнемейнен олицетворяет венедов, первопоселенцев в этих краях. Еукахайнен же представляет племя финнов, пришедшее на эти земли позже. Кстати, название «Финляндия» изначально звучало как «Виндланд» и означает «земля венедов». Сами себя финны называют «суоми». В Скандинавию они мигрировали из приуральских областей. И лишь поселившись в Виндланде-Финляндии, получили от своих соседей имя «финны». Такое замещение имен стало возможным еще потому, что венеды (русы) не противодействовали заключению смешанных браков. И не случайно Вяйнемейнен ищет себе невест непременно среди девушек соседних племен.

Финское название России — «Венайа» — родственно и имени Вяйне («страна Вяйне» в «Калевале» называется Вяйнела), и этнониму «венеды». Это еще одно независимое доказательство того, что венеды отождествлялись с русами. Согласно текстам рун, Лапландия также называлась Рутья — именем, которое напоминает нам о том, что балтийские венеды — выходцы из азиатской Русены (Рутены). Но еще более впечатляет то, что в западно-финских («балтийско-финских») языках та страна, которую русские называют Швецией, зовется Руссией. Это указывает на то, что значительная колония венедов-русов издревле (то есть до прихода в Швецию собственно скандинавов) уже проживала там.

Как известно, норманисты производят имя «русь» от финского «руотси» — «гребцы». Мы готовы признать этимологическую связь русского и финского слов, но с одной существенной поправкой: имя нашего народа первично. В связи с этим обращает на себя внимание один из персонажей «Калевалы» — Руотус. В эпическом произведении случайных совпадений не бывает, поэтому можно смело утверждать, что Руотус — это Рус. Чем же он знаменит? Да тем, что у него, единственного в деревне, есть баня. Уже одно это обстоятельство говорит о том, что мы не ошиблись: русские и баня неразделимы. Руотус живет в достатке:

За столом сидит в рубашке
Из льняной отличной ткани.

По законам эпоса мы должны заключить, что такой же безбедной была жизнь его соплеменников. Более того, судя по тому, что Руотуса просили предоставить баню, где лапландская девушка должна была родить будущего короля Карелии, русские были в числе верховных правителей страны. Отказ жены Руотуса пустить роженицу не следует воспринимать как проявле-

ние жесткосердия, тут замешана политика. Ребенок должен сменить на троне Вяйнемейнена, поэтому «русская партия» не хочет способствовать его рождению и, следовательно, перевороту в стране. Но она и не прибегает к насилию. Точно так же никто не поддерживает Вяйнемейнена, требующего умертвить младенца сразу после рождения. Отстраненный от власти, он с обидой уплывает из страны Суоми. Очевидно, вместе с ним страну покинули и многие руотусы. Финны действительно могли их называть «руотси». Но только это слово вторично по отношению к имени «русь». Впрочем, это и так было ясно после более чем двухвековых бесплодных попыток лингвистов-норманистов доказать обратное.

Мы не можем даже приблизительно назвать то время, когда венедская династия перестала править в Финляндии. Так же трудно указать, в каких частях полуострова остались их поселения. Если же говорить об основной группе венедов, то она сконцентрировалась на южном побережье Балтийского моря. Массовая миграция в эти земли роксолан (асов и ванов) значительно укрепила позиции венедов в Прибалтике и Скандинавии. В середине I тыс. н.э. на юге Норвегии отмечена область Рогаланд — земля рогов. Присутствие ванов в качестве действующих лиц скандинавской мифологии говорит о том, что русские продолжали пребывать на полуострове, но их роль в жизни скандинавских народов со временем уменьшалась.

В связи с историей образования Русского государства особый интерес среди историков приобрела проблема варягов. Известно, что они проживали на берегах Балтийского моря, но какова была их этническая принадлежность и что означает их имя? К настоящему времени, казалось бы, уже разобраны все мыслимые варианты ответа, и вроде бы ничего нового на этот счет сказать невозможно. И тем не менее попробуем

привнести в исследование этого вопроса «свежую струю». Начнем с самого непонятного в истории варягов — их имени. Одна из теорий выводит его из скандинавских языков, где корень «вар» означает «верность», «обет», другая возводит к общеевропейскому значению этого корня, связанному с понятием «вода», откуда следует, что варяги — это просто поморяне, жители морского побережья. Каждая версия, несомненно, имеет свои достоинства, но для правильного решения проблемы имени, как мы уже не раз убеждались, недостаточно только прямолинейных лингвистических изысканий. Попробуем учесть вскрытый ранее нами факт миграции ариев-иранцев в прибалтийские и скандинавские земли. Подчеркнем еще раз, что мифы об асах и ванах принесли на север роксоланы. Со временем они растворились среди других народов, но игнорировать привнесенный ими слой ирано-русской культуры никак нельзя.

В древнейшей книге ариев «Авесте» рассказывается о птице Вараган — мифической хищной птице. Магическое действие ее на судьбу пророка Спитама (предка Заратустры) объясняется в книге так:

Сказал Ахурамазда:
«Возьми перо, Спитама,
Ширококрылой птицы,
Перо от птицы Вараган,
И, проведя по телу,
Пером заклятье снимешь
Ты своего врага.

Дают нам благо перья
И кости сильной птицы,
Могучей птицы Вараган,
Никто того не может
Сразить, повергнуть в бегство,
Кому дает удачу,
Кому дает поддержку
Перо той птицы птиц.

Его убить не может
Тиран или убийца,
Никто убить не может
Владетеля пера —
Один он всех сразит!»

Пусть все меня боятся,
Владетеля пера,
Пусть все враги боятся,
Все недруги боятся
Той силы и победы,
Что я с собой ношу.

Перо Варагна, как ясно, носит силу оберега, оно спасает от чужого заклятия; нелишне тут вспомнить и русскую сказку о Финисте — Ясном соколе и волшебных свойствах его перышка. Варагн — священная, особо почитаемая птица, ее перья должны присутствовать в ритуале обращения к богу войны и победы — Вэртрагне. Одно из его воплощений — ветер, поэтому имя бога можно прочитать как несколько искаженное русское словосочетание «ветер-огонь», то есть «огненный смерч», что очень подходит в качестве образного выражения понятия войны.

Птицу Варагн традиционно отождествляют с «вороном», птицей бога войны у германцев и скандинавов — птицей, посвященной верховному асу Одину. Два ворона, Хугин и Мунин (буквально: «Мысль» и «Память»), всегда сопровождают его. Но настоящие двойники Варагна обнаруживаются в русской и славянской мифологиях. Обратим вначале внимание, что имя Варагн складывается из двух половин — «вар» («жар», «кипящая среда») и «агн» — «огонь». Варагн, таким образом, — это огненная птица или Жар-птица из русских сказок. Так же просто теперь можно объяснить и происхождение имени славянского бога огня Сварога (Се Варога или Варагна — опять работает правило «нечитаемой» первой «с»). Сварог — мужская (более поздняя) ипостась Варагна. Для прибалтийских славян Сва-

рог был верховным владыкой Вселенной, родоначальником всех светлых богов. Во мраке туч именно он возжигал пламя молний, являясь творцом небесного огня; земной же огонь, по древнему преданию, был божественным даром, низведенным на землю в виде молнии. Разбивая громовыми стрелами тучи, Сварог выводил из-за них ясное солнце, или, выражаясь метафорическим языком древности, возжигал светильник солнца, погашенный демонами тьмы; это картинное, поэтическое представление прилагалось и к утреннему солнцу, выходящему из-за черных покровов ночи (сравни явление Жар-птицы под утро, на заре). С восходом солнца, с возжением его светильника, соединялась мысль о его возрождении, и потому Сварог считался божеством, дающим жизнь Солнцу, его Отцом.

Итак, следы иранского божества обнаруживаются на Балтике. Значит, и это новый поворот в решении норманнской проблемы, варяги — это арии, потомки аланов и роксоланов, мигрировавших в североевропейские земли. И действительно, «роксоланы» и «савроматы» где-то у юго-восточного побережья Балтики упоминаются географом Равенским и повторяются многими континентальными авторами вплоть до позднего Средневековья. Собственно, на землях Скандинавии опять сошлись две ветви ариев: иранцы и индоарии, мигрировавшие сюда ранее вместе с киммерийцами и венетами. Для особо сомневающихся в этом укажем, что название полуострова Скандинавия образовано путем слияния имени бога войны индуистской мифологии Сканда (отсюда слово «скандал») и древнерусской богини загробного мира Нави. О рождении Сканда существует несколько мифов. По одному из них, он был сыном бога огня Агни (по числу упоминаний в ведийской мифологии этот бог русского происхождения стоит на втором месте после Индры) и Свахи (опять образ русского происхождения). Соеди-

няясь с Агни, Сваха последовательно принимала облик шести жен великих риши — знаменитых исполнителей арийских гимнов. Согласно другому мифу, Скан-да — сын бога Шивы (русский Сив!), входившего в верховную триаду индуистских богов, наряду с Брахмой и Вишну. Не надо много фантазии, чтобы сообразить, что созвучие слов «Шива» и «Швеция» совсем не случайно, и здесь опять не обошлось без арийского вмешательства.

А тот факт, что прибалтийские славяне поставили Варагна-Сварога в качестве первобога, говорит о безусловном включении варягов в их жизнь и определяющем влиянии пришельцев-ариев на их культуру. Историкам известно племя «варинов» («варов», «вааров», «вагров»), проживавшее на южном берегу Балтики по соседству с датчанами, занимавшими полуостров Ютландия. Варины принадлежали к группе вандальских (ванских!) племен. Их, как правило, и отождествляют с варягами.

Выделение варягов в отдельное племя (вторая половина VIII в.) и, соответственно, их обособление от шведов, норвежцев, финнов, датчан свидетельствует о резком этническом размежевании в среде скандинавов. Молодые скандинавские народы в то время яростно делили карту полуострова. Кульминацией этой борьбы стала битва при Бравалле (территория Швеции близ побережья Балтики). Формальной причиной битвы был конфликт между датским королем Харальдом Хильдетандом и его племянником Сигурдом Рингом, правившим в Швеции. Но армии каждого из правителей включали и множество других народов. Практически все народы Северной Европы приняли участие в этой битве на той или иной стороне. Но если основную часть войска Сигурда составляли жители шведских и норвежских областей Скандинавского полуострова, то состав армии Харальда отличался большой

пестротой. Причем во многом облик войска Харальда определялся не датчанами. Были в нем и венды-русы, и славяне. Анализ источников, содержащих рассказ об этой битве, позволяет сделать вывод, что в войске Харальда сражалось три русо-славянских отряда. Каждый из них возглавляла женщина, их имена — Хета, Висна и Вебьорг, и тут невольно вспоминаются «женоуправляемые сарматы» — аланы! Хета и Висна именовались герцогинями и правили областью Шлезвиг (территория современной Германии, современное название области Шлезвиг-Гольштейн). Все три «девственницы» (Саксон Грамматик) сыграли заметную роль в битве: Хета несла перед войском датское королевское знамя, Висна сражалась с сильнейшим воином шведов, да и Вебьорг ничуть не уступала им в доблести. Обобщая сведения Саксона Грамматика о войске Харальда, профессор Е.В. Кузнецов сделал вывод, что «едва ли скандинавы составляли в нем большинство». Таким образом, против монолитной шведско-норвежской армии Сигурда Ринга сражалась и потерпела поражение коалиция племен, стержнем которой были нескандинавские, в том числе русские и славянские, воинские отряды. Бравалльское сражение следует назвать второй «битвой народов» раннего Средневековья (после Каталаунских полей 551 г.). Армия, которую в основной своей массе поддерживали русские, опять проиграла. Следствием поражения стал исход их соплеменников и дружественных им племен из Скандинавии. Поселившись на землях Южной Балтики, они стали именоваться варягами. Объединяла их память о том, что они выходцы из южнорусских областей, что их предки — арии, поклонялись священной птице Варагн. Значительную часть варягов действительно составляли переселенцы из Скандинавии, но они не были ни шведами, ни норвежцами, ни тем более древними германцами — теми народами, которых мы признаем за

истинных скандинавов. Варяги не были скандинавами в современном понимании этого слова! Следовательно, не было никакой скандинавской экспансии в IX в. на Русь. Были набеги варягов, но не было шведов, норвежцев и вообще германцев. Воины-скандинавы, объединявшиеся для совместного проживания в виках (так назывались их поселения) и военных экспедиций, имели свое собственное название — викинги. Итак, варяги в своем большинстве не были, а викинги, наоборот, были скандинавами. В этом их отличие. Общим же их названием было — норманны («люди севера»). Отряды норманнов включали и тех и других. Это были интернациональные «бригады» профессиональных бойцов. Но ходили они, как и викинги, только на запад. Путь на восток от Балтики контролировался варягами (повторимся, не скандинавами!).

Южная и Восточная Балтика с давних пор была «приписана» венедам или ругам (русам), поэтому русские составляли значительную часть народа варягов. В этом смысле указание Лаврентьевской летописи, что новгородское посольство для призвания оттуда верховного князя было направлено «к варягам, к руси, ибо так звались те варяги — русь», должно убедить всякого, что наш первый князь Рюрик по происхождению был русом. Однако сомневающихся в этом (то есть сторонников скандинавского происхождения варягов или норманистов) и в прошлом было, и в настоящем остается предостаточно. Поэтому, чтобы укрепить наши доводы, следует рассмотреть весь корпус источников о Рюрике и понять и объяснить природу ошибок норманистов.

История призвания Рюрика достаточно полно восстанавливается по фактам, сохраненным «иоакимовской» и «никоновской» летописями. Объединение двух этих источников дает такую картину. У новгородского старейшины Гостомысла была большая семья, что в ус-

ловиях узаконенного обычаем многоженства не являлось редкостью. Но вместе с тем еще отсутствовал твердый порядок наследования (лишь в середине XI в. Ярослав Великий введет «лестничную» систему наследования великокняжеской власти). Преемника уходившему из жизни правителю определяло вече, поэтому заботящийся о городе властитель должен был предусматривать возможный ход событий в будущем. Это, собственно, и сделал Гостомысл: народу, собравшемуся после смерти князя, было рассказано о «вещем сне», которым тот выражал свою волю: пригласить одного из сыновей своей «средней» дочери Умилы, находившейся замужем за «заморским князем» — варягом. Воля Гостомысла, если верить Никоновской летописи, достигла цели. Вот отрывок из нее: «...собравшись, они решали о себе: поищем между себя того, кто бы был у нас князем и управлял нами, поищем и уставим такого или от нас, или от хазар, или от полян, или от дунайцев, или от варягов. И был об этом великий спор: одни хотели одного, другие — другого: так, посовещавшись, послали к варягам». Из данного текста явствует, что рассматривались варианты призвания князей из самых разных народов, при этом этническая принадлежность, кажется, вовсе не интересовала собравшихся. Так может, уточнение Лаврентьевской летописи относительно варягов-руси не соответствует действительности?

Здесь уместно процитировать важнейший для всей нашей темы источник — отрывок из «Северных писем» французского автора К. Мармье (1857 г.): «Другая традиция Мекленбурга заслуживает упоминания, поскольку она связана с историей великой державы. В VIII в. н. э. племенем ободритов управлял король по имени Годлав (это германская транскрипция имени Годолюб. — *А. А.*), отец трех юношей, одинаково сильных, смелых и жаждущих славы. Первый звался Рюри-

ком, второй Сиваром, третий Трувором. Три брата, не имея подходящего случая испытать свою храбрость в мирном королевстве отца, решили отправиться на поиски сражений и приключений в другие земли. Всюду, где братья встречали угнетенного, они приходили ему на помощь, всюду, где вспыхивала война между правителями, братья пытались понять, какой из них прав, и принимали его сторону. После многих благих деяний и страшных боев братья, которыми восхищались и которых благословляли, пришли в Руссию. Народ этой страны страдал под бременем долгой тирании, против которой никто больше не осмеливался восстать. Три брата, тронутые его несчастьем, разбудили в нем усыпленное мужество, собрали войско, возглавили его и свергли власть угнетателей. Восстановив мир и порядок в стране, братья решили вернуться к своему старому отцу, но благодарный народ упросил их не уходить и занять место прежних королей. Тогда Рюрик получил Новгородское княжество, Сивар — Псковское, Трувор — Белозерское. Спустя некоторое время, поскольку младшие братья умерли, не оставив детей, Рюрик присоединил их княжества к своему и стал главой династии, которая царствовала до 1598 года».

Древнее предание, записанное и донесенное до нас французским писателем, не содержит никаких упоминаний о варягах. Согласно ему, Рюрик возглавлял большой славянский союз ободритов (бодричей), существовавший на территории сегодняшней немецкой «земли» Мекленбург. С ними на востоке соседствовали руги, но говорить о тождестве двух племенных групп нельзя. Так кем же, по данной версии, был Рюрик и его родичи — ругами-русами или ободритами?

Логичнее и проще начать с его имени. Исследователи северных древностей согласны, что имя «Рорик», в том числе и в форме «Роерик», «Рюрик», сохраненное сагами и «Эддой», среди скандинавских имен встреча-

ется крайне редко. Об этом в свое время писал автор капитального двухтомника «Варяги и Русь», выдающийся историк-антинорманист С.А. Гедеонов (1815—1878), полагавший, что «для шведского конунга имя Ререк так же странно и необычно, как для русского князя — имя Казимира или Прибислава». Русское прозвище Рюрик является синонимом немецкому слову Рерик (Рерих), но Рерик, Рюрик — это не немецкие по своему происхождению имена. Германская знать заимствовала их у жителей Римской империи. Так, ближайшие параллели имени Рюрик связаны с Лиможем переходного от Античности к Средневековью времени. Два епископа этого аквитанского города (Аквитания — одна из провинций Рима) носили имя Ruricius. Один из них руководил церковной жизнью жителей Лиможа на рубеже V и VI вв., другой занимал епископскую кафедру несколькими десятилетиями позднее. В римскую эпоху антропоним Руриций, Рурикий был чрезвычайно распространенным. В западных летописях содержатся сведения о датском (ютландском) конунге, носившем это имя, и многие исследователи признают, что он мог стать историческим прототипом нашего Рюрика (о чем чуть дальше). Известно и другое: на землях ободритов в VIII—IX вв. существовал город-порт Рерик. Летописец франкского императора Карла Великого Эйнхард писал, что в рыночном городе Рерике правил князь ободритов и что название города взято им от датских информаторов. Историк бременского епископства, которое руководило христианской проповедью среди прибалтийских славян, Адам, зафиксировал, что ободриты звались также ререгами — по имени наиболее мощного племени, контролировавшего приморский торговый город. Получается, что «славянский» город, «славянский» князь и наиболее сильное племя «славянского» племенного союза носят одно и то же имя, но имя не славянское. «Разре-

шить этот парадокс можно, если вспомнить, что славяне того времени не знали письменности и к тому же были чужды христианской религии, а все письменные свидетельства, дошедшие до нас, написаны на латинском языке христианами, происходившими из германской среды. Иначе говоря, латинские памятники того времени фиксируют лексику немецких диалектов, родных для писателей, а отнюдь не разговорную славянскую речь. Следовательно, логично предположить, что немецкое «рерик» — обработка какого-то славянского слова на немецкий лад. По законам славянского произношения немецкое «ререги» звучало у славян как «рараги», «рароги». И соответственно, славянское «рароги» («рараги») должно по законам немецкой фонетики произноситься как «ререги» (Е.В. Кузнецов). Но Рарог — это славянское божество!

Славяне мыслили Рарога в виде светозарного огненосного духа, связанного с древним поклонением огню и домашнему очагу. Согласно чешским поверьям, Рарог может появиться на свет из яйца, которое девять дней и ночей человек высиживает на печи. Рарога представляли в виде хищной птицы с искрящимися, пламенеющими перьями, вырывающимся из клюва пламенем — или просто в виде огненного вихря. Рарог — это славянский Феникс, умирающее и воскресающее божество, известное русским как Финист — Ясный сокол. Не случайно его представляли соколоподобным! Да и племенным знаком реregов был сокол.

Итак, имя Рюрика и этноним его племени происходят от названия священного сокола — Рарога. Сокол был геральдическим символом князей-рюриковичей. Еще одним подтверждением смысловой идентичности сокола с именем Рарог-Рюрик служит княжеская символика рода Рюриковичей. Как известно, она имеет форму трезубца и в этом смысле стала основой украинской государственной геральдики. Между тем С.А. Геде-

онов высказал версию, что знаменитый «трезубец» на самом деле является стилизованным изображением сокола. Но если Рарог — синоним Сокола, то племя ререгов можно называть также соколотами или сколотами. Относительно последних никто не станет утверждать, что они скандинавы! Ререги-сколоты пришли в прибалтийские земли с Русской равнины, они предки русских, и не случайно, что германские хронисты причисляли Рюрика не к немцам или скандинавам, а к потомкам древних ругов (росов).

Всякого независимого исследователя не может не впечатлить то обстоятельство, что названия племен варягов и ререгов связаны с названиями божественных птиц, священных тотемов их народов. Это говорит о безусловном единстве культур двух этих народов, тем более что Варагн, по существу, является «двойником» Рарога. Забегая несколько вперед, откроем, что и племенное название славян можно производить от древнерусского «славий» — «соловей», а Соловей-разбойник, с которым сражается Илья Муромец, — божество древних славян (об этом прекрасно написал А.Н. Афанасьев в своем знаменитом трехтомнике «О поэтических воззрениях славян на природу»). Одинаковый принцип в выборе названия племени указывает на факт глубокого духовного единства варягов, русов и славян.

Природа занимает важнейшее место в системе ценностей русского человека. Швейцарский историк XIX в. Яков Буркхардт, к примеру, в книге «Культура Италии в эпоху Возрождения» писал о том, что средневековый европеец не видел пейзажа. Философ А. Гулыга в книге «Искусство истории» не без удивления замечает: «Даже в песнях крестоносцев нет и следа от пребывания в чужих краях». Развивая это наблюдение, он далее пишет: «В Италии впервые рождается новый вид наслаждения — пребывание на лоне природы. По преданию,

Петрарка был первым, кто поднялся на гору (Вента близ Авиньона) с единственной целью — полюбоваться открывающимся видом. Во всяком случае, он был первым, оставившим красочное описание своего восхождения, охвативших его при этом чувств и мыслей». В средневековом эпосе («Песнь о Сиде», «Песнь о Роланде», эпос о короле Артуре, нибелунгах и т.д.) природа упоминается лишь изредка и только в качестве некоего условия, обстоятельства-препятствия. Можно сказать, что известное изречение Базарова в «Отцах и детях» Тургенева: «Природа — не храм, а мастерская, и человек в ней работник» есть совершенно европейская установка. Русское отношение к природе принципиально иное. И не случайно именно русский поэт написал:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Автор этих строк, Ф.И. Тютчев, долгое время (22 года!) жил и работал в Германии, поэтому обращение «вы» в его стихотворении можно с полным правом отнести к представителям западной цивилизации и их идейным последователям в России. Стремление русских и близких им по миросозерцанию племен связывать имя своего народа с божествами, имеющими глубочайшие, корневые связи с природными явлениями, является своего рода «памятью сердца», это первобытное свойство всех древних народов, живших душа в душу с природой. Наконец, это зримое проявление приверженности русских закону «Rta», утверждающему целостность восприятия мира во всем его многообразии.

Европейские источники содержат ряд данных, которые позволяют восстановить в общих чертах биографию первого русского князя. В 808 г. датский ко-

роль Готфрид, пытавшийся в противовес империи франков объединить Данию, Норвегию и Швецию в одно мощное государство, предпринял поход против ободритов. Этот поход также можно рассматривать и как продолжение бравалльской битвы: скандинавы сообща вытесняли с Балтики потомков венедов. Кроме того, гнев датчан мог обрушиться на ободритов еще и потому, что они были союзниками Карла Великого. В своих войнах с саксами Карл столь часто опирался на помощь ободритов, что Анналы (франкская летопись) называют их даже «наши славяне». Готфрид захватил Рерик и сжег его. По всей вероятности, семейству Рорика-Рюрика пришлось бежать к другим славянским племенам или даже к союзным франкам. Во всяком случае, в 826 г. Рорик, согласно «Бертинским анналам», принял крещение от франкского императора Людовика Благочестивого (сына Карла Великого) и получил в лен область «Рустринген во Фрисланде». Цветущая и богатая земля фризов (Фрисланд), расположенная между Рейном и Везером на побережье Северного моря, не только примыкала на востоке к славяно-русским землям, но и была тем центром, откуда на берега Балтики и на восток шли многочисленные товары и ремесленные изделия. Фризский экспорт играл важную роль в торговле таких западнославянских городов, как Волин, Колобжег, Ретра, Старград и другие. Фризские изделия археологи находят на острове Готланд, в Норвегии и Швеции, на землях Восточной Прибалтики, в Ладоге и в Новгороде на Волхове. Фризы были союзниками венедов и славян в битве при Бравалле. Имена предводительниц славяно-русских отрядов в той битве — Хеты и Висны, безусловно, фризские. Это позволило Е.В. Кузнецову предположить, что Фризия на тот момент принадлежала славянам. В начале IX в. ситуация вполне могла измениться, но имя земли, предоставленной во владение Рорику, —

Рустринген (буквально «ринг рустов» или «область русов»), говорит, скорее, об обратном.

К середине IX в. Фризия становится одним из постоянных объектов набегов викингов, которые начинают грабить империю франков, и без того раздираемую войнами между сыновьями Людовика. Рорик оказывается в непростой ситуации, когда ему необходимо было лавировать между двумя силами. Но то, что он в итоге отпадает от христианства и лишается (в 40-х гг.) своих владений в Рустрингене, говорит о его выборе в пользу викингов. В 843 г. большая норманнская эскадра появилась в Нанте, захватила и сожгла город, а затем в качестве временной базы заняла остров Нуармутье в устье Луары. Отсюда они на следующий год совершили набег на города по течению Гаронны, дойдя до Бордо, потом направились на юг, взяли Ла-Корунью, Лиссабон и достигли Африки. На обратном пути варяги высадились в Андалусии (искаженное название Вандалусии — по имени вандалов, побывавших здесь ранее на несколько веков) и захватили Севилью. Может быть, состав их дружины был интернациональным, но национальность тех, кто штурмовал Севилью, местный хронист Ахмед-ал-Кааф называет однозначно: это были русы. И у нас есть все основания предполагать, что предводителем у них был Рюрик.

В 845 г. ладьи Рорика поднялись по Эльбе и разорили города вдоль ее течения. Другими словами, Рорик отвоевал у датчан земли ободритов! А в 850 г. сообщается, что он, командуя флотом из 350 кораблей, обрушился на Англию. Войны норманнов в Западной Европе нельзя представлять только как разбойничьи набеги, хотя и такие акции, безусловно, присутствовали. Но в целом это были хорошо продуманные удары по центру франкской империи и английского королевства. Дружины Рорика были участниками крупной геополитической игры, где варяги боролись за свой «кусок пи-

рога»: права независимо управлять землями славян и отчасти фризов. И надо признать, что эта программа им почти удалась. Военные успехи Рорика вынудили императора Лотаря (сына Людовика Благочестивого) вновь признать права русского князя на Фрисланд (850 г.), но через четыре года он опять отнял эту область. Думается, что здесь не обошлось без военного столкновения. И похоже, что с этого момента отношения Рорика с франками безнадежно испортились. Рорику-Рюрику ничего не оставалось, как возвратиться на земли ободритов.

Конец VIII в. и два следующих столетия можно назвать первым этапом возвращения германцев на восток. За это время ими были колонизированы земли верхнего Дуная и Восточных Альп, территории к востоку от Эльбы. Немецкие миссионеры и рыцари все увереннее чувствовали себя в Моравии, Чехии, Польше, на землях между Эльбой и Одрой. За ними тянулись торговцы, ремесленники, землепашцы. Каролинги (потомки Карла Великого) создали новое и наиболее совершенное по тем временам сухопутное войско: тяжело вооруженную конницу закованных в железо могучих бойцов на крупных, сильных, также закованных в железо конях. Этими «танками Средневековья» были истреблены авары, разбиты арабы... Пешие славяне, имевшие легкое вооружение, начиная с некоторого времени уже не могли достойно противостоять им, и их безопасность поддерживалась только за счет военной мощи варягов. В этой ситуации перед балтийскими племенами русов и славян со всей очевидностью встала проблема переселения на новые земли. Вот почему Рюрик и его народ (варяги-русь!) охотно откликнулись на приглашение новгородцев прийти в их земли.

Кажется, мы достаточно убедительно обрисовали всю невозможность отождествления варягов со скан-

динавами. И все же для полноты картины следует в явном виде указать на ошибочные умозаключения норманистов. Рассмотрим три главных положения норманнской теории, на которых, собственно, она все еще и держится.

1. Согласно «Бертинским анналам», в 839 г. ко двору Людовика Благочестивого вместе с посольством из Константинополя прибыло и несколько русских, правитель которых носил титул кагана. В письме к Людовику византийский император просил его «позволить им вернуться домой через его владения, поскольку дороги, по которым они пришли в Константинополь, перерезаны дикими и жестокими племенами, и он не хочет, чтобы они подвергались опасности, если будут возвращаться тем же путем». Расспросив послов, император заподозрил, что это «свеоны», прибывшие к франкам с разведывательными целями. Чем кончилось дело, информатор не сообщил, как и не уточнил этническую принадлежность «соглядатаев».

Норманистов в этом свидетельстве вдохновляет только имя «свеоны», которое они переводят как «шведы». Оно — единственная причина, по которой русских не хотят считать за русских. Что ж, парадоксальная ситуация, но с ней следует разобраться. Ранее мы уже указали, что этими таинственными послами были азовские русы. Их миссия, вопреки подозрениям Людовика, не носила разведывательного характера. Они искали союзников для противодействия хазарской агрессии. В Византии русы рассчитывали найти политическую поддержку, а в Прибалтике (в среде балтийских русов, варягов и славян) — военную. Откуда же у Людовика возникли подозрения, что послы являются шведами? Ответ оказывается настолько же прост, насколько и неожидан. В скандинавских мифах страна, из которой пришли асы и ваны (то есть Приазовье), носит имя Великая Свитьод, или Швеция. Выходит, что

переселенцы и свою прежнюю родину, и свое новое отечество называли одним и тем же именем! Это, кстати, окончательно объясняет, почему финны именовали Швецию Руссией: до момента массового исхода русов из Скандинавии (приблизительная дата — битва при Бравалле) для обитателей полуострова названия Швеция и Руссия оставались синонимами. После передела Скандинавии имя «шведы» осталось только за обитателями полуострова. Часть русов рассеялась вдоль южного и восточного побережья Балтики, а часть стала основой племени варягов. Вполне вероятно, что сами балтийские русы на время даже отказались называть себя русами, чтобы их не путали со шведами (скандинавами!). И для себя, и для других они стали варягами, венедами, ререгами. Но послы Росского каганата смело называли себя русами, чем в данной ситуации и насторожили франкского императора.

«Свеоны» в составе росского посольства указывают на включенность салтовцев (азовских русов. — *А. А.*) в торговлю по Волго-Балтийскому пути. Очевидно, именно с Балтики к салтовцам попадает янтарь. При этом «солнечные амулеты» из янтаря относятся в основном к концу VIII — первой половине IX в. Именно с конца VIII в. начинается интенсивное движение по Волго-Балтийскому пути. С запада по этому пути идут, прежде всего, фризы и балтийские славяне, с востока — салтовцы. В пользу приоритетного значения в торговле именно салтовцев говорит примечательный факт. Арабские монеты шли в Восточную Европу двумя каналами: первый — из Ирака через Каспий на Волгу и далее в Прибалтику, второй — из западных пределов халифата через Сирию и Закавказье на Дон и Северский Донец. В Росском каганате оба эти потока сливались. Но второй путь был прерван именно в 30-е гг. Связь с известием 839 г. и в этом случае достаточно очевидна.

2. Византийский император Константин Багряно-

родный в своей книге «Об управлении империей», написанной в 945 г., приводит два ряда имен для обозначения днепровских порогов — «славянские» и «русские». Первые действительно легко объясняются из славянских корней и в смысле языковой природы никогда не вызывали сомнений. Напротив, «русская» терминология не является славянской и в подавляющем большинстве не поддается интерпретации на основе славянского языкового материала. Некоторые из «русских» названий хорошо объясняются происхождением от скандинавских корней. По сути дела, это второй важнейший аргумент норманизма. М.Ю. Брайчевский, однако, показал, что более точной является иранская этимология названий. Среди варягов были потомки алан, иранского племени. Поэтому в названиях порогов действительно может присутствовать «иранский след». Следовательно, «Русь» Константина Багрянородного — это не норманнская и не славянская, а алановенедская (асо-ванская) «Русь» (мы ее называем также Азовской или Росским каганатом).

3. До сих пор древнерусские языческие имена являются одним из наиболее прочных аргументов в пользу норманнской (германской) теории. Попытки «славянизации» этих имен, предпринимавшиеся в XIX столетии, привели к обратному результату: искусственность славянских этимологий служила как бы доказательством правильности германских интерпретаций.

Дошедшие до нас имена принадлежат социальной верхушке и могут служить источником по истории формирования господствующего класса. Собственно славянских имен в языческой Руси известно немного. К примеру, в договоре Игоря с греками (945 г.) таковые носят члены княжеской семьи (Святослав, Володислав, Передъслава) и только несколько послов и купцов. Но так и должно быть! Славяне представляли лишь один поток переселенцев на Русь, наряду с ванами За-

кавказья, сарматами, угро-финнами и варягами. Кроме того, здесь проживали потомки арийских племен, хранившие свои древние традиции. Так что нет ничего удивительного в том, что среди русской знати были люди с иранскими, кельтскими или германскими именами. Это лишь доказывает, что древние русские находились в непосредственном контакте с этими народами.

И еще, быть может, самое главное в вопросе об именах: многие из них являются лишь «иностранной формой» воспроизведения изначально русских (арийских) слов и понятий. К примеру, имя Аскольд означает «Ас-Кольд», оно двусоставное и объединяет два понятия древних ариев, перешедшие в собственные имена, — мирового закона «Аса» и высшего божества «Колы-Коляды». В более упрощенной трактовке имя Аскольд можно расшифровывать как «божественный колдун» или «колядун» — исполнитель обрядовых песен. Кстати, название скандинавских певцов — скальдов — происходит от русского «Коляда». Скальды, по-другому, — это исполнители колядок, один этот пример перечеркивает всю норманнскую теорию!

Конечно, можно выводить имя Дира, соправителя киевского князя Аскольда, из кельтского языка, где оно означает «крепкий, сильный, верный, знатный». Но в русском языке есть слово «дыра», и происходит оно от глагола «драть». В данном случае не надо много фантазии, чтобы заключить, что в русском прочтении имя Дир обозначает мужа, искушенного в «науке» любви. Такое же значение имело поначалу и слово «дурак», его укороченная форма без «у» вполне открывает его первоначальный смысл. Не забудем также, что ни одно любовное приключение Ивана-дурака не оборачивается неудачей.

Точно так же нет никаких причин считать имена Олег и Ольга скандинавскими. Ведь тогда и дружинни-

ка Вольгу из русской былины следует записывать в норманны, и название Волги объяснять из германских языков. Логичнее (и правильнее) выводить все эти родственные слова от понятий «волхв» (жрец), «волк» (тотем). Нелишне заметить также, что имена Олег и Алексей (уменьшительные: Алека, Алеха) — это одно и то же, но по-разному произносившееся слово, и тем не менее первое филологи выводят из скандинавского, а второе из греческого языка.

И последний пример — имя Игорь. Его производят от скандинавской формы «Ингвар». Но она сама по себе двусоставная, первая ее часть содержит немецкий формант «инг», который в данном случае следует переводить как «совершенный», «превосходный» и т.п., а вторая является старинным русским именем. Соотносить Игоря с Ингваром, таким образом, совершенно неправомерно. Более убедительным было бы утверждение о происхождении данного имени от общеиндоевропейской основы «иг» («ег») — сравни Яга, Игг (другое имя Одина), латинское «ego» — «я» и очевидные по своему двусоставному происхождению скандинавские имена Игельд и Игтивлад. В таком истолковании Игорь означает «высший», «верховный». Кстати и то, что имена Игорь и Егор — слова-близнецы (опять-таки их попросту стали по-разному произносить!), а относительно последнего никто не скажет, что оно скандинавское. Егор — народная форма имени Георгий (Юрий), так написано в словаре, но мы можем это и доказать:

ЕГОРИЙ = ЕГО — РИЙ = Я — РИЙ = ЯРИЙ (ЮРИЙ)

Имена Егор и Игорь можно объяснить также и как русскую форму индоевропейского Гора, ведь именно русские часто ставят гласную в начале слова при произнесении полного имени.

Итак, и лингвистические изыскания норманистов

по части происхождения русских имен выглядят весьма неубедительно. Мы опять приходим к заключению, что русские (потомки ариев) интенсивно контактировали со скандинавами и усваивали зачастую свои же имена и названия, но в иноязычном обрамлении. Впоследствии они употребляли их наряду со своими исконными, не отдавая им предпочтения (Егор и Игорь; Вольга, Олег и Алексей), нимало не заботясь о своем национальном приоритете.

Но возвратимся к судьбе балтийских русов. Очевидно, что не все они покинули побережье Балтики вместе с Рюриком. Часть оставшихся создала свои «опорные» поселения на полуострове Ютландия, на южном и норвежском берегах Северного моря. Из этих мест они совершали пиратские рейды в Атлантику, вплоть до юга Пиренейского полуострова. Однажды они даже захватили и разграбили шведскую столицу Сигтуну. Русы продолжали разбойничать даже в XII в., когда в Скандинавии движение викингов уже сошло на нет. Так, в 1136 г. славяно-русская эскадра под руководством князя Ратибора и воеводы Унибора разорила город Конунгхаллу. Другая судьба ждала те группы русов, которые обосновались западнее (Тюрингия, Люксембург) или южнее (Италия), они влились в складывающиеся здесь германские народы средневекового времени, а позднее разделили их судьбу.

На востоке Балтики русы укрепились на северо-западе современной Эстонии, где выстроили крепость Роталу (современная Хаапсалу), а также на близлежащих островах. Название одного из эстонских островов Даго (вспомним филистимлянского Дагона, этрусского Тага и русского Даждьбога) связано с именем местного русского правителя, известного из текста «Датской истории» Саксона Грамматика. Он же сообщает о русском конунге Олимаре, правившем на русских землях Эстонии и подчинившем себе на какой-то

срок племена, обитавшие на юго-западе современной Финляндии, а также на северо-западном побережье Ботнического залива, также эстов, куршей и др. Какая-то часть этого побережья даже после шведской колонизации так и называлась — «Берег россов».

Особую известность среди прибалтийских народов приобрел остров Рюген в Балтийском море, населенный русами и славянами. Храм Свентовита, расположенный на «русском острове» (Ругене, Руяне — последнее имя в IX—XI вв. было больше в ходу), являлся крупнейшим культовым центром русских и славянских племен. Здесь уместно обратить внимание на то, что в германских источниках XI—XII вв. жители острова Руян чаще всего называются rani, ranni, ranii, а не руги, как было за тысячу лет до этого, когда писал Тацит. Раны — славянская форма названия народа, почитающего бога Рая-Яра, то есть арийцев. Германская форма названия русских («руги») вытесняется славянской. Это, с одной стороны, свидетельствует о славянизации прибалтийских русов, а с другой — говорит о реальном восстановлении памяти некоторой части русов относительно истоков своей истории и культуры.

Славяно-русы Рюгена-Руяна упорно защищали и отстаивали свою независимость и языческую религию. Только в 1168 г. датчанам удалось сломить их сопротивление и насильно упразднить культ Свентовита. На острове были организованы колонии немецких переселенцев, в течение веков они поглотили местное население. От тех далеких времен, когда остров населяли наши предки, остались многочисленные каменные могильники и курганы, а также географические названия. О них пишет В. Чивилихин в романе-эссе «Память». На острове Рюген, например, у мыса Герген (Горный) стоит огромный гранитный утес Buskahm (Божий камень), Swantegara (Святая гора), в устье реки Дивеновы деревня Swantust (Святое Устье); и сегодня на Рюгене в

названиях местечек звучат славянские понятия — Позериц (Поозериц), Густов, Медов. Русским по происхождению является и название северной оконечности Рюгена — мыса Аркона (это название означает конец земли Ариев). В X—XII вв. здесь, на высокой скале, находился одноименный город, разрушенный датским королем Вальдемаром (искаженное славянское имя Владимир — еще пример скандинавского заимствования). Археологические раскопки подтвердили все известия об Арконе, содержащиеся в исторических документах, сохранились и остатки крепостных укреплений. Память об острове Руян приобрела сказочный ореол. Руян был богатым островом, Арконский храм был первенствующим святилищем Поморья, у него были обширные поместья, дававшие ему доход, в пользу его собирались пошлины с купцов, торговавших в Арконе, и с промышленников, ловивших сельдей около острова. И очень может быть, что именно его имел в виду А.С. Пушкин, когда писал в «Сказке о царе Салтане»:

Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами...
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты...

Долговременное присутствие русских в Прибалтике — факт неоспоримый, другое дело, что о мирной жизни, начиная с некоторого момента, им невозможно было даже помыслить. С конца XII в. католическая церковь продвигается в Прибалтику со стороны Польши сначала с крестом. Но уже в начале XIII столетия на первый план выходит меч. Бременское и датское архиепископства с благословения Рима, с помощью орденов меченосцев и тевтонов, «охочих» людей из Германии, Дании, Готланда, Швеции бросились убивать и грабить, схватываясь между собой из-за награбленной

добычи. Это одна из самых позорных страниц «миссионерской» деятельности католической церкви, один из самых мрачных периодов в истории прибалтийских народов, когда было зверски убито бессчетное число людей. Но было и сопротивление крестоносцам. Его центром стал, ныне эстонский, остров Сааремаа. На каком языке там говорили в это время и во что верили его жители — тема пока не написанных монографий. Но и век спустя их будут называть русскими. Это они возглавили восстания против Ливонского ордена в 1236, начале 50-х, в 1260 г., в конце столетия. Всякий раз остров вроде бы разоряли дотла. Но и в большом восстании против Ливонского ордена (1343—1345) остров будет важнейшим оплотом восставших. Далее — иная история. «Русские» села, деревня Вендевер близ Вендена (поселение венедов!), «Русен Дорп» — это уже объекты, пожалованные новым хозяевам.

«Русский след» в истории Прибалтики проявляется так отчетливо, что его не может не заметить любой сколь-нибудь непредвзятый исследователь. Наш знаменитый историк Н.И. Костомаров даже выводил русь из Литвы, из балтийского поморья в низовьях реки Неман, которая по-литовски называется Русь. А знаете ли вы, например, что большая часть «Литовских летописей» написана вовсе не литовцами и не о литовцах? Это летописи западных русских княжеств, которые написаны русскими людьми на русском языке. Только одна из них, «Летописец князей Литовских», повествует о литовцах — о великих князьях литовских, потомках великого князя Гедиминаса. Но и она написана на русском языке, классической кириллицей. Это очень огорчает некоторых литовских националистов, которым хочется, чтобы литовцы изначально были бы настоящими европейцами, писали бы латинским алфавитом и не имели бы ничего общего с этими ужасными русскими. Но история распорядилась иначе...

Глава 20

Русские и славяне

Пойми великое предназначенье
Славянством затаенного огня:
В нем брезжит слава завтрашнего дня
И крест его всемирное служенье.
Двойным путем ведет его судьба —

Она и в имени его — двуглава:
Пусть sclavus — раб, но Славия есть СЛАВА:
Победный нимб над головой раба.

М. Волошин. Европа

Одним из первых крупных славистов, поставивших проблему происхождения славян на научную основу, был выдающийся чешский ученый Павел Шафарик. Как и все ученые первой половины XIX в., он строил свои заключения на данных письменных источников и языка (в частности, топонимики), привлекая в качестве дополнительного материала этнографические сведения. Ему приходилось спорить с немецкими учеными, которые на карте Европы просто не оставляли места славянам: их либо «приводили» с гуннами в IV—V вв. из Азии, либо «помещали» на небольшом острове в Пинских болотах. Шафарик доказывал, что «народ славенский уже в отдаленнейшую эпоху был велик и многолюден и жил с незапамятной поры в Европе оседлым, т.е. со времен той глубокой древности, в которую стали обитать в Европе родственные ему наро-

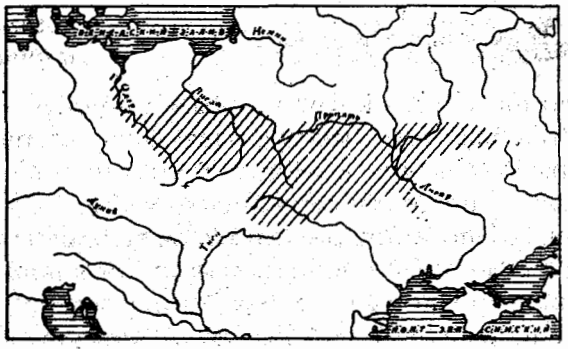
ды: фракийский, греко-латинский, кельтский, немецкий и литовский».

В конце XIX в. в науке намечается известный сдвиг: во-первых, за счет определенных успехов сравнительного языкознания, во-вторых, благодаря появлению новых (археологических и антропологических) типов источников. Крупнейшим опытом сведения разнообразных данных явилась работа чешского археолога Любора Нидерле, называвшаяся «Славянские древности» (1904 г.). В ней он писал: «В настоящее время... славяне не составляют одного народа, с одним языком и одинаковой культурой, не представляют они и политического единства. Теперь только наука или политическая идея и политические стремления говорят время от времени о едином великом славянском народе. Действительность не знает одного народа, а также, насколько отодвигаются в глубь веков письменные источники, мы видим всегда перед собой только разрозненные, необъединенные племена, и такая история славян тянется до начала христианской эры. Тем не менее нет сомнения, что ряд современных и исторических славянских племен составлял некогда одно целое, распавшееся на части в течение долгих веков. Это весьма важный пункт, от которого мы должны отправляться, начиная говорить о происхождении славян. Славяне существуют не только в течение того краткого времени, о котором мы знаем из письменных источников, но, как и все великие народы, имеют за собой гораздо более длинное прошлое, и нет сомнения, что доисторический период по своей продолжительности далеко превосходит их историческую жизнь».

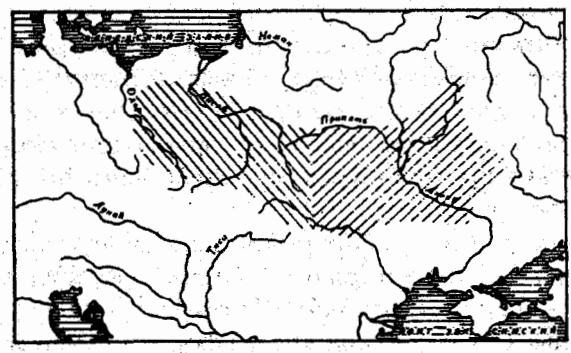
Положение Нидерле о существовавшей некогда общности славянских народов является ныне общепринятым. Другое дело, что ученые продолжают спорить о том, в каких же географических пределах следует локализовать прародину славян. Ключевая идея

археологов состоит в том, что фазе единства должна отвечать общая для всех праславян археологическая культура. По мнению академика Б.А. Рыбакова, например, область прародины находилась между Днепром и Одером. Эту позицию разделяют, однако, не все специалисты. Многие из них высказываются в пользу дунайской прародины славян, в частности, именно в Подунавье на рубеже III и II тыс. до н.э. антропологами локализуется условный славянский тип. Не настаивая на приоритете какой-либо из этих точек зрения, мы ограничимся осторожным утверждением, что славянская прародина находилась внутри территории, ограниченной течениями Одера, Дуная и Днепра. С такой формулировкой согласятся все без исключения слависты. Но из нее следует вывод, который очень непросто «уложить» в привычную схему классификации славянских народов.

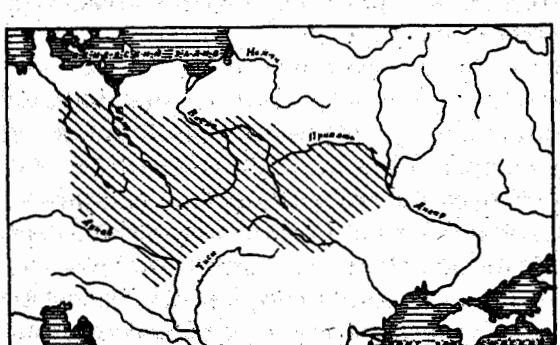
С одной стороны, прародина ариев, предков русского народа, нерасторжимо связана с Волгой, с другой же — нас приучили повторять, что русские — это восточные славяне. Однако такая формулировка вполне справедлива лишь для II тыс. н.э.! Надеемся, мы достаточно убедительно показали, что, как только исследователь «привязывает» русских исключительно к славянскому миру, он нарушает целостность нашей истории. Близкое родство ариев (проторусов) со славянами объясняется тем, что первая миграция ариев была направлена в праславянские края. Имена Истр (Дунай) и Днестр относятся к числу арийских топонимов, а область памятников трипольской археологической культуры, созданной ариями в бассейне этих рек, частично накладывается на земли прародины славян. Переселенцы-арии пришли сюда с берегов Волги еще в IV тыс. до н.э. Очевидно, что они оказали влияние на автохтонное население Центральной Европы, поэтому правильнее было бы говорить о славяно-арийской праро-



ПРАСЛАВЯНЕ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ (тшинецко-комаровская культура XV—XIII вв. до н. э.)



ПРАСЛАВЯНЕ НА РУБЕЖЕ НАШЕЙ ЭРЫ (пшеворская и зарубинецкая культуры III в. до н. э.—III в. н. э.)



ЧАСТЬ СЛАВЯНСКОГО МИРА В V—VII ВВ. Н. Э. (культура типа Прага-Корчак)

Локализация прародины славян по Б.А. Рыбакову

дине в центре Европы. При таком подходе прекрасно совмещаются две упоминавшиеся выше концепции славянской прародины. Собственно славянам принадлежали северные области: от Одера до Днепра, а в более южных, придунайских землях проживали преимущественно арии. Выдающейся заслугой славянских народов является то, что они сумели сохранить в целости и сохранности некоторые древнейшие «культурные пласты» древних ариев. Подунавье можно смело назвать второй прародиной ариев. Предки славян участвовали в тех миграциях древних ариев, которые проходили через Подунавье — в Грецию, Малую Азию, Месопотамию и страны Средиземноморья. Во всяком случае, можно с полным основанием утверждать, что праславяне были частью народа пеласгов — первопоселенцев в материковой Греции, известных позже также как филистимляне.

Знаменитая Певтингерова таблица удостоверяет, что в начале I тыс. в междуречье Дуная и Днестра (юго-восточнее Карпат) проживали венеды. Видимо, в их число входили и борисфениты (союз борусков и венетов), отступившие из Поднепровья под натиском сарматов. Историкам раннего Средневековья «дунайские венеды» известны под именем антов, народа «бесчисленного и храбрейшего» (Маврикий, VI в.). В IV—VI вв. анты восстановили контроль над Поднепровьем и северным побережьем Азовского моря, благо им помогали ваны-венеты, подоспевшие из Закавказья. Со страниц письменных источников их имя исчезает в самом начале VII в. Но в то же самое время, на той же территории, отмечено присутствие «народа рос» (росомонов)! Ранее мы уже указали на «мифологическую» связь имен антов и росов. Теперь она обрела историческое содержание.

Западными соседями антов были славяне. Прокопий Кесарийский (VI в.), подчеркивая близкое родство

славян и антов, отмечает, что они ничем не отличаются друг от друга по внешнему виду, говорят на одном и том же языке. «Да и имя встарь у склавинов (славян. — *А. А.*) и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами». Спорыш в восточнославянской мифологии — воплощение плодородия. Его представляли в виде белокудрого человека, который ходит по полю, иногда вместе с Богом и Раем (Яром). Первоначально Спорышем называли двойное зерно или двойной колос, который в славянской традиции рассматривался как близнечный символ плодородия, называемый «царь-колос». При отправлении архаичных аграрных обрядов из двойных колосьев плели венки, варили общее («братское») пиво. Своими отдельными чертами Спорыш напоминает и Яра, и Ивана, и Леля. Так же как их имена, его имя было использовано в качестве названия союза праславянских и арийских племен в Подунавье. Близнечную символику культа Спорыша можно интерпретировать в данном случае как указание на этническое родство славян и антов (потомков ариев), а в его «дружбе» с Яром видеть хорошо известный факт усвоения славянами элементов арийской культуры.

По Иордану, анты и славяне — две наиболее крупные группы, принадлежащие к «многочисленному племени венетов». Относительно общего происхождения имен антов и венетов мы уже говорили. В части же, касающейся славян, высказывание Иордана требует важного уточнения. Территорий, на которых проживали славяне, в начале нашей эры входили в состав Римской империи. Они были не столько зависимыми, сколько порабощенными народами. С тех пор на всех языках Западной Европы слова «раб» и «славянин» стали звучать одинаково. В числе народов, завоеванных римлянами, были и адриатические венеты. Не исключено, что они выступали в роли объединителей славянских племен. Но они были лишь частью славян, их русской

составляющей. Такое объяснение логично укладывается в «схему» Прокопия и в контекст сообщений других авторов, выделявших славян в качестве отдельной племенной группы.

Теперь о самом имени «славяне». Оно впервые упоминается историками при описании событий VI в., когда славяне вместе с антами (росами) стали угрожать Византии. До того славянские племена находились под игом Рима. В связи с этим уместно вспомнить об одном персонаже римской мифологии — боге Сильване. В период Римской республики Сильван не имел официального культа и был мало известен. Однако во времена империи он стал самым популярным богом плебеев и рабов. В нем видели покровителя культурного земледелия, хранителя дома, защитника от захватчиков, могучего верховного бога, а также человека, подобно Гераклу, заслужившего апофеоз за труд на благо людей. Его благодарили за исцеление, удачу, освобождение от рабства, от него ждали награды в загробной жизни за честный труд. Противостоя богам официального пантеона, он как бы воплощал протест народа и рабов против морали и культуры высших классов. Последние же причисляли Сильвана к «черни земных богов», трактовали его как мятежника и врага богов небесных.

Имя Сильван производят от латинского слова «лес» (латинское «silva)». Русской параллелью Сильвану служит... Соловей-разбойник. Соловей — хозяин леса, он свил себе на двенадцати дубах гнездо и, сидя в нем, свистал так сильно и громко, что все низвергал своим посвистом, словно напором стремительного вихря. «В образе Соловья-разбойника народная фантазия олицетворяла демона бурной, грозовой тучи. Имя Соловья дано на основании древнейшего уподобления свиста бури громозвучному пению этой птицы» (Афанасьев А.Н.). Образ этого лесного чудища прекрасно со-

ответствует изначальным представлениям римлян о Сильване как божестве лесов и первозданной природы. Славяне сохранили наиболее архаические его черты, и это доказывает, что они непосредственно участвовали в создании и оформлении его культа.

Старославянская форма слова «соловей» — «славий», именно от нее, по нашему мнению, произошли латинское слово «silva» и имя бога Сильвана. Но она также послужила основой для названия племени славян. По описанию арабского писателя Ибн-Даста (X в.), «страна славян — страна ровная и лесистая; в лесах они живут. Они не имеют ни виноградников, ни пашен». Для жителей лесов естественно было связать название своего племени с именем их главного хранителя Соловья.

У Соловья-Разбойника, помимо прозвища, было, как известно, и отчество — Рахманович. Рахманы — загадочные персонажи древнерусских сказаний. Они — обитатели Островов блаженных на краю Океана. В древнерусской литературе известно по меньшей мере два сюжета, связанные с рахманами. Первый — «Слово о рахманах и предивном их житии», где описывается жизнь долгожителей-рахманов, полная изобилия и радости. Их остров на краю Океана якобы посетил Александр Македонский во время похода на Индию. В связи с этим принято считать, что рахманы — это индийские жрецы брахманы. Но имеется и второй источник, гораздо более распространенный среди древнерусских книжников, где никакая Индия не упоминается. Те же Острова блаженных и царящая там райская жизнь подробно описаны в апокрифе, известном под названием «Хождение Зосимы к рахманам». Здесь рассказано, как к пустыннику Зосиме после 40-дневного поста явился ангел и указал путь к далекой земле Блаженных, отделенной от грешного мира глубокой, как бездна, рекой, недосягаемой ни для птиц, ни для ветра,

ни для солнца, ни для дьявола. По волшебному дереву, склонившемуся перед отшельником, Зосима переправился через реку и очутился в стране блаженных. В русском апокрифе она описывается в духе классического «золотого века» с поправками на христианские представления о праведности. Обитатели той блаженной страны — рахманы — живут в своей неприступной земле без греха, верные завету праотца Рехома, не испытывая ни в чем никакой нужды. Безмятежно течет их праведная жизнь: нет у них числа лет, но «вси дние аки един день ес». В данном пассаже налицо несомненные полярные реминисценции: скрытые в иносказательную форму представления о долгом полярном дне, объединяющем много обычных дней. Философ В.Н. Демин полагает, что этими священными островами могли выступать Соловки, название которых этимологически связано с именем Соловья и где сохранились следы древней культуры — таинственные лабиринты Беломорья. Но в связи с этнонимом «рахманы» более уместно, на наш взгляд, вспомнить о прибалтийских русах, которых другие народы называли рахами, раксами и т.д. Согласно представляемой в данной книге концепции, древние арии мигрировали не только в далекую Индию, но и в прибалтийские страны, поэтому и «индийские брахманы», с которыми встречался Александр Македонский, и северные рахманы, обитающие в «полуночных» землях — суть последователи одной и той же школы жрецов. Но в таком случае и Соловей-разбойник должен восприниматься как божество потомков древних ариев — русов!

У южных и западных славян не сохранилось никаких упоминаний о божественном Соловье, но они присутствуют в мифологии восточных славян, то есть русских. Поскольку Соловей-Славий был, прежде всего, богом русского народа, то значительная часть русов могла изменить своему древнему родовому имени

и «стать» славянами. Отсюда с необходимостью следует, что роль русских в славянском этногенезе была исключительно велика!

Русский былинный эпос знает и другого Соловья — заморского купца Соловья Будимировича, плывущего в Киев на Соколе-корабле:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты днепровские.
Из-за моря, моря синева,
Из глухоморья зеленова,
От славного города Леденца,
От того-де царя ведь заморскаго
Выбегали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей един корабль
Славнова гостя богатова
Молода Соловья сына Будимировича.

Имя купца позволяет видеть в нем представителя славянского племени. Отец его Будимир тоже носит славянское имя. Но что это за неведомый город Леденец? Леденец — значит Ледяной, находящийся где-то на севере. В поморском варианте этой былины, приводимом Борисом Шергиным, прямо говорится, что корабль купца прибыл «из-за моря, моря Студеного». Снова возникают ассоциации с прибалтийскими странами. Но в Прибалтику славяне пришли, что называется, по следам русских. Славянская колонизация Поморья, а потом и Русского Севера происходила при непосредственном содействии русских. Не случайно славянин Соловей Будимирович плывет на корабле, название которого совпадает с русским тотемом. Символизм русской былины воистину впечатляет: корабль с надписью на борту «Рюрик» проходит путь «из варяг в греки»!

О дружественных отношениях новгородских славян (словен) с балтийскими русами (потомками вене-

дов) можно узнать из знаменитой легенды о призвании варягов. Перескажем ее теперь в варианте, записанном в «Повести временных лет». Варяги из заморья брали дань с местных племен. С какого времени и как долго — летописец умалчивает. В 860 г. племена, платившие дань, изгнали варягов и стали сами управлять своей землей, но не было среди них правды, и восстал род на род, и были среди них усобицы. И тогда собрались вместе представители враждующих племен и решили искать князя, который управлял бы ими по праву. «И пошли послы их за море к варягам, к руси, ибо эти варяги звались русь...» и позвали их княжить и управлять. И вызвались три брата с родами своими, взяли с собою всю русь и пришли вначале к словенам и срубили город Ладогу. В Ладоге сел старший брат Рюрик, Синеус укрепился в Белоозере, третий Трувор — в Изборске. И от этих варягов-руси появилось название Русская земля. А до этого люди новгородских земель назывались словене. К этому интересно добавить, что и позднее, вплоть до конца XV в., до включения новгородских территорий в состав Московского государства, имя словене, а не русы, русские, было для новгородцев родным. Даже в XV в. в переписке с Иваном III они противопоставляли свои славянские обычаи русским порядкам московских государей. Легенда кончается сообщениями о смерти Синеуса и Трувора, строительством Рюриком «Нового города» при истоке Волхова из Ильменя. «Повесть временных лет» содержит также информацию относительно размеров державы Рюрика: от Полоцка на Западной Двине до Ростова Великого и Мурома на Оке.

Совсем по-другому проходила славянская колонизация юга и центра России, где они непосредственно столкнулись с русскими. Об их противостоянии в Поднепровье в метафорической форме рассказывает былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Соловей

заложил дорогу прямоезжую к Киеву ровно на тридцать лет: никакой человек по ней не прохаживал, зверь не прорыскивал, птица не пролетывала. Здесь поэтически выражено главное противоречие славяно-русского общежития. Росы (анты) были народом земледельческим, значительная их часть проживала в городах. Славяне, наоборот, стремились обжить в первую очередь лесные пространства. В случае опасности они легко могли менять свое расположение. А когда чувствовали силу, то занимались грабежом и разбоем на дорогах. За эту черту славян их бог Соловей и получил прозвище «разбойник».

Победил Соловья-разбойника не какой-нибудь воин неведомого рода, а «славный богатырь святорусский» Илья Муромец. В этом сказочном событии следует усматривать отражение реального факта включения славян в состав племенного союза, возглавляемого причерноморскими и приазовскими росами. Илью Муромца, как уже говорилось, следует относить к вятичам или северянам. Оба этих племени проживали на Русской равнине задолго до прихода славян. Племя северян было известно античным авторам под именем борисов, или борусков (от греческого слово «северный»), они были потомками гиперборейцев-ариев, жителей севера Русской равнины, отсюда и устойчивое именование их северянами. Объединившись с пришедшими в Поднепровье из-под Трои венетами, они стали называться борисфенитами. Об этом союзе племен упоминает еще Геродот (V в. до н.э.). Впоследствии имя «северяне» в названии племени было восстановлено. А венеты стали называться вятичами (о собственных поисках доказательства возможности такого перехода увлекательно рассказал В.А. Чивилихин в своем романе-эссе «Память»). Причем имя «вятичей» объединило и венетов, пришедших «тропой Трояновой» (через Подунавье), и приазовских венетов (русов), покинув-

ших свою страну Вантит, и прибалтийских венедов-ванов-русов, мигрировавших сюда позже остальных своих собратьев, уже вместе со словенами и, несколько позже, с варягами.

По народной легенде, прародители вятичей и радимичей, соответственно Вятко и Радим, названы братьями. Это народное предание надо признать глубоко достоверным, ибо имя Радим напрямую соотносится с Родом — верховным богом русских племен. Если Вятко — венет, ван, то Радим — потомок Рода или рос, а родство венетов и русов — факт неоспоримый! Радимичи — исконные русы, которые проживали здесь с древнейших племен. Точно так же автохтонным племенем было и племя кривичей. Имя родоначальника этого народа — Крив (т.е. кривой, одноглазый) — заставляет вспомнить об одноглазом Лихе и связанном с ним боге Коляде. Предки кривичей поклонялись этим богам и назывались (в разное время) ликийцами и колдами (халдеями). О деяниях представителей этого народа в Европе и Азии уже рассказывалось, но значительная его часть никуда не уходила. Древние греки знали предков кривичей под именем «аримаспов» — по-гречески «одноглазых». Они же дали и общее название союзу «скифов» — сколоты. Иордан сообщает, что при движении с побережья Балтики в Поднепровье готы завоевали народ колдов, то есть кривичей. Потомков скифов-сколотов тот же Иордан назвал «гольтескифами». Судя по вскрытой нами параллели «кривичи — сколоты (соколоты)», именно они выступали хранителями культа «священного Сокола» на русской земле, а значит, поддерживали переселенцев во главе с Рюриком (варягов-реregов!). Во всяком случае, название кривичей сходно с обозначением русских (krievisks, krievs) и России (Krievija) в латышском языке.

Ну, а какие, собственно, племена были славянскими и пришли с запада? Это уже упоминавшиеся новгород-

ские словене, пришедшие с юга Балтики, а также древляне и дреговичи, вытесненные волохами (кельтскими племенами) из Подунавья, из провинции Норик. Ранее мы специально указали, что на ее территории обосновалась часть расенов, выходцев из Этрурии; они, безусловно, также влились в общий миграционный поток. Таким образом, все славяне-переселенцы, включая и новгородских, были изначально «разбавлены» русскими.

Особого разговора заслуживают те славяне, которые осели в киевских пределах и стали прозываться полянами. Дело в том, что если имена древлян и дреговичей стали новыми на Русской земле, то поляне (спалы Иордана) уже проживали в Поднепровье, и их завоевывал Германарих еще в IV в. Выше уже приводились доводы, что поляне были родственным венедам народом. С именем полян связано и древнее название Польши — Полония, которую те, по всей вероятности, завоевывали. Родственные между собой слова «поляне», «Полония» образованы от имени Аполлона, произносить их с начальной «а» крайне неудобно, и эта буква со временем «отвалилась». Аполлон был главным богом защитников Трои и вместе с побежденными пришел на Русь, но уже под именем Купалы. И в высшей степени знаменательно, что праздник в Ивановскую ночь в русских землях носит название Ивана Купалы: здесь соединились имена двух высших богов, которым поклонялись венеты! Добавим к этому, что славяне также празднуют Иванов (Янов) день, но Купалу-Аполлона поминают только русские. Из этого неминуемо следует, что и этноним «поляне», и топоним Полония подарили миру русские, а поляне и венеты — это один и тот же народ, — русские.

Итак, славяне не завоевывали Киев, они были породственному приняты местным племенем полян-венетов и расселились в подвластных им землях. Здесь

уместно сказать об исключительном, проверенном веками гостеприимстве русских. Но равные с местным населением права славяне получили не сразу. В редакции, к которой принадлежит академический список Русской Правды (свод законов эпохи Ярослава Мудрого), в первой статье сказано: «Аще не будет кто мстяй, то 80 гривен за голову, аще будет русин, любо гридень, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изгой будет, любо словенин, то 40 гривен положить за нь». Как видно, русин и славянин в то время еще не были уравнены в правах. Правда, такая позиция по отношению к новым гражданам активно критиковалась, так что в Троицком (более позднем) списке уже стоит: «положити за голову 80 гривен, аче будет княж муж, или тиун княж; аще ли будет русин, или гридь, любо купец, любо тиун болярск, любо мечник, любо изгой, ли словенин, то 40 гривен положить за нь». Кажется, наше рассуждение вполне объясняет, почему среди имен знати, известных в Древней Руси, было немного славянских. Но при этом никто теперь не будет отрицать, что среди носителей неславянских (германских, иранских, кельтских, литовских и т.д.) имен было много русских!

Историки не один век спорят: к германской или славянской семье относить русов. Наша позиция заключается в том, что русские являются отдельной от тех и других семьей (хотя вошли в качестве составных частей и к тем и другим). В античные времена они носили имена антов и венетов и ни один историк не смешивал их ни с германцами, ни со славянами. Несмотря на внешнее сходство, родство языка и обычаев культурной жизни есть одно важнейшее и, по всей видимости, неуничтожимое различие между русскими и славянами. Русские стремятся к сплочению с разными народами, созданию «империи»; славяне, наоборот, всегда толкуют о своем обособлении, собственном на-

циональном интересе, они «республиканцы». Достаточно напомнить, что, расселяясь по Русской равнине, славяне умудрились разделиться на множество племен. Не случайно и то, что новгородцы-словене не смогли ужиться с чудью, мерей и весью и призвали русских, чтобы те «управляли ими по праву» (!). Словене-новгородцы не оставляли попыток отделиться от Руси, пока Иван Грозный не расселил их по городам и весям Московского царства. Еще более яркий пример славянского сепаратизма дают Украина и Польша. Из всех южнославянских народов только сербы готовы строить общеславянское государство. Но, удивительное дело (!), оказывается, что «римляне называли сербов рассияне, некоторые называют их руссы, сами они зовут себя рассане и рашане; у них есть город Раса; жупан сербский носил титул Расский. Иллирийские сербы даже и вышли из Галицкой или Чарвонной Руси. Одноплеменность сербов с руссами свидетельствуется и тем, что сербский язык ближе всех к древнему русскому» (Классен Е.).

Все (или почти все) известные нам «схемы» развития мировой истории рассматривают русских как часть общеславянской общности. При этом совершенно игнорируется, что русские и славяне в геополитическом аспекте принципиально по-другому смотрят на мир. Различие славянского и русского мировоззрений настолько существенно, что они не могли вырасти из общего источника. Про это прекрасно написал Константин Леонтьев в работе «Панславизм и греки»: «Россия знает, что, кроме чехов, болгар и т.д., есть еще *румыны, мадьяры* и *греки*: она знает, что две первые не соплеменные ей нации самою природой вещей *вставлены*, так сказать, в славянскую оправу, принуждены быть инородными островами в этом славянском море... У России будут всегда какие-нибудь частные несогласия с западно- или юго-западным славянским ми-

ром... Особенности их (славянской. — *А. А.*) истории сделали для них магическим слово «свобода»... При образовании того оборонительного *союза государств* (т.е. всеславянского. — *А. А.*)... непременно выработается у юго-западных славян такая мысль, что крайнее государственное всеславянство может быть куплено только ослаблением *русского единого государства*, причем племена, более нас молодые, должны занять первенствующее место не только благодаря своей молодой нетерпимости, своей подавленной жажде жить и властвовать, но и необычайно могучему положению своему между Адриатикой, устьями Дуная и Босфором. Образование *одного сплошного и всеславянского государства* было бы началом падения Царства Русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России. «Русское море» иссякло бы от слияния в нем «славянских ручьев» (А.С. Пушкин)... Повторяю вам. Россия не была и не будет чисто славянской державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для ее всемирного духа... Россия, при сношениях с этой восточной федерацией независимых государств, неизбежно будет во многом больше сходиться с инородными племенами этого союза, с румынами, греками, даже и мадьярами, чем с юго-западными славянами. Россия будет естественным защитником этих слабейших и отчасти старейших наций против весьма возможных посягательств со стороны славян юго-западных, жадных, упорных и властолюбивых, как все долго, но неискусно подавленные молодые и грубые народности».

Идея панславизма давно развенчана философами, да и самой жизнью. Но, похоже, для историков этот урок не пошел впрок, и они только-только начинают проникаться действительной глобальностью русской истории. Что ж, русские долго запрягают. Но подтвердится ли в данном случае вторая часть поговорки?..

Вместо эпилога

В нашей книге мы попытались связно изложить историю русского народа с древнейших времен. Ее необычность состоит в том, что наши предки оставили по себе память в самых разных уголках планеты. Сейчас многим это представляется невероятным. Но даже века забвения и целенаправленное искоренение древнейших (языческих) преданий и легенд не смогли уничтожить всех следов реального пребывания древних русов (венедов, ариев) в «тридевятых» царствах и «тридесятых» государствах. Заглянем, например, в «Словарь русских имен». Среди употреблявшихся еще в недалеком прошлом имен есть и Адонис — финикийское божество природы, олицетворение умирающей и воскресающей растительности, и Изида — египетская богиня плодородия, и Вакх — бог вина и веселия у древних греков, и Анувий — производное от имени египетского божества Анубиса. Откуда у православных христиан такая привязанность к средиземноморским божествам? Далее: целый ряд русских имен воспроизводит географические названия, лежащие вне пределов современной России — Анатолий (полуостров Анатолия), Армений, Аттик (Аттика), Африкан, Британий, Вавила (Вавилон), Далматий (Далмация), Ерусалим, Индис, Ливаний, Ливий, Лидия, Македон (Македония), Нил, Нигер, Пальмира (город в Сирии), Троадий, Фивея (т.е. фиванка, Фивы — город в Греции и Египте). Неужели вся иноплеменная топонимика, и особенно африканская, произросла только на почве

торговых связей? С какой стати, например, русскому человеку надо было называть сына по имени египетского Нила?

Современные историки и их интерпретаторы в своем большинстве не задумываются над такими «мелочами». Академический «взгляд» с трудом усматривает росов только в IV в. н. э. (росомоны Иордана), но даже и это выдается как акт послабления горе-патриотам. В качестве типического отношения к «древностям русов» приведем мнение известного современного критика и публициста В.В. Кожинова: «Уместно сказать здесь же о диктуемом «патриотизмом» (уже совершенно «неразумным» и ущербным) поветрии, выражающемся в стремлении как можно более «удревнить» начало Руси... Полная неразумность этих притязаний очевидна: бессмысленно пытаться «превознести» свой народ, свое государство, свою историю «удлинением» их существования во времени... «ценность» народа никак не зависит от общехронологической даты его формирования. Ценность эта определяется содержанием его собственной истории, его собственного времени. И, наконец, как бы ни удалять в глубь всеобщей хронологии дату рождения Руси, все равно эта дата будет на тысячелетие и даже на несколько тысячелетий более поздней, нежели даты рождения древней Эллады или Ирана, не говоря уже о Шумере или Египте» (История Руси и русского слова). Итак, Кожинов считает, что попытки установления более древней даты происхождения Руси продиктованы единственно желанием повысить «ценность» своего народа. Но настоящий исследователь в принципе не думает об этом, он ищет Истину. Даже как-то неудобно напоминать об этом столь опытному полемисту, тем более сотруднику академического института. Зачем приписывать другим свои домыслы? Тем более что сам Кожинов, выражаясь его собст-

венным языком, желает повысить «ценность» хазар и считает всецело их создателями салтовской археологической культуры, вычеркивая тем самым из русской истории полуторавековой период борьбы азовских русов с каганатом.

Впрочем, видимо чувствуя уязвимость (и полную безосновательность!) своей позиции, критик оговорился, что рождение Руси можно «удревнить», но уж никак не далее времени рождения древней Эллады или *Ирана плюс несколько тысячелетий.* Какое время имеет в виду Кожинов — одному богу известно, но, похоже, уж никак не глубже «пресловутого» IV в. новой эры... Да, не везет русскому человеку! То монах Нестор «отрезал» всю языческую историю Руси, то большевики вычеркнули царский период, теперь вроде бы можно, наконец, заглянуть в более отдаленные времена, но куда там: господин Кожинов вопиет: «Нельзя!» Причем и обзывает еще всех ослушавшихся «неразумными» патриотами. А кстати, разве бывает разумный патриотизм? Любовь к Родине, что ни говори, все-таки чувство, умом-разумом его не обнимешь. Быть разумным патриотом — значит держать нос «по ветру»: в наше время это значит, подобно В.В. Кожинову, поддерживать норманнскую теорию происхождения Руси и «раздувать» роль хазар. Вот и весь «академизм» критика — сплошная разумность и нуль целых нуль десятых патриотизма.

Вопреки всем «Фомам неверующим», мы утверждаем факт длительного существования русского суперэтноса. В книге подробно продемонстрировано, что в его истории можно выделить пять этапов:

I этап: V тыс. до н.э. — сер. IV тыс. до н.э. — выделение ариев в среде других индоевропейских народов. Выдвижение части из них с берегов Волги (места прародины) на Русскую равнину и далее в Поднепровье и

Приднестровье (вторая прародина ариев). Колонизация этих земель и создание на них трипольской археологической культуры.

II этап: сер. IV тыс. до н.э. — XXII в. до н.э. — эпоха проникновения ариев в Европу (вплоть до Британских островов), страны Средиземноморья, Малую Азию, Месопотамию и Египет. Причина миграции — похолодание в Европе. Непосредственное участие в создании государства в Египте, цивилизации на Крите, городов-государств в Месопотамии. Место исхода — области трипольской культуры, направление миграции — в обход западного берега Черного моря.

III этап: XXII в. до н.э. — X в. до н.э. — время существования на территории Палестины, Сирии и полуострова Анатолия союза государств во главе с Русеной (Арсавой) и страны Митанни (север Месопотамии), управлявшейся ариями. Возникновение этих государственных образований предопределила новая волна миграций ариев с Русской равнины (первичной прародины) через «горловину» черно-каспийского междуморья. В условиях широкого распространения ариев в странах Азии и Ближнего Востока и их активного смешения с местными народами возникает новый этноним-обозначение, отличающий арийских пришельцев с севера от остальных народов — ваны или венеты. В первые века II тыс. до н.э. часть ванов (родственная ханаанам Библии, ханейским племенам Двуречья и малоазийским венетам, обосновавшимся на южном побережье Черного моря) осуществляет беспрецедентную по своим масштабам миграцию к границам Китая. Вполне вероятно, что часть своего пути они преодолели с той группой ариев, которые примерно в это же время начали свое продвижение в Индию. Падение Трои символизировало закат Русены. Венеты вынуждены покинуть Анатолию. Часть из них начинает движе-

ние к Днепру (знаменитой «Трояновой тропой» через балканские страны) и на Балтику, часть отступает на Армянское нагорье, где создает Ванское царство, и, наконец, третья попадает в Италию, чтобы прославиться впоследствии под именем этрусков-расенов и предков венецианцев.

IV этап: X в. до н.э. — I—II в. н.э. — время, которое можно назвать периодом наибольшего рассеяния ариев-ванов (венетов). После необыкновенного по своей мощи периода расцвета их государства в Италии и Галлии, на Днепре и в Малой Азии завоевываются соседями — соответственно римлянами, скифами и персами. Более независимыми на протяжении этого периода были балтийские венеды. Они доминировали на Балтике и в Скандинавии вплоть до рубежа новой эры. Падение их влияния связано с приходом на берега Балтийского моря и в скандинавские земли сарматов (ариев-иранцев) и усилением роли финнов.

V этап: I—II вв. н.э. — XIII в. н.э. — Киевская Русь: объединение русских, славянских и угро-финских племен вокруг русского племени венетов-полян, мигрировавшего в Поднепровье из Малой Азии (по маршруту Пафлагония — Армения — Грузия — Приазовье — бассейн реки Рось). Гибель единого государства в результате татаро-монгольского нашествия.

В нашей периодизации даты, особенно для начальных этапов, весьма приблизительны. Это, в частности, относится ко времени образования и гибели государства Русена. Датой его рождения принимается время гибели Среднего царства в Египте и, как мы считаем, массовый исход ариев на территорию Сирии и Палестины. С другой стороны, на рубеже III и II тыс. до н.э. в эти страны произошла миграция ариев Русской равнины, что и предопределило создание на севере Месопотамии дружественного Русене (и соседнего ей) госу-

дарства Митанни. Точно так же и дата гибели Русены не может быть указана однозначно. С одной стороны, это произошло вследствие поражения венетов и их союзников в Троянской войне, но с другой, этруски-расены — последние эмигранты Русены, — покинули берега Анатолии не ранее X в. до н.э. Поэтому время существования этого государства на Ближнем Востоке и в Малой Азии указано нами в пределах от XXII до X в. до н.э. В пользу правильности нижней границы говорит, по-видимому, еще то, что первые упоминания об Урарту, где ваны-венеты играли заглавную роль, относятся приблизительно к X в. до н.э.

Несмотря на известную условность дат предлагаемой периодизации истории Древней Руси, нельзя не обратить внимание, что в среднем каждый из этапов охватывает около 1200 лет. Еще Константин Леонтьев в своем классическом труде «Византизм и славянство» указал, что это характерное время жизни любого государства, если только его существование не прекращается в результате внешней агрессии, природного катаклизма и т.п. Уже в наше время Л.Н. Гумилев развил эту идею в теорию этногенеза. Мы не будем вдаваться в частные ее вопросы (которые, собственно, и подвергаются критике), но подчеркнем, что идея двенадцативекового цикла в жизни этноса (плюс-минус одно-два столетия) своего рода экспериментальный факт, которым ни в коей мере нельзя пренебрегать. И то, что при нашем воссоздании общей картины эволюции русского суперэтноса совершенно естественным образом возникли те же самые циклы, служит еще одним доказательством ее правильности.

История древних русов в значительной степени протекала вне пределов современной России. Но это совсем не означает, что на территории Русской равнины — прародины древних ариев — не оставалось их

поселений. Именно здесь формировались силы для миграций на юг. Киммерийцы, ликийцы (лигурийцы), сколоты (циклопы, сикулы, колды, халдеи) и мушки — все это потомки арийцев, которые расселялись в южном и западном направлениях с территории России (отчего и отразились в их названиях имена русских богов!).

На основании данных раскопок современный археолог Ю.А. Шилов доказывает в своей книге «Прародина ариев» присутствие ариев в широкой полосе южнорусских степей в IV—II тыс. до н.э. Правда, без каких бы то ни было оснований Ю.А. Шилов заключает, что прародина ариев находилась в Поднепровье.

Идею белорусской прародины русов изложил в своей книге «Кто вы, рудокопы Росси?» писатель и геолог Р.К. Баландин. Согласно его идее, еще в конце неолита (IV—III тыс. до н.э.) в долину белорусской реки Росси (притока Немана) пришло племя, обладавшее навыками горного дела. На берегах этой реки археологи обнаружили тысячи шахт, большинство из которых, судя по данным радиоуглеродного анализа, имеют возраст 3,5—1,2 тыс. до н.э. Продукция росских горняков — кремневые «полуфабрикаты» и каменные орудия — шла, как бы мы теперь сказали, на экспорт. Ею пользовалось население прилегающих районов, а также Балтийского побережья. Племена, обитавшие в этом регионе, занимались также охотой, земледелием, собирательством, скотоводством. Добывая и обрабатывая кремень, они вели торговый обмен этой продукцией со своими близкими и дальними соседями. Эти племена, таким образом, вели комплексное хозяйство, поэтому их материальная и духовная культура уже по одной этой причине была для своего времени очень высокой. Р.К. Баландин заключает: «Русская культура, (точнее, палеорусская) была наиболее высокой для

данного региона. И это не удивительно. Она объединяла самые разные по происхождению племена: и славянские (правильнее было бы сказать арийские. — *А. А.*), и балтские (пруссов), в меньшей степени — германские. Землей русской уже могли называть всю область влияния, господства этой культуры».

Наш выдающийся соотечественник Лев Ильич Мечников (1838—1888) в своей книге «Цивилизация и великие исторические реки» высказал мысль о глубокой закономерности возникновения древнейших цивилизаций в бассейнах больших рек — Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы. Но, как сейчас ясно, развитые цивилизации существовали не только в полосе между 20-м и 40-м градусами северной широты, а и в более северных областях. Эти последние, среди которых была выросшая на Волге цивилизация древних ариев, выпали из рассмотрения Мечникова. Бассейн Волги-Ра — «колыбель» арийского мира, из этой области арии пришли на берега белорусской Росси и украинской Роси. Названия этих рек в точности повторяют имя нашего народа, но их масштаб не соответствует его геополитическому статусу. Другое дело — Волга:

Красавица народная,
Как море полноводная,
Как Родина свободная —
Широка, глубока, вольна!

И Ю.А. Шилов, и Р.К. Баландин, на наш взгляд, ошибаются в вопросе о прародине соответственно ариев и росов, но их исследования чрезвычайно важны, поскольку доказывают реальное присутствие древних росов (ариев) на земле, которую с конца I тыс. н.э. стали называть Россией.

Арии Русской равнины выступали хранителями этнического генофонда и древнейшей культуры. Конеч-

но, они тоже смешивались с соседними племенами, но на своей территории всегда составляли большинство. Совсем не такая ситуация была у тех племен, которые мигрировали в чужеродное окружение. Им труднее было сохранить свою культуру, но они не утрачивали связи со своей прародиной. Именно они сохранили имя Русь и «возвратили» его на берега Днепра и Волги. В этом уникальность древнерусской истории, которая, как теперь ясно, нисколько не моложе египетской или шумерской.

Приложение 1

О загадке осевого времени

Мы были горды, высились высоко,
И сердцем мира были мы в веках, —
Но час настал, и вот под бурей Рока,
Погнулись мы и полегли во прах.

В твоей стране такие же колонны,
Как стебли, капителью расцветут,
Падет пред ними путник удивленный,
Их чудом света люди назовут.

Но и твои поникнут в прах твердыни,
Чтоб после путники иной страны,
Останки храмов видя средь пустыни,
Дивились им, величьем смущены.

Поочередно скиптр вселенской славы
Град граду уступает. Не гордись,
Пришелец. В мире все на время
правы,
Но вечно прав лишь тот, кто держит
высь!

В. Брюсов. В разрушенном Мемфисе

Понятие «осевого времени» ввел в научный оборот выдающийся немецкий философ Карл Ясперс (1883—1969). Так он назвал период в истории человеческой цивилизации примерно между 800 и 200 гг. до н.э. В этот промежуток времени в Китае, Индии, Персии, Палестине и Древней Греции параллельно возникли духовные движения, сформировавшие тот тип человека, который существует и поныне.

В обозначенное время действительно происходило много необычного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы (основатель даосизма), возникли все направления китайской философии. В Индии проповедовал Будда, в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом, в Палестине звучал голос пророков. В Греции это время философов — Парменида, Гераклита, Платона и первых ученых древности — Фалеса, Пифагора, Демокрита. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение нескольких столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга. В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сегодняшний день, заложены основы мировых религий. Важнейшие идеи греческих, индийских, китайских философов и Будды, мысли пророков о боге были далеки от мифа. В этом смысле осевое время символизирует конец мифологической эпохи. Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа, который все более и более превращался в символическое повествование.

Ясперс не был первым, кто заговорил о столь необычном явлении в духовном развитии человечества. Эрнст фон Лазо (1805—1861), тоже немец, задолго до него уже написал: «Не может быть случайностью, что почти одновременно за 600 лет до н.э. в качестве реформаторов народной религии выступили в Персии Заратустра, в Индии — Гаутама Будда, в Китае — Конфуций, у иудеев — пророки, в Риме — царь Нума, а в Элладе — первые философы ионийцы, дорийцы, элеаты (т.е. философы из города Элеи — Парменид и Зенон. — *А. А.*)». То, что на VI—V вв. до н.э. («ось мировой истории») приходится пик религиозно-реформаторской деятельности, разумеется, ни для кого не было секретом. Но, в отличие от своих предшественников, Ясперс попытался проанализировать явление осевого

времени в контексте общемирового исторического процесса. Отсюда и возникла необходимость расширить временные рамки периода.

Карл Ясперс выделяет следующие главные его особенности:

1. Осевое время знаменует собой исчезновение великих культур древности, существовавших тысячелетиями. Оно растворяет их, вбирает их в себя, предоставляет им гибнуть — независимо от того, является ли носителем нового народ древней культуры или другие народы.

2. Осевое время «породило» современное человечество.

3. «Вхождение» народов в мировую историю осуществлялось через контакты (экономические, политические или военные) с народами Китая, Индии или Запада — «трех центров духовного излучения».

4. Несмотря на удаленность друг от друга и национальное своеобразие, эти центры развивались как бы по одной и той же программе. Параллелизм и схожесть путей их духовных поисков — едва ли не главная загадка в истории человеческой культуры.

Но как исследователи объясняют столь необычное явление?

Уже упоминавшийся Э. Лазо, например, истолковывал его так: «Причиной этого поразительного совпадения может быть только внутреннее субстанциональное единство человеческой жизни и жизни народов, только общий всем народам порыв всей человеческой жизни, а не особое цветение одного народного духа». Однако это не объяснение, а лишь описание тайны.

Немецкий писатель и философ Герман Кайзерлинг (1880—1946) придерживался иного мнения: «От поколения к поколению люди претерпевают изменения одинакового рода и в одинаковом направлении, а в поворотные моменты истории однотипные изменения

охватывают гигантское пространство и совершенно чуждые друг другу народы». Но и это не более чем описание загадки. Все объяснения подобного рода игнорируют тот несомненный факт, что на этот путь встало не все человечество, а лишь очень немногие народы, проживавшие на довольно ограниченной территории.

Единственным ответом о причине одновременности зарождения новых религиозных течений служит в настоящее время лишь гипотеза немецкого экономиста и социолога Альфреда Вебера (1868—1958). Согласно ей, кочевники-индоевропейцы из Центральной Азии проникли в Средиземноморье (конец III тыс. до н.э.), Индию и Иран (около 1200 г. до н.э.) и Китай (нач. I тыс. до н.э.). В качестве господствующей касты они привнесли в мир ощущения героического и трагического начал, что позднее нашло отражение в эпосе, мифологии и религии подвластных им народов. Теория Вебера, однако, не объясняет очень многих «частностей»: почему воздействие индоевропейцев на автохтонов Индии, Китая и Средиземноморья было столь похожим, почему в Китае осевого времени не проявилось трагическое сознание и не родился героический эпос (нечто близкое к эпосу создается там гораздо позднее, в первые века н.э.), наконец, как быть с Палестиной, до которой кочевники Центральной Азии не дошли?

На наш взгляд, Альфред Вебер очень близко подошел к разгадке тайны осевого времени. Но он не сделал самого важного, решающего шага: не осознал, что в качестве народа-«завоевателя» выступали не просто кочевники-индоевропейцы, а арии! В нашей книге мы подробно рассказали о миграциях ариев и в Грецию, и на Ближний Восток, и в Индию, Иран, а также в Китай. Во все эти страны они несли свою религию и утверждали в них свое мировоззрение, опорой которому служил закон гармонии с миром «Rta». Здесь мы можем

повторить все те аргументы, которыми Вебер обосновывал свою концепцию. Но наше отличие заключается в том, что мы можем указать конкретную причину возникновения культур осевого времени: вытеснение ариев с данных территорий. Для объяснения загадки осевого времени, таким образом, важен не факт миграции ариев (или индоевропейцев у Вебера) в те или иные страны, а окончательная утрата ими ведущих позиций в Азии и Средиземноморье, произошедшая в VI в. до н.э.

В Древнем Китае, вплоть до VI в. до н.э., понятие неба включало и верховного владыку, и судьбу, и понятие первоосновы и первопричины всего сущего и одновременно было как бы синонимом мира природы, окружающего мира в целом. Именно отсюда возник термин «Поднебесная», ставший одним из названий страны. Считалось, что земной владыка есть посланец неба, сын неба, который правит согласно небесному повелению. Все свои помыслы, чаяния и надежды древние китайцы обращали к небу, ибо, по их представлениям, от неба (верховного владыки) зависели и личная жизнь, и дела государства, и все природные явления. В книге «Шу цзин» говорится: «Только небо осуществляет наблюдения за народом, ведает справедливостью, посылает устойчивые или неустойчивые урожаи. Без неба погибнет народ. От милости неба зависит его судьба». Такие высказывания очень близки арийским представлениям. Но на рубеже VI в. до н.э. уже начинает обсуждаться вопрос о справедливости небесных явлений, соразмерности гнева божия (неба) с проступками людей. Вот, к примеру, отрывок из книги «Ши цзин»:

Велик ты, неба вышний свод!
Но ты немилостив и шлешь
И смерть, и глад на наш народ,
Везде в стране чинишь грабеж!

Верховного владыку (небо) начинают называть грозным и жестоким, поскольку он не считается с тем,

что подлинными виновниками бедствий являются правители, и обрушивает весь свой гнев на народ. Тем самым как бы ставится под сомнение авторитет неба. Все более широкий характер приобретают утверждения о том, что счастье и несчастье человека происходят от него самого, что существуют естественные (земные!) причины стихийных бедствий и болезней. Небо все более начинают рассматривать как явление природы. В учении китайских философов VI—II вв. до н.э. последовательно выстраивается своя оригинальная концепция восприятия неба. Это время рождения классической китайской философии, свободной от каких-либо чуждых влияний. В политическом плане V—III вв. до н.э. в Китае можно охарактеризовать как период раздробленности (эпоха «воюющих царств»). Подобная ситуация благоприятствовала как освобождению от какого бы то ни было индоевропейского (арийского) культурного влияния, осуществлявшегося, прежде всего, гуннами, так и расцвету собственных национальных идей.

В Индии в X—VII вв. до н.э. создаются Упанишады (по-санскритски — «сокровенное знание») — заключительная часть «Вед». Они стали «песней прощания» Древней Индии с арийской ведической традицией. Начиная с VI в. до н.э. (принятого времени рождения Будды) здесь распространяется и утверждается в качестве основной религии буддизм. Согласно легенде, чтобы прийти в мир и возвестить людям путь к спасению, Будде пришлось победить демона зла и бога смерти Мару, в котором нельзя не признать символическое изображение вождя ариев.

В Иране мидяне-арийцы в конце VI в. до н.э. перестали править страной. Мидия стала одной из провинций, подвластных персам. Учение Зороастра о борьбе двух вечных начал является прямым развитием, или, лучше сказать, искажением учения ведических ариев о

едином законе (абсолюте), сотворившем мир и поддерживающем в нем божественный порядок. «Авеста» ярко демонстрирует отход ее создателей от первоначальных принципов, почитавшихся древними ариями. При этом чрезвычайно примечательно, что если в «Ведах» девы — божества, то в иранской мифологии они (дэвы, дивы) — уже демоны. Сохранилась «антидэвовская надпись» персидского царя V в. до н.э. Ксеркса, из которой следует, что в одной из областей Ирана они почитались как боги. Ксеркс уничтожил это святилище: *так персы искореняли остатки древних ведических верований.*

Палестина с древнейших времен была вотчиной ариев (арамеев, амореев и ханаан). Но вначале египтяне, а затем евреи и другие семитские племена вытеснили их из Земли обетованной. При этом, однако, значительная часть ариев была ассимилирована семитами — так образовался, например, народ финикийцев. Хотя арии в значительной степени растворились среди других ближневосточных этносов, но их культура глубоко вошла в традиции семитов. Кроме того, арии или родственные им племена (киммерийцы, скифы и мидяне) постоянно воевали в Малой Азии и периодически вторгались на земли Палестины (вот еще одно недостающее «звено» теории Вебера). Пророк Иезекииль (VII—VI вв. до н.э.) предрекает угрозу Израилю со стороны грозного северного народа Гога и Магога, в котором самые разные исследователи видят скифов. В 586 г. до н.э. вавилоняне, среди которых были халдеи-арии, овладели Иерусалимом. Последовавшее за этим «вавилонское пленение» является очень важным моментом еврейской истории. В этот период начало формироваться наблюдаемое сегодня национальное сознание еврейского народа, обладающего уникальной способностью объединяться и сплачиваться в инородной среде. Примечательно, что если оценивать

меру национализма у разных народов, то евреи будут на первом, а русские (наследники арийского отношения к миру) на последнем месте. Они как бы определяют два полярных способа существования в мире: евреи стараются сплотить вокруг себя своих соплеменников, русские же, наоборот, отказываются создавать какие-либо объединения по принципу кровного родства. С этой позиции процесс зарождения и оформления иудаизма можно рассматривать как ответную реакцию на проникновение арийской (интернациональной!) идеологии в Переднюю Азию и на Ближний Восток.

Осевое время породило и современную науку. Ее первым центром стало побережье Малой Азии (милетские мыслители, Пифагор) — именно те области, над которыми киммерийцы, скифы и союзные с ними ваны Урарту к VI в. до н.э. утратили свой контроль. Греки стали рассматривать мир как упорядоченный Космос, который можно постигнуть с помощью человеческого разума. Они полагали, что природа, как целое, является выражением всепроникающего Разума, и потому может быть познана рациональными методами. К примеру, Платон отождествлял божественность с порядком, а разум и душу — с совершенным математическим законом. Эти и подобные им взгляды легли в основу формирования западной цивилизации. Они в равной степени остались чужды как древним ариям, так и их потомкам — русским. Поэтому именно в осевом времени надлежит искать корни духовного противостояния Запада и России.

Культуры осевого времени явились своеобразным откликом разных народов на обычаи, традиции и мировоззренческие установки, которые исповедовали арии. Каждая из этих культур имела свою национальную «окраску», но, поскольку они рождались как отрицание одного и того же культурного явления, в них проявились и некоторые схожие черты. Вытесненная

из глубин Азии, арийская цивилизация продолжала существовать на огромной территории — от Алтая до Дуная и Балтики — и в некоторых районах Европы (этруски, рутены, руги). Подобно египетской и вавилонской, она принадлежит к числу величайших культур древности. Но у нее есть одно отличие: она все еще жива!

Приложение 2

Где проходили границы Скифии?

Скифские суровые дали
Холодная, темная родина моя...

Ф. Сологуб

Вопросы географии Скифии всегда привлекали самое пристальное внимание ученых. Это — древняя наша земля! Но тем не менее по-прежнему остаются нерешенными ряд важных проблем. Одна из них — определение собственно пределов той земли, которую греки называли Скифией.

Основной письменный источник по географии Скифии — «История» Геродота (484—425 гг. до н.э.), великого и древнейшего исторического писателя, произведения которого дошли до наших дней. С древности и по сей день его называют «отцом истории», как окрестил Геродота древнеримский оратор Цицерон. Какими же сведениями относительно территории Скифии располагал историк?

Геродот представлял себе Скифию в виде квадрата, одна из сторон которого соединяла устье Дуная и Керченский пролив, считавшийся устьем Меотиды (Азовского моря). Вдоль берега Азовского моря и Дона тянулась восточная граница. Северо-восточный и северо-западный углы рассматриваемого квадрата определялись весьма приблизительно, соответственно длине стороны, равной 4000 стадиям (около 700 с небольшим километров). Весьма грубо зону квадрата можно

обозначить как территорию современных Украины и Молдавии.

Казалось бы, с границами Скифии все ясно. Но такое определение ее пределов противоречит не только сведениям других античных авторов, но и дополнительной информации, приводимой самим Геродотом, который пишет: «Вся эта страна... отличается необычайно холодными зимами; здесь в течение восьми месяцев мороз такой нестерпимый, что если в это время разлить воду, то грязи ты не получишь... Замерзает море и весь Боспор Киммерийский (Керченский пролив. — *А. А.*)... Вот такая зима бывает в течение восьми месяцев непрерывно; и в остальные четыре месяца здесь холодно. Такая зима полностью отличается по своему характеру от любой зимы, которая бывает в других землях». Комментаторы этой части текста обычно говорят, что сведения о столь суровой зиме сильно преувеличены, что для эллинов, привыкших к мягкому климату Средиземноморья, Скифия была довольно холодным краем. Но объяснять фразу о восьмимесячной зиме начисто отказываются: такого в тех краях во времена скифов, мол, быть никак не могло.

Знаменитый римский поэт Овидий в своих «Печальных письмах» так описывает скифскую зиму: «Когда же печальная зима покажет свое задубелое лицо и земля станет белой от мраморного льда, когда Борей (напомним, это — северный ветер. — *А. А.*) и снег не позволяют жить под Арктом (Арктуром — самой яркой звездой Северного полушария. — *А. А.*), тогда становится очевидным, что эти племена угнетены озябшим полюсом. Везде лежит снег, и, чтобы солнце и дожди не растопили его, Борей укрепляет его и делает вечным. Таким образом, не успевает еще растаять прежний, как выпадает другой, и во многих местах он обыкновенно остается два года подряд (! — *А. А.*)... Люди защищаются от жестоких морозов шкурами животных и сшитыми

штанами, и из всего тела только лицо остается у них открытым. Волосы при движении часто звенят от висящих на них льдинок, и белая борода блестит, покрытая инеем». Страбон, в свою очередь, сообщает: «Холода этой страны, хотя ее обитатели и живут на равнинах, доказываются следующими фактами: жители не держат ослов (ибо это животное не выносит холода); быки — одни родятся безрогими, а у других отпиливают рога (ибо эта часть тела также не выносит холода); лошади здесь мелки, а овцы крупны. Здесь трескаются даже медные гири, а содержимое в них замерзает». Все эти и подобные им сведения историки, как правило, называют преувеличениями. Они стараются не обращать внимания и на присутствующее в трактате Гая Юлия Солина (III в. н.э.) «Собрание вещей достопамятных» наблюдение, что в Скифии «водятся в огромном количестве олени». Олени — животные северные, и на территории скифского квадрата заведомо не водились. Разумеется, в древние времена ареал обитания оленей не ограничивался тундрой и располагался южнее. Олень, к примеру, изображен на гербе Нижнего Новгорода, и это является важным указанием, что здесь когда-то в изобилии водились олени. Но междуречье Оки и Волги — это все-таки не южные земли.

Греческий писатель Эфор (405—330 гг. до н.э.) сообщает, что Скифия соседствовала с землей кельтов («Кельтикой»), то есть простиралась на северо-запад Европы. Ряд более поздних писателей подтверждают факт такого соседства, причем они уточняют, что разделительная линия проходила через Южную Прибалтику, восточнее Рейна. Одним из древнейших названий Балтийского моря было «Скифский океан». Академик Б.А. Рыбаков в своей книге «Киевская Русь и русские княжества» пишет: «По археологическим материалам эпохи Эфора восточный край кельтских погребений доходил до верховий Одера; далее на восток

(«за Кельтикой») начинались обширные земли праславян («Скифия»), тянувшиеся до самого Борисфена (Днепра. — *А. А.*). Настоящие скифы-кочевники в этих обзорах не выделялись. Все это, вместе взятое, позволяет сделать определенный вывод: греческие географы вскоре после Геродота определяют размещение «Скифии» не только в знакомом им Причерноморье, но и на другой стороне Европейского континента — в Прибалтике, что подкреплялось сообщениями мореплавателей о «Скифии» на берегу Балтийского моря в соседстве с кельтами (позже германцами). Осмыслить эти устойчивые определения, повторявшиеся вплоть до рубежа нашей эры (Страбон), мы можем только в том случае, если примем как достоверное, что под Скифией Эфор подразумевал как собственно скифов, так и всю полуторатысячеверстную полосу праславян, тянувшуюся в это время от Днепра до «Скифского залива».

Вывод нашего выдающегося академика можно принять лишь с одним, очень важным, уточнением. «Всю полуторатысячеверстную полосу» занимали не праславяне, а арии! Борисфениты, жившие на Днепре, — это объединенный союз борейцев (северян!) и венетов (ариев!). Гелонов (белонов), их западных соседей, также следует относить к потомкам ариев. «Одноглазые» аримаспы (т.е. поклоняющиеся богу Коло-Коляде), проживавшие севернее борисфенитов (вероятно, в верховьях Днепра и Волги), по-другому звались сколотами. Нашим летописцам аримаспы-сколоты известны как кривичи — племя местное, неславянское, но арийское. Еще севернее них, как пишет Геродот, жили гипербореи. Их территория — Русский Север, включая Кольский полуостров (названный так по имени бога Коло), а родство гипербореев с ариями не подлежит сомнению. Из всех народов, окружавших скифов, к праславянам можно отнести, пожалуй, только

Карта Скифии

невров. Славяне придут в Поднепровье позднее. Точно так же и на юге Балтики вплоть до VI в. н.э. славянских племен не было. Но там были арии — венеты и их потомки! Все эти племена были связаны между собой единством происхождения и общей культурой, поэтому в геополитическом аспекте они действительно

составляли одно целое. Здесь академик, безусловно, прав.

Другое важное утверждение Б.А. Рыбакова заключается в том, что территория, занимаемая собственно скифами (Причерноморье и часть Поднепровья), была лишь частью всей Скифии. Вследствие этого скифами могли называться и те племена — те же борисфениты, гелоны и аримаспы, которые по своему происхождению скифами не являлись. Аналогично этому «скифы-земледельцы» или «царские скифы», упоминаемые Геродотом, совсем не обязательно были теми чистокровными скифами, которые пришли в южнорусские степи. Такой вывод тем более оправдан, что пришельцы были кочевниками. Земледелию их учили местные (арийские!) народы, да и, чтобы получить статус царственных правителей среди завоеванного оседлого населения, надо было ужиться с ним и в значительной степени перенять их навыки, образ жизни и ведения хозяйства. Другими словами, скифы и арии основательно перемешались и породнились между собой за время скифского владычества. Иначе северные области современной России никогда бы не стали называть Скифией. Но когда имя «скифы» перешло на обитателей Русской равнины и Русского Севера?

Традиционная точка зрения, которую разделяет большинство ученых, предполагает, что произошло это сравнительно поздно, в первые века нашей эры. В частности, М.В. Скржинская в своей книге «Скифия глазами эллинов» пишет: «Начиная с III в. до н.э. территория расселения скифов стала значительно сокращаться вследствие внутренних причин развития скифского общества и из-за наступления с востока разных племен. Однако еще много веков название «Скифия» продолжало жить среди греков и римлян как географическое понятие, охватывающее всю Восточную Европу (! — *А. А.*)». Удивительное дело: народ «сгинул», а

память о нем разрослась до невероятных пределов. Когда скифы были в силе, страна Скифия была крошечной, но когда они сошли с исторической сцены, то название их страны распространилось на северные территории. Мы в очередной раз должны заявить, что многие наши историки не в ладах с логикой. Плиний Старший, энциклопедически образованный ученый I в. н.э., в своей «Естественной истории» писал: «Название «скифы» постоянно переходит на сарматов и германцев. Это древнее наименование закрепилось за наиболее удаленными из народов, которые живут, оставаясь почти неизвестными остальным смертным». Спрашивается: как имя «скифы» могло переходить на германцев, проживавших в то время на севере Европы, если земли Скифии, по официальной версии, не выходили за пределы современной Украины? Самое непонятное в данном случае, что та же М.В. Скржинская приводит в своем тексте эту цитату Плиния!

А как воспринимать следующий пассаж из той же книги: «Для большинства античных писателей Скифия — это символ крайнего севера, «ледяная заснеженная страна», о которой мало что известно рядовому греку и римлянину, не знающему многих трудов историков и географов. С таким образом Скифии, имеющим мало общего с реальной страной, читатель встретится у прославленных римских поэтов Вергилия, Горация, Проперция и даже у Овидия. Последнего император Август сослал в маленький городок Томы (современная Констанца в Румынии) близ границ Скифии. Но и это ближайшее соседство не позволило поэту преодолеть сложившиеся литературные стереотипы». Мысль, которую попыталась выразить историк, очень напоминает линию с разрывами. Вергилий, Гораций, Проперций и «даже Овидий» — не рядовые римляне (к чему вообще упоминать здесь о них!), эти прославленные поэты изучали труды историков и гео-

графов, в первую очередь, Геродота, писавшего о восьмимесячной зиме в Скифии. И если снежная Скифия — не более чем «литературный стереотип», то каким сведениям античных авторов вообще можно доверять? И почему Овидий, оказавшийся у самых «ворот» Скифии, продолжал пребывать в своем заблуждении относительно климата этой страны?..

Разрушая эти и подобные им построения, академик Рыбаков на основании анализа сочинения Эфора «отодвигает» северные границы Скифии IV в. до н.э. вплоть до Прибалтики. Мы, безусловно, разделяем такую позицию и в качестве дополнительного ее обоснования приведем еще одно доказательство, опирающееся уже на свидетельства Геродота.

Греческий историк, характеризуя Скифию, отмечает: «Эта страна не имеет ничего замечательного, за исключением рек величайших и многочисленных». Реки Скифии — главная ее достопримечательность. И Геродот уделяет им особое внимание, описывает довольно подробно, красочно и крайне интересно. Реки служат ему основой в рассказе о Скифии, служат ориентирами при определении границ между племенами, упоминании городов, поселений, различных географических объектов. Историк упоминает восемь крупных скифских рек. Пять из них — Истр (Дунай), Тирас (Днестр), Гипанис (Южный Буг), Борисфен (Днепр) и Танаис (Дон) — историки локализовали абсолютно достоверно. Относительно трех остальных, однако, вопрос остается открытым.

Так, о реке Пантикап Геродот сообщает следующее: «Течет он также с севера и из озера... втекает же он в Гилею (область, богатую лесами. — *А. А.*), а миновав ее, соединяется с Борисфеном». Ученые спорят, какой из притоков Днепра назывался этим именем. Одни отождествляют Пантикап с Конкой, левым притоком Днепра. Другие исследователи соотносят эту реку с Ингуль-

цем, правым притоком Днепра. На первый взгляд, для однозначного отождествления загадочного Пантикапа с какой-либо рекой данных явно недостаточно, и вроде бы практически любой приток Днепра в той или иной степени претендует на его роль. Но учтем следующие соображения:

1) Поставим себя на место Геродота и спросим: уместно ли в одном ряду с большими реками, вроде Дуная, Днестра и Дона, упоминать «ручейки» типа Конки или Ингульца? Несоответствие масштабов настолько велико, что ни один здравомыслящий автор не поставит их в один ряд. А Геродот сам признался, что будет писать только о реках «величайших».

2) Упоминаемая Геродотом Гилея — это... Полесье (Полесская низменность, охватывающая север Украины, юг Белоруссии и запад России). Это зона лесов, о чем, собственно, и говорит само название области.

Объединяя оба суждения, следует заключить, что Пантикапом Геродот называл Десну.

Еще более интересной и интригующей выглядит проблема определения двух оставшихся рек — Гипакириса и Герра. О первой известно, что она, оставляя справа от себя Гилею, впадает в море. Про вторую «отец истории» дает более полную информацию: «Герр ответвляется от Борисфена в том месте этой страны, до которого русло Борисфена известно. Ответвляется она в этой стране, а название имеет то же, что и сама страна, — Герр. Протекая к морю, она разделяет область кочевников и область царских скифов, впадает же она в Гипакирис». Насколько нам известно, никто из комментаторов Геродота не смог дать сколько-нибудь разумного решения этой географической загадки, и причина этому проста — исследователи рассматривали только те реки, которые впадают в Черное море. Но в Геродотовом тексте название моря не приводится, а зная эту подсказку, уже нетрудно сообразить, что

Герр — это Волга, а Гипакирис — Ока!

Неожиданно, не правда ли? Но давайте шаг за шагом проверим, соответствует ли наш ответ описанию Геродота.

Герр ответвляется от Днепра. На современной карте истоки Днепра и Волги находятся совсем недалеко. Но вот что интересно: на карте России, составленной Дженкинсоном в 1562 г., Борисфен (Днепр) и Волга вытекают из одного озера! Значит, еще в недалеком прошлом существовало мнение, что у Днепра и Волги истоки общие. Далее, в своем течении Волга все более отклоняется к югу («к морю»), а у Нижнего Новгорода сливается с Окой (Гипакирисом). Здесь необходимо сделать очень важное уточнение. В настоящее время принято считать, что именно Ока впадает в Волгу, и соответственно, к Каспийскому морю течет Волга. Но можно считать и по-другому, что Волга впадает в Оку. Именно такого взгляда и придерживался Геродот! Поэтому у него Герр впадает в Гипакирис, а тот, в свою очередь, в море (правда, повторимся, не Черное, а Каспийское).

Итак, географическая задача Геродота имеет простое решение. И оно совершенно ясно указывает, что и во времена Геродота пределы Скифии не ограничивались южнорусскими землями. Они простирались до истоков Днепра и Волги и даже несколько далее. Герр — Волга разделяла места проживания царских скифов и скифов-кочевников. Следовательно, царские скифы населяли заволжские просторы.

Этот наш вывод находится в решительном противоречии с общепринятой исторической традицией. Несмотря на то что ни один из исследователей не смог сказать ничего вразумительного относительно расположения геродотовского Герра, считается, что эта река протекает где-то на юге, в междуречье Днепра и Дона. Соответственно, область расселения царских скифов

неизменно помещают в Приазовье. Но это неправильно!

В своей книге Геродот уделяет значительное место рассказу о войне скифов с персами. Вот вкратце, как она протекала. Персы под предводительством царя Дария переправились через Истр (Дунай) и вторглись в Скифию. Скифы решили не вступать в открытое сражение с персами, так как соседние племена отказались им помочь. Они разделили свое войско на два отряда. К первому из них присоединились савроматы. В случае нападения персов отряд должен был отступать прямо к реке Танаису (Дону) вдоль озера Меотида (Азовское море), а если захватчики повернут назад, преследовать их. Другая, основная часть войска, также медленно отходила назад, держась на расстоянии дневного перехода от персов. Кибитки с женщинами и детьми, а также весь остальной скот, кроме необходимого для пропитания количества голов, скифы отправили вперед с приказанием все время идти на север.

Преследуя головной отряд скифской армии, персы прошли Приазовье, переправившись через Дон, вторглись в Савроматию, затем двинулись на север и, дойдя до «необитаемой пустыни», повернули на запад и снова оказались в землях Скифии. Но скифы по-прежнему отказывались вступать в открытый бой. «Так как война затягивалась и конца ей не было видно, то Дарий отправил всадника к царю скифов Иданфирсу с приказанием передать следующее: «Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует оставить бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду, вступить с ним в переговоры». На эти слова царь скифов Иданфирс ответил так: «Мое положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал от

страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил в сражение с тобой — это я также объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет» (Геродот). Где же находились отеческие могилы скифов?

На этот вопрос можно ответить предельно точно: гробницы скифских царей находились в Геррах! Но это означает, что Герры никак не могли лежать в Приазовье, так как скифы пропустили сюда персов и не вступили с ними в бой. Герры находились значительно севернее, и именно туда, под защиту предков, скифы отправили своих женщин и детей. Основная часть войска скифов отступала все время таким образом, чтобы прикрывать персам дорогу на Герры, к междуречью Волги и Оки. Геродот не упоминает о решающем сражении между двумя армиями. По его версии, царь Дарий, согласившись с советом прорицателя, принял решение о немедленном бегстве из Скифии. Но очень может быть, что сражение все-таки состоялось, и местом битвы были северные области Скифии, расположенные в непосредственной близости от могил скифских царей.

Область Герр — это район верхней Волги, выше Нижнего Новгорода. Ранее мы уже указывали, что русское имя Яр в греческом языке могло воспроизводиться как Гер (или Герр), как в именах Геры (Яры) и Геракла (Ярослава). Таким образом, название Герры следует читать как Яры. В географическом аспекте его следует истолковывать как «Холмы», но в этническом оно означает, что здесь проживали арии. Царские скифы бы-

ли ариями! Могилы их царей представляли насыпные холмы, они до сих пор не обнаружены, и происходит это, главным образом, потому, что искали их в Приазовье. В действительности священные места захоронения предков находились где-то в верховьях Волги. Да и не могло быть по-другому — ведь арийская цивилизация возникла на берегах этой реки! По нашему мнению, центром области Герры служило поселение на месте современного Ярославля. Имя этого русского города в точности совпадает с названием области Яры (Герра). Логично предположить также, что территория Герра охватывала знаменитое Золотое кольцо России, включающее Москву, а также древнерусские города Загорск, Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Кострому, Суздаль, Владимир. У нас есть все основания предполагать, что в I тыс. до н.э. здесь существовали арийские (прарусские) поселения.

Исключительно важным, на наш взгляд, является также утверждение Эфора (принимаемое Б.А. Рыбаковым), что своими северными пределами Скифия упиралась в земли кельтов. Это важнейший исторический факт, который историки стараются не замечать. Но реальная ситуация была такой, что в середине I тыс. до н. э. кельты и арии контролировали южное побережье Балтики и хозяйничали в Скандинавии. В то время никаких германцев и финнов там еще не было. Они пришли сюда позднее: в первые века до нашей эры или на рубеже эр. Германцы двигались из Центральной Европы, а финны из Приуралья. Частью этого миграционного процесса было переселение угро-финских племен — мордвы, мери, води, чуди — на север Скифии. Они приходили на земли, уже занятые к тому времени ариями. К примеру, одно из мордовских племен — эрьзя — внешне совершенно непохоже на типичных угро-финнов: среди них встречаются светловолосые и голубоглазые «арии». Само название «эрьзя» близко

к именам «арии», «росы» и «аорсы» (сарматское племя), что опять-таки свидетельствует в пользу «финно-арийского» происхождения эрьзи. В названии племени мери (и современных марийцев) нельзя не углядеть связи с именем арийской Великой богини Марии, да и само название «мордва» есть сокращенное словосочетание «Мария-Дева» («Мария-Богиня»), точно так же как название еще одного из мордовских племен — мокша — соотносится с именем древнерусской богини судьбы Мокоши.

Вторжение угро-финских племен в Скифию прервало на время прочные связи между ариями Поднепровья и Балтики (венетами). Их восстанавливали уже сарматы, расширившие границы своей державы от Азовского и Черного до Балтийского моря. Но еще несколько веков спустя на территорию современной России пришли славяне, и снова, подобно финно-угорским народам, нарушили единство северных и южных ариев (венетов-ванов). Задача нового (окончательного) их объединения легла на плечи варягов. Один из наиболее выдающихся современных историков А.Г. Кузьмин, изучая массив дошедших до нас древнерусских имен, обратил внимание, что ряд из них имеет несомненные кельтские корни. Таковы, к примеру, имена трех братьев-варягов, пришедших на Русь вместе со своими родами.

Имя Рюрика было хорошо известно в Европе по крайней мере с IV в. В различных исторических хрониках упоминаются пять «Рюриков», живших до VII в. 12 «Рориков» отмечено на территории Франции IX—XII вв. Это имя, по мнению ученого, проще всего может быть понято как отражение названия кельтского племени руриков, или рауриков (откуда французское «Рорики»). Во времена Юлия Цезаря рурики, не желая покориться римлянам, покинули обжитые места и исчезли из поля зрения римских авторов. Очень вероят-

но, однако, что они влились в число венетов, обитавших в то время в прибалтийских землях, и принесли к ним имя Рюрик. Само название «раурики» происходит от реки Рур или Руара (притоки Мааса и Рейна). Но не кажется ли вам, что имена Рур, Руара, Ра (Волга) созвучны? По-кельтски rig (rix) означало «царь, вождь», поэтому раурики — это племя, во главе которого стоит царь Рау (Рай или Яр). Опять мы находим арийский след, но он уже едва уловим. Арийская традиция, распространившись на запад, затем возвратилась на «древнерусскую почву», впитав кельтские влияния. Благодаря сообщению Эфора мы знаем, что контакты между кельтами и ариями происходили по крайней мере с IV в. до н. э. В действительности они еще древнее, поскольку арии принимали участие еще в строительстве Стоунхенджа в III тыс. до н.э. (схожесть принципов построения британского Стоунхенджа и уральского Аркаима неоспорима).

Для имени Синеус в Скандинавии нет даже приблизительных параллелей. Поэтому и появилась версия, что Синеус и Трувор — вообще не имена, а неудачное осмысление скандинавского выражения. Но параллелями им служат кельтские имена Sinaeus, Sinus, Sinicus (от sinu — «старший») и Тревор. В старофранцузском языке слово «трувор» означало поэта, трубадура, путешественника. Известны также галльские племена сенонов и треверов, которые, наряду с рауриками, боролись с римлянами во времена Юлия Цезаря. Можно предположить, что позже они влились в состав антиримской коалиции племен во главе с вандалами.

Споры вокруг норманнской теории проистекают из одного, чрезвычайно примечательного, заблуждения: русских непременно хотят вывести от славян. Это в корне неверное положение. Оно отрывает наших предков от их прародины — Русской равнины, исключает их из числа племен, обустраивавших Скифию, и

дает повод для процветания разного рода ошибочных представлений. Обсуждение вопроса о границах Скифии — реальное тому подтверждение. Перенос их к северу автоматически означает, что отнюдь не ираноязычная часть переселенцев определяла жизнь народов Скифии. Царями скифов, по крайней мере после вживления кочевников в местную среду, были арии-сколоты. И именно их потомок Рюрик (Сокольник, Соколот) пришел много веков спустя на их земли, чтобы возродить Новую Скифию — Русское государство.

Приложение 3

Исторический словарь-комментарий

Авары — народ, вторгшийся после 550 г. н.э. в пределы Юго-Восточной Азии и Центральной Европы. Принятые императором Юстинианом, они пошли против дунайских славян, угрожавших Римской империи, покорили их и основали в Паннонии свое царство. Одновременно авары вели войны против византийцев и франков. Потерпев поражение, Византия была вынуждена даже платить им дань. «Повесть временных лет» сообщает: «В то же время были и обры (авары. — *А. А.*), ходившие на царя Ираклия (византийский император, годы жизни 610—641. — *А. А.*) и едва его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и покорили дулебов — также славян, и чинили насилья женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но повелевал впрячь в телегу три, четыре или пять жен и везти его — обрина. И так мучили дулебов. Были же обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, и вымерли все, и не осталось ни единого обрина. И есть поговорка на Руси до сего времени: «Погибли как обры», — нет их ни племени, ни потомства». Начало заката могущества аварского каганата совпало по времени с разгромом их войск при Константинополе в 626 г. Впоследствии царство аваров было завоевано и уничтожено королем франков Карлом Великим (768—814). Автор полагает, что одним из его «осколков» стали предки баварцев.

Автохтоны (*греч.* — родящиеся из самой земли) — коренные жители в противоположность переселенцам.

Аланы — кочевые племена, родственные сарматам. В I в. н.э. пришли из Центральной Азии и осели на Южно-Русской равнине восточнее Дона и севернее Кавказа. В III в. неоднократно вторгались в пределы римской провинции Фракия, в 242 г. достигли стен Филиппополя (ныне Пловдив). Около 370 г. были вытеснены гуннами с их оседлых территорий

на запад. В V в. часть из них примкнула к вандалам в Галлии и Испании.

Ассирия — государство на Тигре в Северной Месопотамии с древней столицей в городе Ашшур (совр. Калъат-Шаргам). Уже в III тыс. до н.э. Ашшур был известен как крупный торговый и культурный центр. В начале II тыс. до н.э. он стал главным городом государства. Позднее оно попало в зависимость от Вавилонского и Митаннийского царств и вновь окрепло в период с XIV по XI в. до н.э. Своего наивысшего могущества Ассирийское государство достигло в IX—VII вв. до н.э., когда оно подчинило себе почти всю Переднюю Азию и временно Египет. В середине VIII в. до н.э. завоеванные области были преобразованы в ассирийские провинции. Восстания покоренного населения жестоко подавлялись; жителей провинций часто выселяли в другие районы страны. Отсутствие внутренней стабильности Ассирийского государства в конце VII в. до н.э. обеспечило успех Мидии и Вавилона в борьбе против него; в 612 г. до н.э. пала ассирийская столица Ниневия (совр. Куюнджик). Ассирия стала частью Нового Вавилонского (Халдейского) царства, а позднее Персидской империи.

Ахейцы — одно из древнегреческих племен. В начале II тыс. до н.э. заселяли северо-восточную часть Греции. В более поздние времена колонизировали всю материковую часть Греции и близлежащие острова. В ходе Троянской войны захватили западное побережье полуострова Анатолия, однако сразу же вслед за этим утратили все свои завоевания под ударами пришедших с севера дорийцев.

Бактрия — область, лежащая между реками Хиндукуш и Амударья. Главным городом области являлся Бактры Зариаспа (ныне Балх), расположенный в северной части Афганистана. Уже в древние времена Бактрия была заселена иранскими племенами. В начале VI в. до н.э. ее завоевали мидяне (арии). В середине этого же века область попала под персидское господство.

Вавилон — город на Евфрате, был столицей Древнего и Нового Вавилонского царства. Раскопки, выполненные в 1899—1917 гг. немецким археологом Робертом Кольдевеем, выявили городские укрепления, царский дворец, храмовый комплекс бога Мардука, целый ряд других храмов и жилой квартал. Одну из частей царского дворца можно с полным основанием идентифицировать с описанными Геродотом

«висячими садами» Семирамиды, с их террасными инженерными сооружениями над сводами и искусственными оросительными установками. В 538 г. до н.э. Вавилон был завоеван персами.

Галлы. Римляне называли галлами жителей позднейшей Франции, а также Италии. Современное их обозначение — кельты. В Италию кельты пришли с севера, но не из Франции. В 387 г. до н.э. они захватили Рим. Часть кельтов в первой половине III в. до н.э. осели на центральном плоскогорье Малой Азии, где их называли галатами.

Германцы. Название «германцы» галлы применяли для всех обитающих в Южной Скандинавии и Средней Европе — между Рейном и Вислой — племен. В данном случае название одного из племен было распространено на всю общность. Впервые оно появляется у Посидония (135—51 гг. до н.э.), который стал отличать германцев от кельтов. Сами германцы не имели собственного общего для всех названия. Древнейшая из известных культур германцев — культура Ясторф на нижней Эльбе и в Ютландии. Отсюда германцы продвигались в Скандинавию через Северную Германию и затем с IV в. до н.э. в течение столетий постоянно распространялись в южном направлении.

Геты — фракийский племенной союз, живший в нижнем течении Дуная, был побежден персидским царем Дарием во время его скифского похода 513 г. до н.э.

Готы — германское племя, в латинских источниках они именуются иногда готонами. В I в. н.э. проживали в низовьях Вислы. Позже ими было создано легендарное государство на Днепре. С 330-х гг. готы становятся соседями Римской империи на Нижнем Дунае. В древности их иногда причисляли к гетам и скифам, что объясняется смешением готов с местным населением Поднепровья и Подунавья.

Дорийцы — одно из основных древнегреческих племен. Согласно общепринятым представлениям, переселилось в Грецию в ходе «дорийского вторжения» — последней фазы переселения народов, которое, начиная с XIII в. до н.э., охватило бассейн Средиземного моря и достигло Центральной Европы и Передней Азии. Предполагают, что в процессе этого передвижения дорийские племена были вытеснены из их мест постоянного расселения на северо-западе Балканского полуострова.

Евреи — историческая общность людей, сложившаяся в

процессе переселения семитских кочевых племен в Палестину, происходившего, по всей видимости, на рубеже XIII и XII вв. до н.э. Религиозным ядром, вокруг которого формировалась их государственность, был строгий монотеизм — почитание бога Яхве, считавшегося также законодателем. Процесс формирования государства завершился около 1000 г. до н.э. созданием Израильско-иудейского царства. Конец их государственной самостоятельности был положен в I—II вв. н.э., когда римляне подавили восстания 66—70 гг. и 132—135 гг. С этого периода евреи существовали в диаспоре, рассеянные по всему миру; диаспора евреев началась, однако, гораздо раньше, будучи следствием ряда исторических причин.

Индоевропейская прародина. Поиски первоначальных мест обитания праиндоевропейцев ведутся в мировой науке около двух столетий. Кроме рассмотренной в книге центральноевропейской теории, существовали, и частично продолжают существовать, десятки гипотез и версий, подчас взаимоисключающих друг друга. Одной из древнейших среди них считается гипотеза происхождения индоевропейской общности из Центральной Азии. Эту теорию по праву можно назвать самой романтической, поскольку именно ее сторонники, отождествив первых индоевропейцев с ариями, наделили их превосходными душевными и физическими качествами и красочно описали их легендарные походы и подвиги.

Так, русский историк А.Д. Нечволодов писал в 1909 году в «Сказаниях о Русской земле»: «Действительно, арии выделялись из всех остальных обитателей того времени как своею силою, ростом, стройностью и красотой, так, особенно, благородством своих душевных качеств. Несмотря на то что в те отдаленные времена, за несколько тысячелетий до рождения нашего Спасителя, проповедовавшего любовь к ближнему, всюду господствовала чрезвычайная жестокость нравов, среди ариев, наряду с этой жестокостью нравов, высоко ценились и уважались и те душевные качества, которые и ныне составляют принадлежность всякого человека с благородною душою: храбрость и честность». Нечволодов выводил индоевропейцев, и среди них предков праславян и русских, с верховьев Сырдарьи и Амударьи, но это была лишь одна из разновидностей центральноазиатской теории. К другим вариантам относились закаспийские области, степи нынешнего Казахстана и Северо-Западного Китая, низовья Сырдарьи

и Амударьи, земли древней Бактрии, долины Гималаев и т.д. Из Центральной Азии воинственные арии, согласно сторонникам данной традиции, расселялись в двух основных направлениях, повсюду покоряя или ассимилируя местные племена. Первое — Иран, а затем Индия. Второе — Ближний Восток и Европа. В Европу арии двигались тремя маршрутами. Во-первых, огибая с юга Каспийское море, проходили Малую Азию и переправлялись через Фракийский Боспор. Во-вторых, они обходили Каспий с севера и попадали на Старый континент через Северное Причерноморье. В-третьих, арии, обогнув Каспий с юга, переваливали через Кавказские горы.

В 60—80-е гг. XX столетия центральноазиатская гипотеза возродилась в трудах американского археолога литовского происхождения М. Гимбутас и ее сторонников. Она выдвинула теорию «курганной экспансии» индоевропейцев из-за Нижней Волги и из Казахстана в Европу. Носители индоевропейских языков, будучи всадниками и скотоводами, вселились сюда в результате ряда вторжений («волн») в V — начале III тысячелетия до н.э. Первоначально, считает американская исследовательница, индоевропейцы были степными скотоводами с характерным курганным погребальным обрядом, воинственностью, социальным разделением, патриархальной организацией и примитивной культурой. Пришельцы покорили и растворили в своей среде доиндоевропейское население континента с его оседлым бытом, матриархатом, миролюбием, высоким уровнем ремесла и искусства.

Среди теорий, отдающих приоритет Европе, назовем также две гипотезы представителей немецкой школы об индогерманцах, как первых индоевропейцах III тыс. до н.э. Это традиция североевропейской (прибалтийской) и «нижнерейнской» прародины. Кроме того, местом исхода индоевропейцев называют и Средиземноморье, и Причерноморье.

Немало исследователей, однако, полагают, что в процессе расселения индоевропейцы освоили две, три и более прародин. Автору книги близок именно такой взгляд. Индоевропейцы, что называется, погуляли по белу свету и запомнились самым разным народам — и китайцам, и индийцам, и египтянам, и семитам, но началом их пути все-таки была Европа. На ее земли они в конце концов и возвратились!

Ионяне (ионийцы) — одна из трех главных племенных групп, наиболее однородная в территориальном, языко-

вом и культурном отношении. Ионийцы первыми переселились в Грецию. Во время и после вторжения дорийцев часть их осталась на материке, а другая переселилась на острова в средней части Эгейского моря и на западное побережье Малой Азии.

Народы моря — группа племенных объединений, вторгшихся около 1200 г. до н.э. с Балкан в Переднюю Азию через Эгейское море. Именно поэтому египтяне называли их «народы моря». Войска фараона Рамзеса III разбили нападавших на суше в Сирии и на море у входа в дельту Нила. Наиболее известные из народов моря — филистимляне, давшие название Палестине. Кроме них, в походе участвовали шакалеша (циклопы-сколоты), турша (этруски), акайваша (ахейцы), луки (ликийцы), дануна и серданы.

Сарматия. В период Римской империи — территория Восточной Европы, прилегавшая к Германии восточнее Вислы и севернее Карпат. Наряду с европейской Сарматией, имелась также Сарматия азиатская, лежавшая за Доном (Сарматские ворота на Кавказе), а также область сарматов-язигов к югу от Карпат, между Дунаем и Тисой. Сарматы — народ, кочевавший к востоку от Дона, знаменитый своими наездниками и стрелками из лука, упоминаются уже Геродотом (савроматы). Отсюда они постепенно распространились дальше на запад до низовий Дуная, вытеснив родственные им племена скифов в Крыму и прилежащей к нему Южной России. К сарматским племенам относятся роксоланы, жившие в южнорусских степях и затем на Нижнем Дунае, а также аланы.

Скифы — собирательное название племен, обитавших в древности у Черного моря, на Дону, Днепре и Дунае. Описаны Геродотом. Часть из них осела в Южной России, другие продолжали кочевать, вторгаясь в Переднюю Азию. Уже в VII и VI вв. до н.э. скифы имели прочные экономические и культурные связи с греческими городами на берегах Черного моря. Скифская конница считалась грозной силой. В 514 г. скифы отразили нашествие персов. В низовье Днепра они организовали государство, управлявшееся аристократией. Оно было поделено на самостоятельные области, жители которых занимались скотоводством и земледелием. С III в. до н.э. на скифов усиливается давление со стороны наступающих сарматов. Название «скифы» перешло впоследствии на племена сарматов и большинство других кочевников, населявших причерноморские области. Скифское искусство с его

стилизованными животными орнаментами, идущими от ранних форм мифологического мышления, оказало влияние не только на искусство Греции и римских провинций, но также на китайское, южнорусское искусство и искусство готов.

Урарту — государство, существовавшее на территории Армянского нагорья между озерами Ван, Урмия и Севан приблизительно с 900 до 600 г. до н.э. В ассирийских клинописных текстах Урарту известно под названиями Урарту и Уруатри, на урартском языке — Биайнили, в Библии — царство Арарат.

Фракийцы — общее название многочисленной группы индоевропейских племен, населявших Балканский полуостров и встречавшихся в Малой Азии. Впервые оно упоминается в «Илиаде», где фракийцы выступают союзниками Трои. К числу основных фракийских племен принадлежали геты, мизийцы, одрисы и фригийцы. В VI—III вв. до н.э. существовало самостоятельное государство фракийцев во главе с одрисами. Греки считали фракийцев дикими, склонными к пьянству варварами и искусными наездниками. Арес, Дионис и Орфей были родом из Фракии. Писатель В. Щербаков в ряде своих публикаций убедительно доказывает, что среди фракийцев существовала значительная прослойка праславян.

Франки. Название «франки» впервые упоминается в 291 г. Оно служит для обозначения морских и прибрежных разбойников и связано прежде всего с местностью к востоку от Рейна. Поскольку франкские разбойничьи отряды селились в районе устья этой реки и совершали набеги вниз по течению, франки стали собирательным названием для варваров, живших к востоку от Нижнего Рейна. Начиная с последней трети IV в. франки и германцы стали одной группой людей.

Фригия — область в центральной части Малой Азии — в XII в. до н.э. заселена фракийскими племенами, которые после падения Хеттского царства продвинулись с Балкан в Малую Азию и в VIII в. до н.э. основали свое царство (столица Гордион). В это время Фригийское царство охватывало большую часть Малой Азии; самым известным царем был Мидас, встречающийся в ассирийских текстах под именем Миты из Мушку. Фригийцы хоронили своих покойников в каменных нишах и земляных курганах; они почитали в первую очередь богиню Великую мать Кибелу (под открытым небом перед

фасадами культовых сооружений) и оказали большое влияние на греческую религию и музыку. Фригийский головной убор из сукна, закрывающий затылок и имеющий коническую форму с заостренным верхом, был перенят в Новое время якобинцами в несколько измененном виде, с висящей кисточкой. Он служил им и французским каторжникам во времена Французской революции символом свободы.

Финикийцы — впервые засвидетельствованное у Гомера население сирийского побережья. С конца II — начала I тыс. до н.э. финикийцы занимались морской торговлей, одновременно они основывали поселения по всему Средиземноморью (наиболее значительное из них Карфаген). Занимались они и производством пурпура, стекла, обработкой металлов, строили корабли.

Халдеи — арамейское племя, которое в 612 г. до н.э. при Навуходоносоре в союзе с мидийцами свергло ассирийское господство и основало Новое Вавилонское царство. Мидийская жреческая каста магов и халдейские жрецы считались в античные времена представителями ближневосточных тайных учений, поэтому их имена заимствованы античной астрологией и магией.

Хетты — заимствованное в Ветхом Завете название племен и народов, населявших Сирию и юго-восток Малой Азии в I тыс. до н.э. В настоящее время название «хетты» применяется для обозначения индоевропейских носителей государства Хатти, возникшего в 1700 г. до н.э. в центральной части Малой Азии. Столицей государства была Хаттуса (совр. Богазкей, 150 км юго-западнее Анкары).

Литература

Абрашкин А.А. Древние росы. Мифологические параллели и пути миграций. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1997.

Абрашкин А.А. Чудо-Юдо: история одного перевоплощения. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999.

Авеста в русских переводах (1861—1996). СПб.: Журнал «Нева» — РХГИ, 1997.

Агбунов М.В. Путешествие в загадочную Скифию. М.: Наука, 1989.

Арриан. Поход Александра. М.: Миф, 1993.

Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Тт. 1—3. М.: Индрик, 1994.

Баландин Р.К. Кто вы, рудокопы Росси? М.: Знание, 1990.

Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб.: 1999.

Бенедиктов Н.А. Русские святыни. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998.

Библия. М.: Изд. Патриархии, 1983.

Бикерман Э. Хронология древнего мира. М.: Наука, 1975.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М.: Мысль, 1974.

Бушков А.А., Буровский А.М. Россия, которой не было. Русская Атлантида. М.: Олма-Пресс, 2000.

Былины. М.: Современник, 1986.

Бэшем А. Чудо, которым была Индия / Перевод с английского. М., 1977.

Бьювел Р., Джилберт Э. Секреты пирамид. М.: Вече, 1998.

Великая Скифия. М.: Метагалактика, 2000.

Великовский И. Эдип и Эхнатон. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Великовский И. Народы моря. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Великовский И. Рамзес II и его время. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Вильхельм Г. Древний народ хурриты. М.: Наука, 1992.

Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: Леан-Аграф, 1996.

Власова М. Новая абевега русских суеверий. СПб.: Северо-запад, 1995.

Вогэн А.К. Этруски. М.: Крон-Пресс, 1998.

Волошина Т.А., Астапов С.Н. Языческая мифология славян. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Всемирная история. Тт. 1—8. Минск: Литература, 1996.

Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Росский каганат и остров русов // Славяне и русь. М.: Наука, 1999. С. 456—481.

Гальфрид Монмутский. Истории бриттов. М.: Наука, 1984.

Гарднер Л. Чаша Грааля и потомки Иисуса Христа. М.: Вече, 2000.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988.

Геродот. История. М.: Ладомир, 1993.

Гибель России. М.: Метагалактика, 1999.

Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: Вост. лит-ра РАН, 1996.

Гобарев В.М. Предыстория Руси. Части I, II. М.: Менеджер, 1994.

Гомер. Илиада. Л.: Наука, 1990.

Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: Русский купец. Братья славяне. 1995.

Гудкова А.В. Группа венедов в низовьях Дуная // Славянская археология. М.: Наука, 1993.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.

Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. СПб.: Абрис, 1994.

Гумилев Л.Н. Хунну. СПб., 1993.

Гуриттейн А.А. Извечные тайны неба. М.: Просвещение, 1984.

Гуляев В. Слово о Будинии / На суше и на море. М.: Мысль, 1969. С. 554—564.

Гусева Н.Р. Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория. М.: Белые альвы, 1998.

Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992.

Грузинские народные сказки. Тбилиси. М., 1992.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1—4. М.: Прогресс. Универс, 1994.

Демин В.Н. Загадки русского Севера. М.: Вече, 1999.

Демин В.Н. Тайны земли Русской. М.: Вече, 2000.

Диакон Л. История. М.: Наука, 1988.

Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х томах. М.: Мысль, 1972.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. М.: Логос, 1999.

Дюрант В. Жизнь Греции. М.: Крон-Пресс, 1997.

Дюрант В. Цезарь и Христос. М.: Крон-Пресс, 1995.

Жак К. Египет великих фараонов. М.: Наука, 1992.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.

Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901—1913 гг. М.: Индрик, 1994.

Иванчик А.И. Киммерийцы. М., 1996.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб.: Аллетейя, 1997.

Истомина Э.Г., Николаев А.Н. Валдай. Л., 1988.

История Древней Греции. СПб.: Полигон, 1999.

История Древнего мира. Т. 1. Ранняя древность. М.: Главная ред-я восточной лит-ры, 1982.

История Древнего мира. Т. 2. Расцвет древних обществ. М.: Главн. ред-я вост. лит-ры, 1989.

Казанцев Н.Н. О происхождении теонима «Гера» // Палеобалканистика и античность. М.: Наука, 1989.

Калевала. Королевские руны. Л.: Гослитиздат, 1956.

Книга тайн. М.: Об-во по изучению тайн и загадок Земли. М., 1991.

Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории. СПб.: Андреев и согласие, 1995.

Кожинов В.В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М.: Чарли, 2000.

Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Кузнецов Е.В. Славяне и русы: очерки по истории этногенеза (IV—IX вв.). Изд-во ННГУ, 1997.

Кузнецов Е.В. Древние русы: миграции. Вып. 1. Арзамас: АГПИ, 1999.

Кузьмин А.Г. Руги и русы на Дунае // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996.

Кузьмин А.Г. Одоакр и Теодорих. В сб.: Дорогами тысячелетий. М.: Мол. гвардия, 1987.

Кузьмин А. Неравное равенство // Молодая гвардия. 1994. № 1. С. 198—203.

Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М.: Наука, 1982.

Ларичев В.Е. Мир фантастический, мир реальный // Знание-сила. 1980. № 3.

Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. М.: Энигма, 1996.

Левандовский А. Карл Великий. М.: Соратник, 1995.

Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996.

Лесной С. Откуда ты, Русь? Ростов-на-Дону: Донское слово, Квадрат, 1995.

Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энц-я, 1990.

Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996.

Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. М.: Высшая школа, 1989.

Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки. М.: Пангея, 1995.

Мифы народов мира. Тт. 1—2. М.: Сов. энц-я, 1982.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: 1985.

Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Т. 1. М.: Русская энц-я, 1991.

Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М.: Белый волк, 1999.

Новиков Н.В. Образы восточнославянской сказки. Л.: 1974.

О происхождении богов. М.: Сов. Россия, 1990.

Обрядовая поэзия. М.: Современник, 1989.

Откуда есть пошла Русская земля. Века VI—X. Кн.1—2. М.: Молодая гвардия, 1986.

От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб.: Центр Петербургское востоковедение, 1997.

Петухов Ю.Д. Дорогами богов. М.: Мысль, 1990.

Петухов Ю.Д. Колыбель Зевса. М.: Метагалактика, 1998.

Плетнева С.А. Хазары. М.: Наука, 1986.

Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб.: Наука, Ювента, 1994.

Полный церковнославянский словарь. М.: Изд. отд. Московского Патриархата, 1993.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.

Размышления о России и русских. Вып. 1, 2. М.: АО «Правда Интернэшнл», 1996.

Рак И.В. Мифы Древнего Египта. СПб.: Петро-риф, 1993.

Ригведа. Мандалы I—IV. М.: Наука, 1989.

Ригведа. Мандалы V—VIII. М.: Наука, 1995.

Русский демонологический словарь. СПб.: Петербургский писатель, 1995.

Русские народные сказки А.Н. Афанасьева. Тт. 1—3. М.: Худ. лит-ра, 1957.

Русь и варяги. М.: Метагалактика, 1999.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М.: Наука, 1993. С.192—234.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988.

Сахаров А.Н. «Мы от рода русского». Л.: 1986.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Тт. 1—2. М.: Вост. лит-ра РАН, 1994.

Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас: АГПИ, 1993.

Скрижинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб.: Алетейя, 1998.

Славяне и Русь: Проблемы и идеи. М.: Флинта, Наука, 1999.

Славянская мифология. М.: Эллис Лак, 1995.

Славянская мифология. Словарь-справочник. М.: Линор и совершенство, 1998.

Словарь античности. М.: Прогресс, 1989.

Словарь русских личных имен. М.: Русские словари, 1995.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 2. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1959.

Солоневич И. Народная монархия. М.: Феникс, 1991.

Страбон. География. М.: Ладомир, 1994.

Тацит К. Сочинения в 2-х томах. Л.: Наука, 1969.

Терехин Л. Шкурка белки — дань или гиль? // Литературная Россия. 1994. № 21.

Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. 1. М.: Наука, 1989.

Тулаев П. Венеты: предки славян. М.: Белые альвы, 2000.

Успенский Б.А. Экспрессивные выражения и культ матери-земли // Язык и природа. М.: Знание, 1989.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1—4. СПб.: Азбука, 1996.

Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб.: Алетейя, 1995.

Фукидид. История. Л.: Наука, 1981.

Хомяков А.С. Сочинения. Т. 1. М.: Медиум, 1994.

Цезарь Ю. Записки Юлия Цезаря. М.: Ладомир-Наука, 1993.

Церен Э. Библейские холмы. М.: Правда, 1986.

Шамбаров В.Е. Русь: дорога из глубин тысячелетий. М.: Алетейя, 1999.

Шилов Ю.А. Прародина ариев: история, обряды и мифы. Киев: Синто, 1995.

Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 1997.

Щербаков В.И. Века Трояновы. М.: Просвещение, 1995.

Эмери В.Б. Архаический Египет. Пингвин Букс, Лтд.

Этруски: италийское жизнелюбие. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

Jobes G. Dictionary of mythology. Folklore and symbols. V. 2. N.Y., 1962.

Rogers R.W. Cumeiform Parallels of the Old Testament. 2nd ed., New York and Cincinnati, 1926.

Оглавление

От автора 5

Часть I. ДОРОГАМИ РУССКИХ БОГОВ

Глава 1. О метаистории, русском духе и перевозчике Кие . . . 9
Глава 2. Баба-Яга — Великая богиня 24
Глава 3. Кощей-курет 43
Глава 4. Марья Моревна и Ярила 63
Глава 5. Иван-не-дурак 85
Глава 6. Белбог, Купала и Сивка-Бурка 103
Глава 7. Коляда и Лихо 118
Глава 8. Яр-Тур и Кентавр-Китоврас 136

Часть II. НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЕ ИСТОЧНИКИ

Глава 9. Египет и Русена 149
Глава 10. Месть мужиков за гибель Русены. Ваны Урарту и киммерийцы-казаки 172
Глава 11. О законе «Rta-Рода» и маршрутах расселения ариев 194
Глава 12. Арии в Древней Греции 225
Глава 13. Этруски-расены и их миграции 244
Глава 14. Скифо-арийский диалог 268

Часть III. «О РУСЬ, ВЗМАХНИ КРЫЛАМИ...»

Глава 15. Сармато-готский период древнерусской истории 289
Глава 16. Русские в эпоху Великого переселения народов 308
Глава 17. Про хазар, азовских русов и страну Вантит 329
Глава 18. Русские сказки о нашествии хазар 351

Глава 19. Русские на Балтике. Князь Рюрик и проблема варягов 383
Глава 20. Русские и славяне 412

Вместо эпилога 429

Приложение 1. О загадке осевого времени 438
Приложение 2. Где проходили границы Скифии? 447
Приложение 3. Исторический словарь-комментарий 463
Литература 471

Анатолий Абрашкин

АРИЙСКИЕ КОРНИ РУСИ

Предки русских в Древнем мире

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *С. Лях*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор О. Левина

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495)745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 31.03.2009.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 25,2.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 4902197

Отпечатано на ОАО "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

***По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями*** *обращаться в ООО «Дип покет»*
E-mail: **foreigneller@eksmo-sale.ru**

International Sales:
International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreigneller@eksmo-sale.ru

***По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,***
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

***Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:***
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

***По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.***

Эта книга перевернет все ваши представления о прошлом.

Это – радикальный пересмотр места и роли русской нации в историческом процессе.

Это – подлинная предыстория Руси.

Автор возводит этноним «русы» («росы») к имени исполнителей религиозных гимнов в арийской традиции, прослеживая происхождение русского народа с момента выделения ариев из среды индоевропейских племен в V–IV тысячелетиях до н.э. и вписывая древнерусскую историю в контекст общемирового развития начиная с эпохи Шумера и Древнего Египта.

В книге подробно рассмотрены родословные русских богов (Бабы-Яги, Ярилы, Коляды, Ивана, Марьи и др.) и мифологические параллели, обозначавшие маршруты расселения ариев, а также многие спорные вопросы образования Русского государства, предыстории Киевской и Азовской Руси, хазарской проблемы и пресловутой «норманнской теории».

интернет-магазин
OZON.ru
25607427

ISBN 978-5-699-32690-7
9 785699 326907 >